

Кристина
Юраш

СЕЛФИ НА ФОНЕ ДРАКОНА

Annotation

Незабываемый отпуск блондинки – системного администратора (очень ква-ква-квалифицированного специалиста) в другом мире.

Неправильно сформулированное желание – и вуаля! Теперь я вешу 156 кг. А всего лишь хотела найти того, кто полюбит меня за богатый внутренний мир! Что ж, долой комплексы! Вперед, навстречу приключениям! Нужно хватать быка за рога, кота за тестикулы и удачу за хвост! У меня нет ничего, кроме моего чувства юмора и смекалки. Ну, держись, мой принц, я скачу к тебе на белом коне!

- [Содержание](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)

Содержание

Кристина Юраш

Селфи на фоне дракона

Серия «Девушка без права на ошибку. Звезды юмористического фэнтези»

© К. Юраш, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

Блондинка-сисадминка

Отдохнул сам – дай отдохнуть другим.

Народная мудрость

Знаете, чем хороший отпуск отличается от плохого отпуска? Так вот, плохой отпуск начинается со звонков. Первый звонок раздался в двенадцать часов дня, стоило мне отойти от офиса на расстояние вытянутой руки. Звонила главный бухгалтер Галина Андреевна. Ее можно назвать «эталонем бухгалтерии» и отправить в палату мер и весов, дабы показать, как должна выглядеть бухгалтер строительной фирмы. Небольшого роста, с ярко накрашенными губами, которые она то и дело поджимала, когда разговаривала с простыми смертными. Ее прическа была похожа на одуванчик, и казалось, что порыв ветра сдует ее вместе с головой. Разговаривала она скрипучим голосом и имела дурную привычку, которая очень пугала наших директоров. Дабы подчеркнуть свою важность, она брала любую бумажку, где есть цифры, и, поправляя очки в роговой оправе, тыкала в произвольное место, а потом голосом с легким оттенком угрозы произносила: «Пять лет тюрьмы!» Этот аргумент срабатывал удивительным образом. Даже заклинание из древней книги колдовства и магии не имело бы такого воздействия, как эта сакральная фраза. И сразу же все начинали бегать, а она, удовлетворенно смотрела на мышиную возню, сжимая в цепких лапках очередной «очень важный и очень нужный приказ». Если бухгалтер набрала твой номер, будь готов выслушать все, что она тебе скажет, ни в коем случае не перебивая, пусть даже весь ее словопоток, неумолимый, как диарея, не имел отношения к вопросу. Глядя на знакомый номер на экране телефона, я понимала, что брать трубку мне совершенно не хочется. Ноги сами припустили в сторону остановки. Отдалившись на безопасное расстояние, я все-таки приняла вызов.

– Аллеу... Аллеу... Серафима, вы не помните, куда у нас сохраняются

файлы? Я сохраняю в 1С-формате, а они у меня куда-то деваются. Вроде бы на рабочий стол сохраняю, но там нет файла... Я сто раз проверяла...

– Обновите рабочий стол. Нажмите правую кнопку мышки и там увидите слово «обновить», – мрачно прокомментировала я, мысленно представляя заваленный файлами и папками рабочий стол главбуха, где сам черт ногу сломит.

– Ой, Симочка, спасибо тебе огромное. Я тут их штук пять нахохранила... Удачного отпуска! – радостно заскрипела Галина Андреевна, бросая трубку.

Из ее уст пожелание удачного отпуска звучало хуже, чем проклятье древней ведьмы... Я иногда подозреваю ее в связи с нечистой силой, причем небезосновательно. Стоит ей похвалить чью-то кофточку, как в течение получаса на нее прольется кофе или попадет пепел от сигареты, прожигая огромную дыру. Стоит ей как бы невзначай заметить, что ты выглядишь сегодня просто отлично, как у тебя, словно Везувий, надувается подкожный прыщ или обостряется аллергия. То же самое касается и других аспектов жизни. Понравившаяся ей кружка бьется, телефон, который она похвалила, падает и разбивается, причем так «удачно», что восстановлению не подлежит. Как ее терпят в семье и распространяется ли столь сильное колдунство на ее домочадцев, мне неизвестно... И вот теперь, после ее пожелания, я поняла, что отпуск сулит мне много приключений, которые приятными может назвать только законченный мазохист.

Я – простой сисадмин. Странно, не так ли? Обычно при слове «сисадмин» представляешь себе бородатого мужика с проводкой в зубах и в драной футболке с застиранной надписью на английском языке не всегда приличного содержания. Но я действительно сисадмин. Причем блондинка. Так получилось. Когда я пришла по объявлению в строительную фирму ООО «Промстройторгсервис», то директор долго не мог прийти в себя от хохота. Он даже переспросил меня, мол, вы не ошиблись вакансией? Им, оказывается, нужен еще и секретарь. Секретарем быть мне не хотелось. Терпеть не могу готовить чай и кофе посетителям и выполнять тупые приказы из категории: «Симочка, ты не видела бумажку, которую я в том году приносил из налоговой? Я ее сюда положил... Как сейчас помню!» В итоге из двух зол пришлось выбирать меньшее.

Я отрицательно покачала головой, давая понять любителю анекдотов про блондинок, что я с техникой очень дружна. Настолько дружна, что решила попробовать себя сисадмином. Пока я рассказывала о себе, судя по выражению лица моего будущего босса, он вспомнил все пресловутые анекдоты, включая парочку очень неприличных.

– Вообще-то на эту вакансию мы ищем мужчину... – промямлил шеф. Еще один дружок сидит в плену стереотипов.

– Одну минутку. Сейчас в Таиланд сметаюсь, сделаю операцию по смене пола и быстро переделаю документы. Имя Серафим вас устроит? – съязвила я. – Я мигом! До которого часа у вас тут рабочий день? До шести? Отлично! Как раз успею.

В этот момент я серьезно разозлилась и спросила напрямую, есть ли проблемы на его компьютере. Шеф помялся, помолчал, а потом стыдливо повернул ко мне экран, где красовался баннер по увеличению «хрена» на пятнадцать сантиметров без операции за десять дней. Как мило!

Знакомая штука. Плавали – видели. Шеф изучал мое декольте и оценивал мою фигуру, как озабоченное жюри на конкурсе «Мисс Волчегонск – 2014». Судя по его довольному виду, я набрала неплохие баллы, но, чтобы выйти в финал, мне нужно было бы переговорить с ним с глазу на глаз. Ха! Облизнется. Мужчины с большим кошельком и маленькой «проблемой, требующей увеличения на 15 см», меня не интересуют. Может быть, я принца жду... Да! На белом коне!

– Антивирусник давно обновляли? – поинтересовалась я, с омерзением рассматривая загаженный файлами рабочий стол.

– А я его и не ставил... Говорят, что он сильно подгружает систему, – с чувством гордости за свои глубокие компьютерные познания заявил шеф. Пока мы разговаривали, он пытался свернуть пасьянс «Паук», но компьютер жутко тормозил и никак не реагировал на его конвульсивные клики. Когда пасьянс соизволил закрыться, на весь экран вылезло окно Youtube и ролик «ТОП-100 лучших приколов недели! Подборка 18+». Сразу видно, товарищ серьезной работой занят, а я тут по объявлению приперлась.

Я сразу же отобрала его мышку и начала показывать чудеса, сворачивая и закрывая кучу окон сомнительного содержания.

– Понятное дело... – кивнула я. – Антивирусник – вещь вообще ненужная. Зачем? Систему подгружает, обновления требует, толку никакого, ну кроме как вирусы удалять.

Я начала скачивать последнюю версию своего любимого халявного антивира. Тут же запустила сканирование. Если сканирование не поможет, придется смотреть в диспетчере, какой процесс вызывает это непотребство и где засел злополучный «увеличитель».

– Расплодилось вирусов, – лепетал шеф, понимая всю абсурдность ситуации. – Так главное, что я только по работе и смотрю. Вот недавно зашел на сайт с законодательством, как потом вдруг...

Ай-ай-ай! Еще расскажи мне, что на государственном портале поймал «трояна» и пять «червяков». погоди, сейчас «Доширак» с ушей сниму и приправкой сверху посыплю. Антивирусник нашел сорок два вируса, которые я тут же удалила. Компьютер стал работать заметно быстрее, но «увеличитель» так и не исчез... Быстро вызвав диспетчер задач, я пробежала глазами все процессы и увидела нужный. Через пять минут я выставила в системном файле вируса количество показов на 0. Перезагрузив компьютер, я предъявила результат шефу, который вздохнул с облегчением и сказал: «Завтра к девяти на работу. И не опаздывайте!»

Как выяснилось, на фирме все были с компьютером на вы, разве что жертвоприношения ему не делали. Любовь к технике дошла до того, что разговаривали с оргтехникой как с живой: «Ну включайся, миленький», «Ну чего ты виснешь?», «И куда мы сохранили файл?» Компьютер у главного инженера заводился с пинка по процессору. От следов многочисленных ударов на корпусе остались заметный след и вмятина. Судя по выражениям, его звали не иначе как «говнюк» и «груда металлолома». В бухгалтерии принтер печатал через раз, выдавая ошибку за ошибкой. Его ласково называли «Епсон» и даже, исходя из уверений бухгалтерш, каждую неделю ему исправно «чистили соплю». В отделе сбыта никогда не чистили ни временные файлы, ни корзину, наивно удивляясь тому, почему компьютер работает, как эстонский ленивец. Его нежно прозвали «Тормоз», хотя бедняга был совсем не виноват. Но кто докажет?

С первого дня работы я почувствовала себя львом Бонифацием, который показывал фокусы маленьким африканским ребятишкам. Стоило отойти хотя бы на метр, как снова: «Не печатает», «Виснет», «Не открывает». Поэтому уже через неделю я почувствовала, что название книги «Десять негритят» вкупе с милой детской песенкой – это не просто детский шлягер, а потенциальное руководство к действию.

Через месяц мой авторитет в глазах фирмы вырос настолько, что мне уже тащили домашние ноутбуки, нерабочие флешки и прочую ерунду, чтобы я «посмотрела». За «смотрины» мне платили чаем, кофе, шоколадом... В моем столе образовалась целая гора «подношений» за переустановленную систему, обновленные драйверы, восстановленные флешки и прочую мелочь. Через год, когда дела у фирмы пошли очень плохо и встал вопрос о сокращении, сократили помощника бухгалтера, а я, как «очень нужный человек», осталась сидеть на своем месте, попивая трофейный кофе. Правда, у всего этого была и обратная сторона медали. Незаменимость. В отпуск меня не пускали под любым предлогом,

очевидно, боясь, что во время моего отсутствия что-то выйдет из строя. Окончательно озверев, мне пришлось заявить, что, если и в этом году у меня не будет отпуска, я уволюсь к чертям собачьим, а напоследок подкину парочку вирусов из моей личной коллекции. Слова «уволюсь» и «вирусы» действовали не хуже колдунства главбуха. Никакой коллекции вирусов у меня в помине не было. Не люблю я собирать всякую дрянь. Но слово «вирус» вызвало такой трепет, что через час я держала в руках долгожданный приказ на отпуск, подписанный дрожащей рукой моего директора. Разумеется, среди работников мышки и клавиатуры началось нытье, мол, что они будут делать, если вдруг с компьютерами что-то произойдет. Я объяснила, что существуют специальные программки, которые позволяют дистанционно решать проблемы. Ой, зря я это сказала! У народа началась самая настоящая паника. Теперь они были точно уверены, что спецслужбы всех стран мира следят за тем, как ООО «Промстройторгсервис» ведет документацию и чем занимаются сотрудники пресловутого предприятия в рабочее время. Мне понадобилось около часа, чтобы объяснить им, что доступ подобным образом, как и секс, предусматривает взаимное согласие, что немного успокоило взволнованную аудиторию.

И вот теперь я еду домой паковать чемоданы и ждать поезда, который ровно в шесть тридцать отправит мое уставшее от сидячей работы тело на юга. Второй звонок с работы застал меня в процессе сборов. Прижимая телефон плечом к уху, я пыталась застегнуть молнию на сумке, лихорадочно вспоминая, бросила ли я туда купальник? Проводить раскопки в недрах этого чудовища мне не хотелось. Через сорок минут мне должна позвонить подруга, с которой мы договорились ехать вместе навстречу морскому прибою и «па-а-ахлаве медовой, с орешками». А на другом конце города и трубки плакала Иришка из отдела снабжения, которая умудрилась «случайно удалить» папку с накладными, но в корзине ее не обнаружить. Я быстро вспомнила ее компьютер, и тут же меня осенила мысль, что она, возможно, просто «случайно перетащила» ее в соседнюю папку, и попросила проверить там. Судя по внезапному радостному визгу, я могу спокойно участвовать в битве экстрасенсов. Бинго! Папка нашлась. Я выдохнула с облегчением и решила посидеть на дорожку, а заодно утрамбовать собой содержимое чемодана.

Машка должна была позвонить два часа назад, а теперь я снова слышу уже изрядно надоевшую мне фразу «абонент разговаривает». Зная Машку, разговаривать она может и три, и четыре часа подряд, пока ухо не приклеится к экрану, а батарея не разрядится в хлам. Стоило психануть и

бросить телефон в карман, как тут же услышала знакомую мелодию, а на экране высвечивается лучшее селфи Машки.

– Серафимочка, дорогая моя... Тут такое дело...

Как только я слышу фразу «тут такое дело», я сразу понимаю, что дела принимают очень скверный оборот. Я уже приготовилась к самому худшему, и, как выяснилось, не зря... Оказывается, Машка, будучи натурой легкомысленной, решила договориться по поводу размещения своего кота у родителей в последний момент. Так сказать, за пять минут до весны. А родители, вместо того чтобы ждать звонка любимой дочурки, умотали на дачу за тридевять земель, дабы приобщиться к «тяпке и сапке», а также к «поливу и прополке», заодно насладившись деревенской природой. Машка, разумеется, забыла о том, что родители уезжают, наивно полагала, что еще успеет вручить им своего кота с пакетом особого корма «для взрослых кастрированных и стерилизованных котов и кошек длинношерстных пород, с витаминами на все буквы алфавита». Когда-то мне тоже выпала честь быть «нянькой» для ее котяры. Это было чуть больше года назад. Машка решила провести неделю со своим очередным бойфрендом где-то на берегах райского острова, разумеется, за его счет. И мне был вручен пакет «кошkokорма» с описанием суточной нормы потребления и рекомендациями по уходу. Первые два дня я взвешивала корм на весах, которые сдуру приобрела для такого случая, глядя на страдающего от недоедания кота со звучным именем Фидель. Кстати, имя котофею придумала я, чем очень горжусь. Известный кубинский лидер умер бы от зависти, если бы знал, какой санаторий строгого режима ждет его пушистого тезку в моей однокомнатной квартире, однако немного бы занервничал, понимая, что, кроме «жрать и спать», других кошачьих радостей котейке больше не видать, как своих тестикул. Когда моя рука в очередной раз насыпала ему корм, кот посмотрел на меня так, как смотрели жертвы инквизиции на монахов-иезуитов. Чисто из-за страха, что больше ничего ему не обломится, котишка обреченно и вяло начал давиться кормом. Я тут же вошла в его положение. На следующее утро страдалец обнаружил в своей миске рыбу. Кот с ужасом смотрел на рыбу, подозрительно нюхая, словно боясь, что это просто сон. И в этот момент я поняла, что Машка, кроме как кормом, Фиделя ничем не балует. Проникшись кошачьим горем, я быстро познакомила его с «нормальной кошачьей едой». Кот заметно ожил. Но счастье длилось недолго. Вернувшаяся Машка тут же забрала его вместе с клеткой, заявив, что за время ее отсутствия котейка отощал и полинял. Она утащила Фидельчика, приговаривая, что дома даст ему его любимый корм, который тетя Сима

почему-то израсходовала не весь, что очень подозрительно. Видать, тетя Сима пожадничала для пушистика. Фидель смотрел на меня такими глазами, что кот из «Шрека» заплакал бы от зависти. Больше мне животное не доверяли.

И вот теперь Машка плачет в трубку, пытаюсь надавить на жалость, чтобы я нашла знакомых, которые возьмут котейку на содержание. И желательно быстро. Минут за пять.

– Машенька, солнышко, ты же у нас юрист? Подскажи мне, сколько дают за убийство в состоянии аффекта? – спросила я нежным голосом, чувствуя, что сейчас лично приеду и задушу сначала Машку, а потом Фиделя. Эту красавицу – за дело, а котейку – чтобы не мучился.

– Много... Ну подумай, может быть, кто-нибудь из знакомых готов взять котейку на две недельки... Я корм дам... Покупать его не надо! – жалобно протянула Машка, понимая, что дело принимает скверный оборот.

Перебрав в уме всех знакомых и полужнакомых, я поняла, что затея обречена на провал. В итоге Машка сдала свой билет, и, пожелав мне обиженным голосом «хорошо отдохнуть», отправилась кормить Фиделя.

Да... Начало для отпуска просто замечательное... Никогда я не ездила отдыхать одна. В детстве я всегда ездила на море с родителями, немного повзрослев – с друзьями, а теперь я сижу на вокзале, прямо на своем фиолетовом чемодане, в гордом одиночестве, прекрасно понимая, что никто даже не придет меня проводить. Я люблю одиночество гораздо больше шумных компаний, но путешествовать одной мне еще не доводилось. Сразу же возникло горячее желание сдать билеты и провести выходные за монитором, поедая чипсы и прочую дрянь. Но отступить было некуда. Я знаю, что стоит мне остаться в городе, как меня вызовут на работу в связи с очередной «глобальной проблемой» на локальном компьютере. Определенно, нужно сматываться. И желательно подальше.

И вот гундосый голос с истеричными нотками и «фефектами фечи» объявил, что мой поезд прибыл на третью платформу, сообщив при этом, что нумерация вагонов начинается с головы поезда.

Чемодан подпрыгивает на каждой кочке и ступеньке, а я, как образцовый пассажир, спускаюсь в переход. Полоса препятствий была успешно преодолена на адреналине. Считая вагоны, минуя счастливые семьи с надутыми заранее матрасами и торчащими из челночных сумок зонтами, я залезла в свой вагон, выдыхая и успокаиваясь. Теперь поезд без меня не уедет. Главное, что паспорт не забыла! И билет. Минуя торчащие с верхних полок ноги, переступая через сумки, заполонившие проход, вдыхая запах копченой курицы и сваренных вкрутую яиц, я почувствовала

вибрацию телефона в своем кармане.

На моей полке лежал свернутый рулетом матрас, а напротив меня расположилась компания командированных, занявших целую секцию плацкарта. Для того чтобы понять, что это не семейные пары, мне понадобилась всего пара минут. Плюгавого вида мужичок в дырявых носках, удивительно низкорослый, с трехдневной щетиной, усатый доходяга, длинный, как шпала, в застиранной майке, и две мадам, которые, очевидно, кушали по принципу «кто больше?» предыдущие лет пять. Мысленно я прозвала их Бегемотиками, а мужичков, соответственно, Прыщ и Дрыщ.

Пока я набирала номер шефа, который настойчиво мне звонил целых пять раз, Прыщ и Дрыщ достали термос. В дешевом китайском термосе, судя по довольному кряканью, был явно не чай. Бегемотики тоже решили приобщиться к прекрасному, громко хрустя огурцами.

Тем временем я разговаривала со своим начальником, чувствуя, как поезд медленно трогается с места, а за окном тянется перрон с вереницей провожающих. Шеф, оказывается, умудрился перепутать шнур от принтера со шнуром от жесткого диска, наивно вопрошая, почему принтер «Хулит» не печатает? Эта проблема отняла у меня минут пять, а поезд тем временем набирал скорость, оставляя позади унылые пейзажи родного города. Шесть часов. Рабочий день окончен. Ура! Теперь можно спокойно отдыхать.

Я, изрядно уставшая и злая, быстро разложила старый матрас, застелив его влажной простыней и погрузилась в увлекательное чтение недавно скачанной книги. На том и уснула. Даже не помню, до чего я там дочитала. То ли он ее. То ли она его. То ли жизнь их. Неважно...

Проснулась я от странного шума и увидела, хм... чью-то необъятную корму, обтянутую пестрыми штанишками, так горячо любимыми дамами «с формами». Оказывается, Бегемотикам наскучила попойка, и они решили забраться на верхние полки. Принципиально. На верхние полки. И теперь Прыщ пытается затолкнуть необъятную тушку одной из мадам наверх. Прямо Цирк дю Солей. Природу не обманешь... Мне показалось, что рядом со мной сидит призрак Исаака Ньютона и плачет, глядя на то, как хлипкий мужичок краснеет под тяжестью необъятной красоты. Но в итоге Прыщ поднатужился и победил. В этот момент в моей голове прозвучала мелодия бессмертной группы «Queen». Порадовавшись чужой победе, я повернулась на бок и снова уснула.

Проснулась я рано утром, что мне явно несвойственно. Едва продрал глаза, я тут же вспомнила, что еду отдыхать. Моему сонному взору предстала грустная картина. За столиком командировочных сидели трое.

Четвертого не было. Бегемотики выглядели растерянными, а Прыщ вообще поник. Они вполголоса обсуждали ночное происшествие. Пока я мирно сопела на своей полочке, праздник затянулся до глубокой ночи, и Дрыщ решил сбегать за добавкой. Со словами: «Я знаю, что поезд здесь стоит полчаса», метнулся за дополнительной порцией горячего. Поезд тронулся, и через пять минут у компании началась паника. Мужичок ушел без телефона, в семейных трусах и сланцах, имея в кармане двести рублей. Всю оставшуюся дорогу командированные молча паковали сумку пропавшего на безвестном полустанке героя. Я так и не узнала о судьбе бедолаги...

В открытое окошко подул морской бриз, и это сразу же подняло мое настроение. Вообще, когда я путешествую в одиночестве, я сразу начинаю воспринимать все происходящее, как компьютерную игру. Некто дает мне квест, который я должна выполнить любой ценой. Интересная философия, не так ли? Но мне помогает. В этот момент я не отвлекаюсь на всякую чепуху, не стесняюсь спрашивать у прохожих, быстро ориентируюсь на местности. Пусть мне говорят о том, что от компьютерных игр тупеешь. Фигня! Я-то знаю, что благодаря навыкам, приобретенным в РПГ, я могу сориентироваться где угодно!

И вот я уже мысленно приготовилась к квесту. Как только поезд остановился, в проходе началась толчея. Я терпеливо ждала, когда особо рьяные отдыхающие вместе со своими баулами продвинутся к выходу. Возникло такое чувство, что выдавливались они, словно паста из тюбика.

Уже, на перроне пришло ощущение, что я действительно на курорте. Впервые в жизни я ощутила приятный вкус свободы. В этот момент я поняла, что с Машкой было бы пусть даже и весело, но не так. Машка – натура привередливая. Жить в какой-то халупе не будет. Ей подавай номер люкс с кондиционером и завтраком в постель. Я в этом плане человек неприхотливый. Для меня важнее wi-fi, а не мулаты-официанты в набедренных повязках.

Я отправилась по указанному в Интернете адресу, где размещался мини-отель «Мечта». Судя по его страничке, там меня ждут райское блаженство и море за окном. И, судя по карте, я уже почти на месте. Правда, частный сектор меня немного насторожил. Слишком уж непрезентабельным был район для суперклассной гостиницы. И вот мне на глаза попалась потертая и выгоревшая вывеска с надписью: «Мечта». Мечта оказалась двухэтажной. Огромная трещина на фасаде красноречиво намекала на то, что лучшие времена мини-отеля давно позади. В холле меня встретили тараканы. Они с удивлением смотрели на меня со стены,

шевелила огромными усищами, сканируя, сколько еды я взяла с собой. Неопрятного вида девица сидела, закинув ноги на стол, и играла на телефоне.

– Здравствуйте, – поздоровалась я, чувствуя, что мне, как, собственно, и другим отдыхающим, тут совсем не рады.

– Драсте. Вы на поселение? – как-то не совсем приветливо спросила девушка, не отрываясь от телефона.

– А не могли бы для начала показать номер? – спросила я, понимая, что больше верить рекламе я никогда не буду.

– Пошлите... – девушка нехотя оторвалась от телефона, схватила какой-то ключ с биркой и повела меня на второй этаж. Ладно, пойдемте посмотрим...

В номере меня ждали советский холодильник с плесневелой резиной, двуспальная кровать, собранная из двух односпальных, столик с внушительной царапиной и ветхий стул с потертым седельцем. Пыльные дешевые плафоны освещали фотообои с изображением роскошной веранды. Заглянув в санузел, я отпрянула и пожалела о том, что не взяла с собой противогаз. В дешевой душевой кабине со сломанной дверцей прямо в поддоне валялся шланг, а сам керамический трон выглядел так, словно кнопка смыва не работала уже лет пять. Заглядывать в его недра я не рискнула.

– Простите, а как же фото на сайте? – наивно поинтересовалась я, понимая, что меня развели.

– Так это Ванька с Инета понадергал. Ванька – это сын хозяйки. Он сайт делал, – буркнула девица, понимая, что я тут не задержусь.

– А море? Море рядом? – спросила я, понимая, что никакое море не компенсирует эту убогость.

– Ну... типа того... – коварно улыбнулась девица.

– То есть как? – спросила я, приходя в неопиcуемый восторг от подобного расклада. В голове пел Высоцкий: «Светлый тер-р-рем с балконом на мор-р-ре».

– Море есть, только там обрыв. Люди едут за пять километров к спуску... – зевнула девушка, снова доставая телефон.

– А-а-балдеть! – голосом известного юмориста заявила я, решительно направляясь к выходу.

Я вернулась на вокзал, где на меня накинулись люди с табличками: «Жилье недорого! Море рядом!» Нашествие зомби, по сравнению с этой атакой, выглядело как-то неправдоподобно. Бабушка – божий одуванчик уже тащила меня за руку в сторону очередного частного сектора, где, минуя

пару облезлых сарайчиков, мы вышли на улицу, где стоял ее дом. Домик был вполне презентабельный. Я даже немного расслабилась. Открыв калитку и пугнув собаку, которая с лаем бросилась на меня, старушка повела меня... нет, не к дому... а к сарайчику. Открыв дверь, я сразу вспомнила детскую загадку про огурец. Помещение было без окон. Правильно, зачем вам, господа отдыхающие, окна? Окна – это непозволительная роскошь! Зато интерьер меня не удивил. В углу стояла металлическая кровать, которая напомнила мне о великом советском прошлом, на стене висел ковер ужасающей расцветки, а под ковром стояла тумбочка с инвентарным номером и стул с облезлой спинкой. Все. На потолке сиротливо висела лампочка Ильича, тускло освещая это бомбоубежище. И главное, что ни одной розетки в поле моего зрения. «Дети подземелья», однако.

– Бабушка... – ласково начала я, – а где обещанный холодильник?

– В доме... – проскрипела старушка, – там я полочку вам выделю.

– А где розетка? Как я телефон буду заряжать? – спросила я, чувствуя, что мое терпение вот-вот лопнет.

– В доме... Просто раньше это был курятник, а розетку провести дорого... – честно призналась бабушка.

Я в третий раз вернулась на вокзал, чувствуя, что буду ночевать прямо здесь. И тут удача мне улыбнулась в виде худенькой женщины, которая подошла ко мне и предложила неплохой вариант. Маленький домик у моря. Правда, он далеко от местных достопримечательностей, кафешек и прочих радостей жизни, но там удивительно красиво и спокойно. Интернет есть, розетка есть, холодильник есть... Что еще Симе для счастья надо?

Через час я распаковывала вещи, наслаждаясь тишиной. После шумного города этот маленький домик, словно сошедший со страниц книги Александра Грина, показался мне райским местечком. Пляж я видела из окна. По поводу окна... Здесь был не какой-нибудь деревянный пережиток прошлого сдохлыми мухами между стекол, а вполне достойный стеклопакет. Мило. Мне нравится.

На пляже было многолюдно. Люди приезжали сюда со всех концов города, чтобы насладиться чистым морем, золотым песочком и красивой природой.

Первым делом я решила искупаться. Начать пляжный сезон. Я стала рыться в чемодане в поисках купальника, вываливая вещи прямо на кровать. Ну вот, почти как дома! Ой! В этот момент меня осенило, что купальник так и остался лежать на тумбочке. Дома. О горе мне! Я специально заказала его в Интернете, заплатила за него кучу денег, а он

остался дома дожидаться моего приезда. Ладно, Сима... Не нужно расстраиваться. Нервные клетки не восстанавливаются.

Открыв Интернет и задав свой вопрос, я поняла, что не одна такая. И меня это сильно утешило. По рекомендации товарищей по несчастью, я отыскала футболку и шорты. Вполне неплохо смотрится. Попробуем так. Я спустилась к пляжу, разложила полотенце и принялась рассматривать отдыхающих. Не я одна занимаюсь дизайнерской самодеятельностью. Многие мужчины особо не парятся и купаются в обычных трусах. Купальники многих дам больше напоминали нижнее белье, нежели купальный костюм. Про детей вообще молчу. Чай, не Мальдивы.

– Кукуруза горячая, сосиска в тесте! – по пляжу шел мужик в черных очках и большой панаме. Его загорелые плечи облезали так, как может присниться в страшном сне, обнажая розовую кожу... Фу... Да. Крем от загара я тоже не взяла. Хорошо, что я в футболке, а не то бессонная ночь была бы мне обеспечена.

– Кукуруза... – кричал он хорошо поставленным голосом.

Навстречу ему с большой хозяйственной сумкой шла полная женщина в сарафане:

– Чурчхела, пахлава медовая! – орала она, как базарная торговка.

– Кукуруза! – повысил голос мужик.

– Пахлава! – взвизгнула женщина.

У меня возникло странное чувство, что сейчас начнется битва. Как только они поравняются, так сразу полетит и чурчхела, и кукуруза. Но обошлось. Смерив друг друга взглядами, полными ненависти, они молча разминулись, и каждый пошел в свою сторону. У меня отлегло от сердца.

Потом мимо меня прошел мужчина в гавайских шортах и капитанской фуражке. На шее у него висел фотоаппарат, а вокруг шеи расположился удав.

– Кто хочет сфотографироваться со змеючкой? Это не опасно, а даже интересно – подержать в руках живую змеюку.

Желающих не было, и змеевладелец отправился дальше.

Я решила искупаться. И тут зазвонил телефон. Я нехотя взяла трубку. Опять звонил шеф. Его браузер растянулся на весь экран, и он никак не мог его закрыть. Судя по голосу, он заметно нервничал. Я быстро объяснила ему, как вернуть браузер в прежнее состояние при помощи простой комбинации клавиш.

И тут ко мне подошел очаровательный молодой человек. Я сразу приосанилась, приняла самую соблазнительную позу, томно подняла на него глаза и увидела, что он улыбнулся.

– Не могли бы вы присмотреть за вещами... – спросил он с улыбкой.
– Разумеется, – кокетливо произнесла я. – А что мне за это будет?
– Когда вы пойдете купаться, я присмотрю за вашими... – предложил он.

– Отлично... – проворковала с улыбкой я, провожая взглядом его худощавую фигуру. Но тут улыбка стала сползать с моего лица. Он взял под руку девушку, и вместе они побежали в воду. Н-да... Вот незадача. Мне почему-то сразу стало немного стыдно за мое кокетство. Минут через двадцать они вышли из моря и направились к своему зонтику.

– Спасибо, – помахала мне рукой девушка.

– Не за что... – пожала плечами я. – Теперь моя очередь...

Я разулась и пошла по горячему песку в сторону моря. Пенистые волны облизывали мелкую гальку, солнце уже клонилось к закату, жара потихоньку начинала спадать. Я шагнула в воду. Боже, как холодно! Сразу же захотелось выйти, но я решительно пошла на погружение. Футболка прилипла к телу, а очередная волна одарила меня солеными брызгами. Вздохнув поглубже, я погрузилась в воду. Через несколько мгновений вода показалась теплой и приятной. Непередаваемое ощущение. Мне захотелось нырнуть, как в детстве, и я не стала отказывать себе в удовольствии. До чего же здорово! Сказочно! Как только я вынырнула, то почувствовала, как огромная волна накрывает меня с головой, а чьи-то руки тащат меня под воду. Я даже не успела вдохнуть как следует. Перед глазами все поплыло. Я видела отблески солнца на водной глади, водоросли, которые вертелись в воде, видела песок, который поднимается со дна, но не могла пошевелиться. Вокруг все вертелось, и мне показалось, что это сон. Разумеется, сон. Я сплю где-то дома, а мне снится, как я тону... Я тону?! Да здесь же воробью по колено! Не может такого быть! Да и кто будет так злобно шутить? Я же хорошо плаваю. Ну, по крайней мере, мне всегда так казалось. Я стала барахтаться, чувствуя, что сердце внутри сжимается от страха за свою жизнь. Так вот ты какой, инстинкт самосохранения! Внезапно хватка ослабла, и я коснулась ногами дна. Оттолкнувшись из последних сил, глядя на то, как пузырьки воздуха медленно поднимаются вверх, я устремилась к свету.

Когда моя голова показалась над водой, я почувствовала, что еще немного, и можно вдохнуть. Выкашляв воду, я стала глотать воздух, наслаждаясь каждым вдохом. Ничего себе приключение! Мокрые волосы облепили лицо, мешая мне сориентироваться, где берег. Отплевываясь и пытаясь убрать волосы с лица, я увидела, что на небе сверкают звезды и висит полная луна. И даже не одна, а целых три. Большая, чуть розоватая, и

две маленькие. Это было как-то неожиданно. Поморгав как следует, я решила взглянуть на небо еще разок и тут поняла, что это была не галлюцинация.

– Твою мать! – выругалась я, сглатывая соленую воду. – Это что еще за фигня?

Чувствуя усталость, я поплыла к берегу, который был совсем не похож на тот, который я покинула минут пять назад. Разумеется, моих вещей на берегу не оказалось. Также не было туристов и «па-а-ахлав» медовой». Вот, кстати, от «па-а-ахлав» я сейчас бы не отказалась... А если бы была горячая кукуруза, то слопала бы ее целиком, вместе с початком! И удава бы слопала. И слона, если бы таковой подвернулся на моем пути. Кое-как выбравшись на берег, я обессиленно рухнула на песок. Нащупав что-то твердое в кармане, я с удивлением достала мобильный телефон. Это что получается? Я пошла купаться, по привычке засунув телефон в задний карман шортиков? Интересно, он еще работает? Несмотря на мои опасения, телефон отреагировал и показал почти полный заряд батареи. Стерев капли с экрана, я с удивлением осмотрела его корпус. Реклама не врала. С ним можно купаться. И, как показала практика, тонуть. Правда, связи не было, но в целом он работал, как и прежде.

Экстренные службы не отвечали, зато приложения работали отлично. Я включила фонарик и осмотрелась по сторонам. Ничего особенного разглядеть не удалось. Берег как берег. Песочек и неизвестно откуда взявшиеся скалы, огромные камни, лежащие в воде, и девушка, которая сидит на одном из них.

Все было бы ничего, но при свете фонарика глаза девушки странно светились в темноте.

Глава 2

Желание обратной силы не имеет!

Девушка была худощавой, но с внушительным бюстом. Цвет ее длинных волос был неравномерно зеленоватый. У корней он был зеленым, а на концах – почти белым с легкой зеленцой. Примерно то же самое было у меня на голове, когда я пыталась сделать «омбре в домашних условиях» по рекомендациям из Интернета. Глаза у девушки были желтые, кошачьи, с поперечным зрачком. Выглядела она жутковато, прямо как из фильма ужасов.

– Убери свет! – возмутилась она на чистом русском языке.

Теперь я понимаю, что чувствуют наши туристы, которые, будучи за границей, внезапно встречают своих соотечественников. Правда, орать «Тагил рулит!» я не стала.

– Ты кто такая? – спросила я, вглядываясь в ее лицо. Фонарик я, разумеется, выключила, чтобы не нервировать ее. Внешность девушки подсказывала мне, что с ней шутки плохи.

Девушка плотоядно улыбнулась, растянув широкий рот и обнажив целый ряд острых акульих зубов. Она подняла из воды внушительных размеров хвост. Черный, чешуйчатый, блестящий при свете лун хвост мог принадлежать только одному созданию. Я даже побоялась озвучить свою догадку...

Я медленно присела на песочек и стала глубоко дышать, чтобы справиться с волнением. Такого поворота событий я не ожидала!

– И где я? – наконец спросила я, смирившись с тем фактом, что передо мной сидит не совсем человек.

– Здесь, – ответила русалка. Да она просто капитан Очевидность! Ни где-то там, а здесь. Бинго! И как это я сама не догадалась? Ответ же лежит на поверхности!

– А «здесь» – это где? – спросила я, уныло глядя на три луны.

– В бухте Мечты, – пояснила она.

Я посмотрела по сторонам, понимая, что у того, кто назвал это место так поэтично, с чувством юмора было все в порядке.

– А русский язык откуда знаешь? – спросила я чисто машинально.

– Выучила у туристов, – коротко ответила русалка. – Наши и в Египте были, и в Таиланде, а я почему-то люблю в России отдыхать...

Я замолчала. Спрашивать больше ничего не хотелось. Точнее, ничего умного в голову не приходило. Я зевнула, разглядывая блики на воде. Потом снова посмотрела на три луны, которые мне, к сожалению, не примерещились, и опять поймала взгляд русалки. Нужно воспринимать все философски.

– Ну! И где вопросы? Я почему-то думала, что ты меня засыплешь вопросами, а ты молчишь как рыба... – прокомментировала русалка, откидывая назад роскошную шевелюру.

Я молчала. Мой процессор переваривал полученную информацию, и я чувствовала, что оперативка уже подвисает.

Русалка взобралась на камень и запела. Пока я сидела, пытаюсь обработать полученные сведения, краем уха я услышала: «Водил меня Серега на выставку...»

Стоп! Оперативная память у меня дала сбой и сразу же выдала системную ошибку. Не может быть такого, чтобы русалка пела скандальный шлягер. Но нет... Я ошиблась. Она действительно пела *эту* песню. Когда красавица дошла до припева, я затаила дыхание, вслушиваясь в каждое слово: «На лабутенах, ах... И в восхитительных штанах!» Фух... Пронесло...

Постепенно я начала подпевать ей, и скажу вам откровенно, получалось у нас вполне неплохо. Точнее, подпевала я только припев, а куплет она выводила самостоятельно.

Потом мы решили спеть ее еще раз, но теперь я щелкала пальцами, а русалка отбивала хвостом ритм. Получилось очень даже здорово. Я даже как-то расслабилась.

– Тунец, какая хорошая песня! – заявила русалка после того, как мы допели ее до конца, – Мне она так нравится, что я регулярно выныриваю в твой мир ее послушать.

– Оу! Ты еще клип не видела! – заявила я, вспоминая пересмотренный мною раз двадцать клип про девушку, которая собирается на свидание.

– Видела, но не досмотрела. Спугнули. Кстати, а что такое «лабутены»? – поинтересовалась она.

– Это туфли такие. На шпильке и с красной подошвой. Жутко неудобные, – со знанием дела пояснила я, хотя в жизни не носила ничего подобного, и показала пальцами примерную длину шпильки.

– Обувь... – задумчиво протянула русалка, теряя интерес. – Понятно...

И тут я вспомнила, что у меня на телефоне среди треков затесалась эта песенка. Я тут же достала свой девайс и включила его на всю громкость. Русалка просто растаяла от восторга, правда, многие слова для нее

показались новыми, ибо на телефоне у меня был оригинал, так сказать, без цензуры и купюр. Красавица иногда шлепала хвостом в такт музыке, подпевая и покачиваясь. Когда песня закончилась, русалка потребовала поставить ее снова.

– Тунец, как здорово! – восхитилась она после второго круга. – Послушай, я тебя случайно сюда затащила. Думала, что очередной мужчина плавает.

– А ты как определяешь, мужчина или женщина плавает? – спросила я, немного недоумевая.

– По ногам! – ответила русалка, мурлыкая песню себе под нос.

Я сразу провела рукой по своей ноге, проверяя ее на предмет растительности. Мохнатость не повышена. Эпиляцию недавно делала...

– То есть по волосатости ног? – спросила я, чувствуя, что меня уже мало чем можно удивить.

– Не-а. Это не показатель! Я шорты увидела и подумала, что парень молодой плавает... Вот... Девушки обычно по-другому снизу выглядят... У них там на животе веревочки и лоскутик. Однажды тоже так ошиблась... Пришлось топить... Полный тунец! – расстроенная русалка ударила хвостом по воде, поднимая брызги.

– А почему меня не утопила? – спросила я, отряхивая ноги от песка.

– Не знаю. Скучно стало. Решила поболтать... – пожала плечами красавица.

– А обратно как мне теперь? – спросила я, сохраняя спокойствие. Если есть вход, значит, есть и выход.

– А никак. Все уже... Проход закрыт... Трилуние бывает раз в сто лет, так что придется тебе остаться здесь... – вздохнула русалка, глядя на три полные луны.

– А как же ты туда попадаешь? – пасьянс у меня явно не сходил.

– Одна я могу, а вот с кем-то – нет, – пожала плечами красавица и тут же достала свой мобильный телефон. Стоп! Откуда у русалки мобильный телефон?

– Это то, что я думаю? – неуверенно спросила я, показывая пальцем на пятидюймовик в ее руке.

– Ну да... – улыбнулась русалка. – Он называется...

И тут она озвучила название телефона, причем так, словно дает полную характеристику телефона на русском нехорошем языке с неким отрицательным подтекстом. Тут до меня дошло название марки, поэтому я медленно стала загибаться от хохота... Бедный «Хуавэй»...

– А как ты его заряжаешь? – спросила я, подавляя хохот. – Кроме

шуток! Как?

– Я его зарядила. Магией. Теперь он работает всегда... – пожала плечами русалка.

– А мой так сможешь зарядить? – с надеждой в голосе спросила я, протягивая ей свой телефон.

– Полный тунец! Да это же старье! Ты бы мне еще орехокол подсунула! – возмутилась русалка. – Хотя эту модель я знаю. Знаешь, сколько их в воду падает каждый год? Моя подруга недавно последний айфон выловила! Мы чуть не умерли от зависти. А у меня – обычный... Непотопляемый. Но тоже хороший. Правда, музыка плохая... Все про какие-то купола и про какого-то жигана, который сел по малолетству... И про какую-то шмару, которая спит с вертухаем.

– А давай я тебе песенки покидаю. У меня много хороших песен! – предложила я, понимая, что такой продвинутой русалки я в жизни не видела.

– Скинешь песни? – глаза красавицы расширились от удивления. О такой функции она даже не догадывалась!

– Ну да! – тут во мне проснулся системный администратор. – У тебя андроид?

– Чего? – переспросила русалка. – Я абсолютно здорова! И никакого андроида у меня нет!

– Проехали! Проведи пальцем сверху вниз. И что ты видишь? – я принялась за обычную работу. Почему-то все считают, что раз я «шарю» в компьютере, то в телефоне должна «шарить» и подавно. Поэтому мои дорогие коллеги бегут ко мне со всеми вопросами, которые касаются телефонов. Я, конечно, понимаю, что сенсорный телефон создан для метода тыка, но не до такой же степени!

– Там написано «Ви-фи» и какая-то руна с буквой «в»... бли... влю... – стала запинаться русалка, читая с экрана.

– Вот это нам и нужно! Ткни пальцем в это слово! – сказала я самым терпеливым голосом, на который способны системные администраторы, когда начинает тупить сначала компьютер, а потом ламер.

– Ткнула! Оно засветилось! – прокомментировала свои действия красавица, высунув язык от неимоверного усердия.

Я быстро включила блютуз и нашла нужный телефон под названием «Пахан». Это было просто, потому как в окрестностях больше телефонов не было.

– Нажми на слово «принять» или «ок», – продолжила я, выделяя все треки и отправляя их по блютузу.

Русалка кивнула, и тут же пошла передача данных. Через минуту все было готово. Русалка то и дело тыкала пальцем в песни и слушала их. Судя по ее довольному лицу, у нас с ней одни и те же музыкальные вкусы.

– Научи! Научи! – взмолилась она, прижимая телефон к груди.

И я снова почувствовала себя львом Бонифацием. В голове прямо заиграла музыка: «Па-пара-па-пара, ту-ту-ту-ту-ду – ду!»

Через десять минут русалка смотрела на меня как на богиню.

– Я выполню три твоих желания! Только не загадывай «вернуться в свой мир». Мне это не под силу. Кстати! Можно загадать и одно желание. Если большое, то одно, а если маленькие, то три... – заявила красавица. У нее что? Акция сегодня? Одно желание по цене трех? Или три по цене одного?

«Вчера раки были большие, но по пять, а сегодня маленькие, но по три», – как-то не к месту вспомнилась фраза какого-то сатирика. И так, что мне пожелать-то... Одно большое или три маленьких? Три маленьких – это как-то интереснее. О! Первое желание уже есть.

– Я хочу, чтобы мой телефон никогда не разряжался и работал вообще без зарядки! Чтобы его невозможно было разбить, сломать, разобрать... – сказала я, демонстрируя в руках свой непотопляемый девайс.

– Проще простого! – улыбнулась русалка.

Она обрызгала телефон водой. Батарея, которая уже начала показывать половину заряда, мигом восстановилась. Сто процентов! Ничего себе! Это раньше я без зарядника даже в туалет не могла сходить, а теперь – вуаля! Полная автономность! Бывало, сидишь на работе, телефон разрядился, а ты поставила его на зарядку и каждый раз под стол лезешь разговаривать по принципу «к земле привязан слюнкою задумчивый бычок».

Теперь нужно придумать еще желание! Думай, Сима, думай! Включай процессор на полную мощность! Такая возможность выпадает один раз в жизни! Эх! О чем ты мечтала, когда читала сказку «Золотая рыбка» в первом классе? О «лунной призме», покемоне и «не ехать летом к бабушке». Нет, с таким подходом я далеко не уеду. Вот если бы дело было в моем мире, то я бы моментально сориентировалась, а здесь я даже не знаю, что мне может пригодиться... Или чего мне хочется...

– Скажи, – обратилась я к русалке, – а здесь все говорят на русском?

– Не-а! – ответила русалка, уткнувшись в телефон.

– Ну, тогда сделай так, чтобы я понимала языки всех, кто обитает в этом мире, и умела на них разговаривать! – гордо заявила я, радуясь своей сообразительности.

– Не вопрос! – русалка снова обрызгала меня водой.

– И как проверить? – скептически заметила я.

– Очень просто. Кстати, я сейчас отвечаю тебе на русалочьем языке. И если ты меня понимаешь, то все в порядке! – заметила она, проигрывая музыку из «Титаника», случайно попавшую в мой трек-лист. Музыка ей явно нравилась.

– А что это за песня? – спросила она, качаясь в такт.

– Это музыка из «Титаника». Это был такой большой корабль, который столкнулся с айсбергом. Конец немного предсказуем, но кому-то все-таки выжить удалось... – пояснила я, вспоминая, как мы с Машкой решили пересмотреть «Титаник». Она – ради Ди Каприо, а я ради того момента, когда корабль идет ко дну. А потом мы с ней дружно пели: «Эври найт май бла-бла... Я си ю... Яй хи-ир ю...» Пели мы так здорово, что Фидель залез под кровать, не вынеся такого концерта.

– А вот нефиг прятаться! – заявила тогда я, вытаскивая бедолагу. – Мы же слушаем ваши концерты! Почему бы тебе не послушать наш! Ванс... мор... ю опен э дор...

В этот момент соседи постучали по трубе централизованного отопления.

– Забей! – сказала Машка, подпевая. – Они должны быть вообще благодарны мне, что я сюда вселилась. Ай кэн хи-ир зэт е харт вил го о-о-о-он...

– С чего бы это? – спросила я, немного удивляясь подобному заявлению.

– Раньше здесь жил наркоман-металлист. Так вот он имел привычку всю ночь слушать «тяжелый металл». Мы же поем классику! Наша возвышенная музыка должна заставлять людей прочувствовать всю боль разлуки. Ты понимаешь, что он тонет, чтобы спасти ей жизнь! Они встретились, чтобы расстаться навсегда...

И мы затаили с утроенной силой, вкладывая всю душу в пение. Потом у меня заболело горло от стараний, и я взяла тайм-аут, пока Машка старалась за нас обеих.

В дверь позвонила какая-то старушечка и тихо прошамкала:

– Собачка-то одна, поди, уже отмучилась, сердешная... Вторую хоть не загубите... Я тут покушать принесла ей... Косточек... И колбасные шкурки...

И пакетик нам вручила...

В итоге соседи вызвали полицию. Молодой участковый поинтересовался, на каком основании мы нарушаем общественный режим и где здесь муж, который бьет свою жену? Мы с Машкой переглянулись. В

Нидерланды нам пока рановато, поэтому вежливо пояснили, что мы смотрели фильм «Титаник» и вот решили попеть! А почему бы и нет? Мы абсолютно трезвые.

– Это та песня Селин Дион? Это же мегахит! Я под нее на дискотеке свой первый медляк танцевал... – он пропел первый куплет, а мы ему подпели! В гулком подъезде это звучало просто чудесно! После этого Машка стала с ним встречаться. Сейчас он уехал на курсы повышения квалификации или как это у полиции называется. Говорят, что через полгода лейтенанта дадут... Теперь Машка его ждет. Вот бы и мне встретить свою любовь... Игорь ведь Машку не за красоту полюбил. Впервые он ее увидел в пижаме, ненакрашенную, с прыщом во лбу, словно она только что вернулась из Индии... Вот бы и меня кто-то полюбил за мою душу! Не за грудь и ноги, а за душу! И так, чтобы аж фильмы снимать можно было и книги писать!

– Слушай, а ты можешь сделать так, чтобы я нашла свою любовь? Но так, чтобы настоящую... И полюбил меня не за красоту, а за душу! Чтобы во мне человека видели, а не смазливую мордашку! Чтобы любовь была ну как в романе! – попросила я, морально приготовившись к большому и светлому чувству, которое вот-вот захлестнет меня с головой. Я уже мысленно сыграла свадьбу и родила троих детей от писаного красавца – брюнета с огненным взором и рельефными бицепсами.

Русалка задумалась. Она даже оторвалась от телефона.

– Хм... Это будет сложно сделать... – заявила она, критично осматривая меня. Неужели моя внешность настолько отталкивающая, что я не заслуживаю простого и светлого чувства, о котором мечтала всю жизнь?

– А я тебя научу делать селфи... – улыбнулась я, надеясь, что такого русалка точно не умеет.

– Селфи? – уточнила наивная жительница глубин, подозрительно глядя на меня. – В рот брать ничего не надо? А то одна меня тут уже пыталась учить... Ой! Не помню, как называется, но лучше не вспоминать... Я тогда чуть морским огурцом не подавилась.

– Это фотография самой себя! Портрет. Только без художника. Ты сама делаешь свой портрет и сохраняешь его на телефоне, – объяснила я доступным языком. – Себяшечка...

– Показывай! – скомандовала красавица, воодушевленная идеей увековечить свою неземную красоту.

Я подошла к ней, встала рядом, взяла свой телефон, включила камеру и выставила режим ночной съемки.

– Смотри на телефон в моей руке! – скомандовала я. – И улыбайся.

Яркая вспышка на секунду ослепила нас, и на моем телефоне теперь есть селфи с настоящей русалкой. Судя по ее зубастой улыбке, знания, почерпнутые у безвестной попаданки, ей явно не пригодятся из-за банального отсутствия подопытных желающих обнажить перед ней свой морской огурец. А вот умение делать селфи, пусть бесполезное, но такое приятное, очень скрасит ее досуг.

– Тебе не кажется, что у меня большой рот? – капризно спросила русалка, разглядывая себя на получившейся фотографии. – Не думаю, что мне стоит улыбаться...

И тут она собрала губки «уточкой». Яркая вспышка осветила побережье – и очень довольная результатом фотосессии русалка критично рассматривает себя со стороны. Вот так всегда... Залог успешного женского селфи был найден за десять секунд. «Губки бантиком, бровки домиком – селфи делает самка гномика».

– Так как насчет моего последнего желания? – нетерпеливо спросила я, предвкушая незабываемый курортный роман, плавно перетекающий в свадьбу.

– Я придумала, как можно осуществить твоё желание! Ты готова? – русалка взмахнула хвостом и обдала меня брызгами с ног до головы. – Вуаля!

Я потянулась рукой, чтобы вытереть мокрое лицо, и внезапно вместо носа нащупала огромную мясистую картофелину. Я посмотрела вниз и увидела, что вместо шестидесяти килограммов вешу как минимум восемьдесят, а может, даже и сто... Хотя, судя по жировым складкам на боках, точно больше сотни... Мои стройные ноги, которыми я так гордилась, превратились в два заплывших жиром окорока. Я подняла футболку и увидела большой многоярусный шмат сала. Мне сразу вспомнилась свинка из мультфильма «Ну, погоди!», которая мирно загорала на пляже. Теперь мне придется тоже носить три лифчика, чтобы хоть как-то оправдать свою запущенную фигуру и не шокировать людей каскадами целлюлита. Моя попа стала больше похожа на холодец, которым в преддверии новогодних праздников запаслись на всю семью, включая многочисленных родственников, понаехавших с голодного края. Я так понимаю, что целлюлит и растяжки достались мне по акции в подарок! Схватив фотоаппарат, я сделала селфи и в ужасе увидела, что теперь я похожа на хорошо откормленную свиноматку. Маленькие глазки задорно блестели на фоне толстых обвислых щек и двойного подбородка.

– Мамочки! Мамочки! Скажите мне, что это сон! – взмолилась я, грузно приземляясь на песок. Подушка безопасности сработала на ура. Ну

хоть в этом есть какой-то плюс.

– Теперь если тебя и полюбят, то только за твою прекрасную душу! – торжественно объявила русалка, очень довольная своей сообразительностью.

– Верни все обратно! – закричала я, чувствуя, как лопаются пуговицы на шортах, а молния на ширинке ползет вниз.

– Не могу! – вздохнула обительница морских глубин. – Желание обратной силы не имеет.

У меня в голове сразу же заиграла песня со времен моего детства: «Потому что нельзя... Потому что нельзя... Потому что нельзя быть на свете скотиной такой!»

– Да кто на меня такую теперь позарится? – в сердцах выкрикнула я, швыряя увесистый камень в воду.

Русалка скрылась в глубине, помахав на прощание рукой. А я расплакалась, обнимая толстые колени. А ведь все так замечательно начиналось! Сима, ты же программист! Ну, по крайней мере, сайты писать умеешь... Почему ты не учла такой вариант? А кто мог бы подумать, что русалке взбредет в голову превращать меня в самку тюленя? Я теперь даже не модель «сайз плюс», я – гора целлюлита. Да ни один нормальный мужик на такое не клюнет! Я внезапно провела языком по зубам и почувствовала, что они стали намного крупнее. Мало того что они увеличились в размерах, так еще и стали кривыми. Между двумя передними образовалась щель, как у Караченцова. От нечего делать, я начала втягивать воздух в эту щель, а потом выдыхать его через нее. Жить не хотелось. Хотелось пойти и утопиться! Кстати, хорошая идея!

Я медленно пошла к воде, зашла туда, где поглубже, и поплыла... На воде я держалась легко, наверное, за счет жировой массы. Поплавав немного, я поняла, что утонуть мне сегодня явно не судьба, и поковыляла к берегу, стравивая с себя водоросли.

Я лежала на спине и смотрела на звезды. Мой жир колыхался при каждом вдохе и выдохе. «Андрей смотрел в безжизненное небо Аустерлица», – прокомментировала моя совесть. Я ничего не ответила. Мне до этого не приходилось с ней разговаривать.

Сначала я пыталась себя утешить, мол, Светка из отдела снабжения весит под столы, а, несмотря на это, замужем, счастлива, двое детишек... И муж любит... Правда, гуляет часто, но любит...

В этот момент я чуть не расплакалась. Зачем мне гуляющий муж? Тем более такой чахлый и дохлый, как у Светки? Я случайно на флешке, которую она мне принесла на ремонт, обнаружила ее фотографии со

свадьбы... Особенно меня ужаснули кадры, где муж ее на руках по ступенькам в загс заносил... Столько страданий я не видела за всю свою жизнь. На принца он совсем не тянет, даже если один глаз закрыть, а другой прищурить... Хотя если он зимой будет ходить со Светкой в обнимку, то можно вполне сэкономить на зимней куртке. И что, мне теперь искать желающего сэкономить на зимней одежде?

Я разревелась. Сил моих больше не было... Порывав немного, прикинув со стороны, как это выглядит, я поняла, что морская корова и то ревет как-то мелодичней и выглядит чуть лучше, чем моя заплывшая жиром персона. Н-дя...

«Хорошего человека должно быть много!» – заявила моя совесть, пытаюсь меня как-то утешить.

«Думай, Сима, думай... Безвыходных ситуаций не бывает... – повторяла я себе. – Если в этом мире есть магия, то, возможно, найдется тот, кто расколдует меня?»

Эта мысль подарила мне надежду. Я с трудом перевернулась на бок. Жир медленно перекатился по мне и собрался в районе живота.

Почему-то в этот момент я вспомнила старую видеокассету, которая как-то случайно попала к маме, когда я была совсем маленькая. На обложке была изображена Наталья Крачковская. Она сжимала синий мячик в пухлых руках, а на заднем плане стояли рядом бегемотики в шортах и лифчиках. Кассета так и называлась: «Худеем с Натальей Крачковской». Я помню, с каким ужасом смотрела на то, как неповоротливые дамы с рубенсовскими фигурами медленно катают мячики и делают незамысловатые упражнения. И в этот момент я поняла, что за собой нужно следить. И следила всю жизнь. Стоило мне только почувствовать, что любимые джинсы начинают туго сходиться, я тут же садилась на жесткую диету. И пусть меня качало от ветра, а на работе мысли были только о еде, но через пару дней я снова возвращалась в прежние объемы.

И тут мне в голову пришла бредовая идея. Позаниматься спортом. Где-то в глубине души я понимала, что это ничуть не поможет, но, с другой стороны, меня это как-то утешало... Я попыталась покачать пресс, но пресс подкачал меня, и после пары-тройки попыток согнуться я бессильно распласталась морской звездой. Это – конец...

«Ничто так не портит фигуру, как несистематические занятия спортом!» – заявила совесть. Здесь я была категорически не согласна. В голове промелькнул билборд, мимо которого я каждый день проезжала на работу. Там была изображена красотка с гантелями и надпись: «Приходи! Мы купим твой жир! Мы платим тебе за то, что ты худеешь!» Мля... Да у

меня тут золотых запасов прямо как у пана атамана Грициана Таврического.

В итоге я пообещала себе заниматься каждый день. Занятия – это, конечно, хорошо, но найти бы колдуна или ведьму, которые сделают меня прежней. Если надо, я и кольцо в Мордор отнесу, если надо, то и какой-нибудь артефакт пойду искать. Главное, чтобы крестиком на карте отметили, куда мне идти, а там разберусь. Ладно! Чего я тут расселась и нюни распустила. Вперед, на поиски колдуна!

Я медленно встала, отряхнула песок с необъятной попы и пошла в сторону леса. Пройдя метров двести, я почувствовала, как в моем боку колет, а сердце вот-вот вырвется из груди. Я присела под дерево и поняла: я так устала, что меня легче закрасить, чем отодрать. В голове все перемешалось, глаза стали слипаться, а тело расслабилось и обмякло. В полудреме я почему-то подумала, что это просто сон и что я проснусь в своей кровати...

Ни фига подобного!

Проснувшись я от чьего-то зловонного дыхания рядом. Запах, по правде говоря, был очень специфический. Чтобы как можно точнее передать его, представьте себе маршрутку в сорокоградусную жару, в которой не открываются окна и люки и в которую в час пик зашел бомж. Вот! Это оно!

Я открыла глаза и увидела перед собой дракона. И даже не одного, а целых двух... И они... спорили:

– Я тебе говорю, что это морская корова! Ее выбросило на берег, и она сдохла! Ты же не будешь есть дохлятину? Я, например, брезгую... – заявил первый дракон, скривившись. Он был чуть поменьше, и на голове у него были панцирные пластины, словно у динозавра.

– Это тюлень! И, по-моему, он шевелится! Значит, не дохлый! – второй дракон умоляюще взглянул на первого. Он был крупным, косолапым и очень даже настоящим. На его голове были витиеватые рога.

– Тюлень меньше! Это морская корова... Но тебе, дорогой, нельзя есть жирную пищу! Давай, слетаем в деревню, поймем тебе тощую красавицу, и дело с концом! Ты и так поправился... – кокетливо сказал первый дракон, заглядывая в глаза второму.

– Милая моя, я понимаю, что ты на диете и ничего, кроме красавиц и девственниц, не кушаешь. Но я самец! Мне нужно нормальное мясо! Пусть даже полудохлый тюлень! – возразил второй дракон, отстаивая свое право на достойный рацион.

Судя по их более чем содержательному диалогу, я поняла две вещи. Они хотят меня съесть. Особенно тот, рогатый. И второе, очень

немаловажное открытие – это была семейная пара. Муж и жена. Нужно было действовать незамедлительно. Если и дальше лежать бревном, то можно попасть на зуб, а помирать мне что-то совсем перехотелось.

Я пошевелилась, открыла глаза и отряхнулась от водорослей и песка.

– Человек! – хором завопили драконы, немного отпрянув от меня. – Живой человек!

Да, я – человек. Хомо сапиенс. Царь природы... Хотя, глядя на драконов, я понимаю, что они немного не в курсе этого факта.

– Чего вы разорались? Поспать нормально не даете! Идите и выясняйте отношения в другом месте! – заявила я, поправляя футболку. Примерно то же самое я всегда говорю моим соседям со второго этажа, когда они начинают выяснять отношения на лестничной клетке. Все бурные семейные сцены проходят обязательно в присутствии зрителей и слушателей и всегда далеко за полночь.

– Значит, я ее съем! Ты же сказала, что красавиц и девственниц кушать можно! – радостно заявил рогатый муж.

– Да ты посмотри на нее! Какая же это красавица? Ты что, ослеп от голода? – возразила жена.

– Но ведь... А вдруг она девственница? А? Кто на нее позарится? – оживился ее супруг.

– Ни фига я не девственница! – завопила я, понимая, что целомудрие сейчас явно неуместно.

– И кто же этот сердобольный бедолага, который решился на этот подвиг? – вздохнула драконица, которая, судя по всему, любила поговорить.

– Слепоглухонемой инвалид на голову! – выпалила я, чувствуя, что, если скажу, что это был принц, мне никто не поверит, а придумать что-то убедительней у меня не получалось. Да и времени особо не было. Не рассказывать же им подробности моей личной жизни?

– Я ей не верю! Сейчас я ее съем! – заявил дракон, решительно направившись ко мне.

– Но если ты будешь есть жирную пищу, то ты поправишься... Ты и так набрал в весе с того момента, как мы поженились! – возразила драконица.

– На себя посмотри! Я женился на стройной драконице, а теперь смотрю, как ты в пещеру залазишь, так сразу хочется вход расширить! – заявил супруг и тут же пожалел о своих словах. Ты попал, мужик. Попал туда, куда не целился.

– Я, по-твоему, толстая? Да? – плаксивым голосом начала драконица. В нем звучали истерические нотки.

– Да я пошутил! Это я сгоряча ляпнул, не подумавши! – дракон явно стал чувствовать себя крайне неудобно. – Ну да, немного поправилась, но тебе идет!

Я попыталась уползти, но дракон осторожно придавил меня лапой.

– Успокойтесь! – сказала я, перетягивая инициативу на себя. – Мадам, вы ничуть не толстая. Точнее, есть немного лишнего веса, но это поправимо! Если правильно питаться, больше двигаться, то вы не заметите, как похудеете!

Драконица оживилась:

– Правильно питаться, говоришь? А ты откуда знаешь, как правильно питаться? Ты же вон какая жирная! – с недоверием произнесла она, разглядывая меня со всех сторон.

– Вот я, например, неправильно питалась. Ела всякую гадость. Особенно любила жирную пищу. А теперь меня даже приличные драконы есть не хотят! Моя подруга так похудела, что ее ветром сдувать начало! И она открыла мне свой секрет! – загадочным голосом произнесла я. – Для того чтобы похудеть, нужно...

Почему-то при слове «похудеть» я вспомнила навязчивую интернет-рекламу о том, как очередная звезда умудрилась скинуть двадцать килограммов за пять дней.

– Ну? – занервничала драконица.

– Отпустите меня! А то мне тяжело говорить! – жалобно простонала я, закатывая глаза.

– Пусти ее! – рявкнула драконица.

Когда дело касалось ее фигуры, она становилась очень нервной и опасной. Ее супруг, судя по скорости выполнения команды, был уже в курсе. Когти на лапе разжались, и я смогла вздохнуть полной грудью.

Я встала, отряхнулась, гордо вскинула голову и начала свою лекцию о вкусной и здоровой пище.

– Может быть, вы поболтаете, а я смотаюсь в соседнюю деревеньку? – жалобно произнес дракон, переминаясь с лапы на лапу.

– Сидеть! – рявкнула драконица, обращаясь к мужу, а потом нежным голосом обратилась ко мне: – Продолжай, дорогая.

– Я только на минутку... Я быстренько... – взмолился супруг.

– Я же тебе сказала – сиди и слушай! И запоминай! – драконица придавила конечность мужа своей когтистой лапой.

И тут я пошла ва-банк.

– Знаете, почему вы поправляетесь? – спросила я, обращаясь к драконам. – Все из-за нервов. Я рассказала вам, как ликвидировать

последствия, но правильнее было бы избавиться от причины ваших переживаний! Когда вы нервничаете, вы много едите. И все это откладывается в виде лишних килограммов.

В этот момент я поблагодарила себя за то, что в свободное от работы время просто лазила в Интернете и читала всякую чепуху вроде умных вопросов и умных ответов. Вы знаете, насколько это занимательно? Никогда не подумаешь, что у людей бывают *такие* проблемы. Но главный принцип Интернета – была бы проблема, советчики найдутся! И вот теперь я чувствовала, что весь опыт, который я почерпнула во Всемирной сети, спасает... хотя нет, скорее, продлевает мне жизнь. О спасении говорить еще рано.

– Ой, я и вправду слишком много нервничаю! А как только я начинаю нервничать, то сразу лечу в деревеньку и набираю пару-тройку красавиц! Подруга говорит, что они не сильно влияют на вес. Она их пачками ест и все такая же худая! – жалобно сказала драконица, покосившись на супруга.

– А почему вы нервничаете? Что случилось? – участливо произнесла я, глядя на семейную пару.

– Понимаешь, он последнее время ведет себя как-то не так... Он прилетает поздно ночью, просто ест и засыпает. Я – домохозяйка. К его приходу я все золото разложу, чтобы ему удобнее спать, тушку освежую, положу прямо у входа. А он это не ценит! Заполз в пещеру, поел, лег спать, отвернулся от меня и храпит! – горестно произнесла драконица, бросая укоризненный взгляд на мужа.

– А что вы на это скажете? – обратилась я к дракону.

– Я – единственный добытчик в семье, я устаю. Мне иногда домой лететь не хочется, потому что знаю, что она будет меня пилить! – заявил супруг, косо глядя на изумленную жену.

– Я? Пилить? Да когда я тебя пилила? Отвечай! – драконица выпустила из пасти струйку огня.

– Вот и подтверждение! – вздохнул ящер.

– Ну... С вами все понятно... Ну-ка, скажите вашей супруге комплимент! – строго потребовала я, чувствуя себя лучшим драконьим психологом в округе.

– Мм... Красивая... – как-то неловко и вяло произнес дракон.

– Нет, не пойдет! Вспомните, как вы в первый раз ее увидели и поняли, что это ваша судьба! – потребовала я, глядя, как меняется выражение драконьей морды.

– О! Я помню, как доедал рыцаря на одном скалистом утесе. Я тогда был холостяком и не думал о том, насколько вредно кушать рыцаря вместе

с доспехами... И тут в закатном небе появилась она! Грациозная и изящная. Она летела так, словно рождена была для полета... Она была просто изумительной... Я залюбовался и поперхнулся шлемом... – мечтательно произнес дракон, а потом добавил: – Ты самая прекрасная из всех дракониц, которых мне доводилось встречать! Ты самая лучшая жена... Прости, если вел себя не так...

Драконица расцвела. Она умилительно посмотрела на супруга, с нежностью потерлась головой о его шею...

– Я помню, как летела тогда в одиночестве и думала о том, есть ли на свете хоть один дракон, которому я бы смогла подарить свое сердце! Ты самый лучший муж... Я ничуть не жалею, что вылетела за тебя замуж... Просто иногда я срываюсь на тебе... Я нервничаю... Я подумала, что ты меня разлюбил... – всхлипнула драконица, прижимаясь к супругу. Из ее глаз потекли слезы. Не знаю, как насчет драконьих слез, но про крокодилы я слышана.

– Я люблю тебя и всегда любил... Просто мне показалось, что ты меня разлюбила, моя сверкающая... Разочаровалась во мне... – вздохнул дракон, накрывая крылом свою супругу.

– Нет... Я никогда не разочаруюсь в тебе, любимый... – драконица уже плакала навзрыд.

Я чуть не прослезилась. Такой трогательной сцены я еще не видела...

Я распрощалась с драконами и села под дерево. Напоследок они обещали, что постепенно исключат из рациона человечину и что теперь будут кушать много овощей и фруктов, соблюдать режим и летать раз в день. Вместе... Ах! Как это романтично! Все-таки мои желания оказались не совсем глупыми. Мало кто из людей может похвастаться тем, что не просто понимает язык драконов, но и может дать дельный совет крылатым ящерам по поводу устройства личной жизни... И здорового питания, разумеется.

Глава 3

Бельмо на глазу императора

Посидев немного, послушав жалобное урчание своего желудка, я отправилась дальше и вскоре вышла на тропу. Раз здесь есть тропа, значит, неподалеку живут люди! Люди! Ау!

Я медленно брела по тропинке, которая петляла между деревьями. Создавалось впечатление, что протоптали ее в состоянии алкогольного опьянения. Сначала тропа шла влево, потом вправо, потом делала круг вокруг какого-то дерева, а потом снова смещалась влево. Я думала о том, что не тому я училась. Вот зачем мне навыки сисадмина в мире, где компьютерами и не пахнет? Хотя нет, я не права. Системный администратор – это не работа и не специальность. Это состояние души! Сколько есть в мире компьютеров вещей, которые никак не объяснишь с точки зрения логики. Почему, например, перезагрузка не помогает, а если выдернуть штекер из розетки, то девяносто процентов проблем решаются при следующем включении? И драйверы находятся, и ошибки исчезают. Вот необъяснимо это, и все тут! У меня вообще своеобразное отношение к технике. Я уверена, что в любой технике есть душа. Вот, например, принтер в бухгалтерии. Его постоянно ругают, и он не печатает. Или бумагу заминает. Или ошибку выдает. А стоит мне просто подойти и постоять рядом, как он начинает печатать как миленький. Погладишь его нежно, как котенка, по крышке, он тебе уже отчет распечатал, и даже в двух экземплярах (хотя заказывали на печать один). Это ведь нельзя объяснить с точки зрения логики! Казалось бы, все логически верно: и драйверы стоят, и шнур в порядке, и компьютер работает как часы, и бумага лежит – а не печатает. Просто игнорирует. Есть, конечно, проблемы, которые требуют решительных и последовательных шагов. От чистки реестра и переустановки системы, до просиживания с отверткой с вывернутыми внутренностями процессора. Но это самое простое.

Почему-то мне вспомнился мой самый первый ноутбук. Тогда я еще не была сисадмином. Я была обычной студенткой и училась на менеджера. Ноут был старенький, но такой замечательный. Я проработала на нем семь лет, пока в один ужасный день не сгорела материнка... Восстановлению девайс уже не подлежал. Таких материнок больше не выпускали. Я положила его в коробочку и похоронила под деревом, обливаясь слезами...

Но перед похоронами я его препарировала, чтобы узнать, как он устроен. И в этот момент я поняла, что для меня открывается новый мир – мир техники. Я стояла и рыдала над свежим холмиком, вспоминая лучшие дни, проведенные вместе с ним. Машка, например, никогда бы не поняла моего горя. Она вообще к технике относится потребительски. Сломалась старая – пора покупать новую. А я так не могу. Я привязываюсь к технике гораздо сильнее, чем к людям. Наверное, в этом и заключается главная причина моего одиночества.

Ладно, не будем о грустном... Техника техникой, а покушать бы не мешало! Я потянула воздух носом и почувствовала запах дыма. За деревьями показалась небольшая деревенька. Выглядела деревенька уныло... Гораздо более уныло, чем любая другая деревня. По центру деревни пролежала колея, которая разделяла дома на два ряда. Ну, «дома» – это преувеличение. Так, избушки-развалюшки... У одной из них сидел старик, одетый в какие-то лохмотья. Он горестно причитал, бурча себе под нос что-то неразборчивое.

– Здравствуйте! – звонко поздоровалась я, чувствуя себя пионеркой среди пенсионеров.

– Ну, здравствуй, девица-краса... – дед поднял на меня глаза и с ужасом отпрянул, – Роса, говорю, выпала... Ветреный денек будет... Примета такая... Мудрость уродная... Тьфу ты! Народная!

Я мрачно взглянула на деда, прекрасно понимая, что имел в виду старик. Внезапно старик спохватился, вскочил, всплеснул руками. Я, если честно, подумала, что у него приступ какой-то, но потом поняла, что это он так радуется. Чему радуется, правда, неизвестно... Похоже, что, пока он радовался, он и сам забыл о поводе. Дед тут же сел на место и снова начал что-то себе бубнить.

– Послушайте, дедушка, а здесь никакой ведьмы нет? Колдуна? Очень нужно! – взмолилась я, вспоминая рассказы о том, что в каждом селе любому найдется ведьма или кто-то, кто практикует магию.

– Ведьм нет, колдунов нет... – задумался дед, а потом его осенило: – Целитель есть!

– Отлично! – выдохнула я с облегчением. – Где его искать?

– А чего его искать? Вон в том доме сидит... – махнул рукой дед в сторону длинного бревенчатого дома. – У него прием. Все на двадцать лет вперед расписано... И сейчас там народу – не протолкнуться...

– У вас эпидемия какая-то? – спросила я, чувствуя, что в горле сразу же запершило, в глазах заслезилось, а в ногах появилась неприятная слабость. Вот так всегда. Стоит где-то абсолютно случайно вычитать про

симптомы какого-либо заболевания, как сразу я понимаю, что больна. Ужасно и неизлечимо. Недавно читала про какую-то лихорадку, лекарство от которой ученые еще не изобрели. Все первые симптомы были у меня налицо! И сухость во рту, и головная боль, и странные прыщики, и сухой кашель... Идеальная клиническая картина. Правда, в конце статьи было указано, что она распространена среди жителей африканского континента в связи с климатом. Но мое воображение было уже не остановить. Я представила, как какой-то турист летит в самолете, надрывно кашляет, покрывается пятнами, но уверяет всех, что чувствует себя отлично. Ему верят... Я прямо вижу, как он выходит из самолета, надрывно кашляет и падает в обморок. Его увозят кареты скорой помощи, но это не спасает... Вирус уже всю гуляет по стране, а Минздрав молчит, ибо предупреждал... Да и статистику портить не хочет... В такие моменты у меня начинается настроение, я залезаю с ногами на диван, обнимаю подушку и мысленно пишу завещание. Когда я дохожу до слов: «Лучшей подруге Машке я оставляю свой ноутбук...» – меня тут же передергивает при воспоминании, как Машка пролила кофе на клавиатуру своего ноута не из дешевых. В этот момент мне сразу надоедает умирать, и я тут же выздоравливаю.

– Типун тебе на язык! – возмутился дед. – Нет никакой эпидемии!

– А что тогда они у целителя делают? – спросила я, предвкушая ответ.

– Сидят, – пожал плечами дед. – Жалуются. У кого-то глаз плохо видит, когда его закрывают, у кого-то руки болят, когда дело касается работы, у кого-то сердце хватает, когда приказ императора зачитывают...

– Ладно, попробую прорваться! – бодренько заявила я, шагая в указанную дедом сторону. Настроение сразу поднялось. Но стоило мне открыть дверь, как оно неумолимо поползло вниз. В проходе, на длинных деревянных скамьях, сидели бабки всех мастей и размеров.

– Здравствуйте! Извините, а я за кем буду? – прочиркала я, прикидывая, куда бы присесть. Но все места были заняты.

– За мной будешь... – проскрипела бабушка, поправляя свой платок. – Я тут самая молодая, вот за мной туда и пойдешь... Хотя, может быть, и раньше... Как боги решат...

– Вы точно имеете в виду очередь к целителю? – неуверенно поинтересовалась я.

– Если к целителю, то вон за моей соседкой... – обиженно сказала бабка и продолжила дремать, шамкая губами.

Я молча раздвинула бабок, приземлилась на освободившееся место и стала ждать. Где-то через четверть часа из-за двери появилась старуха с

клюкой. Нет, не смерть, но тоже очень колоритная. Она медленно пошла в сторону выхода, но перед самой дверью внезапно остановилась.

– Батюшки! Забыла про спину спросить! – воскликнула она и бодро пошла в обратную сторону.

– Я быстренько, только про спину спрошу! – заявила она, пытаясь дернуть ручку двери, ведущей в так называемую смотровую.

Бабки занервничали. Кто-то закричал. К этому крику присоединились другие:

– Иди теперь и жди своей очереди снова! – возмутились они.

Бабка с клюкой пошла назад, выглядывая себе свободное местечко. Напротив меня как раз такое было. Бабка взглянула сначала туда, потом на меня и почему-то пошла в мою сторону. Она нависла надо мной, упираясь обеими руками в клюку. Я сначала не поняла, что она хочет от меня. Но бабка не дала мне даже поинтересоваться, как тут же начала голосить:

– Ой, что делается! Старики стоят, молодые сидят! Да как же так получается-то, люди добрые! Нет чтобы бабушке место уступить, так сидит, шаболда, по сторонам пялится!

Шаболдой меня еще никто никогда не называл. Я даже представить себе не могу, что означает это загадочное слово. Мне почему-то в голову пришло сразу две малоприятные ассоциации. Девушка легкого поведения, которая занимается этим, скорее из-за любви к искусству, а не ради материальной выгоды, и «балда» – умственно отсталая. То, что получалось в итоге, было не просто обидно, а очень обидно! Обе ассоциации не имели ко мне никакого отношения, поэтому я рассердилась!

– Вон там свободное место есть. Почему бы вам не присесть туда? – не совсем вежливым тоном сказала я, осознавая справедливость данного требования.

– Так у тебя тут тепленько! Насидела уже! Мне целитель запрещает сидеть на холодном! – пояснила бабка, пытаясь клюкой подвинуть меня в сторону.

Я молча встала, недовольно сопя, и пересела на свободное место. Бабка помялась, помялась и приземлилась туда, где пару минут назад сидела я. Я думала, что, получив желаемое, она успокоится, но не тут-то было!

– Видали, какая деваха наглая? – заявила она, обращаясь к соседке. – Совсем стыд потеряла! Одета так, что срам видать. Я в свое время на улицу без платка выйти боялась, а эта сидит себе полуголая, зенками лупает, зубы скалит.

Тут разговор подхватила бабка, сидящая по соседству:

– А жирная какая! Сразу видно, что ленивая!

– А чего она, спрашивается, к целителю сидит? Небось болячку срамную лечить пришла! – подхватила четвертая бабка.

Через пару минут в обсуждении меня были задействованы все бабки. Они так мастерски составили мне биографию и личностную характеристику, что я сама чуть с лавки не упала. Я вдохнула и выдохнула, чтобы не потерять самообладание, вспоминая о цели визита.

Но бабки даже не думали успокаиваться. Они стали шуметь еще громче и дошумелись. Из-за двери смотровой появился молодой, худощавый мужчина с огромными от недосыпа синяками под глазами и трехдневной щетиной. Он откашлялся и крикнул:

– Успокойтесь! Если так будете шуметь, я прекращу прием!

Самое интересное, что, когда он произнес «прекращу прием», в его голосе послышались нотки надежды и радости.

Бабки просто так успокаиваться не собирались. Они уже дошли до обсуждения моей личной жизни, которая представляла для них особый интерес, поэтому окрика целителя не услышали.

– Ну, все! На сегодня прием окончен! Я предупреждал! – крикнул целитель, едва скрывая радость в голосе.

Бабки враз умолкли и устали на доктора.

– Расходитесь, прием окончен... Приходите завтра... – сказал целитель, глядя в умоляющие глаза бабок.

Делать нечего, старушки стали подниматься со своих мест и ковылять к выходу.

– Нужно пожаловаться императору! А как же бесплатное исцеление? Как же приказ «Доступные целители в любое время дня и ночи»? – бухтели бабки, исчезая за дверью.

– Надо с первыми петухами завтра сюда прийти! А то и раньше! Даже лечиться сегодня не буду, чтобы очередь занять... – кряхтела знакомая бабка с клюкой, проходя мимо меня.

Через пять минут я осталась в гордом одиночестве, понимая, что мне выпал шанс поговорить с целителем без свидетелей.

Я осторожно подошла к двери, постучала и заглянула.

– Прием окончен! – рявкнул целитель, впиваясь зубами в большой кусок хлеба. – А фы фего хофели?

– Простите, что прерываю вас. Приятного аппетита... – мне было ужасно неловко. Я всегда чувствую себя неловко, когда прихожу куда-то в обеденный перерыв. – Простите, что помешала вам мм... трапезничать, но не могли бы вы уделить мне пару минут?

– О боги! Первый обеденный перерыв за пять лет! И все равно его прерывают! – сказал целитель, откладывая хлеб и смахивая со стола крошки. На столе творился полный хаос. Вокруг лежали стопки бумаг. Я краем глаза взглянула на одну из них и прочитала: «История болезни».

Понятно... Тут тебе и регистратура, и смотровая, и операционная... Все в одном.

– Я к вам по делу! – заявила я, присаживаясь на ветхий стул. Под моим весом он застонал и заскрипел на все лады.

– По какому такому делу? – как-то совсем недружелюбно отозвался целитель.

– Меня заколдовали! – сообщила я. – И я хочу, чтобы вы меня расколдовали!

– Мм... – помялся целитель. – Сейчас я вас осмотрю...

Он, словно Кашпировский, стал делать пассы руками, сосредоточенно сопя.

– Вы – абсолютно здоровы! – вынес он вердикт.

– Я знаю, что здорова, но я заколдована! Меня русалка заколдовала! – выпалила я, недоумеваю, что может быть непонятного в моих словах.

– Это не ко мне! – заявил он, открывая глаза.

– А к кому? – спросила я, чувствуя, что земля уходит из-под ног.

– Давайте я вам все объясню. Я це-ли-тель. Я не колдун. Я исцеляю болезни, а не снимаю заклинания! – пояснил мужчина, глядя мне в глаза.

– Если вы целитель и исцеляете болезни, то почему к вам такая очередь тянется и запись на двадцать лет вперед? – съязвила я, раздосадованная тем, что здесь мне вряд ли помогут. – Судя по моим наблюдениям, ходят к вам одни и те же пациенты. Как же так получается? А?

– Это долгая история. Раньше я был практикующим целителем в столице. Хорошие были времена... Я давал клятву, что буду помогать людям. И эта клятва привела меня сюда... Я вылечил мятежников, которые укрывались от гнева императора, за что он великодушно предложил мне два варианта. Первый – каменоломни, а второй – целительная практика здесь. Я был молод, глуп и наивен. Выбор показался мне очевидным, и я выбрал это место. Да лучше бы я выбрал каменоломни! Там хоть сдохнуть спокойно можно! Какой же я был дурак! Сначала все было хорошо. А потом они стали просто атаковать меня. Еще темно на дворе, а здесь уже толпа собирается. И так до поздней ночи. Расходятся они на час, а потом снова очередь занимают. Так за этот час я научился и есть, и в туалет, извините меня, ходить, и даже поспать немного... Почему я не выбрал

каменоломни? – целитель вытер слезу, которая потекла по его небритой щеке.

– Они все больны? – спросила я, наивно полагая, что местный доктор немного утрирует.

– Да здоровы они! Здоровы! Все здоровы! – вспыхнул целитель и тут скривился, словно от зубной боли. – Они сюда по привычке ходят. Делать им нечего. Приходят и жалуются, то ухо горит, то ноготь болит, то зубов не чувствуют... Я пытаюсь им объяснить, что они здоровы, а они кричат! Плохой, говорят, целитель! Болезнь найти не может! Император, когда меня сюда прислал, предупредил, что три официальные жалобы на меня – и он меня казнит. Раньше я так боялся, что жаловаться будут... Вот дурак был... Они две жалобы императору отправили, а третью все никак не хотят писать. Я уже на коленях стоял, умолял и упрашивал, мол, напишите еще одну жалобу, и я умру спокойно! Нет! Издеваются, сволочи, не пишут. Боятся, что больше целителя сюда не пришлют!

Вы когда-нибудь видели, как плачут мужчины? Теперь я могу похвастаться, что видела это своими глазами. Целитель рыдал на моем пухлом плече, периодически всхлипывая. Он рассказал мне, как хотел покончить жизнь самоубийством, но даже это ему не удалось. А потом он посмотрел на меня абсолютно сумасшедшими глазами и произнес:

– Может быть, вы на меня третью жалобу напишете? Я вас по-человечески прошу! Умоля-я-яю! Напишите, а? Если хотите, то я сам напишу, а вы просто отпечаток пальца вашего поставите, и все! Или крестик! – взмолился он, хватая бумагу и перо.

– Вы с ума сошли? Никакого самоубийства! Выход есть всегда! – в этот момент во мне заговорил сисадмин.

– Выхода нет... – тихо сказал эскулап, отодвигая чернильницу.

– Слушайте, так вы же сами можете написать и крестик поставить! Кто там разбираться будет, чей крестик? – спросила я, явно не горя желанием брать грех на душу.

– Да узнают! Сразу узнают! У нас император – чародей. Он насквозь людей видит! Солгать ему нельзя! Иначе как бы он у власти столько времени удержался? – зарыдал целитель, понимая, что его надежда принять легкую смерть от моего росчерка пера не оправдалась.

Чисто по-человечески мне было его жаль. У меня тоже ненормированный рабочий день. Мне могут позвонить и вечером, и в выходные... Я даже отдохнуть не могу. Стоит мне собраться в гости, как тут же, по закону подлости, мне звонят. Дескать, компьютер виснет или еще какая-нибудь чертовщина с ним происходит. Бери такси и дуй в офис.

– Если вы пообещаете мне помочь, то я постараюсь помочь вам! – решительно сказала я, хотя в голове у меня не было еще ни одной дельной мысли. – Вы, главное, не отчаивайтесь... И не вздумайте делать глупости!

Я вышла из больнички и пошла в сторону знакомого деда. Мне хотелось получить некоторую информацию. Я всегда, перед тем как решать проблему, стараюсь получить максимальные сведения о ней.

– Здравствуйте, дедушка, еще раз... – ласково начала я. – А где вся молодежь?

– Была молодежь, да сплыла. Повадился к нам дракон. Всех красавиц сожрал. Мужики совсем от горя с ума сошли... Кто поумнее – спился, а остальные – к русалкам стали захаживать. Вот и утопили их русалки. Так что молодежи у нас нет... – сказал дед невозмутимым голосом. – А из мужиков только я один и остался...

– А куда остальные дедушки делись? Неужели тоже к русалкам? – спросила я, немного изумляясь подобному раскладу.

– А куда еще! – тяжело вздохнул дед.

– А вы почему к русалкам не пошли? – спросила я, подогреваемая искренним любопытством.

– Ноги не ходят... – с некоторым сожалением сказал дед. – А так бы сразу туда побежал!

Я даже не нашлась что ответить. Думай, Сима, думай... Нельзя же так все оставлять? Итак, есть задача. Чем занять бабок, чтобы они оставили целителя в покое и перестали выдумывать себе мнимые болезни? Нужно их чем-то занять... Вот только чем? Что будет интересно бабушкам?

Почему бы не организовать конкурс? Нет, конкурс – это одноразовое удовольствие. Хотя идея с конкурсом на лучший огурец, самый большой помидор и самый длинный связанный носок очень даже интересная. Так почему бы не сделать такой конкурс на постоянной основе? И каждый день придумывать новые темы?

Я решила поговорить с дедом еще разок.

– А чем вообще занимаетесь в свободное время? – спросила я.

– Лечимся... У нас почти всегда свободное время. Землю забросили, дома забросили, все к целителю ходят и до ночи там просиживают. За здоровьем следят! – пояснил дед.

– А вы, дедушка, почему к целителю не ходите? – спросила я, чувствуя себя Алисой в Стране чудес.

– Ноги не доходят... Тяжело мне, вот и не хожу... Там такое здоровье нужно, чтобы в очереди высидеть... А у меня здоровья-то совсем нет... Вот поэтому и не хожу! – вздохнул дед. – Ты сама-то откуда взялась?

– Просто мимо проходила, решила зайти... – как-то неуверенно сказала я.

– Ты случайно не шпион императора? – с подозрением сказал дед, осматривая меня с ног до головы.

– А что тут шпионить? Что у вас тут интересного может быть? Кстати, как ваша деревня называется? Все спросить хочу, да как-то забываю... – я прихлопнула назойливого комара, который уже впился мне в руку. Я-то думала, что в этом мире хотя бы комаров нет. А они, сволочи, тут прямо тучами летают.

– Раньше называлась красиво – Морская Глубинка. А потом император переименовал ее в Большое Бельмо, – сказал дед, вздыхая.

– Интересно, чем название Морская Глубинка так не понравилось императору? – спросила я, скорее для того, чтобы поддержать беседу, нежели от любопытства.

– Пишем жалобы мы... Точнее, раньше писали... Каждый день жалобу отправляли в столицу. Жаловались на указы, жаловались на приказы, на то, что дороги нормальной нет, тоже жаловались... Давно дорогу нормальную сделать надобно... А все деньги из казны не выделяются. Сначала нам отвечали... Мол, нецела... несел... – дед запнулся.

Но я тут же автоматически подсказала:

– Нецелесообразно!

– Вот-вот. А потом даже отвечать перестали. Так мы тут же с утроенной силой жаловаться стали. Теперь уже на императора! Вот! – дед воинственно потряс сухим кулачком.

– То есть вы жалуетесь императору на императора? – я начинала понимать, что деревня свое название оправдывает на все сто.

– Ну да! А кому же еще на него жаловаться? – искренне удивился дед, явно не понимая всей абсурдности ситуации.

– Понятно... – протянула я, тяжело вздыхая. Теперь мне предстоит заняться организацией досуга в деревне Большое Бельмо. Отлично! Всю жизнь мечтала! Но опять-таки, это должна быть система, которая сможет прекрасно работать и в мое отсутствие! Не буду же я вечно тут сидеть и контролировать? Я осмотрелась по сторонам. Все выглядело так уныло и заброшенно. Дома покосились, огороды заросли травой... Я, конечно, не лучшая домохозяйка, но так свое жилье никогда не... Стоп. Память услужливо подсунула мне какую-то телепередачу, которая касается дома, готовки и приема гостей... Я пыталась усиленно вспомнить ее название, но название никак не вспоминалось. Суть такая, каждая хозяйка показывает свое жилье, вычищенное до блеска, и кормит гостей фирменными

блюдами... Ой! А покушать бы не мешало... Участники проекта ходят друг к другу в гости, а потом обсуждают меню, уборку, гостеприимство... Отличная мысль. Теперь нужно как-то донести ее до народа! И делать это нужно немедленно. Нужно как-то привлечь внимание. И тут мне вспомнилась фраза из книги по женской самообороне. «В случае чего – кричите „Пожар!“».

Эх! Была не была! И тут я как крикну: «Пожар!» Дед, сидящий на лавочке, аж подпрыгнул! Бабки высыпали из своих домов, кудахча: «Где? Где?»

– Это была проверка! – успокоила я бабок, которые стали хвататься за сердце. – Я хочу, чтобы вы меня выслушали! Я... мм... – Тут я начала запинаться, потому что не знала, как правильно сформулировать свою мысль. – Недавно я была в соседней деревне...

Одна из бабок спросила скрипучим голосом:

– В Малом Бельме, что ли? Так, говорят, что ее разрушили... Курорт хотели построить... А потом передумали!

– Нет, не в Малом Бельме! В другой деревне! Так вот, там так красиво и чисто... – продолжила я, но меня тут же перебили обиженным на судьбу голосом:

– Конечно! Им император деньги выделяет на благоустройство... А нам – шиш!

– Не выделяет он им деньги! Они сами следят за чистотой своей деревни! И каждый раз выбирают лучшую хозяйку! Ею всегда становится та бабушка, у которой самый чистый дом, самая вкусная еда, самый ухоженный огород, самый большой урожай... Бабушки собираются вместе и идут в гости к одной из хозяек, которая их кормит, развлекает, показывает свое хозяйство, а потом все дружно обсуждают, что им понравилось, а что нет. И так раз за разом. А после того как побывали в гостях у каждой, бабушки собираются и выбирают лучшую хозяйку. Ей хвала и почет! А потом снова ходят в гости друг к другу и проверяют, а вдруг кто-то лучше окажется?

И тишина. Бабки стояли, переваривая полученную информацию. Я сразу почувствовала себя очень неудобно, как будто только что сморозила глупость. Это неловкое чувство, когда сильно облажалась в присутствии большого количества людей, не давало покоя, пока слушатели обдумывали мои слова. Думали они ме-е-едленно, отчего мне становилось очень тревожно.

А потом одна бабка встала и молча пошла к своему дому. Я ее узнала. Это была та, с клюкой, которая обозвала меня шаболдой. Оставшиеся

бабушки так и продолжали молча стоять. Бабушка с клюкой зашла в дом и начала вытаскивать какие-то тряпки, сундуки (если честно, то я бы такой и с места не сдвинула). Одной из тряпок она начала протирать дверь... Другие бабушки молча смотрели на нее, а потом все бросились врассыпную. И теперь каждая из них стала вытаскивать свои пожитки, набирать воду, что-то мыть, драить. Одна из бабушек взяла в руки какое-то подобие молотка и стала усиленно что-то приколачивать. Ура... Идея сработала...

Мне даже показалось, что старик подмигнул мне, а может, это он просто сощурился, чтобы рассмотреть меня получше... Но я решительно направилась к целителю, который встретил меня так радушно, как встречают самых дорогих гостей. Он был гладко выбрит, прилично одет и даже подстрижен. Интересно, когда он успел?

– Я все слышал... Как мне тебя благодарить? – спросил он, глядя на меня с восхищением. Конечно, теперь его каторга плавно превратилась в курорт. А что? Море рядом!

– Лучше скажите мне, кто может снять проклятье или заклинание? Я в этом плохо разбираюсь! – спросила я, все еще восхищаясь собственной находчивостью. И ведь врут анекдоты про тупых блондинок. Я пусть и блондинка, но отличаюсь «умом и са-а-абразительностью». Самооценка у меня неумолимо поползла вверх.

– Тебе нужно в столицу. Там живут сильные колдуны и маги. Только им под силу снять столь сложное заклинание... – выдохнул целитель, сожалея, что ничем помочь мне не может.

– Хорошо, а кто самый сильный колдун в окрестностях? – спросила я, чтобы уже не ошибиться и искать наверняка.

– Император... – мрачно произнес целитель. – Другие маги ему и в подметки не годятся.

Глава 4

Подложить свинью его императорскому величеству

Я крепко задумалась. Все мои предыдущие победы показались мне сущим пустяком, по сравнению с перспективой добиться аудиенции у такого занятого человека, как император.

– Послушайте, а не могли бы вы помочь одному человеку... Он не может сюда прийти, потому что ноги у него плохо ходят... – тихо обратилась я к целителю, вспоминая деда. – Ему действительно нужна помощь! Кстати, а как вас зовут?

– Зовут меня Ион. Почему бы и нет? Я же все-таки целитель, – согласился бедный каторжник. – Пойдем, поможем человеку...

И мы вместе отправились к деду, который сидел себе спокойненько на лавочке, глядя на то, как бабки затеяли генеральную уборку.

– Вот он, – сказала я, чувствуя себя сестрой милосердия.

– На что жалуетесь? – спросил Ион, проявляя профессиональный интерес.

– На жизнь да на скуку... – протянул дед, глядя на то, как одна бабка стирает дырявую простыню в большом рассохшемся корыте.

– Ну, это понятно, а по здоровью что у нас? – спросила я, немного нетерпеливо.

– Ноги не ходят. Могу только домой и обратно... – протянул дед, явно не надеясь на чудесное исцеление.

– Давайте я вылечу ваши ноги! – предложил целитель, делая пассы руками.

– Не надо... А то я к русалкам уйду... Давно бы ушел, но ноги не ходят... Вот поэтому и живой еще... – сказал дед, тяжело вздыхая. И тут он занервничал, полез в карман, достал мятый свиток и вручил его целителю:

– Все никак ноги не доходили... Вы тут у нас один грамотный...

Ион быстро развернул свиток и стал читать:

– По указу императора от каждого города, деревни, поселка или любого другого населенного пункта в течение семи дней с момента получения оного приказа передать эmissару красавицу брачного возраста, ранее в браке не состоявшую, в связях, порочащих ее имя, не замеченную. В случае невыполнения указа все жители деревни будут рассмотрены как

мятежники и осуждены соответственно. Число и подпись... – прочитал целитель. – А когда указ привезли? А, дед?

– Три дня назад... Или два... Или вчера... Давеча, одним словом. Или намерен... А может, и надесь... – выдохнул дед. – Судить нас будут как мятежников... Нет у нас красавиц брачного возраста... Да и вообще девок нет. Казнят нас, как пить дать!

Тут я почувствовала, как Ион пихнул меня локтем, мол, чего молчишь?

– Дед, а я на что? Я с радостью представлю деревню Большое Бельмо на местном конкурсе красоты, только если меня довезут до столицы! Мне в столицу надо! Постою, послушаю, что мне скажут, а как забракуют, пойду по своим делам! И вам хорошо – девицу предоставили, и мне хорошо – до столицы пешком идти не придется, – сказала я, радуясь своей находчивости и удачному стечению обстоятельств.

Мой желудок заурчал, напоминая о том, что пора бы перекусить. Тем временем дед быстро созвал всех бабок, которые тут же набегали к нему, и изложил суть императорского требования. Меня критично осмотрели со всех сторон, прикинув, что лучше я, чем казнь, и согласились. Меня тут же накормили, причем очень вкусно, дали возможность умыться и расчесаться. Я стала выглядеть чуть лучше... Ну, насколько это возможно в моей весовой категории. Если честно, то я начала привыкать к своему телу. А вот к новому лицу никак привыкнуть не могу... Не могу, хоть убей! В маленьком осколке зеркала отражалась толстуха с носом, больше похожем на мясистое свиное рыло, с маленькими задорными глазками и огромными, как у хомяка, щеками. Тройной подбородок плавно перетекал в толстое туловище. Волосы, правда, не изменились. Как были блондинистые, так и остались. Я попыталась улыбнуться. Глаза сразу исчезли за щеками, а тонкие губы растянулись, обнажив неровный штакетник желтых зубов. Это было выше моих сил. Я отложила осколок зеркала и тяжело вздохнула. Ничего, император, поди, тоже не красавец! Так я буду ему под стать!

Тем временем бабки держали совет. Они решили, что я, как представитель деревни, должна выглядеть максимум презентабельно, дабы не посрамить честь Большого Бельма. Но я уже поела, поэтому стала спокойной как удав, и желание что-то делать у меня резко отпало. Мне хотелось просто отдохнуть. Я достала телефон и решила немного отвлечься. Приложения работали просто отлично. И даже без рекламы. Я быстро включила «Злых птичек» и начала массовый забой свиней. Но мельком взглянув на хрюкающего фунтика, который спрятался за бетонной перегородкой, мне почему-то стало жаль его... Он такой ма-а-аленький, несчастный. И рыльце у него похоже на мое. Пришлось выключить

приложение. Да. Русалка не соврала. Телефон, который раньше разряжался по два раза в день, теперь не требовал зарядки почти двое суток. А Гарри Поттер так не умеет! И самое главное, что никто мне не звонит по пустякам. Все, как я и хотела... Вот только...

Мой покой продолжался недолго. Вскоре меня позвали на примерку. Оказывается, одежду для меня уже выбрали, без моего согласия и ведома, разумеется. Сначала мне принесли зеленую юбку в клеточку. Юбка была длинной, но она хоть как-то скрывала мои толстые и кривые ноги. Потом мне принесли желтую блузку в горошек, которая едва сошлась на моем животе. Пуговицы трещали, пытаюсь оторваться как можно скорее, не выдержав такого напряжения. На них в буквальном смысле давил целый пласт жира, который настоятельно требовал свободы. И под конец мне выдали туфли на три размера больше, очевидно, мужские. Увенчала мой образ красная косынка в цветочек. Из моей модельной стрижки проворные бабки быстро соорудили косу. Ну не совсем косу, а косичку... Косюлю, я бы даже так сказала. Тонюсенькая, жиденькая, зато украшенная розовым бантом на конце, выглядела она празднично, как у первоклашки. С новой прической мое лицо стало казаться еще шире и безобразнее.

И мы стали ждать, когда приедет эmissар, чтобы отвезти мою красу необъятную прямиком в столицу. Но молча ждать бабки не могли. Они мне еще и напутствия давали по случаю моего дебюта при дворе:

– Когда ымператор на тебя посмотрит, ты глазами как стрельни, шоб он упал...

– А когда он подойдет к тебе, опусти голову и отвернись. Пусть он знает, что ты приличная девушка...

– А когда наклонится тебя поцеловать, то не давайся, изворачивайся...

– А когда ляжет рядом, то лежи смирно. Первая ни за что к нему не прикасайся!

Как-то так. Разумеется, блистать своими познаниями в постельной теме я не стала, а лишь молча кивала и со всем соглашалась. В итоге бабульки расписали все, включая первую брачную ночь, исходя из собственного опыта. Прямо как в анекдоте: «Приятно вспомнить, не с кем поделиться». Я была согласна выслушать еще столько же нравоучений, лишь бы побыстрее добраться до столицы.

Эмиссар приехал утром. Хорошо выспавшись в доме одной из бабушек, которая великодушно уступила мне свою двухспальную кровать, а сама ушла спать к подруге, я пребывала в чудесном настроении.

Когда меня торжественно представили усатому мужичку средних лет, гордо восседающему на коне, он поперхнулся слюной и ойкнул. Ну не

выдержали нервы у мужика... Я на него не обиделась. Вместо привычной красавицы ему вывели задорно улыбающуюся свинку, причесанную в стиле «Я у мамы дурочка» и разодетую, как неведомый аборигенам светофор. За эмиссаром стояла красивая карета, запряженная четверкой лошадей, кучер и лакей. У бедняг были такие лица, будто они только что случайно увидели себя голыми на Youtube, а под роликом набежало миллион просмотров и столько же комментариев.

Эмиссар сглотнул, интуитивно отпрянул, а потом взял себя в руки и сухим официальным голосом спросил:

– Вы хотите подложить свинью его императорскому величеству? Где остальные девушки? Показывайте!

И тут дед подал голос:

– Никого больше нет. И не было уже годиков пять. Всех красавиц драконы сожрали, будь они неладны. А эту уберегли. По подвалам всей деревней прятали, откармливали, отпаивали, кровиночку нашу... Как раз для такого случая... Как чувствовали, что император жениться надумает...

– Лучше бы и дальше прятали... – тихо выругался эмиссар, стараясь не смотреть в мою сторону. – Вот что я скажу императору? Как отчитаюсь? Я не могу это везти в столицу. Да и вернуться с пустыми руками тоже не могу... Что прикажете делать?

В моей голове заиграла музыка из сериала «Не родись красивой». Кстати, здорово, что я его вспомнила. Даже настроение поднялось. Катя Пушкарева умерла бы от зависти, увидев меня. Чего не скажешь обо мне. Как говорила моя бабушка, пытаюсь впихнуть в меня очередную порцию блинчиков: «Пока толстый сохнет, худой сдохнет!» Так что у меня были все шансы пережить Катю Пушкареву.

И тут во мне проснулся пороссячий задор. Я вспомнила, как нагло ведут себя толстушки, уверяя всех, что они самые обаятельные и привлекательные, и решила последовать их примеру.

– Да что вы себе позволяете! – завопила я, разыгрывая оскорбленную добродетель. – Да как вы смее! Я – единственная красавица деревни! Вы обязаны взять меня в столицу! Таков указ императора! Уж замуж невтерпех!

Эмиссар вздохнул и обреченно согласился. Указ есть указ. За неимением других и такая невеста сойдет... Не возвращаться же с пустыми руками!

Меня проводили к карете, которая резко накренилась, когда я поставила ногу на откидную ступеньку. Лакей и кучер подперли карету своими щуплыми телами, для того чтобы она ненароком не перевернулась.

Я быстро и достаточно проворно влезла внутрь и грузно бухнулась на мягкое сиденье, развалившись поудобнее. Карета тронулась. Я выдохнула.

Я ехала и думала, что хорошо бы в ней был люк, как в маршрутке. Но неизвестные мастера люк не предусмотрели, поэтому я изнывала от жары и духоты, чувствуя себя, как плавленый сырок в микроволновке.

Заботливые бабушки завернули мне «тормозок на дорожку». Судя по увесистому свертку, там еды хватило бы на целую семью, которая едет поездом Москва – Владивосток. Недолго думая, я принялась кушать. Знаете, почему хорошо быть толстушкой? Можно есть все, что душе угодно. Фигуру уже ничто не испортит! Как давно я не ела хлебушек! Целую вечность. Я схомячила половину припасов, чувствуя, как пуговица на животе цепляется за петельку из последних сил. Еда! О да! Это не диетический йогурт с пресными хлебцами... И не разгрузочный «кефирный» день после чипсов и сухариков.

После трапезы я решила поиграть на телефоне и вспомнила про недавно скачанную игру «Три в ряд». Пройдя сорок уровней на три звезды и два уровня на две, я решила заняться самым сложным уровнем. Он мне не давался ни разу, поэтому я основательно засела за его прохождение. Плохо было то, что уровень был на время. И еще хуже было то, что времени было катастрофически мало. Я усиленно тыкала пальцами в экран, пытаюсь набрать как можно больше очков и разрушить как можно больше цепей и кубиков... И тут карета остановилась. Причем так резко, что я выронила телефон, ударилась о противоположную стенку и села на попу прямо в проходе. Потирая ушибленную филейную часть, я подняла телефон и тут же осмотрела его. Ни царапины, хотя ударился он знатно. Мы уже приехали? Не мешало бы немного пройтись и размять косточки, а то от долго сидения у меня затекли ноги.

– Поосторожнее! Не дрова везете! – крикнула я, постучав пухлой ладошкой по стенке, за которой сидел кучер.

Тут я услышала шум, который меня слегка насторожил. Где-то снаружи раздавались приглушенные крики и вопли. Совсем неподалеку я услышала сиплый мужской голос: «Сейчас позабавимся! Давненько у нас свеженькой девчатины не было!»

Ага, давайте ребята... Я готова... Три... два... один...

Дверь кареты распахнулась, и я увидела плюгавого, абсолютно лысого и загорелого мужичка, который улыбнулся золотыми зубами, достал нож и просипел: «Выходи, красавица!»

Я абсолютно спокойно вывалилась из кареты, а потом, расставив руки и ноги, как борец сумо, радостно воскликнула:

– Ура! Насиловать будут! Боги услышали мои молитвы!

Разбойник от неожиданности просто сел на землю. К нему подбежала еще кучка друзей бомжеватого вида, и они тоже застыли в ужасе при виде моих необъятных форм и боевой стойки.

– Кто первый? – строго спросила я, наслаждаясь произведенным эффектом. – Учтите, меня хватит на всех!

– Мы не насиловать... Мы – грабить... – голосом Равшана из «Нашей Раши», пояснил разбойник.

– У меня с собой только одно сокровище – моя девственность... – я качнула бедрами. – Кто у нас будет похитителем?

Бравый душегуб-насильник сглотнул и стал потихоньку отползать. Другие тоже поспешили вслед за ним. Поднявшись, разбойники дали деру. Они бежали, оглядываясь, не бегу ли я за ними следом, пока один не стукнулся о дерево с разбегу. После этого на дороге стало тихо и спокойно.

– Как там говорится? Не для вас ягодка созрела! – крикнула я вслед убегающим разбойникам, самодовольно улыбаясь. А потом перевела взгляд на перепуганных кучера и лакея, забравшихся от страха под карету, и на brave эмиссара, который только что пришел в себя после удара чем-то тяжелым по голове. – А для кого наша ягодка созрела? Ну-ка, отвечайте? Для кого эта роза цветет? Для кого? Ну?

Я посмотрела на сопровождающих меня мужчин, которые потеряли дар речи, как на унылое дерьмо, и плотоядно улыбнулась.

– Для его императорского величества! – с расстановкой ответила я. – Так что вы даже не мечтайте! Вам такое счастье не светит!

Я достала телефон и сделала селфи на фоне валяющихся в грязи мужчин. Я получилась ужасно. Даже хуже, чем на паспорт. Но лица моих спутников выглядели настолько забавно, что можно было смело делать демотиватор!

Я снова залезла в карету, нарочно расшатывая ее со всей силы. Столько лулзов я никогда не ловила! Карета медленно тронулась, а я решила пофотографировать себя. Все равно делать больше нечего! Я фотографировала себя лежа, сверху, снизу. И все это выглядело просто ужасно. На фотках «Сима, вид снизу» я была похожа на женскую версию Джаббы Хатта из «Звездных войн», на снимках «Сима, вид сверху» – на волосатого Колобка. Когда я фотографировалась лежа, я напоминала холодец или надувной матрас, который сдули наполовину. Эх! Жаль я с драконами на сфоткалась. Такая бы память была! Упустила момент! Досадно!

Чем ближе я приближаюсь к столице, тем лучше у меня становится

настроение. Ведь это проклятие ненадолго. Я уверена, что найдется хороший маг, который меня расколдует, и я снова стану прежней. Минус сорок килограммов за пять минут. Без диет и упражнений. Ха-ха! Главное, побыстрее сбежать со смотрин. А вдруг это не смотрины? Вдруг это рабовладельческая ярмарка? Вдруг меня привезут в столицу, отберут одежду и запрут в каком-нибудь подпольном борделе? Или попытаются продать, как Анжелику в Берберии?

Почему-то мне вспомнилась серия книг «Анжелика», которая стояла на полке у родителей. Красавица, в которую влюблялись все мужчины, которые ее видели, пережила много приключений. И все потому, что она – красавица. А будь она такой, как я сейчас, то все бы закончилось буквально на десятой странице поспешным бегством в закат хромого Жоффрея де Пейрака. Я на секунду представила, как он, подволакивая ногу, с испуганными глазами сначала мчится, потом спотыкается и падает, но, упав, мужественно продолжает ползти, как раненый разведчик под обстрелом, от настигающей его большой, я бы даже сказала необъятной, любви. «Жоффрей!» – кричит Анжелика с характерным французским прононсом и с грацией бегемотика мчится за своим суженым. «Сгинь!» – хрипло вопит колдун из Тулузы, понимая, что главное – не останавливаться.

А теперь представим меня в столице. Вот я вываливаюсь из кареты и занимаю почетное место среди красавиц. Как же это шоу называлось, где один не самый лучший, на мой взгляд, жених выбирает из целого стада однотипных баб себе невесту? «Холостяк»! Машка все сезоны смотрела, а я «ниасилила» даже первого. Ладно, вернемся к нашему кастингу! На троне сидит старый, толстый, страшный, похотливый холостяк-император, который потирает ручки при виде очередной красавицы, и тут появляюсь я! Вот облом! Бедолага в ужасе, а я спокойненько иду по своим делам. Спасибо, что не пришлось вызывать такси до столицы! Оревуар! Мерси! Счастья в личной жизни! Пух.

Примерно так я все это и представляю! Конечно, возможно, он любит толстушек, и тогда может получиться очень даже неловко... Но вероятность этого настолько мала, что я даже ее не рассматриваю. Поэтому можно быть абсолютно спокойной.

И вот мы добрались! Ура! Наконец-то! Карета остановилась, и мне предложили выйти. Что я с грацией бегемотика и сделала. Оглядевшись по сторонам, я увидела вполне презентабельный дворец, сад, как на обоях для рабочего стола, и некоторое замешательство на лицах слуг, которые столь предусмотрительно вышли встречать очередную кандидатку на руку и

сердце императора.

Слуги проводили меня в мои покои. Они держались от меня на расстоянии, словно я их съем. «Вот бы побыстрее отмучиться и заняться своими делами!» – думала я, с трудом поднимаясь по ступенькам.

В моих покоях было уютненько. Нельзя сказать, что евроремонт, но штукатурка с потолка не сыпалась. Первым делом я бухнулась на огромную мягкую кровать, произведя тем самым «большой бада-бум». Тут же дверь открылась, и на пороге появились напуганные слуги, пытаюсь понять, что произошло. Увидев меня, лежащую на кровати, они осторожно попятились и закрыли за собой дверь.

В комнате мебели было раз два и обчелся. Первое, что бросилось в глаза, – огромное зеркало, отражение в котором меня явно не порадовало. На спинке стула висело платье. Правда, с размером не угадали. Эмка или элька. А мне нужен как минимум икс-икс-икс-эль. Раньше я бы легко поместилась в него, но в нынешней весовой категории оно налезло бы мне разве что на руку. Я приложила его к себе и голосом ослика Иа с соответствующими интонациями произнесла: «Мой любимый цвет! Мой любимый размер!» Розовое, с оборочками и бантиками, оно выглядело, как выпускное платье в детском саду. Осталось только втиснуться в него, залезть на стульчик и прочитать стишок про зайку. Если в процессе кастинга придется показывать свои таланты, то я так и сделаю.

Дверь снова открылась, и в комнату вошла служанка.

– Госпожа, я прошу вас переодеться. Я пришла, чтобы помочь вам...

Бедняжка не договорила. Оценив на глаз мои габариты и размер платья, которое я держала в руках, прикладывая к своей необъятной тушке, она сглотнула. Программа выполнила недопустимую операцию и будет закрыта. Если ошибка повторится – обратитесь к разработчику.

Но девочка оказалась упрямой и креативной. Она тут же исчезла за дверью, а потом вернулась с какой-то темной занавеской. Я сразу вспомнила Скарлетт и ее невероятное зеленое, с оборками, платье из шторы, и как выяснилось, не зря. Судя по торопливым движениям служанки, времени было мало, поэтому она проворно сшила платье-мешок с прорезями для рук и ног, которое тут же напялила на меня. «А теперь наберите воздуха в грудь! – сказал бы Задорнов. – Потому что вам придется чем-то выдыхать!» Она приложила розовое платье к моей груди и пришила его на манер фартука. Молодец! Мои аплодисменты! Я бы при всем желании лучше не придумала. Прическу она мне сделала быстро, правда, особо не стараясь. Все оставшееся время было уделено моему макияжу. Замаскировать многоярусный подбородок ей не удалось, а вот немного

сузить щеки, она смогла. В итоге я выглядела лет на десять старше. Не хватало парочки хозяйственных сумок, и можно было смело идти на рынок.

– Мадам Грицацуева! – сказала мне зеркало. – Знойная женщина, мечта поэта.

И главное, что не поспоришь! Меня пригласили на выход. Ну, ничего, сейчас я как выскочу, как выпрыгну...

Красавицы уже собрались. Брюнетки, блондинки, шатенки, рыжие. И все в одинаковых платьях. Человек тридцать. Я смотрелась на их фоне, как бандерша со своим «цветником». Самое интересное, что красавицы тут же стали вокруг меня поплотнее, дабы я оттеняла их красоту.

Перед нами была широкая лестница с мраморными ступенями и небольшой площадкой где-то посередине, на которой стоял старик в зеленом камзоле, с козлиной бородкой и залысиной. «Жил-был у бабушки серенький козлик... Вот как! Вот как! Это был дед!»

Козлик подбоченился, прокашлялся, и мне показалось, что он сейчас запоем... Но он не запел. Голосом диктора Левитана, от которого задрожали стены и запрыгали канделябры, старик произнес:

– Добро пожаловать во дворец его императорского величества! Мы рады приветствовать девушек, одна из которых станет императрицей!

Красавицы сразу расцвели, в воображении примеряя корону. Одна я зевнула и мысленно потребовала, чтобы дедушка ускорился. Мне уже порядком надоело тут стоять.

– Перед тем как вы лично увидите императора, мы подготовили для вас несколько вопросов. Проходите по очереди в зал, где вас ожидает небольшая проверка, – сказал старик, указывая рукой на полуприкрытую дверь.

Девушки сразу ломанулись к двери, причем все одновременно. Вскоре раздались крики и визг, и, как мне показалось, началась драка. Но драки не было, просто красавицы оттаскивали друг друга от двери, пытаясь протиснуться туда раньше конкуренток.

«Наивные!» – подумала я и, как атомный ледокол «Ленин», бороздящий льды Арктики, двинулась в сторону основного скопления красавиц. Раньше зайду – быстрее отстреляюсь.

В кабинете стоял стол, за которым сидел писарь и скрипел пером. Рядом с ним сидел какой-то толстый дядька с крючковатым носом. Он вытирал платочком пот со лба, а при моем появлении выронил его из рук и потерял дар речи. Я прошла и плюхнулась в кресло. Все это напомнило мне собеседование о приеме на работу.

– Ваше имя? – спросил толстячок, набравшись храбрости.

– Серафима, – ответила я.
– Возраст? – спросил толстячок, разворачивая бумажку с вопросами.
– Восемнадцать плюс, – ответила я.
– Что значит «восемнадцать плюс»? – изумился толстяк.
– Восемнадцать говорит о том, что я – совершеннолетняя, а плюс – это жизненный опыт. Ведь жизненный опыт – это плюс? Не так ли? У меня большой жизненный опыт! – улыбнулась я.

Писарь заскрипел пером. Он спросил, обращаясь к толстяку:
– А если не влезает в строчку?
– Переноси на следующую! – раздраженно ответил толстяк.
– Там уже другой вопрос... – замялся писарь. Оказывается, он написал все вопросы заранее, а теперь решил просто вписывать ответы. Мой ответ не влезал, поэтому писарь мельчил и сопел от напряжения.

– Ваша мечта? – спросил толстяк, переходя к следующему вопросу.
И тут я стала вспоминать конкурсы красоты. Побеждала именно та красавица, которая говорила: «Мир во всем мире», хотя по ней видно было, что она мечтает о «Ламборгини Диавло» и собственной яхте. Но если бы она озвучила свою настоящую мечту, то стопроцентно пролетела бы. Так что будем говорить правду. Почему-то я вспомнила фильм про террористов, которые торгуются с полицией: «Самолет, миллион долларов и выпустить из тюрьмы всех товарищей!»

Товарищей в местной тюрьме у меня не было, поэтому решила ограничиться первыми двумя пунктами. Краем глаза я посмотрела на то, что заносит в протокол собеседования писарь, и немного обалдела. Вместо «самолет» он пишет «самогон», а вместо «миллион долларов» – «миллион поцелуев». Молчать, разумеется, я не стала!

– Послушайте! Какую ерунду вы пишете! Я такого не говорила! Откуда взялись «самогон» и «миллион поцелуев»? Вы меня совсем за дуру держите?

Я протянула пухлую ручку и отобрала листок с моими ответами.
– Давайте чистый бланк! Я сама все напишу, вы пока посидите тихо, – сказала я, обмакивая перо в чернильницу.

Бланк мне дали, и я начала заполнять анкету. Если честно, то когда мне на собеседовании вручают анкету, то я сразу понимаю, что это сетевой маркетинг. Нормальные фирмы, по моему опыту, не очень любят узнавать, на что бы я потратила «миллион долларов, если бы таковой у меня был», поскольку платить мне такую сумму никто не собирался. Когда я искала работу, то часто сталкивалась с подобными конторами, торгующими чудодейственными корешками, уникальными пылесосами, сковородками и

прочими товарами, рассчитанными на доверчивых лохов. Раньше такие фирмы напрямую писали название и суть работы, но поскольку их репутация безнадежно испорчена, то они приловчились писать объявления о том, что требуется «дизайнер», «бухгалтер», «менеджер» и даже «программист». Ты звонишь, тебя приглашают на собеседование в «офис в центре города», где тут же вручают анкету с вопросами, которые к работе не имеют никакого отношения. Такие анкеты я заполняла быстро и весело. Разумеется, я всегда подходила. Даже если указывала, что меня зовут Даздраперма Рашидовна Череззаборногузадерищенко. И что мое предыдущее место работы – вытрезвитель, а пресловутый миллион я бы потратила на покупку коллайдера. Здесь все было примерно так же. Только номер телефона указывать не нужно было. Я, сохраняя серьезный вид, начала отвечать на нехитрые вопросы.

«Ваше имя?»

«Гадя Петрович Хренова», – написала я, вспоминая любимую команду КВН.

«Ваша мечта?»

«Самолет и миллион долларов по курсу Нацбанка на дату выдачи».

«Ваше хобби?»

И тут я вспомнила, как Машка решила сменить свою сферу деятельности и стать менеджером. Однажды она прислала мне эсэмэску, мол, срочно напиши мне пару умных слов из курса менеджмента. Я долго думала и написала: «Лизинг, факторинг, форфейтинг, фистинг и фингеринг». И поставила большой смайл. Я пошутила... А посмеялся работодатель, ибо Маша в тот момент сидела на собеседовании и заполняла анкету. В итоге Машка на меня обиделась, хотя потом простила, решив остаться юристом.

И вот теперь на вопрос о моем хобби я перечислила все вышеупомянутые термины.

Дальше вопросы были скучные, типа есть судимости или нет? Я написала: «Будут!» На вопрос: «Были ли в семье бездетные?» я написала «Да, моя родная мама».

Последний вопрос. Итак, согласна ли я стать супругой императора?

Я написала лаконично: «Супругой – нет, вдовой – да» – и отдала листочек писарю, который, пробежав глазами мои ответы, стал медленно оседать под стол.

– Я справилась! Что дальше? – нетерпеливо спросила я, наседая на толстячка.

– Отправляйтесь в свои покои и ждите результата... – промямлил он,

указывая на дверь.

– Отлично! – я в приподнятом настроении отправилась в свою комнату.

Глава 5

Над пропастью не ржи...

Я развалилась на кровати, ожидая услышать радостную новость о том, что я не прошла и теперь могу вприпрыжку бежать на все четыре стороны. Время тянулось медленно, но я не отчаивалась. Быстрее бы уже объявили результаты! Жду не дожусь! А еще я бы зуб дала, чтобы увидеть лицо императора, когда он будет читать мою писанину!

От нечего делать я стала ходить по комнате, изучая ее интерьер. Уборная была за шторкой. Там стояли ушат с водой и очаровательный фаянсовый горшочек с цветочком. Просто прелесть, а не горшочек. Оглядевшись по сторонам, я решила воспользоваться этим произведением искусства. Конечно, для столь низменных потребностей можно было выбрать что-то менее изящное, а то возникает ощущение, что я собираюсь сделать очень грязное дело в китайскую вазу династии Мин. Утешая себя мыслью, что он для того и создан, я решилась! Извините за интимные подробности, но делать свои дела стоя я не привыкла. Поэтому решила присесть над ним. Подобрав всю мешающую одежду и задрав ее повыше, я поняла, что долго в такой позе я не устою, ибо законы гравитации еще никто не отменял. Я осторожно села на него, чувствуя, что это уже гораздо удобнее. Но тут же я поняла, что мне перехотелось. Я решила попробовать стоя, но горшочек присосался к моей голой необъятной заднице. Сима, это позор! Я потянула его руками, но он даже и не подумал отлепиться. Зрелище было просто атас! В голове вертелась песенка из мультфильма «Винни Пух» про горшочек и шарик. Но мне было не смешно. После нескольких попыток я отчаялась и выдохлась. Не разбивать же такую красоту? Рядом с горшочком висел колокольчик, и я, сгорая от стыда, позвонила в него. Прибежала служанка, и мы совместными усилиями умудрились разорвать прочные узы моей попы и горшка. С характерным «Чпок!» моя корма и этот балласт расстались навсегда. Вот тебе и средневековые удобства, мать их за ногу! Служанка исчезла за дверью и через пару минут принесла мне большое ведро с самодельным седельцем. Вот это сервис, я понимаю! Респект тебе и уважуха, любвеобильный монарх!

Как мне было стыдно! Вы себе не представляете. Я залезла под одеяло и закрылась им с головой. Получилась Медведь-гора. Переживая

собственную неудачу, я постепенно пришла к мысли, что все, что ни делается, все к лучшему. Служанка обязательно расскажет об этом кому надо, и меня быстро вышвырнут отсюда. Немного успокоившись, я стала думать об этом инциденте, как о хорошо спланированной акции. Эта мысль мне понравилась, и я вылезла на свет божий в приподнятом настроении.

От нечего делать я решила подойти к зеркалу. Что там дальше было на шоу? Танцы с избранником? Представляю!

Кавалеры приглашают дамов,
Там, где брошка, там перед!
Две шага налево, две шага направо,
Шаг вперед и поворот!

Это будет незабываемый танец, который может закончиться плачевно для потенциального кандидата на мой далеко не диетический суповой набор. Нужно потренироваться наступать ему на ноги. В моем случае если не инвалидность, то вполне ощутимый дискомфорт гарантирован. Я стала вальсировать на месте, представляя, как прижимаю к себе щуплого монарха. Да! Пусть почувствует мою любовь всем хилым тельцем! Вот тебе и зимняя куртка... Прижмешься – перезимуешь.

В приоткрытую дверь заглянул слуга, который пригласил меня на выход. «С вещами на выход!» – вот что я мечтаю услышать, но пока что меня зовут на оглашение результатов «собеседования». Послав бедолаге воздушный поцелуй, от которого он задергался так, словно по нему открыли автоматную очередь, я медленно выплыла из комнаты, напевая: «Даже если вам немного за тридцать... Есть надежда выйти замуж за принца!»

Весь курятник был в сборе. Мы снова стояли в холле. Кто-то из красавиц заметно нервничал, теребя в руках подол платья, кто-то плакал навзрыд, закрыв лицо руками, кто-то просто бледнел и прикусывал губы. Одна я стояла спокойная как слон, зная, что еще немного, и меня ждет долгожданная свобода.

Я мысленно прикинула, где буду искать чародея, который займется решением моей проблемы, однако меня «терзали смутные сомнения». А вдруг никто не сможет мне помочь? Вдруг это проклятие навсегда? Можно было бы поговорить с императором, но вряд ли он займется этим вопросом. У него ведь на носу такое важное событие – свадьба с одной из этих девушек. Так что тратить время на мою скромную, необъятную персону он

точно не станет.

Трубачи протрубили что-то торжественное, и старичок с козлиной бородкой стал объявлять тех, кто останется в проекте. Тьфу ты, во дворце. Я нетерпеливо переминалась с ноги на ногу в ожидании чуда, но последним прозвучало: «Гадя Петрович Хренова». Те, чьи имена названы не были, рыдали и бились в истерике. Одна красавица упала на пол и орала: «Ну почему-у-у такая несправедливость? Я всю жизнь мечтала!» Я была с ней полностью согласна! Почему такая несправедливость? На ее месте должна была быть я!

– Вы случайно не ошиблись? – спросила я, прорываясь вперед. – Это я должна была уйти! Где бумажка, по которой вы читаете? Давайте ее сюда! Сейчас проверим!

Я подошла к козлобородому и вырвала из его рук листок бумаги с именами тех, кто остается, и отчетливо увидела себя. Ну не мог никто из девушек так назвать себя! Точно не мог! Сомнений не оставалось! Это какая-то шутка!

Я сунула листок бумаги обратно и решительным шагом, в стиле «Кин-Конг жив, и он вернулся», направилась на свое место.

– А теперь, дорогие дамы, вам предстоит продемонстрировать свои таланты его императорскому величеству! Когда заходите, то сразу говорите свое имя! – заявил старичок, указав рукой на дверь. Тоже мне, вступительные в театральный! Я что, на актрису учиться приехала? Или это шоу «Алле, мы еще и таланты»?

– А время на подготовку? – жалобно спросила одна из девиц, белокурый ангел лет восемнадцати.

– К сожалению, не полагается! – отрезал козлобородый.

Без подготовки? Экспромт? Ну и отлично! Я как раз сильна в импровизации! На этот раз девушки занервничали. Они пихали друг друга вперед, мол, иди ты, нет, ты. Я не выдержала и пошла первая. Ну, держитесь! Театр имени меня начинает гастроли!

Это была не обычная комната, а камерный театр. Сцена была освещена, а зал нет, поэтому мне трудно было понять, есть ли вообще кто-то в зале. Так и хотелось крикнуть: «Ау! Здесь есть кто живой?» И я крикнула.

Я молча, не дожидаясь ответа, схватила стул и потащила его на сцену. Ну, Сима, давай! Доконай его величество! Чтобы тебя сразу после выступления выбросили на улицу... А что читать? На ум ничего не шло. И дернул же меня черт пойти первой. Пока устанавливала стул, я решила, что лучше спеть. Зачем тогда стул? А ладно, и так сойдет! Чтобы точно сойти

за сумасшедшую.

Я взгромозилась на стул и торжественно заявила:

– Гадя Петрович Хренова. Басня. Тьфу ты, песня! Исполняется впервые!

Судя по тишине в зале, слушали меня очень внимательно или не слушали вовсе. Я никогда не начинала сольную карьеру, но сейчас самое время ее закончить.

Я решила выдержать мхатовскую паузу. Пусть подумает, что затеяла эта толстуха, вскарабкавшись на стул?

– Ты ворвался в жизнь мою неожиданно, изменил мою реальность, мысли мерцают, на сердце вспышки и любовь... без передышки! – я повиляла бедрами так, что чуть не грохнулась вниз. Впредь я решила быть немного сдержанней в движениях, дабы мое выступление не превратилось в несчастный случай.

– Все начиналось, как невинный флирт, а теперь пуст без тебя мой мир... – стул подо мной скрипел на все лады, а я, мысленно представляя, как ужасно это выглядит со стороны, старалась изо всех сил. Как хорошо, что в этом мире нет ни камер, ни мобильных, ни YouTube! Иначе бы мой ролик набрал два миллиона просмотров за два часа. В том мире как? Споткнулась неудачно в людном месте – ищи себя на YouTube. Порвались штаны – готовься к демотиватору. Вместо того чтобы помочь тебе, все тут же с камерами набегает снимать твои страдания. Здесь все просто! Опозорилась – и никаких проблем.

Я дошла до припева, который должен был нанести последний сокрушающий удар. Так сказать, контрольный выстрел в голову.

– О боже, какой мужчина-а-а! Я хочу от тебя сына! И я хочу от тебя дочку! И точка! И точка! – в эти слова я пыталась вложить всю душу, чтобы они звучали так, словно я вот-вот потащу его воплощать свои «хотелки» в жизнь.

Потом я молча слезла со стула, сделала неуклюжий реверанс, схватила стул в охапку и с противным скрежетом ножек о натертый паркет поволокла на место. В зале стояла тишина. А где мои аплодисменты? Я что, зря старалась? Мог бы поаплодировать! Хотя существует вероятность, что он валяется где-то под стулом, дергаясь в конвульсиях. Или просто лежит в отключке. Н-да... Я – сногшибательная женщина.

С трудом протискиваясь в дверь, уступая место следующей, насмерть перепуганной девушке, я подумала, что ни один нормальный мужик не выдержит такого.

– Я свободна? Я могу идти? – ехидно спросила я у козлобородого, тот

кивнул, все еще находясь под неизгладимым впечатлением от увиденного.

И я радостно направились в комнату. В глубине души у меня поселилось сомнение. Как я умудрилась пройти во второй тур? Или император – извращенец, либо... либо... Я даже не знала, что предположить. А если и в этот раз я тоже окажусь в списках победительниц, то что тогда? А? Нет, осечки быть не должно. Все на то и рассчитано! Нужно сматываться... И как можно быстрее! А как это сделать? Просто взять и выйти? А кто меня выпустит? Значит, нужно думать... Я стала шарить по комнате глазами в поисках подсказки. Окно! Отличная мысль! Потом, как всегда бывает в триллерах с похищением, открыла окно и оценила высоту. За окном плескалось море. Метров восемь. Плохая мысль! Ладно, может быть, я зря паникую?

Я бухнулась на кровать и уснула. Снилось мне, что я снова стройная и симпатичная, что лежу на пляже, загораю. В руках у меня приключенческий роман про очередную попаданку. Девушка внезапно узнает, что она великая волшебница, вампир, эльф, оборотень и древний артефакт в одном лице, а потом случайно встречает свою любовь в виде очаровательного принца, который мастерски вытаскивает ее из неприятностей. И главное, что все серьезно. Тут тебе и драма, тут тебе и триллер, и приключения в стиле: «Я всех спасу!» Ветерок нежно колышет мои волосы, я наслаждаюсь морем, солнцем и книгой. Вот бы мне так! Как же надоело быть всегда одной! Вот бы хоть кто-то, ну хоть разочек, вытащил меня из неприятностей... А то я всегда привыкла выкручиваться сама.

«Я не могу остаться с тобой... Мне нужно вернуться... Мне не место в этом мире...» – говорит героиня, а я вместе с ней обливаюсь слезами, предчувствуя скорое расставание. Вот это, я понимаю, любовь...

Дальше мне сон досмотреть не дали. В дверь постучали и тут же открыли ее, так и не услышав моего согласия. Спрашивается, зачем было стучать? А вдруг я голая? Ладно, вам же хуже...

На столике, который слуга осторожно вкатил в комнату, стояли тарелочки с миниатюрными порциями каких-то деликатесов. Порции были маленькие, словно все здесь сидели на диете. Я быстро все съела и позвонила в звонок, чтобы грязную посуду отнесли обратно.

Вечером ко мне снова постучали и попросили спуститься в холл. Изнывая от нетерпения, мы снова слушали список тех, кто прошел в следующий тур. И снова слезы, рев, истерики. После того как снова прозвучало мое имя, я не выдержала. Я подошла к козлобородому, схватила его за бороду и сказала угрожающим голосом:

– Это издевательство? Вы надо мной издеваетесь? Это шутка? Как же мне это все надоело! Ваш император издевается надо мной? Скажите прямо! Он что? Слепоглухонемой?

– Нет... Он полностью серьезен! – проблеял бородатый, пытаясь вырваться, но не тут-то было.

– Я хочу свалить отсюда! Слышите! Я хочу уйти! И мне по фигу, что обо мне подумают! Если хотите, я скажу ему прямо в лицо. Я не хочу быть его женой, поэтому мечтаю свалить отсюда как можно быстрее! У меня дела в городе! – крикнула я, чувствуя, что сейчас мои нервы окончательно не выдержат.

Я отпустила бородку, чувствуя, что большая ее часть осталась в моей руке. Не благодарите за эпиляцию! Счет пришло позже!

– Передайте императору, что я устала от этого балагана! Вы что здесь? Цирк уродов собираете? – сказала я, решительно направляясь к выходу, который мне тут же загородили стражники. Они были вооружены и выглядели очень недружелюбно. С такими ребятами шутки плохи.

– Вернитесь в свою комнату и отдохните... Вы, очевидно, перенервничали... – тихо сказал старичок, с ужасом поправляя заметно поредевшую бороду.

– Сейчас вы у меня перенервничаете! – пригрозила я, гордо выходя из зала.

Мне пришлось вернуться к себе. Идея с прыжком вниз перестала казаться мне бредовой. Отряд не заметит потери бойца, поэтому осталось только все правильно рассчитать. Высота где-то метров восемь. Третий этаж. Не так уж и много. Если прыгнуть прямо с подоконника, то можно сильно пострадать. Прыгать нужно метров с трех, а лучше – с двух... Но как? Опять в голове замелькали кадры из какого-то фильма, где очаровательная пленница делает веревку из штор и простыней. Но в пленнице килограммов пятьдесят живого веса, а во мне, судя по ощущениям, центнер, не меньше. Ладно, допустим, я сделаю веревку, привяжу ее к кровати, повисну на ней и буду потихоньку спускаться. А как только высота окажется вполне приемлемой для прыжка, просто разожму пальцы. План прост, как все гениальное.

И я приступила к подготовке. Первым делом я сорвала карниз, оторвала оттуда шторы, а сам карниз просунула в дверную ручку. Теперь дверь снаружи открыть было нереально. Я сорвала балдахин. На вид и на ощупь ткань была прочной. То что надо. Кружок «Умелые руки и крепкие нервы» начал работу над веревкой.

Нужно, наверное, написать прощальное письмо. Ну не в том смысле,

что я тут суицидом занимаюсь. Боже упаси! Просто вежливо попрощаться. Я взяла бумагу и перо. Обмакнув его в чернильницу, я поставила жирную кляксу на бумаге.

Скомкав лист и отбросив его подальше, я решила предпринять еще одну попытку. Как начать письмо? Сразу в голову полезло: «Ну, здравствуй, моя разлюбезная Екатерина Матвеевна!» Вариант явно неподходящий. Думаем дальше. «Я к вам пишу, чего же боле?» А вот это мысль!

Я к вам пишу – чего же боле?
Что я могу еще сказать...

Н-да... Получается как-то уныло. Я попробовала его переделать, но Пушкин сделал в гробу тройной тулуп, и я поняла, что поэтом мне быть не суждено. Можно даже не пытаться.

В итоге я написала всего три слова. Нет, не те, что хотела изначально, но тоже очень красноречивые:

Понять. Простить. Отпустить.

О как! Да я просто мастер эпистолярного жанра! Моими объяснительными за опоздания зачитывался весь отдел. И это, между прочим, моя коронная фраза.

Итак, письмо готово. Краткость – сестра таланта, а гонорары мне все равно никто не платит. Теперь пора ретироваться. Длины веревки должно было хватить, но вот выдержит ли она мой вес? Я встала на подоконник, схватив конец веревки, словно Тарзан лиану, правда боевой клич издавать не стала. Время позднее. Люди наверняка спят уже. Зачем их будить раньше времени?

Осторожно, немного помявшись на подоконнике, я скинула веревку вниз, села, свесив толстые ноги в стоптанных ботинках за окно, и стала ждать, пока уймется дрожь в коленках. Осталось только чуть-чуть податься вперед, чтобы съехать попой и повиснуть на руках, но было страшно. А вдруг я не смогу удержать вес своего тела и сразу упаду топориком в воду? А вдруг веревка не выдержит? В итоге я набралась храбрости и шагнула навстречу свободе. Точнее – съехала.

И вот я болтаюсь на высоте примерно восьми метров и повторяю себе, что главное – не смотреть вниз! А глаза так и норовят заглянуть туда, где болтаются в поисках опоры два толстых окорока, которые я привыкла

считать своими ногами.

С меня слетел один ботинок и с громким плеском упал в воду. Второй держался на одном пальце, поэтому скоро последовал за своим братом. Хлюп! И вот они воссоединились в морской пучине!

Я медленно разжала пальцы и соскользнула вниз. Мое тело было очень тяжелым, поэтому я почувствовала, что если ничего не предпринять и висеть так дальше, то добром это не кончится. Я попыталась еще немного съехать, но тут же меня понесло вниз со страшной силой. Самодельная веревка обожгла руки, но пальцы я так и не разжала. Слава богу, босыми ногами я наткнулась на узелок и более-менее удобно на нем устроилась. Рукам стало немного легче, но я чувствовала, что пальцы горят и постепенно немеют.

Я висела где-то на уровне второго этажа, утешая себя тем, что половина дела уже сделана! Осталось совсем немного... Давай, Сима, давай! Потом ты будешь со смехом рассказывать о своих приключениях Машке... Если удастся попасть домой... Я прислушалась. За закрытой шторой я отчетливо слышала голоса:

– Мне надоел этот балаган! Закругляйтесь! Я уже сделал свой выбор! К чему все эти формальности? – произнес сердитый мужской голос.

– Но ведь по традиции... – произнес знакомый голос «Левитана местного разлива».

– Да к черту традиции. Я – император и вправе решать за себя! Заканчивайте этот конкурс! Это какой-то бред! Что дальше? Танцы? Свидание вслепую? Ужин? Что еще? Я уже увидел все, что хотел, – голос мужчины был полон гнева. И если честно, то я была с ним полностью солидарна! Я бы поаплодировала ему, но руки у меня были заняты. Молодец, мужик! Давно пора! Хватай первую попавшуюся и заканчивай шоу. Или женись на всех одновременно и устраивай гарем. Тогда никто не обидится! А что? Идея хорошая. Только меня не нужно в гарем записывать. Так что, мужик, все в твоих руках! Царь ты или не царь?

– Я устал от этого! Сколько можно? Я уже сказал тебе, что выбор сделан! Остальных можно распустить по домам. Выделите им из казны приданое, подарите побрякушки и торжественно развезите по домам! Что тут непонятного? – возмутился император. – Можете устроить банкет, провести экскурсию по столице, а потом погрузить всех в карету и увезти с глаз моих. Можно штабелями. Я разрешаю.

Хм... На умственно отсталого он не похож... Зря я сомневалась в его интеллектуальных способностях... Мыслит он вполне здраво! Я даже немного жалею, что не удалось узнать его поближе. Интересный человек

этот император. И чувство юмора у него есть.

– Вы точно уверены в своем выборе? Вы не передумаете? – с надеждой спросил козлобородый.

– Нет. Так что, будьте так любезны, поставьте мою избранницу в известность о моих намерениях и сообщите другим, что они свободны! И приведите ее сюда. Я хочу с ней поговорить, – сказал император усталым голосом.

– Прямо сейчас? – удивленно спросил старик. – Но ведь сейчас ночь, и девушки наверняка уже спят...

– И что с того? Сделай это немедленно! Сию же секунду! Пора заканчивать это представление, – приказал император.

– Слушаюсь, мой господин! – Дверь хлопнула, и козлобородый отправился извещать счастливцу о матримониальных планах его величества. Совет да любовь!

В этот момент я поняла, что я немного поторопилась с выводами. Наш бордель распускают, а я вишу тут. Вот так всегда! Стоило подождать каких-то пятнадцать минут, ушла бы, как белый человек, через парадный вход, да еще и с приданым. Оно бы мне пригодилось. Мало ли что потребует чародей за то, что снимет с меня заклятье?

Я услышала громкий стук и крики откуда-то сверху. Это ко мне! Ну и наивные! Попробуйте сломать карниз, чтобы войти! Он там хорошо стоит, я проверяла! Так что вам придется выламывать двери!

Эх! Не обломится мне приданое. А ну и фиг с ним! Я медленно разжала пальцы и съехала еще немного вниз. Мамочки! До чего же страшно! И тут раздался странный хруст. Подняв глаза вверх, я увидела, что самодельная веревка начинает лопаться. Ткань не выдерживает веса моей тушки. Я решила немного ускориться и стала дышать как паровоз, чтобы успокоиться. Спокойствие! Только спокойствие! Сейчас будет выступление сборной по плаванию в тяжелом весе.

В моем окне уже маячили чьи-то головы. Вот засранцы! Все-таки сломали дверь! Я посмотрела наверх, потом взглянула вниз и медленно стала отпускать веревку.

– Не делайте этого! – пронзительно закричала какая-то служанка, закрыв рот руками.

Ага, тебя не спросила! Поздно, милочка, поздно. Смотри, чтобы волной тебя не смыло! Как говорил один мой знакомый: «Не поминайте лохом!»

– И-и-и-и-и! – раздался мой визг, и я почувствовала, как падаю вниз. Если вы думаете, что у меня в этот момент перед глазами промелькнула вся

жизнь, то вы глубоко ошибаетесь! Это все сантименты. В голове была одна мысль: «Ой, зря я так... А вдруг там камни?»

Почему-то хорошая мысль приходит опосля. И мне оставалось надеяться, что никаких камней нет.

Удар о воду оказался очень болезненным, а погружение на глубину – очень неприятным. По-моему, я отбила себе пятую точку. Мое тело стало опускаться на дно. Я начала слабо барахтаться, глядя, как наверх уходят пузырьки воздуха. А еще говорят, что толстяки не тонут! Тонут, еще как тонут... Но тонуть я не собиралась. Из последних сил я оттолкнулась от дна и стала медленно всплывать, как субмарина на вражеской территории. Я снова дышу. И это радует. Откашлявшись, я попробовала плыть, но плыть не получалось... Меня болтало туда-сюда, пока я окончательно не выдохлась. Рядом сплошной стеной стояли отвесные скалы, на которых располагался замок. Если я и дальше буду пытаться приблизиться к берегу, то меня разобьет как щепку. Теперь я знаю, что чувствуют потерпевшие кораблекрушение, когда их носит по волнам. Разумно было бы отплыть подальше от скал. Но как тут отплывешь, если сил почти не осталось. В горле першило от того, что наглоталась соленой морской воды, но сдаваться было рано. Правда, очень скоро силы покинули меня, и я почувствовала, что отключаюсь.

Глава 6

Остров невезения

Очнулась я, лежа на песочке под нещадно палящим солнцем. На зубах скрипел песок, волосы слиплись, а тело едва шевелилось. Вот это был заплыв... Если удастся такое повторить, то олимпийское золото у меня в кармане... Слава богу, все позади! Рядом со мной лежал мой мобильный телефон. Он пережил купание просто отлично. Не то что я. Все тело ломило от усталости, а спина горела так, словно на нее вылили кипящее масло. Зато я теперь свободна! И могу делать все, что мне заблагорассудится. Платье, если его можно было так назвать, было разорвано, но это все же лучше, чем ничего. Явление стокилограммовой Афродиты из пены морской.

– Ты очнулась? – спросил меня тихий голос.

– Если это можно так назвать... – простонала я, переворачиваясь на спину. – Это вы меня спасли?

– Нет, это тебя волной к берегу прибило, а я просто плыла мимо... – с издевкой ответил голос, который показался мне очень знакомым.

Я снова закрыла глаза и перевернулась на живот.

– Чайку не хочешь? – поинтересовался голос.

– Да, зеленого, с двумя ложками сахара... – простонала я, чувствуя себя помятой. Горячий чай меня бы спас, однозначно...

– Зеленой нет. А как насчет беленькой? – спросил голос.

– Нет, водка меня доконает... – просипела я, пытаюсь вспомнить, где я его уже слышала. – Мне бы чайку... Или минералочки, холодненькой... Без газа... Хорошо бы коктейль «Секс на пляже». А то пляж есть, а секса нет...

– Держи! Вообще-то это самка... Самец улетел... – в голосе послышались грустные нотки.

Я разлепила глаза и увидела знакомую мне русалку, протягивающую мне недоеденную, но изрядно ощипанную чайку.

Я медленно приподнялась на руках, понимая, что кому-то сейчас будет плохо... Очень плохо... Бегемот – тоже кажется неповоротливым, но когда надо... И вот я всей тушей лежала поверх русалки, придавливая ее к песку всем своим весом. Бедная русалка выглядела, как камбала, после того как я умостила на ней. В одной руке ее была зажата недоеденная чайка, а другой она пыталась отбиваться. Я оседлала ее, хотя это было непросто.

– Ты с ума сошла... – просипела русалка, дергая огромным черным хвостом.

Я всей тяжестью своей кормы придавила его к земле. Попалась, голубушка.

– Я, между прочим, тебя спасла... – выдохнула русалка, уже даже не сопротивляясь.

– Отлично! Спасибо! Я тебе очень благодарна... Вот только сначала ты меня заколдовала, стерлядь! – возмущенно заявила я, пытаюсь понятным ей языком достучаться до черствой души обитательницы глубин.

«Ах ты скверный, злой мальчишка! Зачем ты мучаешь эту бедную рыбку!» – воззвала ко мне моя совесть трагическим голосом.

«Вообще-то я не мальчик!» – возмутилась я, взывая к совести.

Совесть поняла, что сморозила глупость, и стыдливо умолкла.

– Итак, дорогая моя, у тебя есть выбор! Или ты снимаешь с меня проклятье, или у меня будет комплексный обед из двух блюд. Сначала уха, потом отбивная.

– Ну и люди пошли! Полный тунец! Послушай, с точки зрения логики я все сделала правильно. Ты сама просила, чтобы тебя полюбили за твою замечательную душу, а не за внешность, а теперь ты жалуешься! Кстати, как продвигаются поиски настоящей любви? – поинтересовалась русалка, уже не пытаясь вырваться.

Я отпустила русалку и села на песок. И все-таки не врут анекдоты про блондинок. Только блондинка могла придумать и так сформулировать свое желание. Я почувствовала себя совсем плохо... Где-то в глубине души было осознание того, что сама виновата, но верить в это мое самолюбие категорически отказывалось.

Русалка отряхнулась и подползла ко мне, надкусывая сырое мясо. Вид у нее был как в фильме ужасов.

«Кушай, рыбка, птичку... Кушай, птичка, рыбку», – поежилась совесть, явно не разделяя гастрономические пристрастия моей новой знакомой.

– Не расстраивайся. Ты еще найдешь свою любовь! Кстати, а что значит «стерлядь»? Я такого слова не слышала! Просвети! В твоём мире падение телефона в воду всегда сопровождается примерно таким же словом. Вот я и хотела бы узнать его значение... – она вытерла свой окровавленный рот рукой.

– Рыбка из семейства осетровых... – мрачно буркнула я. – Вкусная, но дорогая, зараза!

– Класс! – восхитилась русалка. – Стерлядь! Стерлядь!

У меня возникло такое ощущение, будто я только что выругалась в ясельной группе трехэтажным матом и мои выражения были разобраны на цитаты, чтобы вечером порадовать родителей «обновленным» словарным запасом.

– Послушай, а ты не знаешь какого-нибудь волшебника? Или колдуна? На худой конец, ведьму? Нет случайно таких знакомых? – спросила я, понимая, что ситуация безвыходная.

– Знаю. Он живет отшельником в Жемчужном гроте. Это совсем недалеко отсюда. Если наведаешься к нему, скажи, что от меня! – со знанием дела заявила русалка.

– Кстати, как тебя зовут? – спросила я, понимая, что объяснять чародею, от какой конкретно русалки я к нему заявила, руководствуясь примерным описанием, будет немного неудобно.

– Сафира... – сказала красавица, поправляя волосы. – Скажи, что от Сафиры. Он поймет.

– А ты, я вижу, очень коммуникабельная! – с издевкой заметила я.

– Еще бы! Про меня даже сказку написали и памятник мне поставили. Так что я – местная знаменитость. Или как у вас там говорится? Се-ле-бри-ти! – с гордостью заявила русалка, любуясь видом своего хвоста.

– Ты знакома с Гансом Христианом Андерсеном? – спросила я, немного изумляясь.

– С Гансом – знакома, а про остальных в первый раз слышу! Так вот, попал однажды сюда этот самый Ганс. Тоже купаться пошел, а я его случайно за собой потянула. Хотела утопить, но мне так скучно было. Мы разговорились. Он, кстати, купаться пошел с бутылкой какого-то пойла. Вот мы его на берегу и распили! Я ему рассказала историю, мы посмеялись, а потом он ушел, – мечтательно вздохнула русалка. – Через пару лет я проснулась знаменитой!

– И что за историю ты ему рассказала? – спросила я, сгорая от любопытства.

– Слушай. Ем я себе спокойненько чайку, никого не трогаю, а тут корабль идет... – начала русалка, почему-то похихикивая.

– Идет ко дну? – спросила я, немного знакомая с творчеством известного сказочника.

– Нет, просто идет. Плывет себе помаленьку, фейерверк пускает. Банкет у них. И тут смотрю, какой-то мужичок на палубу вышел. Стоит, шатается, орет что-то... Мол, я тут принц! Решил помочиться, но не удержал равновесия. Бултых! Никто не заметил. Ну, думаю, пора разнообразить свой рацион... Подплываю, а от него перегар такой, что

жабры сводит. Потащила я его на берег. Сижу над ним и думаю, что дальше делать. Вроде бы я на диету села... Он открывает глаза и давай меня лапать! Я его тут же снова вырубил. Хвостом. Такого леща дала, что сначала испугалась, что убила. А нет! Живой. Лежит себе такой, штаны спущены, морда счастливая. Сижу и жду, может быть, кто-то мимо проезжать будет да заберет эту пьяноту. И правда! Едет карета. Я тут же ее остановила. Из нее выходит дама. Я ей показываю на тело. Та смотрит и интересуется, женат или нет? Отвечаю, что кольца на пальце не видела. Она посмотрела на его спущенные штаны, прикинула что-то в уме, погрузила в карету, распрощались, и все...

– И все? А как же пена морская? Морская ведьма? – спросила я, пытаюсь осознать взаимосвязь между первоисточником и литературной обработкой. – А как же мораль? Мол, жертва ради чужого счастья?

– Мораль? Не писай в море. Вот мораль! – подытожила русалка.

– Ты это туристам расскажи... – мрачно заметила я, переосмысливая детские сказки. – Так что мне делать?

– Иди к чародею. Его зовут Годвин. Если он тебе не сможет помочь, то тогда только к императору или ждать, пока кто-то в тебя влюбится! – пожала плечами русалка. – Что-то засохла я здесь... Пора мне в море...

Она, прямо как тюлень, на брюхе поползла в сторону воды, оставляя на песке огромную борозду.

– Хвост ты мне отдавила... – пробурчала русалка, погружаясь в воду. – Запомни, Год-вин! От Сафиры! Он меня знает!

Отлично. Запомнить имя мага очень просто. Помнится, был такой товарищ Гудвин, так это его китайская подделка. Поменяли букву, и прощайте, авторские права. Я вспомнила, как Машка покупала себе сумку. Хотела брендовую, но недорогую. Я пыталась ей объяснить, что брендовая и недорогая – это взаимоисключающие параграфы, но упрямая Машка мне не поверила. Мы отправились в магазин таможенного конфиската, где Машка, словно бульдозер, начала перерывать весь ассортимент. Остановила она свой выбор на сумке «Dolche Gabbana», уверяя меня, что это самый что ни на есть оригинал. Разубеждать ее было делом бесполезным и опасным. Сумку она все-таки купила и выбросила через две недели, когда у нее оторвалась ручка и треснула «кожа». Так вот теперь я ковыляю к какой-то подделке под Гудвина, чтобы он хоть как-то облегчил мою участь.

Песок, который забился между жировых складок, стал натирать, поэтому пришлось остановиться, чтобы максимально вытряхнуть его из недр своего необъятного тела. Судя по моим складкам, я спокойно могу

работать наркокурьером. И сумка, кстати, мне не нужна.

Путь был неблизкий. Пришлось много отдыхать. Чтобы было веселее идти, я решила спеть. Начала я с самой оптимистичной песни, которая идеально подходила под обстоятельства: «Мы в город Изумрудный идем дорогой трудной, идем дорогой трудной, дорогой не прямой...» Допев до «Элли возвратится с Тотошкой домой», я поняла, что дальше слов не знаю, и решила сменить пластинку и спеть любимую со студенческих времен походную песенку. «Мы едем, едем, едем в далекие края, берем с собой гитару и шмоток до...» До чего же тяжело идти. Пот градом катится по моей спине, одышка, а ноги уже едва передвигаются, увязая в песке. Где этот чертов Годвин?

И вот за деревьями показалась пещера, наполовину затопленная водой. Я усиленно вспоминала, что такое грот, но моя извилистая википедия не могла ответить на этот вопрос без соединения с мобильным Интернетом. Стоило подойти к пещере, как раздался голос. Он был настолько громким, что у меня зазвенело в ушах.

– Кто посмел нарушить покой самого величайшего чародея всех времен и народов? Магистра черной, белой и серой магии, члена Королевской академии магических искусств, почетного профессора кафедры прикладной магии, лауреата престижной премии «Лучший чародей года», дипломанта конкурса «Магические чтения»...

Перечисление его званий и наград мне уже изрядно надоело. Я слушаю эту информацию уже минут пять, откровенно зевая и нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Тем временем голос дошел до перечисления менее значимых наград, таких как значок «За подачу воды утопающим» и памятного сувенира «Участник массового забега в рамках конкурса „Волшебный пендель“».

Когда перечисление всех наград, титулов и званий закончилось, я даже не поверила своим ушам. Мне казалось, что этот процесс будет бесконечным. Я приготовилась слушать чужие регалии еще полчаса, а тут оп! – и матюгальник умолк. Пора бы поговорить с этим Годвином.

– Меня зовут Сима! Мне нужна ваша помощь! – закричала я вглубь пещеры, слушая свое эхо.

И тишина. Меня не слышат – это минус. Но и не гонят. Это плюс! Я повторила свои слова в надежде, что будет хоть какая-то реакция.

– Вы по записи? – спросил громогласный голос. – Чтобы записаться на прием, возьмите ручку и внесите свое имя в списки.

Передо мной появилась книга размером с Советский энциклопедический словарь, которая тут же раскрылась на последней

странице.

– Нет, я по благу! – ответила я, вглядываясь в имена посетителей. Что-то мне показалось странным в этих именах и фамилиях. «Джонни Депп, Бред Питт, Элвис Пресли, Виктор Цой...» Стоп! Последние двое хоть и вечно живут в наших сердцах, но уже давно покинули этот бренный мир. Меня стали терзать смутные сомнения...

– Вас мне порекомендовала русалка по имени Сафира! – сказала я, представляя живого Цоя. Для меня это сложнее, чем представить живого Ленина, хотя надписи в моем подъезде убеждали меня в обратном.

– Проходите... – сказал тихий голос, и перед моим носом, прямо рядом с «главным входом», открылась незаметная дверь. Ни в жисть бы не подумала, что вход здесь, а не в темной, полузатопленной пещере...

Я поспешила воспользоваться приглашением и очутилась в маленькой уютной прихожей. На полу лежал половичок, о который я вытерла босые ноги. В прихожей стояли стулья для посетителей, покрытые толстым слоем пыли.

– Здравствуйте, Годвин, – поздоровалась я, так и не увидев хозяина.

– Проходите... Не стесняйтесь... – раздался голос откуда-то из-за полуприкрытой двери. Я вошла и обалдела. На стене были развешены дипломы, грамоты, сертификаты, причем так плотно, что цвет обоев разглядеть мне не удалось.

На кресле за столом сидел старичок в длинной мантии и в тапках на босу ногу. Он сосредоточенно что-то писал. На мантии не было свободного места... Вся она, и сзади, и спереди, была увешана орденами и прочими наградами, смахивая на кремлевскую елку. Не хватало только дождика на шее и звезды на голове, чтобы начать водить хоровод. Взглянув на ноги чародея, я поняла, что тапочки тоже были с орденами. Представлять трусы бедолаги я не стала...

Дед оторвался от своей писанины, спрятав журнал «Телегид» за 2007 год в стол, и уставился на меня. Мои подозрения усилились. И разочарование тоже. Элвис Пресли все же умер... Good night, sweet prince...

– Не будем терять время. Быстренько излагайте суть вашей проблемы. Очень быстро! Я просто очень занят, и скоро ко мне придут посетители. Я и так только из-за уважения к Сафире решил принять вас без очереди... – понизил голос старик, потирая длинную бороду. Он напоминал мне старика Хоттабыча, увешанного наградами, как адмирал-майор третьей пехотной дивизии из двух человек сухопутного казачьего войска имени Ивана Сусанина.

– И кто к вам должен прийти? Может быть, я подожду немного... Пропущу, так сказать, человека... Ему-то сто процентов нужнее... – елеиным голосом начала я, стараясь придать своему лицу обычное выражение.

Дед поглядел в свою книгу и гордо выдал:

– Майкл Джексон.

– Я подожду... Пусть приходит... Но есть у меня предчувствие, что он не придет... – осторожно начала я. Жаль, я не вижу своего лица в этот момент.

– Как не придет?! – возмутился старик. – Не морочьте мне голову! Придет он, куда денется!

– Помер он, – едва сдерживаясь, произнесла я самым грустным голосом, на который только была способна.

– Как помер? Когда? Где? – занервничал Годвин, забежав глазами.

– Не дождался своей очереди, бедняга... – вздохнула я, глядя на старика. – А ведь он так ждал... Так ждал... И не дождался...

Возникла неловкая пауза, нарушаемая нервным перебиранием стопки журналов, которая, оказывается, лежала у чародея в столе.

– Горе-то какое... – с характерным подвывом сказала я. – Умер в расцвете лет...

– Ну, раз так, то, значит, следующий придет. Кто там следующий? – старик деловито полез в свой гроссбух. – Принцесса Диана. Она живет тут неподалеку. Вот она точно придет!

Я почувствовала, что сейчас дедушке совсем захорошеет.

– И она, увы, не придет... По той же причине... – вздохнула я.

– Но хоть кто-то придет? – спросил меня старик, вероятно, понимая, к чему я клоню.

– Есть шансы у сборной России по футболу... По крайней мере, они еще живы... Хотя, судя по их игре, это ненадолго, – заметила я, вспоминая чемпионат мира по футболу. Не какой-нибудь конкретный, а любой.

Дед медленно выронил гроссбух из рук, и книга с характерным звуком шлепнулась на пол. Мне даже стало жаль старого обманщика. Откуда-то чародей умудрялся доставать журналы (хотя я догадываюсь, кто снабжал его ими!), выписывать оттуда все имена без разбору, имитируя бурную деятельность и тотальную занятость.

– А такого господина, как Джек Дэниэлс вы знаете? – подозрительно спросил старик, снова втаскивая книжку на стол.

– Да, мы с ним однажды познакомились на корпоративе. И я скажу вам больше! Он был во мне! В прямом смысле. Правда, утром он вышел из

меня... Ой! Как он выходил... И больше я с ним не связываюсь... – сардонически улыбнулась я. – И я точно знаю, что он не придет... Точно так же, как и Мерседес Бенц, Харлей Дэвидсон, Нина Риччи. Их вычеркивайте сразу.

– Даже так? – старик от неожиданности подскочил. Он явно был удивлен моим кругом знакомств.

– Так что времени у нас хоть отбавляй, – подытожила я. – У меня есть проблема, которую я хочу решить с вашей высококвалифицированной помощью. Я неудачно загадала желание...

– Я уже знаю эту историю, Сафира мне все рассказала. Она сама очень переживает. Она бы и рада отменить это заклинание, но не может, – покачал головой старик Хоттабыч. – И я не могу...

– То есть как? – воскликнула я, делано изумляясь. – Такой великий маг, как вы, не может отменить такое простенькое заклинание? Не может быть! Я не верю в это! Я отказываюсь в это верить!

И дед встал, звеня орденами, заложил руки за спину и начал рассказывать мне принципы магии точно таким же голосом, как я объясняю незадачливому ламеру, почему дрова от принтера «Сапон» не подходят к принтеру марки «НР». В итоге он немного помолчал, наблюдая за моей реакцией, которая, к слову сказать, оставляла желать лучшего, и вынес вердикт:

– Конечно, ситуация безвыходная... Решение есть, правда, устроит ли оно вас, я не знаю...

– Выкладывайте... – вздохнула я, чувствуя, что еще не все потеряно.

– Снять заклинание такого плана невозможно, но можно его немного перенастроить. Я могу вернуть вам прежний облик, если вы того пожелаете, однако вам придется чем-то пожертвовать. Чем именно – решать вам, – пояснил старик.

– А чем обычно люди жертвуют? – поинтересовалась я так, словно спрашиваю у продавщицы: «А что обычно люди берут к чаю?»

– Разным. Кто-то укорачивает себе жизнь... – начал старик, но я тут же перебила его, хотя это было не совсем вежливо:

– Нет, не пойдет! Руки, ноги, мозги и прочие части тела не предлагать. Даже грудь не согласна уменьшить! Сразу нет! Категорически! Душу тоже я продавать не собираюсь. Есть что-то еще, без чего жить можно? Могу предложить свою совесть. Совесть подойдет? Я ею почти не пользовалась...

– Нет, увы... А вот удача... – произнес маг задумчиво.

Удача... Везенье... А оно у меня вообще есть? Наверняка есть, ведь я

еще живая. Хотя назвать меня самым везучим человеком на свете будет сложно, но...

– То есть вы можете вернуть мне мой прежний облик в обмен на простое везенье? – уточнила я.

– Да. Желание останется прежним, условия тоже. Как только тебя полюбят такой, какая ты есть, то удача сразу вернется к тебе. И заклинание будет снято! – пояснил чародей, поправляя медаль «Лучшая мантия на показе мод».

Черт! Черт! Сима! Думай, думай... Кем лучше быть: толстухой, которой всегда везет, или симпатичной неудачницей? С точки зрения банальной эрудиции симпатичная неудачница – это не так уж и плохо. В книгах всегда какой-то неудачнице перепадает принц на белом коне, но я ни разу не слышала, чтобы подобное счастье светило толстухе... Что же делать-то, а? Я мысленно прикинула все варианты и озвучила ответ:

– Хорошо. Я согласна пожертвовать своим везеньем!

Старик посмотрел на меня и произнес:

– Вы точно согласны? Жалеть потом не будете? Понимаете, везенье – это понятие относительное. Кто-то всю жизнь на него полагается, но в конце концов оно его подводит. А кто-то никогда не полагается на везение, просчитывая все до мельчайших деталей. Так что выбор за вами...

В этот момент мне показалось, что я действительно имею дело с очень сильным и опытным колдуном.

– Так у меня больше шансов снять это заклинание... – обреченно выдохнула я, с надеждой глядя на дедушку.

Старик поднес руку к бороде, и я уже приготовилась услышать: «Трах-тибедох-тибедох!» – но он просто пригладил свою бороду и сделал странное движение пальцами в воздухе. Воздух завибрировал, прямо перед моими глазами повис белый шар и тут же со всей силы ворвался в мою грудь. Мои руки на глазах стали уменьшаться до нормальных размеров, мои ноги тоже. Я вскочила и уже была готова кричать от восторга, как запуталась в юбке и тут же с грохотом растянулась на полу. Было больно, но я вымученно улыбнулась, встала, отряхнулась и сделала вид, что все в порядке.

– Я бы предложил вам чаю, но боюсь за свой сервиз... – заметил колдун, глядя на то, как я потираю ушибленную коленку.

– А раньше почему не предлагали? – спросила я, умиляясь собственной наглости.

Дед хитро промолчал.

Когда я уже собралась уходить, то колдун протянул мне книгу отзывов.

Все они были написаны одним и тем же почерком. Любопытства ради я пролистала их, насладившись в полной мере соответствием отзыва и имени, от которого якобы он был оставлен. Вот, например, господин Вин Дизель благодарит магистра Годвина за то, что его волосы стали мягкими и шелковистыми. Тина Тернер благодарит магистра за белоснежную кожу и румянец. Элтон Джон благодарит Годвина за красавицу жену и десятерых детей. И все в таком духе. Я решила не отставать от знаменитостей и написала проникновенный отзыв про мастерство чародея, расхвалив его со всех сторон. Мой отзыв занял два листа, и, прочитав его, старик чуть не прослезился.

Разумеется, он даже не догадывался, что там, в том мире, где обо мне уже наверняка забыли, я промышляла созданием сайтов одностраничников. Я начала осваивать веб-программирование для того, чтобы иметь дополнительный заработок, и, надо сказать, умею делать неплохие сайты. Правда, с заказами последнее время было туговато, но раньше одностраничники разлетались у меня, как беляши на привокзальной площади. Секрет одностраничника в том, что вы никогда не найдете там настоящих отзывов от живых людей. Всю эту красоту с фотографиями пишут программисты при создании макета. Отзывы у меня получались лучше всего. Я сразу вспоминала имена и фамилии своих одноклассников, учителей, друзей и случайных знакомых. И пусть мне докажут, что такого гражданина или гражданки в природе не существует. Поэтому отзывы я всегда писала с удовольствием, хотя услугами компаний, которые расхваливаю, не пользовалась никогда. Принципиально.

– Вы, смею заметить, очень коммуникабельная девушка... Не могли бы вы уточнить, придет ли ко мне госпожа Мэри Кей? – спросил чародей, деловито листая свой гроссбук.

– Возможно. Она всегда тебя найдет, где бы ты ни спрятался... – со знанием дела произнесла я, вспоминая каталог с аховыми ценами.

– А вот Света Конец? Она придет? – спросил маг, делая себе какие-то пометки.

«Хорошо хоть, не Лена Головач...» – подумала я, понимая всю абсурдность данной ситуации. Я набралась терпения, сделала серьезное лицо и постаралась сдержать смех.

– Так придет или нет? – нетерпеливо поинтересовался Годвин, занеся перо над списком посетителей.

– Вообще-то это он, а не она. Вместе с ним придет Песец Полный. Они точно придут. Поговаривают, что в любой момент... – саркастически ответила я, глядя на то, как старик с деловым видом ставит галочку

напротив Конец Света.

Он обязательно придет... Он просто не может не прийти... Его ведь так ждут...

Глава 7

Вялые паруса и Империевидение

Я уже собралась уходить, но тут почувствовала что-то неладное. Слишком быстро великий маг пытается выставить меня за дверь. Причину такой поспешности нужно было выяснить любой ценой! Несмотря на заумные объяснения и умозаключения относительно природы данного заклятия, что-то меня очень смущало. Как это великий маг, способный снять столь мощное заклинание, сидит тут, на необитаемом острове, в гордом одиночестве? А где очередь настоящих страждущих? И почему профессионал своего дела прозябает без работы?

– Годвин, а зеркало тут есть? – спросила я с некоторым подозрением, чувствуя какой-то подвох.

– Нет зеркал... Совсем нет... И вообще, смотреться в зеркало на дорожку – плохая примета, – занервничал старик, подталкивая меня к выходу.

Я к такому ответу была морально готова и тут же достала мобильный телефон. Мама дорогая! Зря я смеялась от Равшана и Джамшута. Ой зря! Теперь я – чайка монобровая, с бородой, как у Стаса Михайлова. Мне теперь только в парандже и ходить! «Гюльчатай, открой личико!» – попросит мой принц, а я ему такая: «Одну минутку! Сейчас, любимый!» Надеюсь, что минуты ему хватит, чтобы морально подготовиться к созерцанию моей неземной красоты? Открываю личико, а там – Кончита Вурст. Принц на всю жизнь останется заикой, а я уйду в цирк уродов показывать свою бороду за деньги, проклиная слабонервных мужчин... Хеппи Энд... Я чуть не расплакалась, но потом взяла себя в руки, глядя, как улепetyвает по коридору великий маг. В руке у меня был неубиваемый, словно первый орехокол, мобильник, коим я и запустила в шарлатана. «Опять от меня сбежал ты, но камень тебя догонит!» Кто там говорил про невезение? С везением у меня все в порядке, потому как удар пришелся как раз в голову, вырубив бедолагу прямо в нескольких шагах от собственного убежища. И, очевидно, очень сильно, раз тапки разлетелись в разные стороны.

Почему-то сразу вспомнилось поверье, бытующее у сотрудников ГИБДД, а также плавно перекочевавшее в список суеверий простого обывателя. Если при аварии ботинки разлетелись в разные стороны –

готовь простынку. Я опасливо подошла и проверила пульс. Пульс был. Значит, живой! Ему же хуже!

Когда великий колдун очнулся, то первое, что увидел, так это мое бородатое лицо с очень свирепым взглядом разъяренного горца. Судя по его взгляду, это последнее, что он мечтал увидеть, будучи крепко привязанным к стулу. Я человек абсолютно толерантный, точнее, моя толерантность граничит с пофигизмом, собственно, как и у многих, но тут почему-то мне в голову пришла сценка из «Кавказской пленницы»: «Мы будем судить тебя по законам гор!» С характерным «восточным акцентом» я изложила ему свои нехитрые требования.

В этот момент я почувствовала себя террористом из голливудского боевика. Горе-колдун залепетал что-то невразумительное, мол, ошибочка вышла и все такое... А потом начал рассказывать мне про то, что вернуть мою прежнюю внешность не получится. Он пытался торговаться, предлагая какие-то чудодейственные средства собственного приготовления, имеющие эффект покруче, чем у виагры. На вопрос, где, как и на ком проводились клинические испытания, ответить он не мог, а лишь стыдливо отводил глаза в сторону стопки слипшихся от воды журналов «Плейбой». Маг попытался сбежать, звеня медалями и орденами, но поскольку я, в отличие от него, смотрела боевики, то это было не так-то просто. Горе-колдун был намертво примотан к стулу. Веревку я нашла прямо в его столе, куда бесцеремонно заглянула в поисках чего-нибудь полезного. Помимо всякого мусора и старых журналов за разные годы, пахнувших морской водой и с расплывшимися картинками, ничего интересного там не было.

– Итак, я буду рвать диплом за дипломом, если ты, маг хренов, не вернешь мне мою нормальную внешность... – ядовитым голосом сказала я, протягивая руку к первой попавшейся грамоте.

– Это невозможно... – простонал маг, но тут же воспрянул духом: – Но я могу снова сделать тебя толстой...

Я почесала свой бородатый подбородок, прямо как царь Иван Грозный в фильме «Иван Васильевич меняет профессию», обдумывая предложение.

– Отлично, это уже что-то... Прогресс... То есть нормальной ты меня сделать не можешь, а вернуть меня в то состояние, в котором я пришла к тебе, можешь... Ну давай, возвращай. В таком виде я хоть на женщину похожа!

Маг попросил развязать ему руки и тут же начал делать какие-то странные пассы, опасливо косясь на меня. Через пять минут я почувствовала, как у меня снова появились бока и многослойный фартук живота. Из нас двоих Годвин, казалось, был удивлен больше всех

полученному результату.

Не прощаясь, распахнув дверь с ноги, в расстроенных чувствах я отправилась на берег, в надежде найти Сафиру, которая предусмотрительно куда-то смылась. На побережье было пусто.

Я села под деревом и, чтобы хоть как-то себя развлечь, запела очень грустную песню: «Ну что ж ты страшная такая... Ты такая страшная... Ты ненакрашенная страшная и накра-ашенная!» Делала я это с характерным подвывом, чтобы продемонстрировать возможным слушателям и самой себе всю глубину моего женского горя. Стемнело, а я не ела уже почти день... От этого моя песня звучала еще более грустно... Мой врожденный оптимизм говорил мне, что моих жировых запасов хватит еще на неделю, но ставить над собой эксперименты не хотелось. Я стала вспоминать все передачи, которые я смотрела по телевизору и которые касались выживания. Почему-то первым мне в голову пришел «Последний герой». Там в кадре доступным языком для умственно отсталых рассказывали, как из подручных средств соорудить шалаш, как поймать рыбу на резинку от трусов и что из того, что ползает, бегают и летает, пригодно в пищу. Но поскольку мне удалось посмотреть только часть сезона, явно понимая, что за кадром там жуют явно не филе мадагаскарского таракана и не оладушки из медузы, я заметно приуныла, проклиная отечественных шоуменов. С каждым часом жрать хотелось все сильнее. И пить тоже... Я уже подумывала вернуться к этому шарлатану, но он точно уже сменил дверь, вкрутил новый замок и забаррикадировался не хуже Гитлера в 1945 году в ожидании моего очередного пришествия.

Я стала рыться в телефоне и искать что-нибудь, что могло бы меня отвлечь от мыслей о горячем гамбургере или большой пицце. Среди всякого мусора типа: «Фидель смотрит на всех, как на унылое говно» и «Фидель не может слезть со шкафа», наших с Машкой совместных селфи, музыкальных треков, книг по программированию для «чайников» и любовных романов в стиле фэнтези современных и малоизвестных писателей, скачанных прямо с литературного сайта, я не нашла ничего полезного. Вот так вот. Почему-то мои мысли вернулись к Машке и Фиделю. Я вспомнила огромный мешок отборного и ужасно дорогого кошачьего корма с аппетитным запахом, и у меня потекли слюнки. В голове вертелась навязчивая реклама, когда хозяйка выдавливает аппетитный, похожий на паштет корм, а кот пулей бежит к тарелке. Вот сейчас бы я точно опередила котяру, показав ему толстый кукиш.

На небе появились первые звезды, а следом три луны. Большая луна уже шла на убыль, а маленькие две все еще были круглыми, как блинчики.

Блинчики... Блинчики... Со сметаной или с вареньем. Можно даже с творогом!

– Эй, – услышала я тихий голос, сопровождающийся негромким всплеском. – Ты здесь? Ну как, Годвин смог помочь?

При воспоминании об этом товарище у меня зачесались руки.

– Как видишь! – мрачно буркнула я, подходя к воде. Кошачьи глаза уставились на меня в некотором недоумении и растерянности. – Твой Годвин – редкостный козлина и шарлатан. Сначала все вроде было нормально, но потом у меня выросла борода и...

– Он еще жив? – перебила меня Сафира, понимая, что в состоянии аффекта от меня можно ждать все что угодно.

– К несчастью, да, – буркнула я. – Правда, теперь у него к мании величия добавится мания преследования.

– Послушай, я хотела как лучше... – пояснила русалка, тяжело вздыхая. – Годвин на самом деле был великим магом... Но потом он попытался объяснить императору, что он лучший маг всех времен и народов и что с ним нужно считаться... Император некогда был его учеником, я бы даже сказала – лучшим учеником. Освоив всю магическую программу за каких-то три года, он во всем превзошел своего учителя... А потом...

– А потом он перешел на темную сторону силы, проводив своего учителя на заслуженную пенсию в уютном, но почти необитаемом месте, купив ему путевку в один конец, – мрачно подытожила я, думая, что на премьеру новых «Звездных войн» я так и не сходила.

– Ну... примерно как-то так, – выдохнула Сафира. – Кстати, у меня для тебя есть очень хорошая новость! Завтра сюда приплывет корабль, на котором ты сможешь вернуться в столицу и принять участие в ежегодном конкурсе Империиовидение.

– Ты это серьезно? Что ни день, то конкурсы и викторины! Кто это там такой массовик-затейник? – спросила я, чувствуя, что просто обречена стать звездой. – А кто победил в прошлом году?

– Три поющие макаки... – ответила Сафира. – А в позапрошлом – крестьянка, которая пела дуэтом с коровой. Правда, потом выяснилось, что это был бык и ему прищемили яйца, но победу все равно засчитали.

Ну, разумеется! Не зря же животинка мучилась-то...

– А-афигеть! Так у меня есть все шансы! – сардонически улыбнулась я. – А бородатая женщина там еще не пела? Нет?

– Пела... Правда, она прошла в финал, но там ее задвинула группа орков-людоедов, исполняющая любимый хит «Твои кости обглодаю»,

аккомпанируя себе на человеческих черепах, поэтому следующий конкурс прошел в поселении орков. Зрителей туда понаехало со всей страны, правда, после конкурса был банкет, поэтому домой вернулась только половина, – вспоминала Сафира, цыкая зубом. – Но банкет удался на славу!

Неплохо, однако, народ погулял. Главное, еду с собой привезли...

– А смысл мне вообще лезть на сцену? Поясни! – поинтересовалась я, прокручивая в голове возможные варианты собственного выступления. Больше всего меня интриговал прыжок на руки фанатов!

– Тут все дело в главном призе! – сообщила русалка, поправляя волосы.

– Шоколадная медалька и диплом? Нет! Пстой, я хочу сама угадать! Кружка с логотипом и конверт с мелочью? Огромный кубок и «большое спасибо за участие»? Путевка на райский остров и букет цветов? – Я чувствовала, что меня снова тянут в какие-то неприятности.

– Не угадала... Главный приз – это желание! Император исполнит твоё самое заветное желание! Ты понимаешь, что это твой шанс?! – Сафира взглянула мне в глаза. – Поверь мне, все желания, которые загадывают участники, исполнились! Ещё ни разу не было такого, чтобы чье-то желание не исполнилось!

– А что обычно загадывали? – поинтересовалась я, представляя, что могли загадать три поющие макаки.

– Разное... – уклончиво ответила русалка.

– Да я вообще не умею петь. Я пою только голая – в душе! Или когда пьяная – в караоке... И то люди из соседних домов высовываются и орут: «Хулиганье! Не мучайте бедную кошечку!» А в прошлый раз, когда мы с Машкой отмечали её день рождения в караоке, какой-то мужик во время моего соло вышел заспанный, в одних труселях и стал пикать сигнализацией от машины, думая, что это она сработала среди ночи. Да когда я в детстве пела любимую песню «Белеет парус одинокий», мои родители уходили на кухню и плотно закрывали дверь изнутри. А ты предлагаешь мне поучаствовать в конкурсе, где нужно петь! – возмутилась я, вспоминая горький опыт.

– Я предлагаю тебе не просто участвовать! Я предлагаю тебе победить! Послезавтра – последний день отборочного конкурса. И ты должна туда успеть! Других вариантов я не вижу! – глаза Сафиры блеснули в темноте. – Если не хочешь участвовать, то сиди и дальше на этом острове.

– Кстати... – сказала я тихо, вспомнив кое-что важное, – можешь смотаться в пещерку Годвина?

– А что такое? – занервничала русалка, подозрительно сощутив глаза.

– Развяжи его... А то он наверняка немного нервничает... Руки-то я ему развязала, а вот ноги...

Сафира посмотрела на меня так, будто пожалела, что не утопила раньше, когда была такая возможность. Русалка обиженно шлепнула хвостом и нырнула в воду.

Н-да... Перспектива еще та. Жизнь показывает, что на одни и те же грабли наступают исключительно умственно отсталые оптимисты. Но, если верить русалке, игра стоит свеч. В моем случае на кону свечи от геморроя. Ну что ж... Подождем кораблик.

Почему-то захотелось покачать пресс. Вдруг мне удастся хоть немного похудеть к завтрашнему утру?

Утром я проснулась в довольно странной позе. Руки были заведены за голову, а ноги заправлены под корень дерева. О спорт! Ты – жизнь...

От нечего делать я стала пристально всматриваться в горизонт и тут увидела то, что мечтала увидеть в классе эдак седьмом-восьмом, когда мы проходили творчество Александра Грина. Я увидела алые паруса.

– Капитан Грей! Я твоя Ассоль! Я здесь! Я здесь! – кричала я, размахивая руками. Вот она! Мечта моего детства! Мое воображение сразу нарисовало высокого загорелого красавца брюнета с длинными волосами, перехваченными алой лентой. Его темно-синие, как морские глубины, глаза смотрят на меня, и я понимаю, что это любовь. Я буду бежать к нему по золотому песку, пока не упаду в его объятия... Ах, мой Грей... Сердце радостно забило в предчувствии чего-то волшебного... Он понесет меня на руках к шлюпке, чтобы я не замочила ноги, покрывая мое лицо поцелуями... О мой бог! Какое тут к черту Империевидение! Фиг с ним! Пусть хоть свинья в балетной пачке победит. Мое заклинание скоро спадет, и я обрету свою вечную любовь...

По мере приближения судна я чувствовала волнение. Когда же? Когда же? Когда же я увижу красавца-капитана? Мамочки! Я так волнуюсь, что у меня дрожат колени! И вот она, заветная шлюпка спущена на воду и приближается к берегу.

Я вскакиваю на ноги и бегу по песку, пытаюсь разглядеть, кто там, в шлюпке... В определенный момент меня заметили, и шлюпка остановилась в раздумьях. Мне даже показалось, что она решила грести обратно к кораблю, но потом все-таки погребла к берегу.

– Капитан Грей! Мы прибыли! – сказал один матрос.

В воду прыгнул самый красивый мужчина, которого я только могла себе представить, и я сломя голову ломанулась к нему, виляя своей

необъятной задницей. Сначала мне показалось, что он припустит от меня наутек. Еще бы! Тетка весом под центнер, которая несется на тебя равносильно КамАЗу, внезапно потерявшему управление на оживленной магистрали. Но для настоящей любви нет пределов. И я вижу, как он расставляет руки и ловит меня в свои объятия. Сказка!

– Пойдем, моя Ассоль, нам пора... – прошептал он, приглашая сесть в шлюпку. Пока гребцы делали взмахи веслами, я мысленно прикинула список гостей на свадьбу, фасон свадебного платья и величину свадебного торта.

– Только после вас, красавица! – сказал мужчина моей мечты, и я стала взбираться по веревочной лесенке вверх.

Где-то на половине пути я услышала заметный ропот в шлюпке. Взглянув вниз краем глаза, я увидела, как все осторожно расступились, очевидно, понимая, какая угроза нависла над ними. Не дрейфьте, ребята... Любовь придает мне сил!

Я шагнула на палубу, и тут же ко мне подлетел какой-то матрос – чтобы помочь мне взобраться? Нет! Ни фиги подобного! Он собирался оглушить меня веслом, но его хитрый маневр был разгадан и предотвращен метким ударом по причинному месту. Весло выпало, моряк согнулся и завыл, причитая на все лады, что отцовство ему точно не грозит. Я с некоторым недоумением посмотрела на все происходящее, решив дождаться капитана.

А вот и он. Пусть теперь объясняет, чем я обязана столь радушному приему!

Капитан смерил взглядом валяющегося на палубе бедолагу, а потом скомандовал остальным:

– В трюм ее... Связать и посадить в клетку...

На меня накинули рыбацкую сеть, и я, запутавшись в ней, с грохотом повалилась на палубу. Зайчик, ты точно не читал «Пятьдесят оттенков серого»? Или это твоя настольная книга?

Пятеро моряков поднатужились и поволокли меня в сторону распахнутой двери. Меня тащили куда-то вниз. Я пересчитала все ступеньки. Их оказалось ровно десять. По количеству синяков на моей ушибленной заднице. Я никогда не плавала на кораблях, поэтому все вокруг изучала с огромным интересом. В трюме было достаточно просторно. Везде стояли бочки, ящики, были развешаны рыболовные снасти. Один из моряков открыл секретную дверь, и пятеро мужиков втащили меня внутрь. Здесь было немного неудобно. Очевидно, весь антураж портили здоровенные клетки, в которых томились несчастные

невольницы. Мне достался одноместный номер люкс, хотя остальные сидели в гораздо большей тесноте. Когда шаги морячков стихли, я сказала, обращаясь ко всем присутствующим:

– Ну, здравствуйте, товарищи Ассоли!

Мне никто не ответил. Они смотрели на меня так, словно только что увидели дракона. Я решила повременить с душещипательными разговорами и сосредоточиться на анализе сложившейся ситуации. Я мысленно сканировала поврежденные секторы моей операционной системы, пытаюсь понять, каким местом я думала, когда бросалась в объятия первому встречному. Очевидно, тем, которое сейчас болит больше всех. Судя по контингенту, нас везут на какую-то рабовладельческую ярмарку-распродажу. Итак, давай, Сима, вспоминай, что бывает, когда несчастная красавица попадает в плен к пиратам, особенно к очаровательному капитану? У нее два варианта. Ждать, когда ее освободят или продадут кому-нибудь... Или же соблазнять капитана до тех пор, пока он в нее не влюбится по уши. А что делают мужественные герои, волею случая попадая в такую ситуацию? Разумеется, пытаются сбежать или поднимают мятеж. Мой процессор заработал на полную мощность. Я взглянула на невольниц с анорексическим теловычитанием, которые вряд ли способны поддержать гениальную идею с побегом, поэтому лавры Спартака я решила оставить кому-нибудь другому. Иногда герои берут в заложники капитана и требуют шлюпку. Тоже вариант. Но в моем случае неосуществимый, так как приличного оружия у меня при себе нет. Осталось либо ждать, когда доплывем, либо соблазнять. Вариант самостоятельно выбраться из клетки не рассматривался. И тут, словно почувствовав мои эротические флюиды, на пороге нашего убежища появился капитан в сопровождении охраны. Охрану он, очевидно, прихватил на случай, если сам не справится...

– А кушать нам не полагается? – томным голосом спросила я, закинув ногу на ногу.

– Тебе еда точно не светит, – мрачно буркнул капитан Грей, стараясь не смотреть на мой эротический маневр. – Дамы, мы приближаемся к столице. Ведите себя тихо.

– Нет, ну это возмутительно! – голосом фрекен Бок заявила я. – В путевке было четко прописано: «Все включено!» Я требую еды!

Капитан, очевидно, офигев от подобной наглости, решил подойти поближе к моей клетке, чтобы объяснить мне права и обязанности невольницы, но это была его роковая ошибка.

Я быстро сориентировалась и схватила его за причинное место, крепко

сжав в руках. «Дерни за веревочку, дверь откроется», – пронеслось в моей голове. Я резким рывком дернула красавца к клетке, частично... хм... да, частично втащив его в свое уютное гнездышко. Капитан заорал и задергался, но я была неумолима. Соблазнять так соблазнять.

– Мне, пожалуйста, два хот-дога, одно большое пепси, картошку фри, салатик, гамбургер и мороженое рожок... – сказала я, глядя на растерявшуюся охрану.

– Вам с собой завернуть или здесь будете? – жалобно пропищал капитан, словно всю жизнь орал: «Свободная касса!»

– Здесь! – улыбнулась я. – И чек, пожалуйста... То есть салфетку!

– Девочки, – спросила я, обращаясь к соседним клеткам. – А вы что-нибудь будете заказывать? Фирма платит! Не стесняйтесь!

– Нет, спасибо, – отрицательно покачали головами красавицы. – Мы на диете. За фигурой следим!

– Жаль... – выдохнула я. – А то бы корпоративчик устроили!

Через пять минут мне принесли целую гору еды. Правда, совсем не то, что я заказывала, но не будем придираться... Отпускать капитана я пока не собиралась, поэтому пришлось кушать одной рукой. Большой кусок мяса под соусом, хорошо прожаренный на огне, быстро исчез в необъятных недрах моего желудка. Но скоро его одиночество закончилось, и к нему присоединился салат из морепродуктов, большой кусок свежего хлеба, суп из каракатиц и многое другое. Сыто отрыгнув, я заметила, что салфетку мне так и не принесли. Сволочи! Я же просила. Я вытерла свою жирную (во всех смыслах этого слова) руку о штаны объекта своих девичьих мечтаний, а когда решила вытереть рот, то капитан побледнел и чуть не обмяк... Поскольку своего я добилась, то решила отпустить бедолагу, но перед тем как это сделать, я нежно сказала ему:

– Обычно после еды меня тянет на любовь... Ну что, милый, ты готов? Твое счастье в моих руках...

Капитан задергался так, что я подумала о том, что смена пола «своими руками» – это не такая уж и сложная операция. Мне прямо-таки зачесалось сказать очень серьезным голосом: «Зажим! Пинцет! Тампон!» – и обязательно прибавить: «Мы его теряем!» В итоге я все-таки отпустила объект своих девичьих грез. Капитан Грей скрючился, словно только что ему неудачно пробили пенальти, и поковылял от греха подальше. И прав был Александр Грин: «Чудеса делаются своими руками».

– Рассказывайте, девочки, как докатились до такой жизни... – лениво произнесла я, обращаясь к другим пленницам. Как выяснилось, девяносто процентов девушек прекрасно знали, на что шли. Еще бы, в провинции

нормальной работы днем с огнем не сыщешь, а по поводу удачного замужества можно даже не заикаться. Вот и ждали, когда на горизонте появятся алые паруса, которые унесут их в новую, счастливую жизнь. Лишь десять процентов свято верили в легенду. Но даже узнав горькую правду, они ничуть не жалеют, ведь столица открывает для них новые горизонты.

«Девушка едет в столицу! Девушка едет учиться! Девушка едет жениться! Помогите ей срочно влюбиться!» – пропела совесть забытый шлягер. «У девочки нет прописки, нет опыта пикать на кассе. Но это ей и не нужно, если стоять на трассе!» – вздохнула я.

Пока рабыни строили планы на будущее, я блаженствовала. И никаких горизонтов открывать не собиралась. Наконец-то я отлично покушала. Жизнь и вправду начала налаживаться... Я взглянула на соседние клетки и поняла, что красота, разумеется, спасет мир, а лишний вес – спасет все остальное, в том числе и его обладательницу. А ведь будь я прежней, то мои приключения заканчивались бы совсем по-другому. Я почти с любовью взглянула на свой жирок, так плавно колыхающийся при качке, и решила немного вздремнуть.

Глава 8

Рабыня из Аура

Я поняла, что мы приплыли, когда за нами спустилась целая делегация. Сладко потянувшись и зевнув так, как лев на заставке «Метро Голдвин Майер», я стала ждать, когда откроют клетки и нас выведут на палубу. Капитан Грей осмотрительно старался держаться от меня подальше, ковыляя, как уточка, враскорячку. Остальные моряки косились на меня с неподдельным ужасом, втихоря бросая жребий, кто поплывет со мной в одной шлюпке. И вот моя вип-шлюпка спустилась на воду. Вы, наверное, прекрасно осведомлены, что в двухместной байдарке и прочих суденышках с веслами обитают веселые существа: Гребибля, Гребубля, Кудабля, Тудабля, Нетудабля... Так вот, в местный пантеон байдарочных божеств с моим появлением чуть не добавились Несмейбля и Коднубля, после того как я решила посмотреть на рыбок, облокотившись на один борт. Пока покрасневшие от натуги моряки налегали на весла, я почувствовала себя настоящим рабовладельцем. Мои галерные рабы гребли в целом неплохо, но как-то не совсем слаженно и ритмично. Я решила внести коррективы в процесс гребли и сразу же начала отбивать ритм на толстых ляжках, командуя «Раз! Два!», копируя интонации моего физрука. Не знаю, или мой ритм помог им настроиться, или они не чаяли, как быстрее от меня избавиться, но через минуту они гребли так хорошо, что сборная по гребле с завистью грызла бы весла. Матросы косились на меня с ужасом, и я решила их немного подбодрить веселой и очень оптимистичной песней. Тем более что не мешало бы немного распеться. А то что-то я совсем не в голосе, а на носу такое важное мероприятие.

– Штиль. Ветер молчит... – с характерными интонациями и кипеловскими подвывами выводила я. – Упал. Белой чайкой на дно...

Когда я дошла до слов: «Смерть одного лишь нужна. И мы... мы вернемся домой. Его плоть и кровь вновь насытят нас...» мне стало понятно, что в лице этих товарищей я нашла самых благодарных слушателей в мире, ведь деваться им все равно некуда. Куда ты денешься с обычной лодки? Один из гребцов, самый молодой и слабонервный, хотел было броситься за борт, чувствуя, что больше не вынесет столь мелодичной и грустной песни в исполнении будущей звезды Империиовидения, но его успели вовремя спасти ударом весла по макушке. Растянувшись на дне

лодки, он пробыл в состоянии блаженного забытья до самого причала.

Мы причалили, и я с радостью вылезла на небольшой дощатый настил, где уже стояла стайка невольниц. Если честно, то невольницами их обозвать язык не поворачивается. Они стояли так, словно их привезли на кастинг «Американ некст топ модел» и вот-вот начнут снимать для глянцевого журнала. Рядом со мной стояла девушка с заостренными ушами и внешностью Джессики Альбы. Моя извилистая википедия предположила, что она – эльф, хотя до этого момента эльфов видеть мне не доводилось.

– А ты сюда какими судьбами? – спросила я без церемоний, не упуская возможности вступить в контакт с представительницей самой древней расы и самой древней профессии.

– Теми же, что и остальные. Решила, так сказать, на старости лет денег правнукам на учебу заработать... – произнесла эльфийка, глядя на мою отвисшую челюсть. – И развлечься немного... Если получится!

– А как же родные? Они одобряют? – спросила я, прикидывая, сколько же красавице на самом деле лет.

Мадонна, подслеповато щурясь, накинула недоеденную молью шаль, чтобы не продуло поясницу, шаркающей походкой поковыляла вязать носки из барсика и разогревать блины в микроволновке.

– Муж, конечно, возмущался, а потом согласился. Да и не муж он мне больше, в прямом смысле этого слова... Лет триста уже как волшебной палочкой не машет... – лениво проговорила красавица, тяжело вздыхая.

Мое воображение нарисовало изумительной красоты эльфа, который выглядит так, словно сошел со страниц глянцевого журнала. Мускулистый, но при этом изящный, с тонкими чертами лица, длинными волосами. Ну просто не мужчина, а мечта! С поникшим взором импотента...

– А какие-нибудь чудодейственные средства пробовали? – участливо спросила я. – Ну корешки, травы...

– Привязывали, втирали, жевали, глотали... Бесполезно. Физиология такая... Как тебе объяснить, – вздохнула эльфийка, глядя на меня большими выразительными глазами. – У нас все просто. Мужчина-эльф остается мужчиной только лет двести, ну триста. А потом эта сторона жизни перестает его волновать. А поскольку средняя продолжительность жизни эльфа составляет около тысячи лет, то масштабы женского одиночества представить очень несложно. Тем более что работы у нас нет. Заняться нечем. Ничего приличного подыскать не удастся. Фенечки плетем, сувениры делаем, всякую чепуху туристам продаем... Всю зиму делаем, а летом впариваем. Правда, после того как мы заняли последнее место на

Империиовидении, к нам поток туристов вообще иссяк.

– А супруг работает? – перебила я, чувствуя, что разговоры про Империиовидение меня не сильно вдохновляют. Я еще морально не готова покорять подмостки больших и малых академических театров.

– Перебивается случайными заработками... – вздохнула красавица. – Он у меня ролевик. Наш император любит поиграть. Он находит две полянки, на одной мы, на другой орки. И сначала у нас конкурс, кто быстрее построит свою базу. Разумеется, мы тащим все домашние заготовки, напрягаем магов, чтобы ускорить процесс, но все равно в итоге не сильно качественно получается. Параллельно мы должны добывать необработанный камень и сырую древесину, хотя для постройки они и на фиг не нужны. Мы стараемся запастись ресурсами заранее. А потом мы с орками поочередно начинаем бегать друг к другу и пытаться разрушить вражескую базу. Император обычно за орков играет, поэтому мы просто обязаны проиграть. Мы заранее встречаемся с орками, договариваемся, расписываем все действия, согласовываем, а потом начинаем игру. Ну, нам-то еще везет, мы как-то сами по себе. А орки бедные. Каждое действие они должны комментировать: «Да, мой господин?», «Жизнь за Орду!», «Как скажете, мой господин!» Я дословно не помню, но что-то пафосное в этом духе. Но платят за это неплохо... Даже нам что-нибудь перепадает...

– Понятно... «Варкрафт» добрался и сюда. Хорошо хоть, император про «Крутого Сэма» не слышал, – сказала я, думая о том, какой же император все-таки садист.

– А еще раньше он любил драконов убивать. Ну как убивать... Понарошку... Сначала убивал по-настоящему, но потом сжалился и решил понарошку. Убил дракона и, типа душу высасывает. Эта игра у нас называется «Скайрим», – вздохнула эльфийка. – Каждый год проходит... Драконы тоже в теме. Поддаются, как умеют. Попробуй не поддаться, как тебя живо на ингредиенты пустят. Император дракона в два счета в порошок стереть может, поэтому драконы и поддаются. Чтобы в живых остаться.

– А ты сюда часто приезжаешь? – решила я перевести разговор в другое, более аполитичное русло.

– Это уже пятый раз... Нам, эльфийкам, все равно, кто нас купит. Главное, чтобы завещание на нас переписали, и все. Я здесь уже девять раз вдовой была. Правда, один раз недооценила потенциального покупателя.

– Он бессмертный оказался? – спросила я с ужасом, представляя Дункана Маклауда или графа Дракулу.

– Нет, перед смертью оставил все Фонду защиты природы... Зоофил

проклятый... – ругнулась эльфийка. – А я-то думала, почему он меня то зайчиком, то кошечкой, то рыбкой, то косулей называл... Природу, видите ли, любил. Я ведь тоже в долгу не оставалась, то козлом его, то бараном обзывала. А на деле он еще той крысой оказался.

– А что ты знаешь об императоре? – спросила я, понимая, что рано или поздно мне придется иметь с ним дело...

Эльфийка взглянула по сторонам и шепотом произнесла:

– Страшный он человек... С ним лучше не связываться... Он за один год завоевал весь мир. Такого в нашей истории еще не было... Он, разумеется, сделал много хорошего для империи: дороги построил, единую валюту ввел, отменил рабство, поэтому мы и терпим его капризы... Хотя я неправильно выразилась, мы его все уважаем... и боимся...

Мое мнение об императоре уже фактически сложилось, поэтому я мысленно пожалела ту несчастную девушку, которая станет его супругой. Я желаю ей крепкого здоровья и терпенья, ибо они ей еще очень пригодятся.

Пока мы общались с эльфийкой, к нам подошли какие-то небритые мужики, смахивающие на головорезов, и завязали каждой рабыне глаза, дабы она не запомнила дорогу. Эльфийка ехидно улыбнулась и сказала: «Три поворота направо, один налево, пятьсот шагов прямо – и мы на месте!» Краем уха я слышала перебранку с извозчиком, который утверждал, что за «негабаритный груз» в моем лице придется доплачивать.

– У меня нагрузка на одну ось – не более трехсот кило! – возмущался извозчик. – Вот техпаспорт на телегу! Тут все понятно написано! Я недавно из мастерской ее забрал! Развал-схождение делал! Знаете, сколько с меня содрали? А вы хотите, чтобы я снова прямиком туда отправился...

Меня хотели выгрузить и отпустить с миром, но потом жадность взяла верх над здравым смыслом, и за меня доплатили... Как приятно быть очень дорогим человеком.

Пока повозка тряслась по ухабам, меня терзали смутные сомнения относительно моей дальнейшей судьбы. Неужели на меня найдется покупатель? И тогда все планы летят псу под хвост!

Нас выгрузили во дворе какого-то дома, больше смахивающего на сарай, предварительно развязав глаза. Капитан Грей тут же достал документы, на которых я краем глаза увидела надпись: «Универсальный передаточный документ». Какой-то мужичонка в сером камзоле быстренько поставил свою роспись и отпечаток перстня, мол, товар принял в количестве «700 кг живого веса. Оплата за килограмм – 1 золотой».

Глядя на своих тощих товарок себестоимостью от сорока до шестидесяти золотых, я была приятно польщена. Я поняла, почему меня не

выбросили в море. Одна моя тушка потянула более чем на сто золотых. Я просто бесценная женщина. Капитан Грей, получив деньги, поспешил смыться как можно быстрее по вполне понятной причине.

Когда товар решили осмотреть, то бедный приемщик потерял дар речи, увидев меня. В этот момент он понял, что это худший день в его жизни и худшая сделка за всю историю его маленького и очень прибыльного бизнеса. Так его еще никогда не кидали. Такого пересорта ему еще никогда не доводилось видеть. Но деньги были уплачены, печать поставлена, документы подписаны, и вот она я – самая дорогая рабыня за всю историю. Собственной персоной. Куда там Анжелике...

Нас всех построили вдоль стеночки и стали вносить в списки на продажу. Когда очередь дошла до меня, то на вопрос, кто я и откуда, я ответила трагическим голосом:

– Рабыня Изаура...

Все долго вспоминали, где находится Аур, высказывая свои предположения, но, так и не вспомнив местечка с таким названием, решили не заморачиваться и записать так, как есть. Моя бабушка, которая смотрела все сто серий этого тягомотного бразильского «мыла» сейчас гордилась бы мной. Она всегда говорила мне, что я должна быть похожа на рабыню Изауру, как бы намекая, что мы давненько не ездили вместе на «фазенду» полоть картошку и сажать огурчики. «Фазенда» – она же «плантация», она же «участок для ведения садоводства» – размещалась в шести километрах от города, в кооперативе «Радость-2» на улице Помидорной, недалеко от кооператива «Бодрость-3». Меня всегда мучил вопрос, какой человек с ограниченной фантазией придумывает названия кооперативам? Я, например, глядя на некоторых бабушек-огородниц, которые с самого утра вместе с тяпками, лопатами и тележками с упорством, достойным лучшего применения, протискиваются в переполненный автобус, назвала бы кооператив «Терминатор» или «Хищник». Представьте себе судебное дело между кооперативами «Чужой» и «Хищник» за самовольный захват общественной дороги. «Чужой против Хищника». Вот это я понимаю...

После того как мы изложили свои краткие биографии, нас пригласили взвеситься и измерить рост. Свой рост, разумеется, я знаю – 168 см. А вот вес... Последний раз, когда меня взвешивали, я весила три семьсот и орала как резаная. С тех пор я и близко не подхожу к напольным весам. Машка, например, взвешивается каждое утро. И каждое утро плачет. Она звонит мне прямо на работу и начинает скулить в трубку, что она пипец какая жируха. Сначала я честно старалась ее утешить, мол, это ее нормальный вес, но потом мне это все надоело, и я предложила взвешиваться ей вместе

с Фиделем. С тех пор у нас поправляется исключительно котяра, а Машка как весила пятьдесят шесть, так и держится в этой весовой категории уже семь лет, несмотря на ночные набеги на холодильник.

Может быть, раньше, будучи в своем нормальном обличье, я бы и отказалась от этой унижительной для любой женщины процедуры, то сейчас я с радостью взгромодилась на весы, не без тайной надежды, что я их сломаю. Если вы думаете, что это были какие-то магические весы, то вы ошибаетесь. Это были весы, очень смахивающие на старые продуктовые с гирьками и грузиками. На одну чашу весов встала моя неземная красота, а на другой стали появляться гирьки, гири, гирищи. Но все равно моим временным хозяевам не удалось склонить чашу весов в свою сторону. В итоге на противоположную чашу заставили залезть девушку, которую взвесили до меня. Произведя нехитрые математические умозаключения, работоторговцы пришли к выводу, что вешу я сто пятьдесят шесть килограммов. Сверившись с наскоро заполненными документами, они выяснили, что недоплатили капитану Грею двадцать золотых. Но даже эта сиюминутная выгода их почему-то не порадовала.

После взвешивания была мойка, а после мойки – сушка и укладка спать. Перед сном нам предложили позабавиться два каких-то хмыря, в обязанности которых входило караулить пленниц, но после того как я вызвалась добровольцем, охране резко перехотелось свежей девчатины, и они сели играть в карты.

Утром рабынь накормили и повезли на ярмарку. В небольшом зале, оформленном в стиле «мещанский шик», размещались зрительный зал и импровизированная сцена, куда в порядке очереди выгоняли живой товар. Первыми шли обычные девушки. Их покупали быстро, особо не торгуясь. Потом пошли эльфийки, за которых разгорелась нешуточная борьба. Я слышала, как один из присутствующих орал: «Да как вы смеете! Я глава комитета по борьбе с рабством! Это несправедливо! Вы не имеете права так поступать! Да я вас сдам императору, если вы еще раз поднимете ставку!»

Изначальная цена – это вес рабыни, а остальное – накрутка. Так вот, моя знакомая бабушка-эльфийка ушла по цене в пять раз выше, чем за нее заплатили раньше. Со счастливой улыбкой красавица преклонных лет отправилась за стол к старичку, который едва смог поднять руку, чтобы озвучить ставку. Глядя на то, как трясется старик, я поняла, что красотка имеет все шансы стать вдовой еще до окончания торгов.

Все лоты сопровождалось комментариями организатора – усатого и очень чопорного дядьки в парадном камзоле и парике, который скрывал заметную залысину. Если верить ему на слово, то на подиум поднимались

исключительно эльфийские принцессы и внебрачные дочери высокопоставленных чиновников и дворян, а все покупатели знали толк в женской красоте.

Обычно описание рабыни звучало примерно так: «Изумительная красавица, внебрачная дочь... аристократка душой и телом, нетронутый цветок, который распустится в заботливых руках...»

Потом наступил черед «экзотического товара». Экзотических красавиц было всего трое, включая меня. Лысая и массивная, как бодибилдерша, оркесса, покрытая татуировками с ног до головы, бородатая карлица и я. Оркессу купили сразу. Насколько я поняла по оживлению в зале, орки – это очень редкий товар. Бородатая карлица была менее популярна, поэтому ее спихнули почти по себестоимости какому-то слепому извращенцу, который долго не мог нащупать ее, чтобы узнать, что конкретно он приобрел по «рекомендации друзей».

И вот он – мой выход. Меня попытались раздеть, но я стала сопротивляться. В итоге они навалились на меня всей толпой и содрали остатки платья. Теперь я была почти полностью обнажена. За исключением очень растянувшихся трусов и спрятанного в складках жира мобильного телефона. Увидев меня голой, организаторы спохватились, понимая, какую ошибку допустили, и выдали мне какую-то простыню, в которую я завернулась на манер римской тоги.

Я вышла на сцену и встала в позе Наполеона, силясь разглядеть в полумраке присутствующих. Лиц особ видно не было, поскольку все присутствующие были в масках. Организатор торгов сразу начал свое повествование:

– Это рабыня из Аура. Аур – это таинственный остров в Электическом океане. Местные жители поклонялись ей как богине плодородия...

– И каннибализма, – добавила я, цыкая зубом, как Сафира, и плотоядно улыбаясь.

– Они приносили ей в жертву часть своего урожая, самые лучшие плоды, самые красивые украшения...

– Младенцев и головы убитых врагов, – радостно дополнила список подношений я.

– В ее честь воздвигали храмы и проводили ритуалы...

– Расчленения и кровопускания... – вставила я свои пять копеек, надеясь, что мое чувство юмора будет оценено в полной мере.

– Итак, стартовая цена сто тридцать золотых. Кто больше? – спросил организатор, размахивая деревянным молоточком.

Желающих, разумеется, не было. В зале повисла напряженная тишина.

– А ее кормить обязательно или можно вообще не кормить? – робко поинтересовался какой-то мужик, которого едва можно было разглядеть из-за стола.

– Можно и не кормить! – радостно заявил «парик». – Ваша цена? Неужели вам не хочется стать обладателем настоящей богини? Не нужно экономить и жадничать! Посмотрите, как на вас смотрят ваши друзья. Они ждут не дождутся, когда начнется торг!

– Сто тридцать один золотой... – мрачно сказал коротышка под пристальным взглядом усатого организатора, озираясь по сторонам, в надежде, что хоть кто-то предложит цену выше и «парик» от него отвяжется.

Ленивый голос откуда-то с галерки:

– Сто тридцать два золотых! Кстати, проведение ритуала богине считается оправданием при умышленном убийстве?

– Сто тридцать три золотых! Чтобы жена не доставала меня с расспросами толстая она или нет! Теперь ей будет с чем себя сравнивать! – заорал какой-то длинный мужик, который едва помещался за столом.

Мужик в парике внимательно посмотрел на всех присутствующих, явно не желающих поднимать цену, а потом воскликнул:

– Сто тридцать три золотых – раз! Сто тридцать три золотых – два!

– Сто сорок золотых! – воскликнул слепой извращенец, который «по рекомендации друзей» снова решил включиться в торги.

– Сто сорок золотых раз! Сто...

– Одна тысяча золотых... – лениво произнес голос откуда-то из темноты. Все удивленно уставились туда, сияясь разглядеть лицо ценителя пышных форм и «апельсиновой корочки».

– Ты что, с ума сошел? Ты ее лицо видел? – в зале раздался ропот. – Да ты же в ней утонешь! Мужик, не ерунди... Это же самоубийство...

– Одна тысяча золотых... – повторил голос, не обращая внимания на шум.

Организатор затрясся так, словно его только что ударило током. Он сглотнул, пытаясь в уме представить такую сумму. До четырехзначных цифр обычно не доходил ни один лот. Даже невольницы заметно занервничали, чувствуя себя недооцененными. Еще бы! Их цена едва доходила до четырехсот. А тут тысяча! Я как-то не вникала во все подробности местной валютной системы, поэтому смутно представляла сколько это получается в переводе на рубли по курсу Нацбанка.

– Одна... т-т-тысяча золотых – раз! Од-д-дна тысяча золотых – два! Одна тысяча золотых – три... – стучал зубами «парик», поднимая молоток

вверх.

Я с ужасом поняла, что, несмотря на мои ожидания и старания, извращенец все же нашелся. Мне стало явно не смешно, ведь я опоздаю на кастинг, о котором говорила русалка, и моя эпопея с похудением затянется надолго...

– Ай-я! Продано! – заорал «парик», ударив себе молотком по пальцам, а потом спешно добавил: – Продано за одну тысячу золотых! Аукцион окончен. Всем покупателям просьба оплатить покупку в кассе. Помните, что кредитная линия закрыта, поэтому просим вносить наличные. Покупки в долг не даем, рассрочку не предлагаем. Всего хорошего! До новых встреч!

У меня промелькнула слабая надежда, что у моего покупателя внезапно не окажется на руках такой суммы денег. А вдруг он просто пошутил? Но два бугая взяли меня под руки и поволокли мое тело в сторону выхода, словно пьяную школьницу, обделавшую весь ночной клуб после ящика «Яги».

– Пустите ее, – сказал мой новый хозяин, поправляя маску. – Она прекрасно может идти сама. В карету! Быстро!

Я увидела карету, которая была припаркована у входа, и поспешила в нее забраться.

Всю дорогу мы ехали молча, а я пыталась разглядеть своего нового хозяина. Он был невысокого роста, на полголовы выше меня. Худощавый, с длинными темными волосами. Лица под маской я не видела, поэтому судить о его внешности не могла. Мы проехали достаточно долго, а потом мой хозяин дал сигнал остановить карету и предложил мне выйти.

Я вышла, ощущая морской ветерок на своем разгоряченном лице. Такого поворота событий я явно не ожидала.

– Туда... – скомандовал мой спутник, указывая на пустой пляж.

– Э? Прямо здесь? – выдавила я, чувствуя, что лучше бы он имел в виду утопление, чем то, о чем я подумала в первую очередь.

– Садись...

Я присела. Он сел рядом, достал бутылку какого-то пойла и протянул ее мне.

– Я не пью... – выдохнула я. – Когда я пью, то начинаю буянить... И вообще... Зачем мы остановились? Вы же не топить меня собрались? Или, не дай вам бог, насиловать?

В этот момент мой хозяин поперхнулся, а потом, откашлявшись, спросил:

– Какой сейчас айфон?

И тут у меня наступил ступор. Если честно, то я не знала ответа на этот вопрос. Вроде бы седьмой, но я как-то не вникала.

– Хорошо, какая серия видеокарты nVidia? – Мой новый хозяин сделал глоток и сунул бутылку мне в руку.

– Уже трехсотая пошла, – выдохнула я. – Правда, дрова лагают на десятке. Обещали сделать нормальные дрова, но я их еще не пробовала.

Мы помолчали.

– И как тебе этот мир? – спросил он, нарушая тишину.

– Да как сказать? Многие вещи мне кажутся знакомыми... Вы тоже сюда попали случайно? – поинтересовалась я, немного расслабляясь. Мне протянули бутылку, и я отхлебнула. У-у-у-у! Мерзава!

– Анапа, 2006 год. Поехал отдохнуть с друзьями. Нализался как свинья и полез в воду. Хотя не утонул... – пояснил мой хозяин, забирая мою бутылку и делая большой глоток. – С тех пор почти не пью. Да и некогда... Но тогда напился в хлам... Прожил два года с одной мадемуазелью... Думал, женюсь... Не судьба. Появляется она как-то на пороге и собирает вещи. Я сначала не понял, в чем дело, а она мне заявляет, что между нами все кончено и она выходит замуж. Видите ли, встретила, наконец, свое счастье. А счастье, как выяснилось, имело тугой кошелек, красивую машину и кучу связей. Денег и власти ей, видите ли, не хватало. Вот и переметнулась. Из одной теплой постельки в другую. Я тогда зарабатывал неплохо, ремонт начал делать, на свадьбу деньги отложил, а ей все мало было. И вот, прикинь, звонит мне она на второй день свадьбы и говорит: «Приезжай, муж в командировку умотал за границу!» Вот тогда я ее послал в первый раз. Потом она мне еще раз пять звонила, прощения просила, рассказывая мне, какой я замечательный друг... Как выяснилось, муж у нее явно не подарок, а характер у него отвратительный. И она его до судорог боится, но готова терпеть унижения, лишь бы деньги были. На все готова была. Вспомню, аж самому противно.

– А! Прикольно... – протянула я, доставая свой телефон. Чужие переживания мне были явно неинтересны.

«Волна бежит на этот берег, волна бежит и что-то бредит...» – пропела совесть словами группы «Сплин». Я даже расслабилась.

– А зачем вы меня купили? – спросила я, делая еще глоток. Нет, ну действительно дрянь редкостная. Я про пойло, а не про этого щедрого и сердобольного человека с разбитым сердцем.

– Я – представитель тайной организации «Фонд помощи попавшим». Не слышала о такой? – спросил меня мой таинственный собеседник.

– Не-а. Я тут недавно... Тем более если организация тайная, то почему

я должна о ней слышать? Вы же листовки не раздаете, я надеюсь... – заявила я, растягиваясь на песочке. Незнакомые звезды плыли перед глазами, а тройная луна казалась порождением алкогольного бреда.

– Знаешь, что я подумал, увидев три луны в первый раз? – спросил меня мой хозяин, следуя моему примеру. – Я подумал, что с алкоголем нужно завязывать. И с женщинами тоже. Особенно такими, как она.

– А чего здесь себе красотку не подыщешь? – лениво спросила я, чувствуя, что в голове мутнеет. – Эльфийку, например...

– Местная фауна меня не интересует. Скажу тебе честно, как есть... Я не хотел бы обжечься еще раз... Жизнь меня многому научила... И если я все-таки задумаюсь над этим вопросом, то, пожалуй, придется серьезно над этим поразмыслить... А вот ты что бы выбрала? Деньги и власть в комплекте с ненормальным психом или нормальную, обычную жизнь с человеком, который к тебе относится как к равной?

– А фиг его знает... – вздохнула я, привставая, чтобы сделать еще глоток. – Я не думала над этим... Мне в моей весовой категории вообще никакие варианты не светят... Кстати, а много здесь попаданцев?

– Живых? – уточнил мой собеседник. – Живых можно пересчитать по пальцам одной руки. Кого-то драконы схарчили, кого-то орки схомячили, кто-то сам по дурости убился... Здесь попаданцы долго не живут. Император у нас тоже не любит незваных гостей. А ты побила рекорд выживаемости среди женщин. Поздравляю!

– Спасибо! Я очень рада! Мне бы еще рекорд по скоростному похудению побить, вообще бы здорово было... А то мне уже надоело быть толстухой! Ик! – сказала я, принимая бутылку из рук моего хозяина. – Если бы не эта русалка, то мне бы не пришлось здесь околачиваться. Я была бы стройной и симпатичной...

Мое сознание понемногу начало плыть.

– Наша организация не занимается трудоустройством. Думай сама, решай сама... Из неприятностей мы тебя вытащили, так что теперь все в твоих руках... – вздохнул мой, как выяснилось, спаситель.

– Я планирую поучаствовать в Империиовидении, – заявила я, чувствуя, что еще пара глотков – и меня потянет на подвиги.

– Только не это! Оно тебе надо? – взмолился незнакомец.

– Надо! Я твердо решила! – твердо произнес алкоголь, который плескался во мне. Он сразу одобрил мою идею и теперь решил помочь мне ее реализовать. Правду говорят, что без бокала нет вокала.

– У тебя же ни слуха, ни голоса... – сказал незнакомец, показывая жестом, чтобы я вернула ему бутылку.

– А вам откуда это известно? – вспыхнула я, подогреваемая спиртным. – Монтсеррат Кабалье тоже не фотомодел ь, зато голосище у нее ого-го! Чем я хуже?

– Я слышал о твоём дебюте у императора. О нём до сих пор с ужасом рассказывают очевидцы. Некоторые даже спать нормально перестали после этого! У нашей организации везде есть уши, но на твоём сольном концерте они завяли, – заявил мой спаситель, делая глоток. Бутылка была уже наполовину пустой.

– А как император? Надеюсь, что он в ужасе? – спросила я, вспоминая свой подвиг со стулом. – Я подумывала ещё стриптиз станцевать, но потом пожалела мужика. У него и так нелегкий выдался денек!

– Этого я сказать не могу. У нашей организации очень ограниченная сфера влияния, – осторожно заметил незнакомец. – Что касается эмоций, испытанных императором во время твоего выступления, то об этом может сказать только сам император. Хотя, как мне кажется, он воздержится от комментариев.

– Если у вашей организации везде есть уши, то не могли бы вы порекомендовать хорошего специалиста по заклинаниям? Очень надо! Годвина не предлагать, – взмолилась я, опрокидывая в рот остатки пойла. – Эта скотина из меня чуть трансвестита не сделала. Я ведь нормальной была... Нормальной... Ик! Я могу фотку на телефоне показать!

Я полезла искать свои фото до встречи с русалкой. Нашла. Ну, это не совсем приличное. Это тоже какое-то смазанное, а вот это – вполне достойно!

– Смотри! И вот как мне теперь жить, зная, что я была такой? А? Поэтому мне очень срочно нужно на Империровидение, понимаешь? Если мне повезет, то я одержу победу и моё желание исполнится!

– Увы, я ничем помочь не могу... – сказал мой спаситель, краем глаза рассматривая фотографию.

Незнакомец встал, отряхнулся от песка и пошел в сторону кареты.

– Эй... вы куда-да? – спросила я, пытаясь приподняться, но почувствовала, что алкоголь меня намертво прижал к земле. Дожили! Я ещё пьяная на пляже не валялась! Соппротивление было бесполезно, поэтому после мучительного головокружения я вырубилась.

Глава 9

Шопинг на необъятный попинг

Проснулась я с мерзким ощущением. Очевидно, бифидобактерии в моем желудке, получив порцию алкоголя, устроили дебош, со всеми вытекающими из него последствиями. Во рту все слиплось, а перегар был такой, что чайки, пролетающие мимо, резко меняли траекторию движения. Одна из чаек решила отомстить мне за причиняемые ее пернатой родне неудобства и нагадила прямо на мою голову. Вот зараза! Конечно, шампунь «Лопушок», который продается в огромных бутылках по цене двадцать рублей, не сильно отличается по качеству и составу от того, что прилипло к моим волосам, но все же он был бы предпочтительней. Я спустилась к морю, чтобы попытаться отмыть свои волосы от птичьего помета, как вдруг, откуда ни возьмись, рядом со мной вынырнула Сафира. Я даже уже не удивляюсь тому, как быстро она меня находит.

– О! Ты все красоту наводишь? Правильно, готовься... Император сегодня объявил, что продлевает отборочный тур. Те кандидаты, которых ему демонстрировали, не достойны представлять основное государство империи на конкурсе! Так что заканчивай наводить красоту и гребни на конкурсе! – сообщила важную политинформацию русалка.

– Ты не видишь, чем я занята? Я птичью каку отмываю! – обиделась я, чувствуя, что пресловутая «кака» вцепилась в мою шевелюру не хуже клея ПВА. Ну хоть не жвачка! Ее бы вообще выстригать пришлось!

– Ты знаешь, это лучшее средство для волос! Они после этого такие красивые... Гладкие, мягкие и шелковистые... – поделилась опытом Сафира.

– А коровья лепешка – лучшая маска для лица, – подражая ее интонации, поделилась секретом я, хотя оное средство ни разу не использовала. Шутку она, разумеется, не поймет, но зато отвяжется со своими советами.

– Надо обязательно попробовать! – заявила русалка, прикидывая, где бы разжиться столь редким ингредиентом с чудодейственными свойствами.

Какушка вроде бы отмылась, тело в прохладной воде немного взбодрилось. Не могу сказать, что я была готова к новым подвигам, но чувствовала себя намного лучше. Сейчас бы «принять воанну, выпить чашечку кофэ... Или какаву с чаем».

– Послушай, Сафира, я боюсь, что в таком виде меня не то что на конкурс, меня в город не пустят. Нищие меня первыми заклюют. Им конкуренты не нужны. Да и что я буду делать в городе без денег? Воровать я не смогу! – заявила я, расчесывая пятерней мокрые волосы.

– Это ниже твоих моральных принципов? – поинтересовалась русалка.

– Нет, просто убежать не успею... – шмыгнула носом я.

Сафира сделала мне знак, чтобы я никуда не уходила, и нырнула в воду. Через пять минут ее голова показалась над водой.

– Держи. Пригодится! – сказала русалка и бросила мне увесистый мешочек.

Когда я его поймала, то первым делом увидела руку, которая все еще его сжимала. Правда, это были всего лишь кости, но даже они меня впечатлили до глубины желудка.

– Какая гадость! Это же настоящая рука!!! Фу-у-у-у!!! – взвизгнула я, пытаюсь отцепить проклятую руку, похожую на экспонат в кабинете биологии, от мешка.

– Тунец! Я так и знала, что нужно было целиком его тащить... – пожалала плечами Сафира. – Я хотела мешочек как подарок оформить, но мне посоветовали именно руку. Рука – это символ дружбы. Я тебе протягиваю руку... Как-то так... Руку помощи и руку дружбы... Символично, не так ли?.. Мне самой так на день рождения подарок завернули, так я просто пиццала от восторга.

– Спасибо, – произнесла я, стараясь не смотреть на руку помощи и руку дружбы. – Когда-нибудь я тебя тоже отблагодарю...

Жаль, что мужской скелет почти ничем не отличается от женского, а то я бы с удовольствием что-нибудь да оторвала. Тоже было бы очень символично. Я положила бы это на свои проблемы.

– Да ладно, брось... Я и так чувствую себя немного виноватой... Кстати, я тут по поводу тебя с одним своим знакомым договорилась. Он как раз занимается выбором кандидатов на Империевидение. Его зовут Джио. Скажи, что от Сафиры... Давай, не задерживайся... Удачи! Я буду за тебя болеть, – русалка нырнула в воду.

Я развернула мешочек и увидела золотые монеты. По моим подсчетам и исходя из опыта аукциона, сумма вполне приличная. «Скажи, что от Сафиры...» У меня возникло стойкое чувство дежавю, которое я пыталась отогнать мыслями, что скоро мне удастся если не выбраться из этого мира, то, по крайней мере, вернуть себе свой прежний облик. Или, на худой конец, развлечься. Что тоже неплохо звучит...

Я поковыляла к дороге, придерживая простыню, чтобы ее не унесло

ветром. После часа ходьбы у меня появилось ощущение, что я иду в неправильном направлении. В боку кололо, я обливалась потом, но все равно шла навстречу славе. Увидев, что дорога петляет, я решила срезать путь и пройти напрямик. Зацепившись за колючки, я чуть не порвала остатки своей и без того экстравагантной одежды. «Простыня – это очень удобно! – подумала я. – Если я не дойду, то будет чем накрыть мой труп!»

«Сквозь тернии к звездам!» – прокомментировала мой поход по зарослям совесть. После колючей травы я жутко чесалась. Ничего, если что, буду говорить, что у меня проказа. Поют же на сцене люди с выбитыми зубами и прочими дефектами внешности? Неужели проказа станет на пути к моему восхождению на музыкальный олимп?

Подойдя к массивным городским воротам, я увидела огромную очередь. Первой стояла простецкого вида девушка в цветном платочке с козленком на веревочке, утверждая, что это ее единоутробный брат и что они пришли на кастинг. Их пропустили. Потом подошла очередь бабки с гусем, утверждавшей, что она привезла гуся на продажу, а если продать не удастся, то пусть хоть на Империевидении поучаствует, перед тем как его сварят в супе. Их тоже пропустили. Следом за ними стоял мужчина с выводком детей. Человек девять, не меньше. Все они орали, бегали, дергали друг друга, плакали, смеялись, визжали. Вид у мужика был совсем измученный. Он сообщил, что приехал оформлять пособие на детей. Стража пропустила и многодетного отца, предварительно пересчитав детей:

– Все девять ваши? – спросил стражник, очевидно, из праздного любопытства.

– Как девять? – всполошился счастливый отец. – Было же двенадцать! Жанетта меня прикончит! Ладно, не будем переживать. В городе еще трех подберем... Авось и не заметит.

И их тоже пропустили. Народу – не протолкнуться. Чувствую, что стоять мне здесь до глубокой ночи. А потом ночью, в режиме стелс, я, как кунг-фу панда, заберусь по стене, сворачивая шеи страже, и с легким шорохом побегу по крышам домов. Представляю, как я, точно пушечное ядро из Царь-пушки, прыгаю на крышу, а потом пересчитываю этажи, ломая все перекрытия. Сюрприз-из!

Пока я представляла себя ниндзя, одна женщина с криками: «Ну что вы за люди-то такие! Пропустите женщину в положении! Ей же рожать скоро!» – ткнула пальцем на меня. Я немного офигела с такого расклада, а потом сориентировалась, выпятила живот и вразвалочку, прикрыв живот руками, стала пробираться через очередь. Люди расступались, сочувствуя

моему «положению».

– Пятерня сразу, не меньше... – вздохнула какая-то ветхая бабушка, прищурив один глаз. – Не разродится... Поверьте моему опыту повитухи... Могу адресочек свой дать... У меня каждая вторая выживает!

– Отец-то детишек, поди, счастлив. Скоро ему подспорье будет... – зашумела толпа. – Угораздило бедняжку...

Какой-то мужик потрепанного вида возмутился, мол, почему он должен пропускать беременную без очереди, если он не отец ребенка, но общественное мнение его быстро заклевало, заставив умолкнуть.

Я, охая на все лады, пытаюсь заткнуть свою совесть, которая почему-то твердила: «А вдруг ты действительно беременная и мама тебя убьет!» Совесть, ты опоздала минимум лет на десять... И тут меня стошнило. Бифидобактерии объявили мне войну, нанеся сокрушительный удар откуда не ждали в самый неподходящий момент.

Народ стал расступаться интенсивнее, и вот я уже стою перед стражниками с ощущением тяжелейшего алкогольного токсикоза и вымученно улыбаюсь. Меня пропустили быстро. И вот я в столице! Огромный город просто кишел народом. Я шла по улице, удивляясь ее красоте. Красивые дома, красиво одетые люди и нелюди, торговые палатки, где продавали все – от эльфийских бус до орочьих сувенирных топоров. На каждом топорике красовалась соответствующая надпись: «Подарок для тещи из столицы», «Перочинный нож», «Бритва для настоящих мужчин», «Обрубитель рогов», «Кастратор универсальный» и много других остроумных надписей. Рядом лежали сувенирные шлемы с рогами всех видов. Был меховой шлем с коровьими рогами, которые можно было спокойно открутить. Назывался он «Сообразим на двоих». Был шлем с ветвистыми оленьими рогами и надписью: «Подарок от верной жены». Рядом стояли дубинки невероятных размеров и табличка: «Поднимешь – твоя! Ручная работа огров». Чуть подальше продавались чудодейственные снадобья на все случаи жизни. Вот они-то меня и заинтересовали. Я подошла к деревянному киоску и стала вчитываться в этикетки. На каждой значились положительные свойства и побочные эффекты. В склянке, которая стояла ближе всех ко мне, плескалась мутная зеленая жижа, словно ее собрали из засорившейся раковины в общественной столовой. «Растворитель жира, – гласила ее этикетка. – Универсальное средство для похудения с гарантией. Побочные эффекты – преждевременная смерть, слепота, глухота, понос...» Последнее меня умилило до глубины души. По сравнению с преждевременной смертью, понос – это серьезно! Рядом стояла большая бутылка с красивой этикеткой: «Зелье радости». Тут же был

указан процент содержания алкоголя, без которого, по мнению неизвестного зельевара, радости в жизни нет... Чуть дальше стояло штук шесть одинаковых пузырьков с деревянными пробками, а над ними висел плакат: «Средство для увеличения мужского достоинства без магического вмешательства за три дня». Я решила вчитаться в состав чудодейственного пошла, которое нужно втирать каждые пять минут для достижения нужного эффекта: «Экстракт медузы, экстракт крапивы, вода, соль». Хм... Что-то в этом определенно есть... В наскоро сколоченном подобии ларька стоял какой-то бородач и продавал зелье «Эльфийская молодость». Народ покупал его охотно. Целая очередь выстроилась. Читать, из чего состоит это зелье, мне почему-то не захотелось. А вот побочные эффекты меня порадовали: «Вялость, сонливость, легкая дезориентация, сыпь, тошнота, геморрой». Тут же я увидела знакомого мне Годвина. Он стоял за прилавком и продавал «Клинически испытанное зелье для повышения мужской силы», которое он когда-то хотел втюхать мне. Торговля у него шла очень бойко, от покупателей отбоя не было. Я злорадно решила напомнить о себе, встав в очередь за порцией этого волшебного напитка. Я достала деньги и протянула их Годвину, который с ужасом обмяк, глядя на мою скромную персону.

– Три флакона, пжалста! – попросила я, глядя на побледневшего магистра всех магий и всех стихий.

– А вам зачем? – тихо спросил Годвин, оглядываясь по сторонам, понимая, что встреча со мной не сулит ему ничего хорошего.

– Побочный эффект... – вздохнула я. – Внешность-то вы мне вернули, правда, вместо бороды стручок вырос... Теперь вот опробовать собираюсь... Правда, еще не знаю на ком, но ты мне кажешься очень симпатичным!

Волшебник побледнел и, закатив глаза, повалился под прилавок.

– Что с ним такое? – занервничали мужчины, которых очень волновал вопрос «повышения мужской силы».

– Встретил постоянного клиента. Раньше-то я ого-го каким мужиком была! От баб отбоя не было! А после этого зелья – сами видите! – наигранно грустно произнесла я, давясь от смеха и поднимая руками свою грудь.

Совесть мне тихо сказала жалобным голосом: «Мужик к успеху шел, а тут ты со своими дурацкими шуточками!»

«А вдруг я спасла этих несчастных импотентов от ужасных побочных эффектов?» – ответила я совести, которая стыдливо умолкла, не найдя что ответить.

Настроение сразу поползло вверх. Шопинг всегда действует на меня успокаивающе. Особенно когда с собой есть деньги! Тут же мне в глаза бросилась табличка: «Молодой и очень перспективной мануфактуре требуется человек (эльф, орк) для реализации уникальной продукции! Стабильное вознаграждение в зависимости от ваших результатов, молодой и дружный коллектив. Обращаться сюда!» И стрелочка. В воздухе запахло приключением. Я решила сделать вид, что мне очень нужна работа.

– Здравствуйте, – навалилась я на хлипкий прилавок. – Не подскажите, как называется ваша мануфактура?

Молодой эльф в сереньком камзоле ответил с белоснежной улыбкой:

– Мы занимаемся реализацией уникального чудодейственного корня, который помогает от всех болезней. Наша мануфактура называется «Туэнси». Помимо корня мы производим волшебный сок, который помогает нормализовать ауру, выводит вредные вещества из организма, продлевая молодость. И это чудодейственное средство теперь доступно каждому. Да у нас отбоя от покупателей нет. Я, допустим, сам пользуюсь нашей продукцией и, как видите, все так же молод и красив. Я смотрю на вас и вижу, что вы нам подходите! Приходите завтра на это же место, чтобы приступить к работе. Нам нужны такие амбициозные и коммуникабельные люди, как вы.

Я клятвенно пообещала, что приду. И не просто приду, а еще и друзей приведу, чтобы сразу стать смарагдовым управляющим. Н-да... Хотя анкету заполнять не пришлось... Видимо, совсем отчаялись ребята...

Пройдя метров на двести дальше, я увидела книжный магазин, в который тут же решила зайти. Огромные стеллажи были уставлены книгами, оформление которых немного хромало по сравнению с качественной полиграфией нашего мира, но в целом выглядело вполне пристойно. Над стендами значились три таблички: «Книги с хорошим концом», «Книги с плохим и грустным концом», «Книги с непонятным концом». Отличная классификация.

– А что у вас сейчас популярно? – спросила я у миловидной продавщицы, которая читала книгу «Как не перепутать коня и принца».

Красавица в ответ застрекотала, что самый популярный жанр – «попаданцы». О как!

Я стала разглядывать названия книг на полках: «Эльф в Мытищах», триллер. Я посмотрела на основной классификатор и поняла, что добром для гламурного остроухого бедняжки встреча с гопниками не закончилась. Конец был вполне предсказуем. Следующая книга называлась «Застрахуй меня». Судя по краткой аннотации, местная красавица-эльфийка случайно

попала в Воронеж, встретила своего принца... тьфу ты... менеджера по страхованию. История о трагической любви с эротическим подтекстом. Он сделал ей документы, оформил ей пожизненную страховку, а потом сообразил, что она фактически бессмертная, и попытался ее убить. Он пытался это сделать всякими изощренными способами, чтобы они подпадали под страховой случай, но везучая красавица избегала хитроумно расставленных ловушек. В итоге она уехала в Москву, где познакомилась с одиноким миллиардером и депутатом Госдумы. Он переписал все имущество на нее, а она, узнав о сумме, умерла от счастья. Бред. Я бы такое не читала! Следующий шедевр назывался «Как пацан к успеху шел». Судя по аннотации, молодой орк попал в Челябинск, а точнее, на его задворки, где был принят как родной. Дальше рассказывается о его приключениях и проблемах с полицией. В итоге все закончилось хорошо. Двумя условными судимостями. Судя по последней главе, орк благополучно устроился в коллекторскую фирму и чувствует себя превосходно. Быстро заглянув в самый конец книги, я поняла, что его все-таки посадили за «незаконные и негуманные методы выбивания долгов». Рядом стояла еще одна книга «Орка-урка». Автор тот же. Очевидно, продолжение... И судя по последней главе – далеко не конец. Остальные книги были еще более трагичные. Как вам такое? «Привокзальная площадь». Бедная девушка, попав в мир без магии, не смогла найти работу, потому как у нее не было образования. Точнее, корочки. Судя по названию, конец более чем предсказуем. Sad but true. А вот-вот! На верхней полке стоит «Красотка, перебегающая МКАД». Короткая такая книжка. От силы двадцать страниц.

Я решила посмотреть что-то более оптимистичное и менее реалистичное. И тут же переключилась на стенд «с хорошим концом». Там был веселый бред о том, как в главного героя влюбилась Памела Андерсон и бегала за ним всю книгу. Называлась книга тоже забавно – «Оставь меня, старушка, я в печали». Книгу с названием «Развести президента» я даже в руки брать не стала.

Пролистав еще пару книжек, я поняла, что жители этого мира в целом неплохо осведомлены о нашем мире. Однако частенько пишут полный бред. Например, автор Об Манщик утверждает, что машина ездит просто так, при помощи магии. А госпожа Недое Битт в своем эротическом романе утверждает, что «телефон – это персональный телепортатор». А какой-то автор с трудновыговариваемым и почти нечитабельным именем, занимающим половину обложки, авторитетно утверждает, что его герой освоил персональный компьютер за двадцать секунд и тут же разбогател.

Правда, что делал этот кулхацкер местного разлива на ПК, так и осталось загадкой. С именами у них вообще беда. Тут четко прослеживаются две крайности – либо всех называют именами знаменитостей, вне зависимости, в какую страну попал бедняга попаданец (Годвин, привет тебе, надеюсь, ты уже оклемался!), либо безобразно коверкают наши имена. Про фамилии вообще молчу. Паспортистка бы повесилась, если бы все герои этих книг внезапно решили поменять документы.

– Извините, а есть у вас другая литература? – поинтересовалась я, чувствуя, что попаданцев с меня хватит.

– Разумеется! Обучающая литература. У нас ее часто спрашивают, – девушка показала мне небольшую полку, которую я даже сразу не заметила.

Пробежав глазами корешки, я мысленно улыбнулась. «Как стать императором за десять дней», «Как выйти замуж за принца с гарантией», «Как ограбить дракона». К последней книге прилагалась в подарок еще одна – «Как правильно писать завещание. Шаблоны». Чуть ниже уютно разместились книжки: «Пособие для начинающего работоторговца», «Пособие для строителей воздушных замков», «Орочья кухня. Сто рецептов из друзей», «Как стать русалкой за десять дней. Отрасти хвост в домашних условиях», «Вампирам на заметку. Как правильно сосать».

Эта книга меня очень заинтриговала, и я тут же схватила ее и стала читать, а точнее – смотреть картинки. Речь, разумеется, шла о крови. После долгого вступления, в котором говорилось о том, что не вся кровь одинаково полезна и вкусна. И в зависимости откуда ее, хм, соснуть и – внимание!!! – под каким углом, ее вкусовые качества будут отличаться. Ой-е... Дальше шли схемы постановки клыков на теле жертвы. Я захлопнула ее и поставила на место, рядом с «Лечением зубов у вампиров. Пособие для цирюльника». «Секреты эльфийской красоты» продавались вместе с каким-то мешочком трав, а «Как правильно заводить друзей и вкусно их готовить. Пособие для огров». Странно, но огров я еще не видела. Хотя, судя по моим скудным сведениям, встреча с ними будет запоминающейся. Опачки! «Как стать великим и не страдать манией величия. Автобиография», автор – кто бы вы думали? – магистр Годвин! О как!

Я еще прошлась по магазину и в самом дальнем углу увидела пыльные полки с историей и культурой этого мира. Судя по тому, что мне удалось узнать, раньше в этом мире было все по-другому. Эпические сражения, великие герои, известные правители разных королевств. Все серьезно, без шуток. У меня возникло ощущение, что я держу в руках качественную книгу фэнтези. Мне так захотелось ее купить и прочитать, но она была настолько огромной, что я едва смогла ее удержать на руках. Жаль... Когда-

нибудь я за ней вернусь. Классическая литература скромненько разместилась почти у входа в подсобку. Написана она была совсем другим языком, более сочным, но в то же время более сложным. Популярностью она совсем не пользовалась.

Я уже собралась уходить, как продавщица окликнула меня и сообщила, что если меня интересует, то скоро выйдет новая книга «Оно не тонет». Автором ее является русалка.

«Надеюсь, что не Сафира», – подумала я и пообещала прийти на презентацию. Дверь за мной закрылась, и девушка снова погрузилась в чтение своей увлекательной книги.

Улица расширялась, а магазинов становилось все больше и больше. И вот магазин модной одежды. На витрине стоял деревянный манекен в юбке из перьев какой-то птицы, с сумкой из кожи дракона и в топики из листьев. Я решила пройти дальше, ибо столь экстравагантный наряд вызывал у меня легкую степень недоумения. Я не видела, чтобы кто-то из прохожих был одет подобным образом. Нужно поискать что-то попроще. Пройдя еще немного, я увидела вполне приличный магазин, на вывеске которого было написано: «Эльфийская мода», и решила заглянуть.

Платица здесь были очень милые и очень маленькие. Я присмотрела серенькое платье с изящной брошкой и позвала продавца.

– А мой размер у вас есть? – спросила я, разглядывая кружево на соседнем платье.

– Вы что? С ума сошли? Конечно же, нет! Это магазин эльфийской моды, а эльфы таких размеров не бывают, – авторитетно заявил продавец, сделав такое лицо, будто я предложила ему помазать торт горчицей. – У нас безразмерные есть только свадебные, но боюсь, что они вам не по карману. Остальные наряды шьются в индивидуальном порядке.

– А если я хорошо заплачу вам, то вы сможете пошить точно такое же, только на несколько размеров больше? – хитро спросила я, показывая деньги. При наличии финансовых возможностей можно себе и чехол для вертолета позволить. И попону для слона. Лицо продавца, увидевшего, что имеет дело с вполне состоятельной дамой, тут же расплылось в подобострастной улыбочке.

– Разумеется! Любой каприз! Да для такой красавицы, как вы, я готов сшить любой из этих нарядов! – оживился лицемерный продавец. – Мне нужно измерить вас! Пройдемте-с...

– И сколько ждать? – поинтересовалась я, представляя, как чудесно будет смотреться на мне этот шедевр эльфийской работы.

– Месяц-два... Просто у нас все загружено... – начал оправдываться

продавец, глядя на то, как я изменилась в лице.

– Мне нужно платье сегодня, – вздохнула я.

– Ну, тогда вам на барахолку, – обиженно буркнул продавец, указывая на дверь. – Всего хорошего. Вот клиенты нетерпеливые пошли...

Конечно, походи месячишко голышом, а потом приходи за своим заказом!

Барахолка! Отлично. Нужно поискать! Я не стала расстраиваться из-за того, что не вошла в очаровательное платье. Это не мне до эльфийки худеть и худеть. Это ей до меня расти и расти.

Барахолка размещалась в огромном сарае, наскоро сколоченном из досок. На входе стояло два больших ящика, на которых сидела охрана. За одиноким массивным столом сидела измученная девушка, которая постоянно обслуживала покупателей, просматривая товар и принимая деньги. Второй стол стоял пустой. Как в любом уважающем себя супермаркете нашего мира. Чем больше покупателей, тем меньше работающих касс. Над головой девушки была надпись: «Внимание! Ведется магическое наблюдение». Я сразу представила себе «Всевидящее око Саурана», которое следит за тем, чтобы никакая сволочь не вынесла лишнюю пару трусов, которые видели не одну попу.

Я быстро пробежалась глазами по ассортименту и поняла, что вещи трудно назвать новыми, но кое-что мне приглянулось. Вещей было много, людей тоже. На всех было две грубо сколоченные, похожие на огромные дачные туалеты примерочные, к которым выстроились здоровенные очереди. Рядом со мной две девушки обсуждали разницу в «эльфийских» размерах и «человеческих», неся в сторону выхода целый ворох вещей. Я стала смотреть все, что попадалось под руку. Минут через пятнадцать я просто стала искать хоть что-то, что на меня налезет. Нашла какую-то тунику с ужасающим узором в виде человеческих черепов и костей, которая мне была как раз впору. Осталось обзавестись штанами и туфлями. Со штанами или юбкой все обстояло плохо. Я долго рылась в какой-то куче, вытаскивая эльфийские маломерки. И тут я вытащила какие-то странные зеленые штаны, очень похожие на легинсы. Пойдет. Если больше ничего не налезет, то и лосины пойдут! С ботинками было проще. Я нашла какие-то сандалии ярко-зеленого цвета, примерила их и тут же поспешила на «кассу». Измученная девушка внимательно осмотрела вещи, спросив, нужна ли мне сумка и есть ли у меня деньги помельче?

Я отрицательно замотала головой. Мелких денег у меня не было. С укоризненным вздохом и с усталой ненавистью во взгляде, свойственной любой кассирше к концу рабочего дня, она стала рыться в мешке с

деньгами, отсчитывая мне сдачу. Сдачи набралось минимум три горсти, чему я была несказанно рада.

Переодевшись в ближайшей подворотне, я почувствовала себя богиней шопинга. Теперь можно покорять столицу.

Глава 10

Талантам нужно помогать, бездарности прорвутся сами

Потолкавшись еще немного по рынку, я попала в самый центр города. Там царила атмосфера полного оживления. Толстый и потный орк в засаленном фартуке продавал нечто похожее на шаурму, или шаверму. Вспомнив книгу рецептов, я обошла орка десятой дорогой, стараясь не думать, из чего, точнее, из кого сей праздник пищеварительного тракта и вкусовых рецепторов. Впервые в жизни мой желудок согласился с тем, что привокзальный беляш из кошечки – не самый худший вариант для быстрого перекуса. Ресторан «Эльфийский лес» был полупустым из-за непомерно высоких цен, написанных прямо на дощечке, выставленной у входа. Названия блюд выговорить с первого раза не получалось ни у кого, кроме самих эльфов, а порции на картинке были такими маленькими, что хватило бы на один укус. Зато все компенсировали красавицы-официантки. Жаль, не успею насладиться прелестями эльфийской кухни из-за этого дурацкого кастинга.

Недалеко от фонтана расположился уличный художник. Рядом с ним висел пестрый, но уже местами выгоревший ковер. Сначала я подумала, что кто-то повесил ковер сушиться после стирки в фонтане, но потом поняла, что этот ковер является фоном для будущих портретов. Заготовки с ковром лежали стопкой рядом с живописцем, который тем временем рисовал какую-то влюбленную парочку на фоне его ворсейшества. Портрет на фоне ковра. Какая прелесть!

«Налетай! Не скупись! Покупай живопись!» – не сдержалась моя совесть и отвесила едкий комментарий в адрес работника кисти и мольберта. Интересно, сколько стоит такой портрет? Ладно, не буду заморачиваться. Черт! Мне хочется иметь свой портрет. Я хочу быть как Джоконда. Пусть все смотрят и веками гадают, что означает моя улыбка... А она будет означать только одно: «Слышь, мужик, рисуй меня быстрее, я в туалет хочу, умираю...» Ладно, не будем о грустном, нужно срочно искать этот долбаный кастинг.

Кастинг проходил на центральной площади и должен был продлиться до заката. Об этом гласила увиденная мною афиша. Там толпилась самая большая очередь из всех больших очередей, которые можно было встретить

в столице, и раздавались самые противные и душераздирающие звуки, явно несовместимые с общепринятыми понятиями о музыке. На секунду мне показалось, что это кастинг на шоу безголосых уродов и фриков, что в принципе ничуть не противоречило идее музыкального конкурса, где умение петь вовсе не входит в обязанности кандидата. Постояв немного в толпе, я поняла, что большая часть из них пришла сюда не участвовать, а смотреть и слушать. Конечно, где еще увидишь поющего гуся, дуэт сиамских близнецов, певца-заику, который к концу музыки сумел договорить первое слово из первого куплета.

Вот что меня удивило и обрадовало, так это репертуар. От деревенских частушек разной степени похабности до нечленораздельного мычания в сопровождении жутковатых звуков, которые носят скромное название «авторская музыка». Были и вполне голосистые кандидаты, которые могли бы начать сольную карьеру, но публике они были неинтересны.

Вот на импровизированную сцену поднялась девушка с козликом, которую я видела у ворот. Она запела очень здорово и почти профессионально, красивым народным голосом. Песня тоже была мелодичной. Все испортил козел, целиком оправдав свою козлиную сущность. Увидев столько людей, он запаниковал и, вместо того чтобы вовремя блеять, стал метаться по сцене как ненормальный и истошно орать, заглушая песню. Он пытался порвать веревочку, на которой его привели. В итоге умудрился упасть со сцены, уронив при этом свою хозяйку. Bravo! Бис! Бабку с гусем я не увидела, значит, гусь успешно продан. Но зато на сцену взобралась взъерошенная бабка с кошкой. Кошка вела себя невозмутимо, словно была рождена для сцены. Бабка затянула грустную песню, слов которой разобрать мне не удалось. Как выяснилось, полное отсутствие зубов никак не влияло на бабкино желание прославиться. В нужные моменты она наступала бедной кошке на хвост, прямо как в мультике «Жил был пес». Кошка истошно орала, а бабка, прижав руку к сердцу, выводила свою тягомотную песню. Идея с кошкой публике понравилась, поэтому бабку проводили оглушительными аплодисментами.

А что мне петь? Как покорять публику? Я перебрала кучу песен в голове, но из всех пришедших на ум вариантов более или менее подходила Катя Лель со своими «Муси-муси-муси-пуси». Особенно остроумными мне показались «Я просто тебя съем!» и Верка Сердючка со своим «Пирожком». Опыт шоу-бизнеса моего мира подсказывает мне, что главное в песне – приставучая мелодия и предельно простые слова.

Солнце уже начало клониться к закату, а я все еще не могла набраться смелости. «И кому же в ум придет на желудок петь голодный», – жалобно

поскреблась совесть, озвучивая мнение пищеварительного тракта. Но времени покушать не оставалось, поэтому я решила пойти ва-банк.

Я заняла очередь сразу после какой-то толстой мамашки, притащившей на кастинг свое голосистое чадо неопределенного пола. Стоя в очереди, чадо орало похлеще Витаса, но, стоило ему подняться на сцену, оно молча постояло и спустилось вниз, поймав подзатыльник за неудавшийся дебют от рассерженной родительницы.

Члены жюри отборочного тура, а их оказалось всего трое, откровенно скучали, глядя на песочные часы. Седой гном в бархатном сюртуке дремал, положив длинную бороду на стол. Эльф с унылым лицом, выражающим все, что он думает о потенциальных кандидатах, что-то рисовал на листочке бумаги, подпирая щеку кулаком. Мужик вполне человеческой наружности, правда, слегка помятого вида, тихонько отпивал что-то из фляги, довольно крикая после каждого глотка. Правильно, тут без ста грамм не разберешься!

Я все-таки решилась. «Остап был голоден, и его понесло». Я вышла на сцену. Желудок подсказывал петь песню про пирожок, а сердце просило о любви. Желудок победил.

– «Я тихо шла... Я шла-а-а... Я пирожок на-а-ашла... Я села. Поела. И дальше пошла, пошла... Я тихо шла...» – начала я, видя разочарованный взгляд публики. Кто-то даже кинул в меня пресловутый пирожок, который я каким-то чудом исхитрилась поймать на лету. «Иногда лучше жевать, чем говорить!» – заявила совесть голосом из давно забытой рекламы жвачки, намекая мне, что с сольной карьерой пора завязывать.

Я поняла, что теряю свой шанс, поэтому подключила все свое обаяние. Схватив пирожок в руку, я тяжелым шагом, словно Годзилла, стала показывать то, что пою, надкусывая пирожок, который, к слову, оказался очень даже вкусным. С капустой! Проявив чудеса смекалки, я стала каждый раз повторять нехитрую фразу в разной манере. Сначала я маршировала и пела эту песню, как военную речевку, потом я делала вид, что крадусь, потом изобразила лунную походку, потом поплыла, виляя бедрами. Песенка оказалась очень приставучей. И вот я уже слышала, как кто-то из зрителей мне подпевает. Но я чувствовала себя действительно круглой душой. Может, я зря тут распинаясь?

– А ну-ка, все вместе! – скомандовала я, и толпа заорала песенку с утроенной силой.

Как говорил Иван Сусанин: «Главное, завести людей!» Вполне возможно, «самый известный экскурсовод» и не говорил такого, но люди завелись не на шутку.

– А теперь я пою, – вошла во вкус без пяти минут звезда, то есть я. – Когда я махну рукой, поете вы! Готовы? Погнали!!!

– Я тихо шла... – спела я, махнув рукой, и публика взревела: «Я шла-а-а!»

– Я пирожо-о-ок... – пропела я, делая знак благодарным слушателям.

«На-а-ашла!» – выдохнули они.

– Я села, поела и дальше пошла...

В меня полетели хлебобулочные изделия различной степени свежести. Я вошла в раж и даже собиралась прыгнуть на руки восторженных фанатов, но их спасло то, что на сцену поднялся представитель жюри.

– Простите, – перебил весь кайф унылый эльф, вынимая затычки из ушей. – Кастинг окончен.

Народ повозмущался и стал расходиться. Я слезла со сцены и почувствовала некое разочарование. А где результаты? Я что, зря старалась? Жюри тоже стало медленно собираться. И тут к ним подошло нечто, что трудно описать цензурными словами. Но я попробую... Его лицо чем-то смахивало на морду французского бульдога, но только была зеленой и без шерсти. Это чудо было в белом парике с приклеенными эльфийскими ушами зеленого цвета. Одет он был тоже очень гламурненько – в розовый камзол с рюшами, жабо и блестками, что крайне отвратительно смотрелось в сочетании с зеленой кожей. Леди Гага, увидев такое чудо, запилила бы новый клип, а портной Валерия Леонтьева сразу бы побежал делать эскиз нового костюма.

– Ну что, мои сладенькие? Мы выбрали новую звездочку? – спросил орк таким голосом и с такими интонациями, от которых меня чуть не стошнило. Боря Моисеев и Сергей Зверев вмиг стали для меня воплощением брутальности!

– Не-а... – лениво протянул эльф, зевая. – Все – мрак.

– Да ты и не слушал! – прокрипел гном, поправляя бороду. – Я видел затычки в твоих ушах!

– Да что ты мог видеть? – возмутился эльф. – Ты же дрых весь кастинг.

– Я не дрых! Я медитировал! – возразил гном. – А вот ты...

– Не ссорьтесь, друзья! – сказал орк, улыбаясь. – Андоримэль, вы же преподаватель эльфийской филармонии! Неужели среди всех выступающих не было никого, кто бы вам понравился? Ну хоть немножечко... Самую малость...

– Послушай, Джио! Я в который раз тебе повторяю, что сижу здесь исключительно из-за уважения к тебе! В первый раз, когда ты позвал меня на этот «конкурс», я подумал, что это действительно высокая честь для

меня, а сейчас я понимаю, что лучше бы я родился глухим! – в сердцах воскликнул бедняга, закатывая глаза.

– И немым... Хотя ты бы все равно сидел в жюри, – едко заметил гном, ухмыляясь и показывая на третьего члена жюри, который пытался что-то выразить жестами, но на него никто не обращал внимания.

Устав жестикулировать, мужик снова приложился к фляге.

– Так Глостер у нас специалист по хореографии! Ему слушать не надо! Ему смотреть надо! – возмущился эльф с трудновыговариваемым именем. – И в этом конкретном случае я ему завидую!

Мужик по имени Глостер тем временем делал отчаянные, но очень красноречивые жесты, демонстрируя, как он выковыривает себе глаза.

– Ладно, не ссорьтесь... – миролюбиво и сладенько сказал орк. – Вы, Дервлин, как постановщик магических эффектов, могли бы вы сказать, кто из выступающих понравился вам больше всех?

– В задницу таких выступающих, – выругался гном. – Тут никакой магией номер не спасешь!

Тут не выдержала я и подошла к орку. Осторожно, бочком, раздвигая членов жюри, словно каток, который забыли поставить на ручник.

– Здравствуйте, вас зовут Джио? – поинтересовалась я, хотя прекрасно слышала, как его называли остальные. Ошибки быть не могло.

– Да, моя крошка... Ты хотела автограф? – сладеньким голосом спросил орк, поправляя прическу.

– Мм... Нет пока что... Я вообще-то от Сафиры... – начала я, понимая, что «крошкой» меня здесь еще никто не называл.

– И что? – удивился орк, манерно пожав плечами.

Сбылись мои самые худшие предчувствия.

– От русалки Сафиры! – повторила я, в надежде, что это зеленое чудо меня поймет.

– А! Прости-прости, котенок! Я совсем замотался! Столько дел, столько дел! – противным голосом гламурной кисы начал орк, обмахиваясь руками. – Ты хочешь стать звездочкой, не так ли?

– Вообще-то мне нужно на Империиовидение, – пояснила я, чувствуя, что этот экземпляр меня очень раздражает. – Скажу проще. Мне нужно его выиграть.

– Ах! Слава, деньги, поклонники... Это так здорово! – вздохнуло гламурное чудовище. Краем глаза я заметила, как остальные члены жюри быстренько отступают, в надежде, что мои слова были неудачной шуткой. – Ой! Гляньте, кого я тут нашел! Это же «наше все»! Какой типаж, какой колорит!

Эльф инстинктивно дернулся и скривился, гном хмыкнул, глядя на меня снизу вверх, а что подумал глухонемой танцор, я так и не узнала, но, судя по усиленной жестикуляции, он тоже был в восторге. Глухонемой бедолага сделал жест, словно собирается затянуть петлю у себя на шее, высунув язык от восхищения моими незаурядными вокальными данными.

– Пойдем, моя рыбка. Мы сделаем из тебя настоящую звезду. Считай, что победа у тебя в кармане, – сказала Джио, увлекая меня за собой. – Мы должны представить тебя его императорскому величеству! Он будет несказанно счастлив, увидев такое сокровище. Да, мой пупсик?

Сомнения относительно «несказанного счастья его величества» не покидали мою душу по пути во дворец. Помнится, я здесь уже была на незабываемых гастролях. И вот теперь мы снова направляемся сюда для того, чтобы узнать, устроит ли моя кандидатура самого императора.

Когда речь шла об императоре, то я сразу представляла себе толстенького коротышку в треуголке. Немного покопавшись в памяти, я вспомнила еще одного достойного представителя императорской профессии – Гая Калигулу, который страсть как любил «зажигать». Но еще более зажигательным императором в прямом смысле этого слова был товарищ Нерон. Хотите быть такой же эрудированной, как я? Сканворды в помощь!

Вроде бы и ехали мы совсем немного, но даже эти минуты показались мне вечностью. Я не выдержала и обратилась к Джио, который достал зеркальце и стал поправлять прическу.

– Извините, пожалуйста, за нескромный вопрос... Я понимаю, что моя фигура очень далека от совершенства... Или совершенство очень далеко от моей фигуры... А вокальные данные оставляют желать лучшего... Как можно победить в конкурсе, если у меня ничего нет? Вот что я хотела спросить... – поинтересовалась я, чувствуя, что зря все это затеяла. Иногда в последний момент меня начинает глотать червячок сомнения, и я готова отказаться от любой идеи, которая еще пять минут назад казалась мне верхом гениальности.

– Ты говоришь, у тебя ничего нет? Ты ошибаешься. У тебя есть я. И хорошие связи... – загадочно сказал орк, растирая свалявшиеся в комочки розовые тени на глазах. – Знаешь, сколько талантов проходили через мои руки? Они приходили ко мне безголосые, тупые, некрасивые, а выходили звездами имперского масштаба...

– Намек понятен. Но я не хочу быть звездой имперского масштаба. Я хочу выиграть конкурс, и все. На этом моя сольная карьера должна закончиться раз и навсегда! – я решила посвятить Джио в свои планы

заранее, чтобы не рассчитывал, что я буду потом еще лет пять гастролировать по городам, селам и деревням с концертами, как это делают в нашем мире победители разных талант-шоу.

– Как тебе объяснить, моя дорогая... Империиовидение – это не просто конкурс. Нет. Это политическая акция. Каждая провинция империи выставляет своего участника. Ты знаешь, почему в позапрошлом году победили орки-людоеды? А все потому, что они собирались поднимать мятеж. Они привыкли воевать. А теперь воевать не с кем, ибо уже завоеваны по самое не могу. Работать они не хотят. Видите ли, это слишком низко для настоящего воина. Живут они за счет дотаций из имперского бюджета. И тут им стало скучно. И они решили попробовать поднять бунт. А тут как раз Империиовидение. Они побеждают, счастливы до безумия, готовятся к следующему конкурсу. Тем более что следующий конкурс будет проходить у них. Целый год они заняты общественно полезным трудом. К ним обычно никто не ездит по вполне понятным причинам, а тут придется принимать гостей и показывать себя во всей красе, вот и вынуждены они были заняться приготовлениями. В итоге все обошлось, – сказал Джио.

– Но ведь вы же тоже орк... И у вас есть работа... – тихо сказала я, понимая, что сейчас разговор затронет очень опасную тему. Мое любопытство всегда побеждало инстинкт самосохранения.

– Я еще и вегетарианец! – заметил Джио, ничуть не смущаясь. – Меня вырастила семья эльфов. Поэтому в душе я эльф. Понимаешь, дети у эльфов рождаются редко, а мои родители очень хотели иметь детей... А тут подвернулся ваш покорный слуга.

– Понятно... – выдохнула я. – А почему эльфы не побеждают?

– Как тебе объяснить? Эльфы не представляют собой угрозу для империи... Эльфы – эгоисты по определению. Они всегда ищут легкий путь. Война – это слишком сложно и грязно для возвышенной эльфийской души.

– А как же показательные сражения между орками и эльфами? – спросила я, вспоминая бабушку-эльфийку. Интересно, она уже овдовела или нет?

– Это для того, чтобы снять напряжение. Орки хотят показать искусство войны, эльфы тоже не прочь продемонстрировать свои умения. В итоге это просто игра, где каждый старается быть на высоте. Вроде бы и война, а вроде бы и без серьезного кровопролития. Посчитали синяки и ссадины и разошлись. Наш император очень умный человек. Пусть многие его действия кажутся непонятными, но у каждого его шага есть определенный смысл, – пояснил Джио и тут же прибавил: – Иначе бы он не

удержался на троне.

– А кто судит конкурс? – спросила я, задумываясь над словами оркоэльфа.

– Судьи представлены всеми расами, обитающими в этом мире. Эльфы, гномы, орки, люди, огры. По одному представителю от каждой диаспоры, – ответил мне мой гламурный спутник.

– А как же русалки, драконы? – спросила я, немного удивляясь.

– С русалками у нас не все гладко... Они слишком капризны и обособленны. Единственный вменяемый представитель русалок – Сафира. Русалки не вмешиваются в нашу политику. И требуют, чтобы и в их личные дела «сухопутные» не совали свой нос. Они вроде бы как и входят в состав империи, но имперские законы на них не распространяются. Что касается драконов. Драконы – это тоже особый случай. С ними очень сложно работать... – вздохнул Джио.

– Послушайте, а Голодные игры у вас тут случайно не проводятся? – невинным голосом спросила я, представляя себя на месте Китнисс Эвердин. Могу и лицом отсвечивать с афиши. Но вряд ли возьмут. Игры тогда придется переименовывать.

– После того как на второй год правления императора орки вместе с ограми подняли мятеж, к которому собирались подключиться и эльфы, его величество, подавив восстание, намекнул, что еще разок – и будут Голодные игры. После того как император озвучил нехитрые правила, народ серьезно призадумался, поэтому рецидивов пока не было. Но сейчас об этом уже подзабыли, поэтому и наглеют, – вздохнул Джио, демонстрируя глубокие знания местной политической обстановки.

– Хорошо, в этом году, насколько я поняла, должна победить империя, то есть основное государство, не так ли? Я – его представитель. То есть автоматически я могу не стараться, а судьи решат, что победила я. К чему тогда все это? – удивилась я, чувствуя, что моя оперативка подтормаживает.

– Прелесть моя... Я тебе уже говорил, что это – политика. В этом году однозначно победит империя в твоём лице, только потому, что прямо на церемонии император объявляет о своей женитьбе... Это очень важно для нас. По поводу «не стараться». Тут ты ошибаешься. Победа должна быть такой, чтобы комар носа не подточил. То есть люди должны видеть однозначного фаворита. Для них это очень важно. Простой народ очень остро чувствует любую несправедливость. И если кто-то будет лучше тебя, а победу присудят тебе, то это вызовет осложнения. Император на такое не пойдет. И тогда ему будет проще отдать победу тому, кто ее действительно заслужил... А с тобой он потом разберется. Такого плевка в лицо он не

потерпит никогда... Я бы не стал вызывать его гнев... – абсолютно серьезно ответил орк.

И тут я спинным мозгом почувствовала, что вляпалась. Процессор заработал на полную катушку, рекомендуя отказаться от этой затеи, но мое желание просто так никто выполнять не будет... Или на всю жизнь бегомотом, или рискнуть... Джио выглядит опытным шоуменом, хотя вряд ли он сам знает такое слово. Если орк говорит, что сможет сделать из меня звезду, то думаю, что сможет. Я надеюсь, что сможет... Очень на это надеюсь...

– Приехали. Пришла пора тебе познакомиться с его величеством, – тихо сказал Джио, выходя из кареты. Я тоже вывалилась, чуть не сломав руку лакею, который решил проявить галантность, чуть не стоящую ему инвалидности.

Знакомые места... Судя по глазам лакея, он меня тоже помнит. Привет, парниша! Ой! Да меня тут каждая собака знает! Я пошла вслед за Джио, чтобы взглянуть в глаза императору, на чей суповой набор я имела несчастье претендовать пару дней назад. Если честно, то мне было немного стыдно за свой побег, но раз всем разрешили разойтись, то почему бы не сделать это экстравагантно. Интересно, читал ли он мою записку? А ладно... Лучше не знать... Сима, соберись, сейчас ты увидишь самого императора!

Меня здесь уже ждали, и, судя по лицам, дождались. Перед нами распахивались двери, отвешивались подобострастные поклоны. Разве что ковровую дорожку перед нами не расстилали и лепестки роз не рассыпали. «Лепестками белых роз... наше ложе застелю... Я убью тебя без слез... Без соплей... Убью...»

– Ваше величество готов принять вас! – сказал напыщенный, как индюк, и невозмутимый, как Бэрримор, дворецкий, указывая на дверь. В огромном зеркале над камином отражалась моя толстая и унылая физиономия.

У меня затряслись колени, словно я иду сдавать экзамен. Во рту пересохло, а в груди что-то начало давить. Что-то я стараюсь, господа... Еще пару дней назад я скакала здесь, как озорная свинья, а теперь дышу через раз. От этого козчины императора, которого я в глаза не видела, но который меня уже раздражал своей неумной фантазией и своеобразным чувством юмора, теперь зависит моя несчастная жизнь. Если эта венценосная сволочь откажется от моей кандидатуры, то я на всю жизнь останусь холодцом в юбке, а если согласится, то за пару дней мне придется научиться петь, как Монтсеррат Кабалье, и двигаться, как Мадонна. С моей

комплексией это будет выглядеть феерично. Зря я все это затеяла, ой зря...

И вот наконец-то дверь открылась, и я почувствовала, как внутри у меня что-то переворачивается и падает вниз. Очевидно, это был желудок, хотя, судя по ощущениям, может быть и сердце... Мне резко захотелось повеситься, утопиться и застрелиться одновременно. Мне захотелось разбить зеркало, залечь под одеяло и тихо хомячить шоколадку, глотая слезы, или тут же сесть на новую диету, купить пятилетний абонемент в фитнес-центр, повесить на холодильник фотографию анорексичной топ-модели в купальнике и повесить на его белоснежную дверцу огромный амбарный замок. Я была согласна скупить половину дребедени для коррекции фигуры из «Магазина на диване» и сожрать шесть упаковок «Гербалайфа», запив его чаем для похудения, лишь бы это дало молниеносный эффект. Я была согласна даже на ежедневный и беспощадный кросс по утрам...

А все потому, что, вальяжно развалившись на роскошном кресле с темной обивкой, закинув ногу на ногу, сидел мужчина моей мечты.

Глава 11

Искусство требует жертв!

Каждой женщине знакомо это чувство. Это нечто сродни тому, когда тебя зовут в гости, а у тебя температура, насморк, кашель, словно ты отпросилась на выходные из тубдиспансера. Плюс ко всему кожная аллергия на лекарства: «Привет из лепрозория! Можно я тут у вас немного почешусь?» Ты сначала отнекиваешься, пытаешься давить на жалость, а потом вынуждена согласиться, потому как «такое событие бывает раз в жизни» и т. д. И с красным, шелушащимся, как луковица, носом, в первом попавшемся мятом платье приходится тащиться на вечеринку, где среди приглашенных видишь очень симпатичного мужчину. Ты накачана лекарствами, закапана и намазана всем, чем только можно, с красным и распухшим носом грустно смотришь на то, как твоя знакомая уже вовсю флиртует с красавчиком. И думаешь: «На ее месте должна была быть я!» Апчхи! Апчхи! Вот! Правду сказала. И хочется напиться, но парацетамол, съеденный за два часа до пьянки, намекает о возможных летальных последствиях для обессиленного болезнью организма. Вот и сидишь трезвая, грустная, мотающая сопли на кулак, трубно сморкаясь, глядя на то, как «сладкая парочка» танцует медленный танец под твою любимую песню. Как-то так...

И вот теперь я, впервые за все время пребывания в своем жирном обличье, глядя на мужчину, от которого непроизвольно начинают прогибаться ноги, проклиная безвестных строителей за то, что пол был сделан на совесть и проваливаться некуда.

У каждой женщины есть свой любимый тип мужчин. Кому-то нравятся жгучие брюнеты с трехдневной щетиной, кому-то – женственные блондины с тонкими чертами лица, а кто-то любит больших и бородатых амбалов с тяжелым, но очень умным взглядом.

Самое интересное, что в жизни получается все с точностью до наоборот. Те, кто мечтал о мускулистом красавце в стиле Вени Дизеля, выходят замуж за толстый лысый студень с «зеркальной болезнью» и характерной одышкой, в который исправно вливают наваристый борщ по маминому рецепту. Те, кому по душе высокие и статные мачо, почему-то выскакивают замуж за субтильных чахликов, которые даже ниже ростом, чем избранница, и которые дрожат, как чихуахуа на руках своей владелицы.

А те, что предпочитают эльфоподобных красавцев, выходят замуж за brutальных чудовищ в семейных трусах в матрасную полосочку, с запахом чеснока и периодическим почесыванием промежности в процессе поглощения «пивасика». И дело тут не в размере кошелька потенциального супруга. Есть такой тип женщин, которые понимают, что «проходят безвозвратно года, пригодные к разврату», и тут же начинают лихорадочно искать того, кого можно быстро окольцевать. А идеал, так бережно возвращенный в девичьих мечтах, так и не подвернулся в этот ответственный момент. Вот и хватают дорогие дамы первое, что подвернулось под руку, окольцовывают, как «редкого дятла», в местном загсе под монотонный бубнеж госрегистраторши, тихие всхлипы родственников и радостный марш Мендельсона в исполнении толстой представительницы местной филармонии на старом синтезаторе. Совет да любовь, однако! Есть и те, которые выходят по любви... И я им завидую, потому как мой принц на белом коне, очевидно, был съеден драконом вместе с конем и доспехами или был перехвачен другой принцессой и теперь сидит в подземелье, связанный по рукам и ногам. Иначе как можно объяснить его отсутствие на горизонте моей жизни?

Если бы я слушалась советов своих подружек и родственников, то давно уже ходила на восьмом месяце, таща за собой коляску с орущим напоминанием о предыдущем неудачном браке. Все кандидатуры, так или иначе одобренные моими близкими, больше смахивали на откровенный садизм с их стороны, чем на реальную попытку устроить мою личную жизнь.

Устав ждать, когда я наконец-то найду свою половинку, мои знакомые со страшной силой взялись мне помогать в этом важном деле.

Моя мама подошла к вопросу очень прагматично. Первым делом она перебрала в уме всех знакомых, у кого есть сыновья плюс-минус моего возраста и старше. Остановившись на одном товарище, который уже успел два раза развестись и стать почетным алиментщиком, мамочка стала пытаться наладить между нами контакт. Поддавшись на уговоры мамы, я сходила на первое и последнее свидание. Свидание, если вообще можно было назвать свиданием двадцатиминутные посиделки в дешевом кафе, закончилось даже быстрее, чем я предполагала. В разгар милой беседы, когда я пыталась вести себя как примерная девочка, у него зазвонил телефон. Судя по разговору, звонила одна из его бывших жен и просила отвезти ее и ненаглядное чадо к родителям. Рефлекс собаки Павлова сработал моментально. Свободный и независимый мужчина, каким он себя усиленно позиционировал все двадцать минут, по щелчку превратился в

покорного подкаблучника. Потенциальный жених встал, дико извиняясь, и полетел по зову своей бывшей жены, словно команда спасателей-бурундуков. Отвага и слабоумие! Мы спасем вас! Чип и Дейл спешат на помощь! Уи-ха! В итоге я спокойно допила свой кофе в гордом одиночестве, заплатила за двоих, ибо наш почетный алиментщик впопыхах забыл даже оставить деньги.

Второй кандидат нарисовался через три месяца. Он, по крайней мере, был не обременен финансовыми обязательствами перед бывшими женами, ибо таковых на горизонте его жизни не наблюдалось. Я решила зря время не терять и совместить попытку свидания с легким шопингом для пополнения холодильника. Перед самым свиданием мне удалось заскочить в магазин, купив все необходимое и утрамбовав в тяжеленький пакетик. Именно с этим пакетиком я притащилась на свидание. В кафе «очень хороший мальчик», как ни странно, не звал, но изъявил желание прогуляться. Целый час он радостно шел рядом, рассказывая мне о своих победах на личном фронте и о том, какие дамы вешались ему на шею и что он дарил им на различные праздники. Я молча, с улыбкой, слушала его, таща пакет с продуктами, который наш Казанова не удосужился предложить понести. В итоге я мило попрощалась с ним, оставив бедолагу в недоумении, как же так, он ведь такой мачо, а я так и не захотела посмотреть его коллекцию экзотических рыбок.

Следующий кандидат, которого решила сосватать мне мама, был еще более интересным кадром. Он подъехал на дорогой машине и галантно открыл передо мною дверь. В целом он был очень мил и любезен до тех пор, пока дело не коснулось финансового вопроса. «Дай мне до завтра денег! Я тебе их завезу! Мне на бензин не хватает». Именно этой фразой закончилось наше короткое свидание. Но моя неугомонная мамочка решила дать этому кадру второй шанс, объясняя все «временными финансовыми трудностями». И после громкого скандала с имитацией сердечного приступа я скрепя зубы поперлась на второе свидание. На этот раз товарищ учел ошибку прошлого и даже соизволил купить мне беляш и три гвоздики в шуршащем целлофане. Я сразу почувствовала себя ветераном или Родиной-матерью, которая зовет. Куда зовет, пока неясно. В моем случае оставалось только звать на помощь, ибо поток жалоб на жизнь потенциального кандидата был просто неиссякаем. Он рассказывал, что взял машину в кредит, жаловался на высокие процентные ставки и проблемы на работе. Он жаловался на кризис, начальника, бывшую девушку, которая его почему-то бросила. Меняхватило ровно на полчаса. Я осторожно завернула свой нетронутый беляш в пакетик, положив его на

приборную панель дорогого авто. Его слова произвели на меня настолько неизгладимое впечатление, что я сделала выводы, что беляш для него теперь сродни фуагра. В ближайшем ларьке я купила ему пачку «доширака» в качестве благотворительной помощи голодающим на «Лексусе», поблагодарила за чудесное свидание и сделала ноги.

На этот раз моя мама обиделась и заявила мне, что в следующий раз она ждет моего звонка только по случаю моей свадьбы. Отлично. Меня такой расклад вполне устраивает.

Потом за дело взялась Машка. Она притаскивала мне тех, кто, по ее мнению, больше всего подходит мне в качестве кандидата в мужья, то есть тех мужчин, на которых она в голодный год за мешок картошки не позарится. Среди них был «будущий Билл Гейтс» (один «ботаник» в штанах, застегнутых под чахлой куриной грудкой, уже лет пять тусующийся в ее «френд-зоне», живущий с мамочкой и мечтающий вырваться на свободу), ее коллега, «будущий лучший адвокат города» (на самом деле прыщавый студент юрфака, который приходил в ее фирму на практику), один хороший знакомый, «будущий игрок за сборную России» (обычный безработный, который увлекается игрой в «Фифу» и периодическим катанием мяча с друзьями по выходным). В итоге от «будущих» перспектив у меня разболелась голова, и я доходчиво объяснила подруге, что с меня хватит.

Вот так я осталась в гордом одиночестве. Хотя в моей жизни одно время был один постоянный мужчина с претензией на идеал. Игрушечный медведь Линя. Я назвала его так после первой неудачной стирки. Полное имя этого зверя – Линукс Юникс. Но недавно и он женился. На прошлый день рождения мне подарили еще одного плюшевого мишку, но только девочку, которую я назвала Макинтош. В итоге Линя и Маки образовали ячейку общества и теперь сидят на тумбочке в спальне. Ждут прибавления в семействе. Мой день рождения уже не за горами.

И вот передо мной сидит и смотрит на меня с легкой насмешкой тот мужчина, ради которого я готова научиться варить борщ, облачиться в домашний халат и чьи носки я готова стирать вручную в холодной воде. Все вышеперечисленное для меня изначально является подвигом, но тот, кого я вижу перед собой, очень мотивирует меня стать образцовой домохозяйкой.

Император был невысокого роста, темноволосый, с ядовито-зелеными глазами и тонкими чертами лица. Красивые темные брови идеально подчеркивают большие глаза в обрамлении густых черных ресниц, орлиный профиль, легкая насмешливая улыбка и аккуратный подбородок.

Я понимаю, что на вкус и цвет все фломастеры разные и люди тоже (с точки зрения орков-людоедов), но то, что я вижу перед собой, уже получило сто очков по шкале «идеал». В какой-то момент я замерла в нерешительности, втайне надеясь, что сейчас император откроет рот и выяснится, что у него голос, как у Буратино, и смех, как у гопника, и парочка милых «фефектоф фечи», которые тут же развеют все очарование. А может быть, у него кривые ноги и желтые, неровные зубы? Где-то должен быть какой-то подвох, я знаю... Так не бывает, чтобы все было идеально... Не бывает...

Император молча осмотрел меня, пристально всматриваясь в мое лицо, а потом, откинув голову, рассмеялся. Я занервничала.

– Тебе все нейдет? Тебе мало того сольного дебюта, так теперь ты еще на сцену решила вылезти? Ты себя со стороны видела? – спросил он с неприятной улыбкой, от которой мне жутко захотелось стать страусом и спрятаться хотя бы частично. «Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах», – подсказала довольная своей эрудированностью совесть, полагая, что сие будет уместно. Утесов в поле зрения не наблюдалось, поэтому прятаться было некуда. После этих слов и столь оскорбительного тона на меня нахлынула волна наглости. И чего я вдруг начала робеть? С какого такого перепугу? Ну сидит тут передо мной мужик чуть красивее обезьяны... И таки шо? А я тут растаяла и растеклась, как пломбир на асфальте под палящим солнцем. Фигушки!

– Итак, – сказала я нагловатым голосом, стараясь смотреть ему прямо в глаза. – Прошу нашу встречу считать ошибкой. А теперь давайте сыграем в прятки? Вы считаете до тысячи, а я тем временем прячусь. Идет? Поверьте мне, я спрячусь так, что меня никто не найдет.

– Замечательная идея, но, правда, труднореализуемая. Я смогу достать тебя даже из-под земли. Если я этого захочу! – улыбнулся, сверкнув глазами, император. – И даже в том мире, откуда ты свалилась на мою голову.

– Вы же сами сказали, что все дело в вашем желании. Вам просто стоит «не захотеть», и все будет хорошо! – наивно улыбнулась я, чувствуя, что пару лет каторги я себе обеспечила. Интересно, успею ли я довыпендриваться до смертной казни?

– Ладно, не будем церемониться. У меня мало времени... – сказал император, стирая улыбку со своего лица. – Ты заколдована и мечтаешь вернуть свой облик. Хочешь, я тебя разочарую? У тебя была такая возможность, но ты ее упустила. В тот момент, когда был организован этот дурацкий конкурс красоты, который предусмотрен традицией, я был

приятно удивлен, когда среди красавиц появилась заколдованная девушка с хорошим чувством юмора. Я тут же готов был расколдовать тебя, но ты сбежала, оставив мне душещипательное письмо с очень лаконичным содержанием, тем самым нанеся урон моей репутации. Скандал удалось замять, и он не вышел за пределы дворца. Знаешь, вроде бы как инцидент исчерпан, но осадок остался...

– Ага, – мрачно заметила я. – Ложку нашли, а осадок остался. Боян!

– Я вижу, ты не ищешь легких путей. Я решил пойти тебе навстречу и организовать для тебя такие приключения, чтобы ты запомнила их на всю жизнь. Короткую или длинную – еще неизвестно. Так что готовься к незабываемым ощущениям. Джио! Она подходит. Я настаиваю на ее участии в конкурсе. И следи за ней. Если она попробует выкинуть что-то эдакое, то сразу сообщи мне. А теперь удалитесь. У меня важные дела... До свидания, Гаденька... Не разочаруй меня... Если ты меня разочаруешь, то неприятности, которые у тебя были до этого момента, покажутся тебе сказкой.

Обалдеть! Мужчина моей мечты угрожает мне. Это настоящее объявление войны. Фу! Как некрасиво с его стороны так поступать с бедной беззащитной девочкой, попавшей в трудную жизненную ситуацию. Вся любовь, внезапно возникшая в моем сердце, вмиг улетучилась. Ну ничего, я тебе покажу, что значит месть оскорбленной в лучших чувствах женщины.

Мы с Джио удалились. Я чувствовала себя так, словно меня случайно заперли в биотуалете, который тут же погрузили в машину и повезли по отечественным дорогам, расплескивая все его содержимое. Ничего... *A la guerre comme à la guerre!*

Я гордо вскинула голову, всколыхнув тройной подбородок, и пошла навстречу славе.

– Я вижу, вы знакомы с императором... – осторожно заметил гламурный орк.

– Заочно... – свирепо процедила я, стараясь не думать об этом мерзавце. Он просто издевается надо мной. И теперь я должна плясать под его дудку? А фигушки! Ничего... Я что-нибудь придумаю.

«Не объявляйте мне войну, не объявляйте... Капитулируйте ко мне, в мои объятия...» – фальшиво пародируя мамину любимую группу «Белый орел», пел внутренний голос, как бы намекая мне, что не все потеряно. Ха! Не дождетесь! Я выиграю этот конкурс чего бы мне это ни стоило. И он обязан будет исполнить мое желание. Хочет он этого или нет! Если этот венценосный подонок так заботится о своей репутации...

Пока я вынашивала планы мести, мы с Джио подъехали к крайне эпатажному особняку. Учтивые слуги в розовых костюмах открыли нам дверь и проводили в гостиную. Судя по портретам в «фас и профиль», этот шедевр гламурной архитектуры принадлежал какому-то зеленоватому эльфу с бульдожьим прикусом.

– Добро пожаловать в мою скромную обитель! – произнес Джио, подойдя к зеркалу. – Как тебе мои портреты?

Я еще раз взглянула на портреты эльфа в различных ракурсах, страдающего морской болезнью, тяжело вздохнула и произнесла:

– Не похоже...

– Ты права! В жизни я намного красивее! – гордо сказал Джио, поправляя прическу.

Пока он поправлял прическу, одно острое ухо отклеилось, возмутив хозяина до глубины души. Он стал с маниакальным усердием прилаживать его на место.

– Это картины известнейших художников современности. Я вообще люблю живопись. Хочешь взглянуть на мою коллекцию? – предложил хозяин.

Я пожалала плечами, ибо живопись меня мало интересовала. Разумеется, я лайкала в «Контактке» красивые картинки, но в этом случае я пожалела, что нет такой кнопки «даненунафиг». На стене висели картины, которые мне, как простому обывателю, были слегка противны, немного отвратительны и целиком непонятны. Рядом с какой-то картиной, которая производила впечатление размазанного сморчка, меня чуть не вырвало.

«Души прекрасные порывы!» – нараспев выдала совесть. «Вчера порывы душили-душили...» – ответила я, пристально всматриваясь в зеленое пятно в поисках глубинного смысла.

– О! Я вижу, тебе понравился «Кузнечик»? Это очень дорогая картина. Я купил ее на аукционе в результате многочасовой борьбы! Это же ранний Элиорт! – авторитетно заявил орк, любуясь столь драгоценным приобретением, за которое бы я не заплатила ни рубля.

– Судя по всему, – сказала я, пытаюсь понять, что имел в виду автор, – кузнечик уже ничем не помочь...

Мой взгляд упал на соседнюю картину, на которой был изображен косоглазый эльф с явным парезом лицевого нерва. Скривившись так, как будто только что сожрал лимон целиком в один присест, он смотрел на всех немного ошарашенно, словно только что получил промеж глаз. Вокруг него порхали страшные бабочки, крылья которых были похожи на подошву армейского ботинка сорок пятого размера.

– Это тоже Элиорт? – вяло поинтересовалось я, чувствуя себя полным профаном в живописи.

– Да ты что! Это же Тайзон! Посмотри, какие эмоции! Какая цветовая гамма! Картина называется «Внезапно прилетело!», – пояснил орк, умиляясь столь изысканному стилю.

– Хорошее название. В точку. Интересно, за что бедолаге прилетело? – задумчиво почесала я один из подбородков, как делают это все искусствоведы, пытаясь оценить бесценное.

– Автор имеет в виду радость! Бабочки символизируют радость, которая внезапно прилетела, – Джио вздохнул, мечтательно глядя на бабочек.

– А мне кажется, что ему за дело прилетело. Причем так, что его зубной состав тронулся и тут же сошел с рельсов... – скривилась я, представляя, как это больно.

Следующая картина представляла собой какие-то расплывчатые коричневые и черные пятна на белом фоне. Оу! Я знаю эту картину! Это же весна на площадке для выгула собак! У меня из окна в марте открывался примерно такой пейзаж.

– Картина называется «Приветы на снегу»? – с надеждой спросила я. Может быть, у меня не все так плохо с воображением? Нет... Не угадала. Картина носила название «Будущее».

– Понимаешь, художник изобразил туман, укрывающий наше будущее, а эти острова символизируют наши планы... – вдохновенно начал Джио, разглядывая каждый мазок.

Я, конечно, подозревала, что будущее не сулит ничего хорошего, поэтому в чем-то была солидарна с художником, имя которого мне запомнить было не суждено.

Остальные картины тоже были очень примечательны, но не так интересны, как последняя картина, которую с гордостью продемонстрировал мне искусствовед-любитель. Судя по долгой преамбуле, этот шедевр представлял собой жемчужину всей его коллекции. На картинах была изображена попа... Очень большая попа, отделенная от тела. Нарисована она была схематически и представляла собой два незамкнутых полукруга, слипшихся друг с другом. Примерно как символ бесконечности с обрезанным верхом.

– Как ты думаешь, как называется этот шедевр? – спросил орк с превосходством настоящего ценителя.

Догадку я озвучить побоялась, дабы не прослыть грубиянкой и полным профаном в искусстве.

– Это «Умирающая чайка». Ты видишь, как тонко художник подметил ее состояние. Вот она устремляется вниз, чтобы разбиться о невидимые скалы. Все искусствоведы гадают, разобьется ли птица или найдет в себе силы снова взлететь... – грустно произнес Джио, утирая слезу.

– Н-да... Что-то мне подсказывает, что конец немного предсказуем... – мрачно буркнула я, понимая, что отгадка лежит на поверхности.

– Так вот, я не зря показал тебе эту картину! У тебя есть выбор! – высокопарно заявил орк. – Или ты упадешь и разобьешься, или найдешь в себе силы взлететь! Я дам тебе крылья. Вглядишься в этот шедевр. В нем заключается вся философия жизни.

Я была полностью солидарна с тем, что вся философия жизни заключена в этих двух нехитрых мазках. Вот только чайкой здесь совсем и не пахнет.

– Бедный художник рисовал эту картину двенадцать лет! Ты представляешь, сколько труда он вложил в ее создание! – трагическим голосом заметил мой продюсер. – Двенадцать лет жизни великого человека заключено в этом шедевре!

«Двенадцать секунд, ватман и маркер», – подумала я, прикидывая, как быстро я бы сделала репродукцию этого безобразия. Кстати! Замечательная идея. Может быть, если мне удастся пережить Империевидение, стоит попробовать себя в живописи. Это же просто золотая жила! Такими темпами мне просто суждено стать известным художником. Сколько шедевров можно нарисовать за пару минут! Два помидора и огурец посередине! Кот, вид сзади. Вот кота я оставлю на десерт. Я буду загребать деньги лопатой с таких искусствоведов, как Джио. А что? Схема простая. Пролил краску на мольберт, отошел на два шага назад, прикинул, на что это похоже, и назвал соответственно. Остальное зависит от зрителя. Тут тебе и основные принципы жизни, тут тебе и философия. Был бы шедевр. Ценители найдутся.

– Даже сам император, когда был здесь, высоко оценил эту коллекцию. Он был настолько впечатлен, что даже слов не смог подобрать. Наш император хорошо разбирается в современном искусстве, не то что ты... – немного обиженно заметил Джио, намекая на мои отсталые художественные взгляды.

Мне так и хотелось сказать, что в сортах коричневого вещества с характерным неприятным запахом я не разбираюсь, но я промолчала, дабы окончательно не прослыть невеждой в глазах того, от кого зависит моя сольная карьера.

– Пойдем, мой алмаз неограниченный, выбирать тебе репертуар. Наши

авторы уже приготовили несколько вариантов песни-победителя, – Джо открыл дверь и указал на бархатное кресло, куда мне предстоит присесть. Рядом стояли точно такое же кресло и столик, заваленный бумагами.

Я выдохнула и втиснулась между ручками кресла, чувствуя, что если резко встану, то только вместе с креслом.

– Итак, моя дорогая, – сказал мой зеленый продюсер, надевая миниатюрные очки, украшенные розовыми перьями. – Первый вариант. На сцене расположена вся империя в миниатюре, а ты стоишь среди игрушечных зданий и поешь.

«Ага, моя огромная тень угрожающе нависает над игрушечным городом. Годзилла крушит Нью-Йорк. Дыдышь-дыдышь-дыдышь! А! Спасайся, кто может! Караул!» – сразу представила я картинку.

– Слова песни очень красивые. Я бы даже сказал, патриотические! Ты только вслушайся! – продолжил орк, доставая листок с текстом.

Зеленые поля,
Глубокие моря,
Империя моя,
Все это на...

Орк стал искать листик с продолжением, а я заметно напряглась и сглотнула. Ну? Я настойчиво требую продолжения!!! Тем более самый подходящий вариант настойчиво вертится на языке.

– ...Всегда! – Джо стер скупую слезу, которая покатилась по его зеленой щеке.

А я разочарованно выдохнула.

– Тебе не нравится? – спросил Джо, аккуратно утирая кружевным платочком глаза, чтобы не повредить макияж.

– А какие еще варианты есть? – оживилась я, понимая, что безвестный автор знает толк в стихосложении и в рифме. Особенно в рифме!

– Есть лирическая песня о любви. Когда я читаю слова, у меня просто сердце переполняется печалью... Она такая трогательная... Ах! – гламурный орк посмотрел на меня и тут же продолжил: – Мы оденем тебя в белое платье с крылышками, а на заднем фоне нарисуем звездное небо. При помощи специальных тросов мы будем поднимать тебя все выше и выше. Ты, окрыленная любовью, поешь эту песню, а зрители просто тают от восторга.

Мое больное воображение быстро нарисовало картинку, когда я в

костюме ангела в процессе пения начинаю медленно, рывками подниматься вверх. У меня на заднице наклейка «не кантовать». Где-то за сценой двадцать накачанных и красных от натуги мужиков тянут канат со словами: «Раз, два, взяли!» Нет, ну этот вариант на самом деле интригует.

– А слова-то какие? – умирая от любопытства, выпалила я.

Я так мечтала о тебе,
Ты – мой свет одинокой звезды,
Я вся горю, я вся в огне...
Коснись рукой моей...

Я уже мысленно продолжила песню в меру своей распушенности, но Джо закончил вполне прилично, но, увы, не в рифму:

– ... Души.

– Простите, но слово «души» и слово «звезды» не рифмуются... – хитро заметила я, немного знакомая с творчеством известных поэтов со школьной скамьи. «Поэтом можешь ты не быть, но знать про рифму ты обязан!» – говорила моя учительница русской литературы. Покойный Пушкин только что позвонил покойному Дантесу и попросил убить его повторно, но так, чтобы наверняка!

– Как сложно работать с человеком, который ничего не понимает в искусстве! – в сердцах воскликнул Джо. – Ладно. Есть еще один вариант... Мы выставим на сцене муляж корабля, тебя одеваем в костюм русалки. Ты сидишь на камне, а вокруг тебя двигаются игрушечные волны... Ты поешь грустную песню о том, как моряки разбились о скалы, почти достигнув суши. Припев очень прост:

С корабля...
С корабля...
Нам уже видна земля!

Я едва сдержала смех. На слух этот шедевр воспринимался изумительно! Мои аплодисменты автору!

– Как же тяжело с тобой! – вздохнул Джо. – Но ничего, мы что-нибудь придумаем! А пока займемся вокалом. Не имеет значения, что ты будешь петь, главное, чтобы ты умела попадать в ноты. Сейчас придет лучший преподаватель вокала, которого я знаю, и после его уроков ты

запоешь, как соловей...

Минут через пятнадцать в комнату заглянул знакомый мне эльф, который раньше сидел в жюри. Если память мне не изменяет, то его зовут Доремизель. Или что-то в этом духе.

Увидев меня, эльф попятился в надежде тихо улизнуть, но не тут-то было. Джио заметил его и пригласил войти.

– Может, повременим... Я сегодня немного не в голосе... – взмолилась я, пожалев ушастого бедолагу.

– Нет! До конкурса только неделя, а мы даже не репетировали номер! Пока вы занимаетесь, я хочу подобрать репертуар для нашей будущей победительницы и поговорить о спецэффектах и хореографии, – заявил Джио, оставив нас с ушастеньким наедине. Лицо эльфа сморщилось так, словно он только что опрокинул стопку водки и обнаружил, что закусить нечем, а занюхать можно только потной подмышкой, что крайне противоречило его высоким моральным принципам.

– Я готова к занятиям! – голосом пионерки заявила я. – Только у меня две новости. Хорошая и плохая. С какой начать?

– С плохой... – мрачно выдохнул мой учитель пения.

– У меня нет ни слуха, ни голоса! – радостно заявила я.

– А хорошая какая? – сглотнул эльф.

– У меня есть чувство ритма!

Глава 12

Пей, тьфу ты, пой, светик, не стыдись...

– Итак, спойте что-нибудь, чтобы я мог оценить масштаб трагедии! – обреченно вздохнул Андоримэль. Теперь я точно знала, как его зовут. Сегодня эльф выглядел как настоящий учитель музыки для благородных девиц. На нем был темный камзол, под которым виднелись кружева белой батистовой сорочки с жабо, украшенным брошью, обтягивающие штаны и черные сапоги. Его светлые волосы были слегка подзавиты и собраны в хвост, а на тонком носу красовались аккуратные очки. Ни дать ни взять Вольфганг Амадей Моцарт. Только в очках.

Эх! Что бы такое спеть? О! Придумала!

– Владимирский централ – ветер северный! Этапом из Твери – зла немерено... – затянула я, но эльф меня тут же остановил.

– Достаточно! – скорбно произнес бедняга, проклиная тот день, когда его угораздило связать свою жизнь с музыкой. – Ладно, попробуем начать с азов.

И понеслось. Периодически в комнату вбегали, хватаясь за сердце, напуганные слуги. Они никак не могли понять, что эти вопли – всего лишь моя распевка.

Через два с половиной часа я вполне сносно горланила простенькую детскую песенку. Воодушевленная своей маленькой победой, я почувствовала, что рождена для сцены и славы.

Через час из комнаты буквально вывалился вспотевший и выжатый как лимон взъерошенный эльф с ослепевшим взглядом, и медленно сполз по стене вниз, умоляя убить его немедленно. В дверях маячила будущая звезда местной эстрады, то есть я, игривым голосом мурлыча незамысловатую мелодию и поправляя бюст. Слуги даже побоялись интересоваться, все ли у нас в порядке.

– Вы забыли свои очки!!! – крикнула я моему учителю.

– Оставьте их себе на память... – простонал эльф, снимая ленту с растрепанных волос – Мне и без них прекрасно видно, что ничего у нас не получится!

– Ну как же! В последний раз все было очень даже хорошо! – немного обиделась я.

Слуги молча смотрели на эту картину, подозревая, что за дверью

кричала не я, а эльф, и не при распевке, а в процессе прелюдии!

И тут, как всегда вовремя, вернулся Джио. Он молча потащил Андоримэля обратно, причем бедный эльф упирался так, словно его тянут на эшафот. Ушастик цеплялся свободной рукой за все, что выпирает на стене, включая пошловатые архитектурные излишества, но когда он понял, что орк, пусть даже и косящий под эльфа, сильнее его раза в два, то отцепил тонкие пальцы от какого-то алебастрового вензеля и ловко раскорячился ногами в дверном проеме. В итоге Джио впихнул его в дверь, закрыв предварительно все окна и двери на ключ. Впервые вижу, чтобы окна закрывались на ключик. «Это ж-ж-ж-ж неспроста!» – подсказала мне чуйка. Ой! Кстати, с чуйкой мы общаемся крайне редко. И всегда одной и той же фразой. Обычно ко мне навязчиво лезет совесть, цитируя детские мультфильмы и мамины нравоучения. Вот что значит правильное воспитание!

– Итак, – орк плюхнулся в кресло, – как вы, дорогой мой Андоримэль, оцениваете вокальные данные нашей будущей победительницы?

– У нее уникальные вокальные данные... – произнес эльф, хватая со стола свои очки. – Ни голоса, ни слуха. И чувства ритма тоже нет, хотя она утверждает обратное.

– Отлично! У нас еще есть время найти и голос, и слух. Целых шесть дней! Неужели за такое время нельзя отыскать хотя бы что-то одно? – наивно удивился Джио. – У меня для вас есть хорошая новость. Я придумал мегашикарный номер! Мы оденем тебя в свадебное платье, сделаем красивую прическу, оформим все вокруг белыми цветами, выкатим на сцену настоящую свадебную карету! Свадебная тематика очень понравится его величеству, ведь в самом конце нашего представления император объявит о своей помолвке и представит невесту! Твой номер будет самым последним, поэтому свадебные декорации будут вполне уместны! Детали я еще не продумал, но они будут зависеть от выбранной песни.

– А вы видели его избранницу? – спросила я из чистого любопытства, вспоминая девушек, которые были на кастинге. Просто интересно, какая из этих красавиц выиграла сомнительное удовольствие стать женой тирана? Это ведь так романтично, не так ли? То же самое, что стать миссис Вейдер. Хотя где-то в глубине сердца что-то неприятно кольнуло.

– Да, видел. И целиком одобряю его выбор. Она – просто конфетка! Куколка! Он показывал мне ее портрет. Я действительно был поражен ее красотой, – вздохнул Джио. – У нашего императора очень хороший вкус. Ладно, мы отвлеклись. Какую песню, Андоримэль, вы можете предложить?

– Никакую. С ее вокальными данными сносно разучить песню за шесть дней невозможно! – безапелляционно произнес эльф, скрестив руки на груди. – Мы тут бились два часа, чтобы освоить простейшую песенку и хотя бы местами попадать в ноты, а ты требуешь...

– Я ничего не требую... Требуется его величество император, мой дорогой друг... Ну подумай хорошенько, а? – Джио с надеждой взглянул на надутого эльфа. – Ты же у нас умница... Ты же у нас талант... Да что там талант! Талантище! Маэстро!

– Выход, конечно, есть. Возможно, есть такая песня, которую она, – Андоримэль кивнул в мою сторону, – хоть немного знает... Или пела раньше...

– Ты гений! – воскликнул Джио. – Ты просто золото! Итак, какую песню ты знаешь, моя сладенькая? Желательно тематическую. Про свадьбу, любовь... Учти, песня должна понравиться императору.

И все устали на меня. Поисковая система начала перебирать тысячи файлов музыки, которые я слышала раньше. Первое, что мне в голову пришло при мысли о свадебном платье, была песня Глюкозы «Невеста».

– Я буду вместо, вместо, вместо нее. Твоя невеста, честно, честная, йоу! – пропела я, подражая известной певице.

Джио, который налил себе и Андоримэлю вина и только успел поднести бокал ко рту и сделать глоток, поперхнулся и закашлялся. Эльф успел судорожно глотнуть перед тем, как закатить глаза и схватиться за сердце. Судя по их лицам, они на секунду представили, что я предлагаю себя на место императорской невесты. Почему бы и нет? «Будуар императрицы повидал немало на своем веку... – вальяжно пропела совесть голосом Ирины Аллегровой. – „Гуляй! Ха-ха-ха! Шальная императрица!“»

– Эшафот... – прошептал Андоримэль. – Лишение всех регалий и званий...

– Бери выше! – выдохнул Джио. – Виселица! А потом четвертование... С конфискацией имущества...

– Не подходит? – наивно поинтересовалась я. – Жаль... А как вам такая песня?

Все напряглись, а я выдала:

– Я вся в белом – чудесная девочка, и фата, и под глазами две стрелочки, ну, спортсмен мой, я теперь твоя!.. Свадьба, свадьба, кольца, кольца, я люблю тебя любить, мое солнце... Свадьба, свадьба... Все будет хорошо...

– Хорошо уже не будет... – задумчиво сказал Андоримэль, глядя в

одну точку и опрокидывая в себя бокал вина.

– Но я ведь в ноты попадаю! Мне караоке за эту песню девяносто восемь баллов ставило! – обиделась я, вспоминая тот день, когда на девичнике Маринки решила исполнить эту песню в караоке. После шести бокалов мартини я сразу заявила, что буду петь ее до тех пор, пока не получу больше девяноста баллов. И тут представьте себе! С первого раза! Почти сто! О как! Правда, после этого караоке сразу стало платным, но меня это не остановило. Я в тот день была щедра как никогда! Мне просто не могли отказать! Что я только не пела! И «Владимирский централ», и «Муси-муси-пуси», и даже Цоя. Закончилось все песней в исполнении Кипелова «Я свободен!», которую я потом спела на бис! Шесть раз... В итоге мне сообщили, что, к сожалению, сломался шнур от микрофона, но я не растерялась. Я сисадмин и в шнурах толк знаю! Поковыряв немного в гнезде, проверив разъемы, я сообщила, что поломка несущественная и уже ликвидирована, поэтому можно продолжать праздник! Да... Хорошие были времена! Я тогда выиграла бутылку шампанского от заведения, которая пусть и частично, но все же покрыла мои расходы на искусство. Странно, но о призах нигде не было сказано, и я никогда не слышала, чтобы их выдавали в караоке, но все равно было так приятно! Правда, на следующее утро я могла общаться исключительно жестами и эсэмэсками. Но оно того стоило!

– Еще варианты есть? – с надеждой спросил орк, отпивая из горла.

– Есть! Жениха хотела, вот и залетела-ла-ла-ла-ла! – пропела я, хотя, судя по квадратным глазам, сразу стало понятно, что эта песня тоже не канает. – Ну тогда я не знаю! Думайте сами!

– А про невесту? – настойчиво стал спрашивать Джио. – Может быть, есть еще что-то про невесту? Только чтобы это была чья-то невеста... А не ты...

– О! Как я могла забыть! – шмыгнула носом я и, прокашлявшись, собралась с духом и басом запела: – Невесте графа де Ла Фер всего шестнадцать лет. Таких изысканных манер во всем Провансе нет. И дивный взор, и кроткий нрав, и от любви как пьяный граф...

Андоримэль показал рукой, что, возможно, эта песня и подошла бы... После этого я набрала воздуха в грудь перед припевом и рывкнула:

– Е-е-есть в графском па-а-арке черный пружу-у-уд... Там лилии цветую-у-ут...

В комнате зазвенели стекла, бедный эльф даже дернулся от неожиданности, а Джио шлепнул себя рукой по лицу, словно вытирая пот.

– Там лилии-и-и цве-е-етут. Цве-е-е-етут... – тихонько закончила я. Да,

умерла во мне драматическая актриса.

– О чем там дальше поется? Мне просто так, для себя интересно... – Андоримэль взглянул на меня большими печальными эльфийскими глазами.

– Она упала с лошади во время охоты, а граф решил ее раздеть, содрал с нее платье и корсет и случайно заметил клеймо у нее на плече... Судя по общей канве истории невеста была не без греха и до этого сожительствовала с некоторыми сомнительными личностями, занимаясь черными делишками.

В комнате повисла гнетущая тишина.

– Нам крышка... – тихо и абсолютно спокойно заметил эльф, откупоривая зубами еще одну бутылку. – По-моему, виселица все же предпочтительнее эшафота... А если совсем повезет и у императора будет хорошее настроение, то можно на каторгу отправиться. Или в глубинку. Народ окультуривать. Нести, так сказать, культуру в массы... А там глядишь, помучаемся немного и кони двинем...

– Кстати, – похвасталась я своей виртуальной фонотекой, – я песенку про коня знаю!

– Про коня? – спокойно, с сардонической улыбкой спросил эльф, делая большой глоток. – Давай про коня! Хоть про коня, хоть про оленя...

– И про оленя знаю! – радостно воскликнула я, удивляясь своей эрудиции, – Осенью в дождливый серый де-е-ень проскакал по городу оле-е-ень!

– Пой, дорогая моя, пой... Пой хоть что-нибудь... Друг мой, мне было приятно работать с тобой... Если император тебя пощадит, передай всем, что я погиб как эльф! – всхлипнул Джио, снимая парик, под которым была характерная орочья залысина.

– А мне налить? – возмутилась я, глядя, как на моих глазах допивают вторую бутылку. – У меня всегда лучше получается, если я немного выпью.

– Да не вопрос! – пожал плечами Андоримэль. – Джио, у тебя есть еще бокалы?

Орк молча показал рукой в сторону изящного шкафчика с хрусталем:

– Сколько хочешь... Можешь хоть все разбить... Тут все равно обыск будет... конфискация имущества... Это приравняют к государственной измене сотягчающими обстоятельствами...

– Не нужно беспокоиться! Я могу и из горла! – заявила я, выхватывая бутылку из рук моего учителя пения и делая глоток. Фу! Кислятина...

– Пей, пей... – сказал эльф, глядя на меня усталыми глазами, откидывая длинные светлые волосы назад. – У нас тут еще есть...

В такие моменты начинает казаться, что все вокруг становится каким-то нереальным и немного расплывшимся. Эльф улыбнулся, и его улыбка показалась мне очень симпатичной. Джио позвал слуг и попросил принести закуску. Через пару минут перед нами стоял столик со всякой вегетарианской снедью. Мы пили и закусывали, а потом снова пили. Через четверть часа Андоримэль рассказывал мне пошлые эльфийские анекдоты. А я пыталась объяснить ему, что такое караоке. И тут же поделилась историей, как мы с Машкой пели нашу любимую песню про коня. Она у нас всегда классно получалась.

– Валяй! – махнул рукой Андоримэль, глядя, как Джио сопит лицом в каком-то салате...

И тут я запела:

Выйду ночью в поле с конем! У-у, с конем...

Ночью в поле тихо пойде-е-ем.

Только мы с конем по полю идем...

Мы идем с конем по полю вдвоем...

– Недурно! – взмахнул руками мой учитель пения, опрокинув полупустой бокал. – А ну, давай еще!

И тут я почувствовала, что мое пение уже ничем не остановить, и допела песню до конца!

– Эй! – шмыгнул носом эльф, пихая мычащего Джио в бок. – Мне кажется, мы спасены!

Джио промычал что-то нечленораздельное, а потом резко поднял голову. К его лбу был приклеен листок салата, а с лица стекал соус. Сдувая листок, как эмо челку, орк выплюнул морковку и, щурясь на белый свет, сипло произнес:

– Ты шутишь?

– Нет, я вполне серьезен! – сказал эльф, поднимая упавший бокал.

– Ну тогда у нас есть повод выпить! – радостно заявил Джио, хрустя листиком, снятым с морды лица.

Мне пришлось спеть эту песню несколько раз, чтобы мои наставники убедились в том, что это не обман слуха.

– Слова придется изменить... – заметил Джио, немного протрезвев. – Они к номеру не подходят... Нужно что-то про свадьбу... Или про любовь...

И мы сели переписывать слова.

– Начало оставляем. Оно мне нравится... Мы найдем белого коня, поставим рядом с тобой. На фоне коня ты будешь выглядеть очень даже ничего! – деловым голосом заявил орк, делая пометки на бумаге.

– Спасибо! – заявила я. – Вот только я лошадок с детства боюсь... Может, лучше не коня, а поня́?

– Главное, чтобы конь тебя не боялся! – заявил эльф. – Ты будешь держать его за поводья, но сильно не дергай, а то он может испугаться. Мы это оттрепетуем!

– Давай прямо сейчас, чтобы она вжилась в роль. Вот она стоит в свадебном платье на фоне звездного неба... Главное, не забыть заказать художнику декорации. Напомни мне об этом утром... Рядом с ней стоит конь. Коня на сцену мы еще не выводили, поэтому это будет выглядеть свежо и оригинально. Давай, мм... как тебя там?

– Сима! – ответила я, вспоминая, что забыла представиться. Как неловко получилось...

– Давай, Сима, становись в центр комнаты, расправь плечи, подними голову повыше. Отлично. А теперь представь, что рядом стоит конь и ты держишь его за поводья.

– Не могу представить... – уныло сказала я. – Мне раньше не доводилось держать коня за поводья, кота за яйца и быка за рога... Кстати, а что такое поводья? Это ремешок какой-то?

– Эй, слуги! – задергал колокольчик Джио. – Принесите-ка мне ремень! Какой-какой? Обычный длинный ремень!

Побледневшие слуги метнулись за ремнем и тут же вручили его хозяину. Тот бросил ремешок мне в руки.

– А теперь ты, да, ты, – показал пальцем Джио на слугу, – подойди к ней и встань рядом. Будешь у нас конем.

Слуга сглотнул, попятился, а потом резко упал на колени и стал заливаться горячими слезами, рассказывая, что у него шестеро детей и жена на сносях... В итоге, не выдержав истерики, хозяин выставил его за дверь и снова сел в кресло.

– Я не вижу общей картины. Мне трудно представить, как все это будет выглядеть! Андо, будь другом, пожертвуй собой ради искусства...

Эльф взглянул на меня, потом на ремень, потом на орка, тяжело вздохнул, осушил еще один бокал и сказал:

– Только ради искусства...

И пошел впрягаться. В буквальном смысле. Ради искусства бедолага надел себе ремень на шею и вручил его конец мне. «Человек собаке друг, человек собаке друг. Это знают все вокруг! Это знают все вокруг!» –

пропела мультяшным голосом моя захмелевшая совесть.

– Чуть ближе друг к другу... – скомандовал Джио, прищурив один глаз. – Отлично.

Я тут же достала телефон и сделала селфи с эльфом на поводке. «Одинокая госпожа ищет покорного раба», – процитировала моя совесть объявление, увиденное мною в бесплатной газете и так впечатлившее мою неокрепшую детскую психику.

– Снимай сбрую, Андо. Еще раз благодарю тебя за твою жертву... – пафосно сказал Джио, задумчиво глядя на меня с ремнем в руке.

– Хм... Знаешь, а мне даже понравилось... В этом что-то есть... – пробормотал мой учитель пения, плюхаясь в кресло и изящно закидывая ногу на ногу.

– Итак, ты, Сима, стоишь с конем. И поешь... Кстати, надо поговорить с оркестром относительно музыки... – записал орк, закусывая кончик пера.

– Эта песня поется без музыки... – заметила я, вспоминая оригинал. – Акапельно.

– Чудесно! Просто чудесно! Мы организуем хор, который будет тебе подпевать! Отлично! – потер руки Джио и снова уставился на меня.

– Хор? – переспросил Андоримэль, – Не хочешь ли ты сказать, что я пожертвую своим хором ради этого номера? Нет, я на такое не подписывался...

– Андо, пять минут позора, и они свободны! – Джио наполнил бокал эльфа до краев, причем так, что часть его содержимого полилась на ковер.

– Я подумаю... – вздохнул эльф, ставя бокал на столик и вытирая руки платочком.

– Сима в свадебном платье на фоне эльфийского хора и коня будет выглядеть очень солидно... – заявил орк, дожевывая бутерброд.

– Простите, я не могу вжиться в роль... – капризным голосом заявила я. – Я никогда не мерила свадебное платье! Боюсь, что в нем я буду чувствовать себя неуверенно...

Джио позвонил в колокольчик, и тут же перед ним появилась перепуганная служанка.

– Возьми деньги и быстро смотайся за эльфийским свадебным платьем! – скомандовал хозяин.

– А размер какой? – неуверенно спросила служанка. – У меня же спросят размер... Что мне ответить?

– Ты дура? Эльфийские свадебные платья, если это, разумеется, не подделка, все одного, универсального размера. Они изменяются в зависимости от габаритов невесты. Похудела невеста – уменьшилось

платье, поправились – увеличилось. Быстро, а то у нас репетиция срывается! Одна нога здесь – другая там! – Джио бросил служанке мешочек с деньгами, который она тут же поймала.

Через четверть часа служанка принесла белоснежное платье, фату и туфли. От фаты и туфель я пока отказалась, а вот платье решила мерить. Мужчины отвернулись, а я занялась переодеванием. И вправду! Класс! Стоило мне начать натягивать платье, как оно тут же стало моего размера. Правда, зашнуровать корсет самостоятельно у меня не вышло, поэтому пришлось обратиться за помощью к эльфу. Тот с улыбкой стал вспоминать, сколько таких корсетов по молодости снимал и зашнуровывал обратно, чтобы не получить по морде от рогатого жениха. На этот раз по морде могла дать только я, если он сильно перетянет и мне станет нечем дышать. В итоге ушастый быстро справился с поставленной задачей и сел на место.

– Ну как? – спросила я кокетливо.

– То, что надо! – закричал Джио. – Итак, репетиция продолжается! И вот зал затих, и ты начинаешь петь. Магические кристаллы будут усиливать звук, так что можешь сильно не драть связки.

– Выйду ночью в поле с конем... Ночью в поле тихо пойдем... – стала старательно выводить я.

Джио встал и закричал:

– Стоп! Нужно переделать вторую строчку! А то непонятно, куда идем, зачем идем и почему с конем?

– Ну, если конь будет белый, то мы идем искать принца. Конь есть, осталось найти принца... – выдвинула свое предположение я. – По следам за принцем пойдем...

– Как по следам? – удивился Андоримэль, трясая головой, пытаюсь понять общий смысл.

– Ну, сбежал принц, а мы идем по его горячим следам! Чего тут непонятного? Тут главное – не вляпаться в горячие следы... – возмутилась я, и все сразу встало на свои места. Мой вариант одобрили, а меня похвалили за сообразительность.

– Выйду ночью в поле с конем. По следам за принцем пойдем! Только мы с конем по полю идем... Свадьба будет, если принца найдем... – гордо подытожила я.

Джио разразился аплодисментами, а Андоримэль протянул мне наполненный бокал. Я тут же промочила горло и продолжила сочинять. В таком состоянии у меня получалось очень даже неплохо.

– Сяду я верхом на коня! Отнеси ты к принцу меня! Если он мужик, больше не сбежит... Привяжу его, и больше не сбежит... – разошлась я на

полную катушку.

Меня тут же поддержали, требуя продолжения. Я заметно выросла в глазах моего продюсера и строгого учителя пения.

– Я ему в глаза посмотрю! И тарелку супа налью! Ну-ка, ешь, милоч, в супе есть белок! Без белка вообще какой от принца прок? – торжественно спела я, удивляясь, как гладко у меня получается сочинять, и главное, что в рифму и со смыслом.

– А что, – деликатно поинтересовался Андоримэль. – От белка, которое содержится в мясе, и правда, как бы так сказать... Хм... эффект есть? Просто мы, эльфы, не едим мяса... Религия не позволяет, вот поэтому я и интересуюсь, так сказать...

– Ну, я об этом читала... Говорят, что очень даже помогает! – авторитетно заявила я, чувствуя, что вот-вот открою секрет лечения эльфийской импотенции. – Особенно кальмары, креветки, устрицы и прочие моллюски.

– Хм... – покачал головой эльф и сделал соответствующие выводы. Очевидно, жрать морепродукты религия разрешала, однако консервативные и безгливые эльфы до этого не додумались.

«Это я был такой злой, потому что у меня велосипеда не было. А теперь я резко добрень начну...» – голосом почтальона Печкина поделилась своими наблюдениями моя совесть относительно вечно недовольного выражения эльфийского лица.

– Ладно, давай дальше! – потребовал Джио, и я тут же настроилась и продолжила делать то, что у меня всегда получалось лучше всего, – импровизировать.

– Будем вместе жить-поживать. И детишек славных рожать! – орала я, чувствуя, что пора скатиться в патриотизм. – Поднимать страну! Сеять целину! Точно в срок платить налоги в казну!

Что такое целина, я представляла смутно, но это слово как-то отложилось в моей памяти и имело стойкую ассоциацию с сельским хозяйством.

– Это просто шедевр! – из глаз Джио потекли слезы. – Такой призыв! Такие сильные слова! Так трогательно... Народу это должно понравиться! Но песня кажется какой-то незаконченной... Нет, так сказать, финального аккорда!

– А мы просто повторим первый куплет! – вдохновенно сказала я, пропев еще раз первый куплет. И тут моя женская душа не выдержала, и я разревелась. Уж больно жизненной получилась песня. Размазывая слезы, я громко шмыгала носом.

– Ты чего? – всхлипнул Джио.

– Да вот, личная жизнь не складывается... Всю жизнь жду своего принца, а его нет... Кому я такая нужна... – я чувствовала, как ноет во мне моя израненная и измученная женская душа, подогреваемая хорошей дозой спиртного.

– Да брось ты... Жениха мы тебе быстро найдем! – утешил меня орк. – Себя предложить не могу. Я женат на своей работе, тем более что брак и отношения меня не интересуют... Вот, например, Андоримэль. Он холост. Всю жизнь посвятил искусству. Вот такой эльф! – Джио показал пальцем лайк.

– Сколько тебе лет, Андоримэль? – всхлипнула я, глядя на эльфа оценивающим взглядом.

– Пятьсот двадцать четыре, – ответил эльф, с искренним сочувствием глядя на мои слезы.

– Не подойдет... – зарыдала я еще сильнее, вспоминая слова бабушки-эльфийки по поводу эльфийских мужчин.

Меня долго утешали, а потом я поймала себя на мысли, что слова-то нашего шедевра мы не записали! И мы стали лихорадочно вспоминать слова песни, а потом несколько раз вычитали их скороговоркой.

На радостях я и мои новые знакомые отметили это дело, обещая завтра, на трезвую голову, прослушать композицию еще разок.

– Как назовем песню? – внезапно спросил Джио.

– Гимн невероятному одиночеству! – трагическим голосом ответила я, доедая неизвестно откуда взявшийся на столе салат с морепродуктами. – ГимНО. О как! По-моему, звучит броско! Передайте-ка мне вон тот салатик, я его еще не пробовала!

Глава 13

«Вы хотите песен? Их есть у меня!»

В эту ночь снился мне странный сон. Мне всегда снятся странные сны, когда я немного выпью. Пью я не часто, поэтому такие сны запоминаю. Снились сумбурные вариации на тему фильма «Телохранитель» с Уитни Хьюстон и Кевином Костнером. Мне присуждают победу. На сцену поднимается император, жмет мне руку, вручает «Оскар». Я счастлива, ибо сейчас он закончит свою вступительную речь и расколдует меня к чертовой матери! И тут я вижу, что в императора целятся из пистолета, а он стоит на сцене и бубнит что-то про то, как космические корабли бороздят просторы Вселенной. Я, особо не раздумывая, бросаюсь на него, как это делают телохранители в голливудских блокбастерах, и придавливаю его собой, заслоняя от пули. Пуля медленно, как в «Матрице», проходит мимо. Я поднимаюсь с чувством исполненного долга, а император нет. Конечно, кто встанет после того, как тебе только что сломали шею? Моменто море. Моментально... в море...

Проснулась я оттого, что кто-то звенит бокалами. Такое ощущение, что звенит отнюдь не хрусталь, а колокола. Я позавидовала глухому Квазимодо, понимая, как тяжело приходится с утра звонарям-алкоголикам после бурной ночи.

– Мне не наливать! – инстинктивно пробурчала я, чувствуя, что больше в меня не влезет. С трудом разлепив глаза, я увидела, что лежу на полу, точнее, на ковре, подложив под голову какую-то тряпку в качестве подушки. На поверку оказалось, что это эльфийский сюртук, а то, что оставило вмятину на моей щеке, – это большая брошка с драгоценным камнем. Я сглотнула. Если сюртук здесь, то где же его обладатель? И что он скажет мне? «Куда, интересно знать, делся мой шикарный дизайнерский сюртук? И откуда, интересно знать, взялась эта тряпочка?»

А обладатель этого мятого сокровища мирно сопел в позе эмбриона, накрывшись вместо одеяла частью моей юбки. Во сне вид у него был очень трогательный, и во мне проснулся материнский инстинкт. Я решила укрыть ушастика его же одеждой, а то он вообще околел, и заодно проверить пульс. Мало ли что...

Эльф стал кряхтеть во сне, а потом резко вскочил, открыв глаза. Вы смотрели фильм «Мальчишник в Вегасе»? Я смотрела. А вот бедолага

Андоримэль, по-видимому, нет. Поэтому его выражение лица было очень красноречивым.

– Джо... – простонал эльф спросонья, глядя на меня. – По-моему, я... женился...

Откуда-то из-за стола раздалось сиплое:

– Поздравляю... А почему на свадьбу не позвал?

Процессор эльфа тормозил, как пожелтевший от времени допотопный компьютер, с 54 Мб оперативной памяти, запрещенный Женевской конвенцией. Мой процессор тоже пока работал не ахти. Я сканировала битые секторы памяти, пытаюсь восстановить события вчерашней ночи. Тем временем эльф попытался сесть. При попытке сесть он скривился и схватился за бок, словно только что ему пробили с ноги.

– Если... Если мы действительно теперь муж и жена, то спать мы будем отдельно! – безапелляционно проговорил Андоримэль, проверяя ребра на целостность.

– Это еще почему? – удивилась я, громко зевая.

– Ты пина-а-аешься во сне... – жалобно сказал ушастенький, а потом в его голосе появились ревнивые нотки. – И вообще, кто такой Линя?

– Линукс? – с удивлением спросила я, понимая, что про своего плюшевого медведя я вряд ли успела рассказать.

– Да, Линукс! Ты меня сгребла в охапку, сдавила горло, прижала к себе, бурча: «Линя, иди сюда, скотинка. Маме без тебя холодно!» – обиженным голосом произнес Андоримэль, положив руку себе на шею.

– Это мой игрушечный медведь... И я так понимаю, сегодня ты случайно исполнил его обязанности в его отсутствие... Попался под горячую руку... – во рту у меня все слиплось, и говорить было тяжело. Я стала шарить вокруг и искать свой телефон. Вот и он, родимый. С активированной камерой. Значит, я вчера фотографировала. Интересно, поможет ли телефон освежить мою память? Я быстро стала пролистывать фотографии, пытаюсь понять, что вчера было. Андоримэль тоже подлез и стал смотреть. На одном фото он стоял в очень смешной позе и со странным выражением лица.

– Это что такое было? – спросил эльф, очевидно, не удивляясь магическим штучкам в стиле мобильного.

– Вспомнила! Это мы играли в «Крокодила». Игра такая. Один загадывает слово, а другой должен его показать! – сообщила я.

– И что я такое показывал? – с сомнением произнес эльф.

– Рефрижератор! – гордо заявила я.

– А что это такое? – поинтересовался Андоримэль. – Я даже

представить себе такое не могу!

– Но вчера ты, судя по всему, знал, поэтому показывал полчаса, пока Джио не угадал! – сглотнула я. – Хотя он тоже не знает такого слова...

Я стала листать фотографии дальше. Там были разные смешные фотографии – и с ошейником, и с бутылкой. Короче, компромата на сто мегабайт.

– Так мы поженились или нет? – спросил эльф, трясая головой.

– Нет, это мы репетировали мой номер! – успокоила я бедолагу.

Эльф призадумался. От сердца у него явно отлегло.

Я взяла бумагу со стола и прочитала песню, которую мы вчера написали. Слова мне очень понравились. Я зачитала их вслух, чувствуя гордость за себя и свое детище... Наверное, так чувствовал себя Пушкин, дописав «Евгения Онегина». Ай да Сима, ай да молодец!

Тут в комнату осторожно постучался слуга. Джио приподнял голову, чуть не перевернув бокалы и бутылки, стоящие на столе, и попросил его убрать все это безобразие.

– Я, интеллигентный эльф, руководитель Эльфийской филармонии, а так напился... – стонал мой сэнсэй, надевая мятый сюртук. Я сочувственно кивала.

Меня тем временем проводили в выделенные мне покои, где я помылась, переоделась, сдала платье в стирку и спустилась завтракать. За столом меня ждали. Вид, правда, у всех нас был помятый.

– Итак, – бодро сказал Джио, отхлебывая какую-то настойку, – с песней мы определились! Звездное небо я уже заказал. Сейчас его рисуют. Остались конь и хор. Конь с меня. Хор с тебя, Андоримэль.

Эльф обреченно кивнул.

– Итак, сегодня мы будем репетировать с конем. Сейчас перекусим и отрепетлируем, – постановил мой продюсер, пока я налегала на блинчики с вареньем.

После еды стало клонить в сон, но меня вывели в сад, где уже стоял огромный красивый белый конь.

– Осторожно, конь покрашенный! – предупредил меня орк, усаживаясь на плетеный стульчик. Второй стульчик он предложил эльфу. Когда зрители расселись, я осторожно стала подходить к животинке. Конь стал осторожно отходить от меня. После нескольких тщетных попыток сближения, ситуация не изменилась. Мы стояли на пионерском расстоянии, с ужасом косясь друг на друга.

– Пой! – скомандовал Джио, махнув рукой, и приготовился слушать.

Я набрала побольше воздуха в грудь и начала петь... Когда я дошла до

слов: «Сяду я верхом на коня!» – конь поднял хвост, и его пронесло. В буквальном смысле.

– А он покакал... – противным голосом доносчика заявила я, глядя на то, как конь стыдливо прижал уши.

Джио позвал слугу, который до этого момента тихонько стоял в тенечке и наблюдал, открыв рот, за всем этим представлением.

– Я предупреждал, что коня до репетиции не кормить! – свирепо произнес гламурный орк.

– Мы его не кормили... – растерянно развел руками слуга. – Это он от испуга... Понимаете, животное очень умное... Все понимает...

Каки убрали, и мы решили начать репетицию сначала. И снова, когда я дошла до этого момента, животное снова сделало свое грязное дело, шарахнувшись от меня.

– Тут бы по смыслу правильно было бы залезть на коня... – деликатно подсказал эльф.

Конь посмотрел на меня, я посмотрела на коня. Животное стало осторожно отступать, натягивая поводья. Я, будучи на кураже, вспоминая, как в детстве каталась на лошадке в парке аттракционов, стала медленно приближаться к нему. Умное животное быстро разгадало мои намерения и попыталось сопротивляться, мотая головой.

– Он не хочет! – заявила я, глядя в испуганные глаза коня.

– Хочет, хочет... – спокойно ответил орк. – Залезай!

Я приблизилась к несчастной животинке, подняла ногу и поставила ее в стремя. Вторую ногу я попыталась закинуть в седло, но конь дернулся, и я упала. Если бы не стратегические запасы жира, то, наверное, я бы себе что-нибудь сломала, а так отделалась легким испугом.

После этого инцидента всем стало понятно, что с конем мы не сработаемся. Потирая ушибленную попу, я немного прошлась, чтобы проверить, все ли части тела функционируют в должном режиме, а потом расстроено села на траву.

– Что будем делать? – спросил эльф, обращаясь к Джио. Орк выглядел так, словно ему только что сообщили новость о том, что ожидаемый конец света отменяется, а он уже успел прокутить все деньги и послать императора на три веселых буквы.

– Может быть, игрушечного коня сделаем? – спросила я. – Или чучело на колесиках? Я его буду таскать по сцене за собой на веревочке...

– За шесть дней? – поморщился орк, перебирая в уме все возможные варианты решения возникшей проблемы.

– Вот был бы конь чуток поменьше... – жалобно простонала я. – Пони,

например...

– Ну в песне же поется про коня! При чем тут пони? – заявил эльф, но орк уже расцвел зубастой улыбкой.

– Мы просто заменим слово «конь» на «понь». Давай-ка исправим текст, пока нам найдут нужный реквизит, – сел черкать листочки Джио, а слуги побежали за пони. Через четверть часа его привели. Мое сердце дрогнуло от умиления. Это был очаровательный, милейший серенький пони, с красивой густой белоснежной челкой и большими умными глазами. Он доверчиво смотрел на меня, а я с восторгом глядела на него.

– Ну, давай, репетируем! – нетерпеливо воскликнул Джио. – Только не забывай менять слово «конь» на «понь».

– Выйду ночью в поле с понем! – спела я, а пони жалобно заржал.

– По следам мы принца пойдём! – пони снова заржал, вызвав у меня умиление. Он, оказывается, еще и музыкальный.

– Только мы с понем по полю идем... – пони фыркнул.

– Свадьба будет, если принца найдем! – подытожила я, чувствуя, что идея с пони была просто восхитительной. Иго-го...

Джио стал аплодировать, хотя я так и не поняла, кому именно: мне или миниатюрной музыкальной лошадке. А может быть, нам обоим, ведь мы очень старались.

– Интересно, – тихо сказал эльф. – Где этот пони раньше работал?

– В гномьем цирке, – ответил слуга. – Вместе с гномом-пиротехником-вольтижером. Так что его уже ничем не удивить... Я был там недавно со своими детьми... Младшая до сих пор заикается после того, как гном-клоун дал поддержать ей какую-то взрывчатку, пока артист поджигал фитиль.

– Как представлю, так вздрогну! – покачал головой мой учитель музыки. – Надо будет сходить хотя бы на одно представление...

«Фу! Какая гадость! Заверните мне пять штучек!» – прокомментировала моя совесть, с которой впервые за долгое время я была солидарна.

– А вы его купили? – спросила я, опасаясь, что лошаденка взяли в аренду и он снова вернется в это гнусное место, куда я тоже планирую обязательно сходить из чистого любопытства.

– Нет, мы его в аренду взяли! – подтвердил мои худшие опасения слуга.

– Узнайте, сколько он стоит, и я его куплю! Всегда мечтала иметь пони! И узнайте, как его зовут... – захлопала в пухлые ладоши я.

Слуга кивнул и побежал узнавать. А мы продолжили репетицию. В тот

момент, когда нужно было сесть на коня, я осторожно, чтобы не сломать ему хребет, присела сверху. Выглядело это просто незабываемо. На маленькой лошадке сидит огромная дама и, приложив руку ко лбу, словно высматривает что-то на горизонте. «Усталость забыта, колышется чад, и снова копыта, как сердце, стучат!» Я чувствовала себя неуловимым мстителем, скачущим во весь опор в закатное солнце. На мне мысленно красовались шапка-буденовка со звездой и красная рубаха. «Погоня, погоня, погоня! В горячей крови!»

– Маловато куплетов! – покачал головой орк. – Слишком быстро песня заканчивается. Нужно досочинять еще парочку.

В итоге наше детище пополнилось двумя новыми куплетами:

Ночью в поле звезд – благодать!
Принца что-то нам не видать!
Схоронился он вон за тем кустом...
После супа он страдает животом!

Не дано мужчин мне понять!
От любви зачем убегать?
Я со всей душой, доброй и большой,
Накормлю его котлетой и лапшой...

Между прочим, с готовкой у меня дела обстоят очень хорошо. Готовить я умею. Просто большинство принцев не умеют кушать то, что я готовлю! Моя кулинарная книга состоит из сорока рецептов, основными ингредиентами которых является «вермишель быстрого приготовления» и майонезик. Иногда к ним добавляются полуфабрикаты. Их я покупаю оптом и пихаю в морозилку, где они превращаются в один сплошной мерзлый ком. По мере необходимости я извлекаю его из вечной мерзлоты и при помощи любимой отвертки и русского нецензурного отковыриваю в раковине пару штук, чтобы разогреть в микроволновке, а комочек бережно складываю обратно. До востребования.

Репетиция окончилась, и все остались довольны. Прибежал слуга и, запыхавшись, сообщил, что пони по кличке Шнырь отдадут за пять золотых, которые я тут же отсчитала. Пока мой Шнырик радовался своей свободой и знакомился с обитателями конюшни, я разучивала слова.

На следующий день мы отправились в Эльфийскую филармонию, сцену которой для репетиции великодушно выделил нам Андоримэль. Там

нас ждали эльфийский оркестр, который тут же распустили по домам за ненадобностью, и готовая декорация в виде звездного неба. Неизвестный художник добавил от себя колоски внизу и три луны, что было очень уместно и симпатично. Джио уехал по делам, поэтому обещал приехать только к вечеру и посмотреть конечный результат.

Эльфийский хор собирался около часа. Тем временем я в свадебном платье, с фатой, с понем терпеливо ждала, когда же наконец-то все будут в сборе. Я и Шнырь уже успели заскучать, слушая последние эльфийские сплетни. Посидев час вместе с хором, я узнала, у кого из участников самые ветвистые рога и кто, чем и от кого заразился во время прошлого банкета, симптомы вышеупомянутых заболеваний и кто чем лечился. Слушая про болячки, я невольно вздрагивала и искала у себя нечто похожее, мысленно записывая основные способы лечения. На всякий случай. Еще немного, и у меня начнет чесаться все, что только можно...

Пока раздавали слова, эльфы с ужасом читали их и переглядывались. Недовольный ропот нарастал.

– Простите, маэстро, но мы отказываемся такое петь! – заявил солист хора, размахивая листочком. – Я двести лет посвятил сцене! Я заслуженный артист империи, у меня столько наград, что можно весь занавес обвешать, еще и придется на полу выкладывать. И вы хотите, чтобы мы пели такое? Чтобы я пел такое?

Остальные эльфы вяло поддакнули, косясь друг на друга.

И тут медленно встал Андоримэль. Лицо его выражало крайнее спокойствие и невозмутимость. Он подошел к солисту хора, улыбнулся нехорошей улыбкой и произнес:

– Дорогой мой друг Гроссиэль, я полностью уважаю твои заслуги. Но если бы не я, ты бы до сих пор сидел в своем кружке художественной самодеятельности, строгая с умственно отсталыми детьми сувениры. В любой момент ты снова отправишься туда и будешь снова с пеной у рта объяснять, что глаз у деревянной кошки находится не между лап и не на спине!

Хор притих и зашептался.

– Кому еще чего напомнить? Может быть, подзабыли чего? – нагло поинтересовался эльф, подавляя восстание на корню.

Насколько мне стало известно из общего гула, коллектив был очень спетый и спитый, поэтому привыкли исключительно к коллективной ответственности. Повозмущавшись для приличия еще пару минут, эльфы стали наскоро учить слова, с ненавистью глядя на меня и поня. Насчет себя я даже не обижаюсь. Я ведь автор сего шедевра, а вот чем провинился мой

Шнырик, я так и не поняла. Вот так вот и получается. Стараешься, стараешься, а никто это не ценит! Между прочим, многие гении при жизни были непонятыми. Их ждала посмертная слава... Правда, слово «посмертная» меня немного смущало, особенно при воспоминаниях о недавнем разговоре с его величеством.

Андоримэль указал мне на сцену, куда я тут же поднялась вместе со Шнырем. Шныря не мешало бы помыть, но я забыла сказать, а слуги не додумались. В итоге у некоторых эльфов, стоящих за мной, было такое выражение лица, будто они купили квартиру рядом с мусороперерабатывающим заводом и узнали об этом, только когда открыли окно, чтобы вдохнуть полной грудью свежий воздух.

Я мысленно посчитала до десяти и по взмаху Андоримэля начала петь. Шнырь ржал по окончании каждой строчки. Маэстро сделал знак, и тихо вступил хор, делая такое протяжное и тихое «у-у-у-у... а-а-а-а-а». А потом эльфы хором повторяли последнюю строчку. Это, кстати, это очень помогало попадать в ноты. Правда, не всегда я успевала за ними...

– Маэстро! Она не попадает в такт! Она никак не может под нас подстроиться! – занервничал солист, стараясь перекрыть хор.

– Это не она под вас должна подстраиваться, а вы под нее! – закинув ногу на ногу, отозвался из зрительного зала ушастый руководитель этого безобразия.

После мучительной пятой прогонки и я, и понь, и хор чертовски устали. Андоримэль предложил сесть рядом и серьезно сказал:

– В этом году будет семь членов жюри. От эльфов – два представителя, от орков – два, от гномов – один, от людей – один и от огров тоже один. На первом этапе каждый будет стараться голосовать за своих, это понятно. Но в финал попадут лишь трое участников. И вот тогда начнется настоящая борьба.

– А почему не по одному от каждого народа? – поинтересовалась я.

– Эльфы снова разделились на два лагеря, люто не переваривающих друг друга. Городские эльфы и дикие эльфы. С орками все сложнее. Там изначально было два клана. Одни более-менее толерантные к империи, а другие – нет. И на этот раз участвуют оба. Огры вообще участвуют в первый раз. Поэтому нас ждет что-то новенькое, – огласил свежую политинформацию мой сэнсэй. – Так вот, я тоже в жюри. И в первом туре я проголосую за тебя. Это должно обеспечить тебе выход в финал. В финале, в зависимости от того, кто туда попадет, я могу проголосовать за кого-то другого, так что ты не обижайся.

– А Джио тоже в жюри? – спросила я, чувствуя уважение к столь

самоотверженному эльфу.

– Нет, он распорядитель и ведущий. От орков в жюри будут сидеть двое новеньких, – вздохнул Андоримэль. – Учти, жюри очень внимательно следит за реакцией зрителей. Идти против мнения народа никто не станет. Так что в первую очередь тебе нужно понравиться зрителям. Поняла? Отдохнула? Давай вперед, репетировать.

Хорошая репетиция – это когда ты уже не думаешь о том, что ты поешь, когда тебе глубоко плевать на смысл слов и ты повторяешь их на автомате. Я не завидую певцам, которые мало того что на репетициях, так еще и на многочисленных концертах поют одно и то же. До мозолей на языке. А если садисты-зрители заставляют спеть эту песню на бис, то вообще хочется отправиться в последнее турне и навсегда завязать с сольной карьерой.

После часовой пытки мне дали еще немного времени на передышку. Тем временем хор переключился на более интересные и менее болезненные для меня темы, а именно – отсутствие нового репертуара и крайней непопулярности филармонии среди простого населения.

– Мне уже надоело петь «Лес светлячков». Сто лет поем этот «Лес». У меня уже зубы сводит! – возмутился один молодой эльф.

– Это классика! Классика всегда была непонятна для обычной серой массы! – заявила яркая брюнетка, отхлебывая из какой-то фляги. Она поморщилась и тут же прокашлялась.

– Но в этом году мы не выполним план по платным услугам для населения! – возмутился солист. – Плакала наша премия!

– Ой, кто бы говорил! И так получаешь больше всех! – ехидно заметила белокурая красавица, поправляя аппетитный бюст. – Но при этом у тебя дома даже нормального постельного белья нет!

Все посмотрели на белокурую красавицу, которая тут же умолкла, понимая, что только что рассекретила все явки и пароли.

– Ах ты стерва! – возмутилась рыжая эльфийка, пытаясь слезть с верхнего ряда деревянной хоровой скамьи. – Я тебе сейчас уши оторву! А ну иди сюда, шлюха!

– Девочки, не ссорьтесь! Он недавно пригласил меня к себе, так мы всю ночь в шахматы играли! – закричала брюнетка. – Кроме как фигурку над доской, он ничего поднять не может!

Назревала драка. Андоримэль не выдержал и встал.

– А теперь призаткнулись все на секундочку! – рявкнул эльф. – У нас намечается важное событие. То, чего мы ждали столько лет! И если кто-нибудь из вас станет причиной того, что это грандиозное событие сорвется,

я лично придушу его на месте! Понятно?

Если честно, то от Андоримэля я такого не ожидала. Хор, очевидно, привык к выпадам руководителя филармонии, поэтому еще немного побухтел и успокоился. Маэстро встал и вышел, пообещав, что по возвращении мы будем репетировать до потери сознания.

– Послушайте, – вмешалась я не в свое дело. – А сколько времени и что вам нужно, чтобы выучить песню?

– Мы – профессионалы. Заслуженные артисты. Нам достаточно услышать ее, чтобы выучить наизусть. Или посмотреть партитуру, – снизошел до ответа солист. – Мы не люди. Они месяцами репетируют, а у нас у всех абсолютный слух и абсолютные голоса. Человеческому хору до нас еще расти и расти!

И тут в мою душу закралась такая обида! Я быстро достала телефон и стала перелистывать треки. Опа! Нашла! Эра «Амено». Интересно, слышали ли ее здесь? Я добавила громкости и...

– Это поет людской хор? – спросил солист по имени Гроссиэль с некоторым сомнением.

– Да! – подтвердила я. – Эту песню поют у меня на родине. Красивая, не так ли? Так вот, боюсь, что вам слабо так спеть.

Эльфы взбодрились. Еще недавно они скулили на тему отсутствия репертуара, а теперь понимают, что их разводят «на слабо», но профессиональная гордость не позволяла отклонить брошенный им вызов.

Немного распевшись и посоветовавшись, они попросили проиграть трек снова.

– Мы готовы! – сказал солист. – Мы покажем, на что способны эльфы! Поехали.

И тут я поняла, что ничего более совершенного в жизни не слышала! Я наслаждалась каждой нотой, каждым голосом. Закончив песню, Гроссиэль спросил:

– Ну как?

– Божественно! Если хотите, то можете включить ее в свой репертуар! – сказала я, тая от восхищения.

– А еще что-нибудь есть? – спросила белокурая эльфийка наивным голосом.

– Вы хотите песен? Их есть у меня! – радостно отозвалась ваша покорная слуга.

В итоге, когда пришел Андоримэль, хор под моим чутким руководством выводил саундтрек из «Скайрима» на почти драконьем языке. «Довакин, Довакин, да спаси ж ты Скайрим! Алдуин и жрецы разнесут все

к чертям! Только наш Довакин, редкостный сукин сын! Вместо этого шарится по е... ням!»

Немного подофигевший руководитель медленно присел в кресло, закрыв лицо руками.

– Ну как? Теперь снова можете гастролировать! – гордо заявила я, чувствуя, что внесла свою лепту в культуру этого мира.

– Ты с ума сошла! Какие на фиг гастроли? – закашлялся Андоримэль. – Пока мы пели «Лес светлячков» нас никто не трогал. Сидели мы спокойно в своей филармонии, проедали бюджетные деньги, а теперь придется гастролировать по всей необъятной империи и давать концерты! Обычно мы выступаем два раза в год и на очень важных событиях. А теперь придется выступать каждый месяц, а то и чаще! Не дайте боги кому-то узнать, что у нас обновился репертуар!

«Благими намерениями выстлана дорога в ад!» – подумала я, виновато глядя на своего сэнсэя.

– Ладно, – недовольно буркнул Андоримэль. – Продолжаем репетицию!

Глава 14

Леди Баба

В самый разгар репетиции появился Джо с пачкой каких-то листовок. На секунду мне показалось, что сейчас он начнет: «Девушка! Не проходите мимо! Окна, двери, пластиковые балконы, бесплатный обмер, скидки!»

Но я ошиблась. Решительным шагом Джо прошел к самой сцене, свирепо раздувая ноздри, словно полководец, который только что узнал, что его армия проиграла сражение со счетом 2:1, а матч-реванш будет проходить уже в его столице.

– Вы представляете, – заявил орк, шлепая стопку бумаги на край сцены, – наши конкуренты уже листовки в народ пустили, а мы все сидим сложа лапки! Полюбуйтесь!

Я из любопытства взяла одну листовку. Там была изображена роскошная белокурая эльфийка в белом платье, юбку которого эротично поднимает порыв ветра. Мариэль Мэрло – так звали красавицу. «Хеппи бездэй, мистер президент... Хеппи бездэй ту ю...» – мысленно пропела я, понимая, что если сейчас увижу на следующей листовке Элдиса Прэйсли, то ничуть не удивлюсь. Но на следующей картинке красовался гном по имени Джейг Урдан. О чертах лица гнома судить не приходилось. Единственное, что я сумела разглядеть на картинке, – свирепые глаза и нос картошкой. Остальную часть портрета занимали волосы разной степени чистоты и лохматости. Потом мне попала еще одна эльфийка. Она тоже была блондинкой, правда, в отличие от своей миловидной коллеги по цеху, красавица была одета в вызывающий и обтягивающий черный наряд. На заднем плане портрета стоял мужской танцевальный ансамбль, который лапал ее за всевозможные места. Ее зовут... Ее зовут... Дайте-ка угадаю! Мм... Сканирую чакры, подключаюсь к астралу... Мадонна? Ну... почти... Ее зовут Мэй Донна. Ха! Кто у нас тут следующий? О! О! О! Тут целый орочий коллектив. Все с какими-то костяными приспособлениями наподобие гитар и в одинаковых париках. Четыре орка! Ну? Не угадали? «Убитлз». Надеюсь, что выступать они будут с песней. «Естедей... Мы сварили вкусный супчик из людей... Естедей... Не осталось ничего, кроме костей... Мы ждем гостей, оу, естедей!» – хотя, может быть, они станут покорять публику «Каннибала-а-а-в ла-а-ав!». Черт! У меня даже руки чешутся посмотреть, кто там еще претендует на мой законный приз! И

снова орки! Мама мия! Один, совсем один, правда, солидный. Спаси Хайло. «Все для тебя... Филе и бефстроганы... Для тебя... с утра поют шаманы...» А кто у нас тут от огров? Просто огр. Господи! Огромный, лысый, с маленькими глазками и огромным лбом. Валуев по сравнению с ним просто душка! Про огра информации было мало, и это интриговало.

– Ты не видишь ничего необычного? – спросил Джио тихим голосом. Один накрашенный глаз с наклеенной ресницей моргал не переставая. Нервничает, бедняжка...

– Нет, – пожала плечами я, с жадностью читая биографии исполнителей.

– Тебя тут нет! – заорал Джио. – Нужно срочно ехать писать с тебя портрет, сочинять биографию и сдавать в гномью типографию! Мы на шаг позади наших конкурентов!

– Да ты поэт... Биография-типография... – пробурчал Андоримэль, рассматривая листовку с Мэй Донной. С некоторым сомнением взглянув на сексапильную красавицу, эльф взял листовку с «Убитлз». Чем привлекла моего сэнсэя группа орков, мне неизвестно, но изучал бумажку он долго и тщательно.

Хор тем временем начал разборки в лучших традициях «Дома-2». Судя по крикам, они готовы были исключить из своих стройных рядов какого-то Уримэля за то, что он заглушает своих соседей во время пения, за то, что заразил половину хора какой-то трудноизлечимой срамной болячкой, но самым главным поводом исключения было то, что в прошлый раз не скидывался на пьянку. Последнее, разумеется, было очень веским аргументом. В итоге Уримэль, быстро сделал перевод стрелок в адрес какого-то Амиэля, который не моет руки после туалета, потом бежит здороваться со всеми за руку. Фу! Какая гадость! И это я еще с эльфийским оркестром не знакома.

– Тише! – прикрикнул на разбушевавшийся хор Андоримэль, вчитываясь в подробности биографии орков.

– Что, прямо сейчас писать? – спросила я, немного смущаясь такой поспешности.

– Да! Быстро! Посыльный уже ждет! – Джио быстро достал бумагу и самописное волшебное перо.

– Серафима Тимчик, тысяча девятьсот... – начала я, но меня тут же перебили.

– Нет! Нет! Нет! – закричал Джио. – Тебе нужен сценический образ! Кто ты на сцене?

– Хм... Жирная баба, которая страдает от отсутствия мужского

внимания... Она ищет свою любовь, и все прекрасно понимают, что принц ей не светит... – мрачно выдохнула я. – Будем смотреть правде в глаза.

– Нет! Ты – человек из народа. Ты та, кто готов поднимать страну на своих плечах! – пафосно сказал Джио. – Но при этом ты – обычная баба, которая мечтает о простом женском счастье.

– Послушайте! – не выдержала я. – Я что? Баллотируюсь в императоры? Землю – крестьянам, заводы – рабочим, культуру – в массы, остальным – по мордасам?

– Да! Ты должна вести себя так, словно от тебя зависит будущее этой страны! Вот, почитай, что написали про себя другие! И ты поймешь всю суть! – эльф сунул мне листок с портретом Мариэль Мэрло.

Я села и начала вдумчиво читать.

«Я мечтаю о школах для бедных и слабоумных детей, где они могут получить достойное образование... Эти дети – будущее нашей империи...»

Я так погляжу, у империи очень радужные перспективы. От этих розовых соплей меня чуть не стошнило. Еще кормушки для кошек не хватало для полного счастья. Интересно, что написали орки?

«Мы хотим доказать, что орки, которых вы знаете, – это плод стереотипов. Мы, орки, никогда не судим других по внешности. Нам гораздо интереснее внутренности».

Как мило... Меня просто на слезу прошибло... Интересно, о чем мечтает волосатый и свирепый гном?

«Я хочу, чтобы на гномов перестали смотреть свысока! Мне надоело ломать людям ноги, чтобы наконец-то взглянуть им в глаза...»

Полностью согласна! Каждому гному – ходули в подарок. Или ботинки на платформе. Пусть носит, пока не сносит! Даешь государственную программу! Даешь уравниловку! Ура! Товарищи! Ура!

– Ну? И как тебя все будут величать? – отвлек меня от столь важных размышлений Джио, держа перо наготове.

Так-с, кого у нас тут еще не было? Может быть, Олень Фермер? Не-а... О! Придумала! Леди Баба. «На-на-оп-па-пара... Ба-ба улала-а-а... Вонт ю бэд романс!» Я тут же озвучила свой псевдоним, который моментально возвел меня в ранг суперзвезд. По крайней мере, в моих глазах.

– Отлично! Леди Баба – звучит ярко! Так и запишем! – обрадовался Джио, скрипя пером. – Так, Расскажи немножко о себе!

– Родилась в глухой деревне, – мрачно начала я. – Поэтому петь начала с малолетства. Впервые поняла, что у меня получается петь, в тот момент, когда мне стали подвывать соседские собаки. Мы с родителями переехали в другую деревню, где мой талант наконец-то заметили и предложили еще

раз сменить место жительства. Я пела почти целыми днями напролет, умолкая только во время еды. Мои родные, видя мою любовь к пению, старались кормить меня чаще. И вот теперь я приехала в столицу, чтобы подарить свой талант людям и вдохновить их на трудовые подвиги. Я мечтаю встретить свою любовь, найти свое маленькое женское счастье, которое будет носить меня на руках до самой смерти.

– Помедленнее... Я записываю! – Джо активно скрипел пером. – Вот! Все! Красота! Сейчас же в типографию! Портрет у нас запланирован на вечер, так что можно еще порепетировать пару раз.

Я снова поднялась на сцену, где невозмутимо жевал зеленый занавес мой боевой товарищ Шнырь.

– Плюнь каку, – обратилась я к своему напарнику. – Я на сто процентов уверена, что ее здесь ни разу не стирали.

Послушная животинка выпустила изо рта мятый и слюнявый кусок тряпки и, громко цокая, поплелась на свое место. Мы снова пропели нашу песню, от которой меня уже начало подташнивать.

– Мне кажется, что чего-то не хватает... – задумчиво произнес Джо. – А не хватает у нас движений. Ты все время стоишь как вкопанная...

Только этого еще не хватало! Сейчас танцевать заставят. Я уже хочу кушать и отдыхать, и «пожурчать» не мешало бы, а меня все гоняют и гоняют, словно сидорову козу. О том, чтобы сходить в туалет филармонии, и речи быть не могло, поскольку услышанное краем уха повергло мою ипохондрическую натуру в шок. Нужно принимать меры, чтобы эта попытка закончилась как можно скорее!

– Какие танцы знаешь? – строго спросил Джо.

– Менуэт, гавот, польку, танго, вальс, – начала загибать пальцы я, вспоминая все танцы, которые знаю.

– Ничего себе! – воскликнул орк – И ты молчала! Да ты просто кладезь талантов!

Я немного смутилась. Мне всегда очень неловко, когда меня начинают хвалить.

– Спроси проше, – раскусил меня проникательный эльф, присаживаясь на край сцены, – какие танцы она умеет танцевать?

И все сразу усталились на меня. Мысленно перебирая те немногие танцы, которые мне приходилось танцевать в своей жизни, я сразу отмела хоровод, который водила в детском саду вокруг елки. Туда же отправился «Танец маленьких утят», над которым мы бились в начальных классах вместе с классной руководительницей, чтобы было что продемонстрировать родителям на празднике «Букваря». Потом у меня был

долгий период танцевального застоя. И вот он, выпускной вальс, который мы репетировали два месяца. С тяжким вздохом я решила пропустить вальс, потому что я как-то плохо помню выпускной. Также во мне не было уверенности, что медляк по часовой стрелке на дискотеке можно считать танцем. Оставались они – беллиданс и тверкинг. Два месяца я училась делать шимми и волну животом вместе с Машкой в полуподвальной танцевальной студии, под руководством Шехерезады Степановны Приходько – заслуженного мастера танца живота. Все эти два месяца я ныла Машке, что трясти животом и выводить восьмерки тазом – это не мое. В итоге Машутка вняла моим мольбам и... записала нас на тверкинг. Не будучи особо продвинутой в теме танцев, я сначала порадовалась, что не стрип-пластика. Но после первого занятия я поняла, что шест – это верх целомудрия. Я проходила туда месяц за компанию. На большее моей попы не хватило. И вот теперь я чувствую, что именно эти танцы так жаждут увидеть в моем исполнении благодарные зрители.

– Я умею танцевать беллиданс и тверкинг... – гордо изрекла я, чувствуя свое превосходство над непросвещенными в тонкостях современного танца ценителями искусств.

Меня тут же попросили показать свои таланты. Я быстро метнулась за кулисы, чтобы переодеться, ведь в свадебном платье это произведет совсем другой эффект. Наскоро натянув эльфийские безразмерные легинсы и футболку, которую я завязала под грудью на манер топики, я гордо выплыла на сцену. Включив на телефоне песенку «За тебя калым отдам, душу дьяволу продам...», так любимую Шехерезадой Степановной, я стала лихорадочно вспоминать движения. Стоило начать делать волну животом и восьмерки тазом, мне стало понятно, что такого танца зрителям забыть уже не суждено.

– Дайте мне это развидеть... – прошептал бледный Андоримэль, сглатывая.

Хор смотрел молча. В их напряженных глазах читался застывший ужас. После того как я исчерпала весь список выученных за два месяца телодвижений, я решила пощадить зрителей и не идти по второму кругу.

– А второй танец? – спросил орк, нервно дергая глазом, как светофор. Предчувствия тебя не обманывают, мой зеленый друг.

Я вытерла пот со лба и стала искать что-то ритмичное в своем неубиваемом девайсе. Я, как избушка на курьих ножках, медленно повернулась к зрителям задом, а к хору передом. Расставив ноги, словно борец сумо, немного присев, я начала двигать той частью тела, которая, по моему мнению, лучше всего характеризует мою нынешнюю ситуацию. Я

стояла на месте, самозабвенно тряся своим обтянутым легинсами холодцом, пока не услышала тихий всхлип и громкое «бум», словно упало что-то тяжелое.

«Один готов!» – подумала я, чувствуя, что, пока не услышу еще один такой «бум», не стану останавливаться, благо трек-лист у меня очень длинный. Часа на два.

Второй «бум» что-то запаздывал, хотя, по моим расчетам, он должен был произойти еще пару минут назад. Я решила как бы невзначай обернуться и проверить, что там происходит с тыла. Я сделала поворот, и вот «избушка встала к хору задом, а к залу передом», так и не прекращая своего движения. Я была бы рада его прекратить, но законы инерции никто не отменял.

На соседних стульчиках, прижавшись друг к другу, сидели два белокурых создания, которых было очень трудно отличить друг от друга с первого взгляда. Отпавшая эльфийская челюсть и легкая зеленца, покрывавшая миловидное личико, делали его очень похожим на побледневшего орка с выпученными глазами. Ни дать ни взять – братья-близнецы. «Зелененький он был... Представьте себе, представьте себе, зелененький он был...» – пропела моя совесть, крайне довольная моим выступлением. Я заметила, что последнее время моя совесть стала привыкать ко мне. А я к ней.

Первым обрел дар речи мой продюсер. Он сглотнул и тихонько сказал: – Думаю, что на сегодня репетиция окончена. Всем спасибо... Все свободны...

Хор с облегчением вздохнул и стал быстро двигаться в сторону выхода. Да, этот день им запомнится надолго.

Художник ждал нас в гостиной особняка, принадлежащего Джио. Он даже разложил мольберт, чтобы сразу же сделать набросок. Что-то в этом художнике показалось мне знакомым... А! Ну конечно! Портрет на фоне ковра!

– Наконец-то! – набросился на нас художник, доставая уголек. – Кого рисуем?

– Ее! – хором сказали мои менторы, кивая на мою скромную персону.

Художник прищурил один глаз, отклонился назад, а потом удовлетворенно закивал головой, мысленно соглашаясь с одному ему известным ракурсом.

– Я тут принес несколько заготовок с фонами, так что можете их посмотреть... – произнес живописец, вытаскивая стопку бумаги.

Мы все втроем присели на диванчик, да так, что эльфу и орку пришлось присесть на неудобные деревянные ручки, ибо диванчик был мне как раз впору. Моя попа, уставшая от тверкинга, мечтала о покое. Первая заготовка, которая попала мне в руки, представляла собой заснеженные горы и дракона, парящего где-то в вышине.

– Мне нравится. Необычно. Я бы даже сказал самобытно, – Джио стал тереть подбородок.

– Горизонт завален, – лениво произнесла я, откладывая фон с драконом.

– Что значит завален? – возмутился художник, удивляясь моим познаниям в области живописи.

Я ничего не ответила и взяла следующий фон. Там лежала аппетитная безголовая барышня пышных и обнаженных форм. Ну, прямо обложка журнала «Playboy». Я так понимаю, художник собирался пририсовать чью-то голову к уже готовому телу. Фотошопер, однако.

– Сразу нет, – сказала ваша покорная слуга, будучи очень высокоморальной девушкой. – А вдруг это увидит моя мама! Она же меня никогда не простит за моральный ущерб, причиненный людям!

Следующий фон был еще более примечательным. На нем был нарисован какой-то водоем. Судя по цвету воды, пить оттуда водичку Минздрав бы не рекомендовал даже под угрозой расстрела.

– А можно здесь нарисовать мою голову, будто я всплываю и пристально смотрю на всех. И чтобы волосы лицо облепили. И чтобы глаза у меня были жуткие-жуткие. А вот здесь была бы табличка: «Купаться запрещено», а тут еще одна: «Кто утонет – купаться больше не пойдет!» Нет? Жаль, значит, не подходит, – вздохнула я, понимая, что никогда еще так долго не выбирала себе аватарку.

Мы пересмотрели кучи фонов, зачастую однотипных и неинтересных. Пустыня, море, какой-то дворец с фонтанами и павлинами, просто голубое небо. И все не то. Не цепляло. Были и роскошные кареты, и прочие атрибуты богатства в виде золотых колонн, роскошной мебели и готовых бриллиантовых корон.

– А где ковер? – капризным голосом заявила я. – У меня нет ни одного портрета на фоне ковра!

В итоге художник по памяти изобразил ковер и стал делать наброски моего лица. Я-то думала отделаться пятью минутами позора, но как я ошибалась. В туалет хотелось все сильнее и сильнее. Я уже устала закидывать ногу на ногу и ерзать на диванчике. Через час художник гордо показал свою нетленку, по сравнению с которой фотография на паспорт

казалась просто шедевром. С портрета на меня смотрела толстая, унылая и очень злая баба с тяжелым взглядом маленьких колючих глаз и кривой улыбкой, которая намекает на то, что еще пять минут пытки, и я сделаю на диване полную абстракцию. Тройной подбородок был изображен во всех подробностях, а обвислые щеки художник почему-то решил украсить свекольным румянцем.

– Отлично! – сказал Джо. – Я сейчас отправлю портрет в типографию, пусть делают копии, и уже завтра весь город будет завален нашими листовками.

Художник получил свои деньги, откланялся и поспешил смотаться, а я наконец-то смогла расслабиться и выдохнуть. Но не тут-то было.

– После того как мы разбросаем листовки, нам нужно создать шумиху вокруг тебя. Люди должны обсуждать тебя. Твое имя должно быть на слуху. Так что нужен повод! – заявил Джо. – Есть предложения?

Итак, нужно исходить из того, что у нас есть. А у нас есть понь и я. Я почему-то сразу вспомнила легенду о леди Годиве, которая на спор со своим благоверным проехала голой на лошади по городу, прикрыв срам роскошной шевелюрой. В результате спора супруг проиграл и снизил налоги для горожан, а леди приобрела респект, уважуху и бессмертный пиар в легенде и вытекающих из нее последствий в виде произведений искусства. Я с вдохновением поведала о своем плане, пересказав по памяти пресловутую историю. Правда, заметив, что полностью раздеваться не намерена. Так, слегка обнажусь...

– Я боюсь, что окна и двери действительно закроют. И даже заколотят... А статистика смертности в этот день переплюнет эпидемию чумы, – заметил эльф, глядя на мой портрет.

– Не пойдет! Понь может на выдержать... А он нам еще живым нужен! – возразил Джо, перебирая в уме возможные варианты. – Как насчет свадьбы на один день с последующим разводом? Я договорюсь!

– Нет, не пойдет! – категорично замотала головой я, поскольку замуж пока не собиралась. А если и соберусь, то явно не за первого встречного!

– А что, если пустить утку, что ее желание в случае победы заключается в том, чтобы стать женой императора? Такого раньше никогда никто не загадывал! – предложил Андоримэль, поигрывая золотистым локоном. – Идея свежа, оригинальна! И уж точно привлечет к себе должное внимание!

В итоге, просидев около часа, мы не нашли варианта, который бы устроил всех. Пришлось согласиться на вариант «будущая императрица». Я злобно заметила, что не хотела бы видеть лицо императора, когда добрые

люди расскажут ему о моих планах. Теперь нужно сделать так, чтобы народ меня полюбил. Я прямо почувствовала себя леди Дианой и матерью Терезой одновременно. Мое сердце тут же стало разрываться от страданий униженных, обиженных, оскорбленных и слабоумных. У меня тут же появилось непреодолимое желание заняться благотворительностью. Желательно за чужой счет. И мне пообещали предоставить такую возможность в ближайшее время.

А пока я схватила со столика газету и рванула в сторону уборной. Стоп! Здесь выпускают газету? Мама мия!

– Эй! Мы ее еще не читали! – закричал Андоримэль, понимая, куда движется мое тело и с какой целью.

– Ничего, я ее потом отдам! – нахально заявила я, открывая дверь уборной. Мне не терпелось прочитать, что вообще пишут в этом мире.

Щеколда закрылась, и я, усевшись на трон, принялась изучать последние новости. Итак, газета называется «Вечерняя империя» и выходит два раза в неделю.

Его императорское величество после недолгого...

Сейчас, простите, я выдохну... Нет, так нельзя... Ху! Вообще-то имелось в виду слово «пребывания», но в это безобидное слово закралась очепятка. И буква «р» потеряла хвостик, превратившись в букву «о». Возникло ощущение неспешного, но при этом совсем недолгого процесса. Ладно, я попробую прочитать всю фразу целиком.

Его императорское величество после недолгого п... ебывания с первыми красавицами империи все-таки выбрал себе достойную супругу.

Да... Я вовремя покинула это гнездо разврата!

Имя супруги пока держится в секрете, однако по тем обрывочным сведениям, которыми мы располагаем, она – кареглазая брюнетка с голубыми глазами. Ее белокурые локоны...

О как! Мощно! Да она просто мелированный скунс с глазами разного цвета. Дальше шла полнейшая ахиня, написанная, очевидно, для того, чтобы окончательно запутать читателя.

Я решила не углубляться в половую жизнь императора, переключив свое внимание на новостную ленту.

В поселке Напрасный Труд собрали рекордный урожай хрена. Чтобы противодействовать воровству с полей, трудолюбивые жители сдали

урожай в имперские закрома под девизом «Ни хрена себе!».
Вот это я понимаю! Молодцы! Так держать!

Туристическая группа, пропавшая в землях орков, частично найдена!
Определенно хорошая новость!

В столице был пойман мошенник, торговавший поддельными зельями для улучшения умственных способностей. Покупатели до сих пор не могут понять, что произошло. Стража объясняет им на пальцах.
Удачи, стражникам!

Недалеко от поселения Большое Бельмо были замечены два тощих дракона-вегетарианца. Местные жители стали подкармливать их, чтобы бедолаги не умерли с голоду!
Упс... Надеюсь, что бабушки не дадут им помереть...

Глава департамента по борьбе с работорговлей был пойман в процессе покупки рабынь. Он свою вину отрицает, утверждая, что собирался выпустить их на волю. Обвинения еще не предъявлены, но мы будем следить за дальнейшим развитием событий!
Попался, голубчик!

Первый посетитель ресторана экзотической кухни, который недавно открылся в центре города, отказался платить за выпитый им молочный коктейль с огурцом и выбежал на улицу. Его нашли по горячим следам.
Бедняга...

Я решила перевернуть страницу и почитать, что еще пишут. Тут на целый разворот шла программа Империвидения вперемешку с биографиями участников, взятых из листовок, и воспоминаниями о прошедших мероприятиях. Новости спорта заняли один абзац, где просто был указан счет 2:0 в пользу орков. Кто бы сомневался!

На последней странице меня ждала колонка редактора. Она так и называлась «Мы дико извиняемся!»

В прошлом номере была опубликована статья про самый важный день под заголовком «Он должен был нас... ать». К сожалению, закралась опечатка в слове «настать», где по недосмотру первая буква «т» случайно была заменена буквой «р». Приносим свои извинения.

В предыдущем выпуске, в статье про лучшего повара ресторана «Эльфийский лес», в третьем абзаце, в предложении «Когда она принесла нам блюдо, она заставила нас всех ры... ать». Вместо буквы «д» случайным образом закралась буква «г». Приносим свои извинения Эйриэль Блант и соболезнуем в связи с потерей работы.

В интервью с образцовой женой и домохозяйкой, в первом абзаце «И мы с ней занялись ... ексом». Случайным образом буква «к» была заменена на букву «с». Мы просим прощения у ее супруга и надеемся на скорейшее выздоровление нашей героини. Организован сбор средств на лечение. Обращаться в редакцию газеты.

Мы снова на коленях извиняемся за ту статью про его величество, где в самом конце, после вопроса о том, когда будет решена проблема с водоснабжением в связи с текущим ремонтом акведуков, было указано, что «его императорское величество обещал на... адить в кратчайшие сроки». По чистой случайности буква «л» немного стерлась и стала похожа на букву «г». Мы просим прощения и приносим соболезнования семье казненного специального корреспондента!

Ни фиги себе! Теперь я понимаю, почему журналист – это очень опасная профессия. В дверь нетерпеливо постучались. Ой! Кажется, я зачиталась. Нужно будет не пропустить следующий выпуск.

– Я сейчас! – закричала я, натягивая легинсы и сворачивая газету.

Меня уже заждались, поэтому послали слугу проверить, жива ли я. Судя по выражению лиц моих менторов, которые меня встречали, им только что сообщили что-то ужасное...

Глава 15

Одиннадцать минут и небольшое лирическое отступление

– Ну? – нетерпеливо спросила я, пытаюсь понять, что такое ужасное произошло за то недолгое время, пока я была занята чтением газеты. – Что у нас на этот раз? Только не говорите мне, что у хора началась коллективная диарея и что они теперь не то что петь, а дышать глубоко боятся...

Джио голосом врача из сериала, который вынужден сообщить плохую новость, попросил меня присесть, что я и сделала.

– Тебя вызывает к себе император. Прямо сейчас, – сказал бледный орк, протягивая мне красивый конверт с гербовой печатью. Если бы не пояснения, то я подумала бы, что мне тут письмо из Хогвартса прислали. Ну наконец-то! Я его уже лет десять жду! Раньше грешила на родителей, мол, не хотят отпускать свою кровиночку в Школу магии, а теперь выросла, поумнела и точно знаю, что в этом виноват всемирный заговор почтовых работников.

– На ночь глядя? Он что, бессонницей страдает? Может быть, ему колыбельную на ночь захотелось услышать в моем исполнении? Так я могу! Спи-и-ит усталый император, крепко спит... Та-да-да-да-дам... Он во сне под одеялом тихо бдит... – пропела я, разворачивая письмо. Там была всего одна строчка: «Постарайся успеть придумать остроумное объяснение своему неподобающему поведению, пока едешь во дворец».

Так-так-так... Я уже успела где-то накосячить. Интересно, в чем я накосячила и по поводу чего меня вызывают на ночь глядя? Чувство, конечно, неприятное, однако, перебрав в уме все ближайшие события, я ничего особо ужасного вспомнить не смогла.

– А может завтра? – простонала я, чувствуя, что после всех этих репетиций мне чертовски хочется кушать и спать.

– Тебе нужно ехать немедленно... – тихо сказал Андоримэль. – В противном случае тебя туда потащат силой.

– А на руках меня отнести не могут? – поинтересовалась я. «Ну, а пока, как богиню, на руках носят Жанну! Жанну!» – пропела моя совесть голосом Валерия Кипелова. Было бы неплохо!

– Не стоит так шутить. Поезжай. И надейся, что это было какое-то

недоразумение... – отозвался эльф. – Мы подождем тебя здесь.

– А ночную рубашку с собой брать? – кокетливо спросила я. – А вдруг разговор затянется до утра?

Судя по лицам моих насмерть перепуганных менторов, я поняла, что шутка была неуместна. Я молча проследовала за слугой, который ждал меня у входа, и села в черную карету.

«Но снова над ним небо клеткой накрылось, и черный опять подкатил воронок», – пропела моя совесть голосом Михаила Круга. Да, с блатной романтикой я тоже знакома. Каждый день я езжу на работу на одной и той же маршрутке. Водитель, весь в наколках, с золотыми зубами, является большим поклонником шансона. И всю дорогу пассажиры вникают в подробности жизни воров разной степени авторитетности. Я-то еще и нормально сижу, воткнув наушники в уши, рассматривая уже надоевшие до оскомины пейзажи за окном, а вот бухгалтер фирмы по соседству, которая очень часто ездит со мной на этой же маршрутке, сидит так, словно за ней уже приехали. При каждом слове «посадили» она вздрагивает и бледнеет. Очевидно, «неладно что-то в Датском королевстве».

Моя совесть заволновалась и занервничала, ведь впервые в жизни она поняла, что где-то что-то упустила, раз у меня неприятности, о которых я даже не догадываюсь. Она тут же перевоплотилась в котенка по имени Гав: «Не ходи туда, там тебя ждут неприятности!»

– Ну как же туда не ходить? Они же ждут! – возмутилась я. Котенок жалобно мяукнул и стал лизать себе... Эй! Совесть! Не опошляй мой любимый мультик!

Дорога была не такой долгой, как я ожидала. Во дворце меня встретили слуги, чтобы проводить к его императорскому величеству. Чем ближе я подходила к двери, за которой меня ждали неведомые большие неприятности, тем сильнее я начинала ненавидеть императора за это забытое с моей студенческой молодости чувство экзамена. Сначала полчаса трясешься под дверью, не зная, что попадетсЯ, потом заходишь, тянешь билет и понимаешь, что именно эту главу учебника ты вчера пролистала со словами: «Ну, этого на экзамене точно не будет!» – а дальше начинается клуб веселых и находчивых. Если кому-то оценки ставили за знания, кому-то за красивые глаза, то меня всегда спасало чувство юмора. Ладно, погнаЛИ. Если что, будем давить эрудицией, а если эрудиция не спасет, то придется импровизировать. Но что-то как-то страшноватенько. Я посмотрела на часы. Без пятнадцати минут полночь. «Давай бояться вместе!» – мяукнула совесть, заглядывая мне в душу голубыми глазами нарисованного сиаМского котэ. «Давай!» – согласилась я, вежливо постучав

и тут же распахнув дверь.

– Вы меня вызывали? – спросила я деловым голосом, словно пришла к начальнику.

«Я отчеты вам принес за январь и за февраль!» – «Ах, спасибо, хорошо, только мы уже банкрот!» – спела моя совесть, чтобы подбодрить меня. Но у нее ничего не вышло.

Император был одет крайне просто. Черная рубашка и черные штаны, заправленные в высокие сапоги. Он сидел в красивом кресле, закинув ноги в сапогах прямо на стол. Не хватало еще пепельницы, тлеющего окурка и пистолета. Тогда бы все выглядело совсем иначе. Зачесанные назад волосы придавали ему вид крестного отца в молодости. В голове сразу же заиграла медленная музыка из одноименного кинофильма. Моя фантазия разыгралась, и на секунду мне показалось, что сейчас он выдаст: «Ты нарушила законы омерты, поэтому у тебя есть выбор – яд или пуля!» – а я такая: «Простите великодушно, дон, я не нарочно. Проклятые фараоны угрожали мне!» – а Дон мне в ответку: «Ладно, я тебя прощаю!» И тут он достает пистолет – и «бах». Я падаю на землю, и тут же начинается музыка из «Лебединого озера». Дальше я додумать не успела, ибо его величество подало голос.

– Да, я вызывал тебя, – холодно сказал император. – И жду объяснений. Потрудись объяснить свое поведение.

Я слишком устала, чтобы быть вежливой, поэтому решила особо не церемониться.

– А не могли бы вы мне хотя бы намекнуть тему для оправданий или мне просто поползть на коленях, без повода? Давайте я просто поползаю на коленях с душераздирающими воплями раскаяния и пойду домой. У меня завтра репетиция, – заявила я, поймав себя на мысли, что когда меня будут вешать, то есть все шансы проломить подмости и порвать веревку. Это добавило еще +100 к борзости.

– А ты разве не догадываешься? – красивая бровь императора поползла вверх, изображая недоумение.

– О! Сейчас попробую догадаться! – я сделала вид, что мучительно соображаю. – Нет, увы... А сколько букв в этом слове? Учтите, я – блондинка, поэтому длинные слова меня огорчают.

– Десять, – сказал император, пристально глядя мне в глаза. – Десять букв.

Итак, внимание! В эфире капитал-шоу «Поле чудес». Сима, вращайте барабан. Буква?

– А... – протянула я, понимая, что информации недостаточно. «По

вашему запросу ничего не найдено...» – выдал мне внутренний поисковик.

– Есть такая буква в этом слове... – с едва заметной нехорошей улыбкой ответил император. – Откройте первую букву...

Я смотрела на него с легким подозрением, хотя конкретно в данный момент меня больше волновала моя шкура.

– Вау! Мне еще раз можно вращать барабан? – я пристально взглянула на императора, понимая, что более напряженного момента за всю историю моего отпуска не было. Любопытство разыгралось не на шутку. Я начала заметно нервничать.

– Вращай, – пожал плечами император, едва скрывая улыбку.

– Буква... «ха»... – выдала я, замерев в ожидании ответа.

– Нет такой буквы в этом слове. Увы, ты проиграла. Но я даю тебе возможность назвать все слово целиком, – произнес император.

Мои подозрения усиливались с каждой секундой.

– Мм... Авантюризм? – если честно, то больше вариантов у меня не было. Хотя нет, вру. Был еще вариант «алкоголизм», но я решила начать с того, что меньше всего, по моему мнению, подпадает под статью местного уголовного кодекса.

– И это тоже... – выдохнул император. – Андоримэль – правильный ответ. Что это за оргию вы устроили прошлой ночью? По всему городу ходят слухи, что ты и этот эльф теперь вместе? Он ночует у Джио, вы вместе с ним таскаетесь на репетиции, а прошлой ночью даже...

– Что даже? – спросила я изумленно.

– Спали вместе, – поморщившись от омерзения, произнес император. – И ты была в свадебном платье!

– А! Вы об этом? – выдохнула я, давась от смеха. – Да, спали. На полу. Было дело. А свадебное платье – это концертный реквизит. Мы в нем номер репетировали. А этот эльф – мой учитель пения.

«А он никакой не мучитель, а просто мой добрый учитель», – пропела совесть жалобным голосом.

– Его Джио привлек для того, чтобы я не сильно облажалась на концерте, – продолжила я, не обращая внимания на ремарки совести. – То есть я и так облажаюсь, но, по крайней мере, после уроков музыки я смогу сделать это с чистой совестью. Да, кстати, с каких пор императора интересует личная жизнь его подданных?

– С тех пор как ты стала официальным представителем основного государства империи. Своим недостойным поведением ты бросаешь тень на всю империю и на меня, как ее законного правителя! – холодно сказал император. – Эта оргия, которую вы устроили, сильно ударила по твоей

репутации! Скоро об этом будут трубить на каждом углу, мол, кандидатка от империи отличилась недостойным поведением! Не хватало еще, чтобы в газете об этом написали! Тогда я буду вынужден снять тебя с конкурса!

– Надеюсь, перед этим расколдуете? – наивно поинтересовалась я.

– И не мечтай! – отрезал император. – Ты и так потрепала мне нервы, поэтому теперь моя очередь.

Ай-ай-ай, какой злопамятный... Напугал кота сосиской... Какой ужас! Я просто сжалась в комочек и трепещу! Я раньше смеялась от книги «Голодные игры», откровенно недоумевая, зачем президенту на протяжении трех книг троллить какую-то малолетку. И вот теперь у меня возникает аналогичный вопрос по поводу императора. Вроде бы мятеж не готовлю, народ к восстанию не подбиваю, на трон не претендую...

– А я поищу другого мага, который меня расколдует, или найду свою вторую половинку! – парировала я. – Так что рано или поздно я сниму это заклинание. Если захочу. Но последнее время мне даже нравится быть толстушкой, поэтому я решила не торопиться. Быть толстухой намного удобнее. Раньше у меня было столько проблем, а теперь только две. Выдержит ли стул и где найти одежду моего размера. Вот и все. Раньше я боялась ходить по темным переулкам и встретиться с насильником, а теперь насильник должен бояться встречи со мной. Раньше я переживала относительно набора веса и старалась соблюдать диету, а теперь ем что попало и получаю от этого несказанное удовольствие! Раньше я боялась за свою репутацию, а теперь понимаю, что любые сплетни относительно моей личной жизни можно смело считать абсурдными. Нет личной жизни – нет проблем.

Ничего себе, я завернула! Н-да... Кстати про репутацию, интересно, его величество уже читал свежий выпуск прессы? Нужно поинтересоваться. Ненавязчиво.

– А вы уже читали свежий выпуск газеты? – невинным голосом спросила я, стараясь сохранять спокойствие. «Спокойствие, только спокойствие!» – голосом Карлсона, который живет на крыше, поддакнула совесть, предвкушая незабываемые ощущения от созерцания эпического момента.

– Нет еще! У меня руки не дошли! – отрезал император, очевидно, огорченный моей проникновенной речью. – Какое это имеет отношение к предмету нашего разговора?

– Никакого... Но лучше не читайте... – спешно ответила я, чувствуя, что сейчас он точно потребует принести ему свеженький выпуск. И одним журналистом станет меньше...

– А что там? – с сомнением спросил император. Судя по моим лукавым глазам, он начал подозревать что-то совсем нехорошее. Я сделала вид, что изучаю потолок. Кстати, очень красиво сделано, прямо как фотообои. Вроде бы и плоский, но при этом, благодаря барельефам и рисункам, создается ощущение купола. И муха летает. О! Подлетела к его величеству. Муху не обманешь...

– Ничего особенного, – махнула рукой я. – Пустяки, дело-то житейское... Поговорят и забудут... Нечего заострять внимание... Главное, не переживайте...

Император сделал странный жест рукой, и на стол упал свежий выпуск. Вау! Я тоже так хочу! Он медленно взял его в руку и...

Я затаила дыхание. Раз... Два... Два на ниточке... Два на паутинке... Паутинка обрывается и... Три... Начинается!

– Мля... – протянуло его величество. Его глаза стали по-настоящему страшными. Белки глаз стали черными, что выглядело очень мило в сочетании с желтыми глазами. Опыт работы на строительной фирме и общение с прорабами подсказывали мне, что такими словами, которые готовы были слететь с его красивых губ, можно не просто трехэтажный особняк построить. Тут на небоскроб стройматериалов хватит. Даже с учетом повального воровства со стройплощадки.

Эх! Не зря же меня сюда позвали... А я еще и ехать не хотела! Да я бы локти сгрызла, узнав, что пропустила такое представление.

– А теперь, как честная и порядочная девушка, которая приехала на конкурс красавиц, в надежде, что наконец-то обрету свое счастье, я вас спрашиваю: когда, собственно, осуществлялся этот вялый, и, судя по всему, очень недолгий процесс и как я могла такое пропустить? – голосом оскорбленной добродетели заявила я. – У вас есть три подсказки: звонок другу, помощь зала и «50 на 50».

Какой неловкий момент! Император медленно поднял на меня желтые глаза. Газета в его руках вспыхнула синим пламенем и тут же рассыпалась в пепел. Супер! Вот такой человек на шашлыках просто незаменим! Где ты был, дорогой мой, когда мы в прошлый раз ездили на шашлыки и я никак не могла разжечь костер, опустошив все спичечные коробки. В итоге, сжимая последнюю спичку в руке, с криком «Не дышите!» чудом сумела поджечь отсыревшую газету. Меня после этого долго дразнили: «Девочка со спичками».

– Вы, главное, не нервничайте и не переживайте... Это вредно для здоровья... Мало ли что после этого откажет... Сердце, например... Ну это в лучшем случае... А государство ждет от вас здоровое потомство... И

тогда даже вялый процесс, о котором написали в газетке, станет для вас подвигом... – голосом Елены Малышевой заявила я, чувствуя, что нужно как-то поддержать человека в трудную минуту. Особенно когда дело касалось его здоровья.

– Ты вообще думаешь о том, что и кому говоришь? – спросил меня император ледяным голосом.

– Разумеется... Просто, судя по вашей реакции, я подозреваю, что вышеупомянутая проблема уже на подходе... Иначе бы вы не стали так остро реагировать на мой дружеский совет... – ответила я с ехидной улыбкой.

Он медленно встал с кресла, и... вокруг нас открылся филиал ада на земле. Синее пламя пожирало все вокруг, стекла, которые вылетели из рам, зависли в воздухе тысячью осколков, словно в фильме «Матрица». Все они уставились острыми концами на меня. Если они сорвутся, то я вряд ли повторю подвиг с уклонением от пуля, в исполнении Нео. В лучшем случае сработает толстая подушка безопасности.

Да ты еще и припадошный! Какая прелесть! Машка мне всегда говорила, что мои проблемы в личной жизни заключаются в том, что я сильно люблю выводить мужчин из себя. У меня это как-то непроизвольно получается. Стоит мне открыть рот, как любой мужчина рядом начинает себя чувствовать в лучшем случае очень некомфортно. А я – человек на редкость невозмутимый, поэтому меня по-настоящему вывести из себя может только низкая скорость Интернета на допотопном компьютере.

– Обидели мышку – написали в норку... – со вздохом произнесла я детским голосом, понимая, что остановиться уже не могу, хотя стоило бы. – Я вот только одно не поняла, что в этом обидного? В том, что процесс оказался недолгим, или в том, что вялым? Или в том, что этот процесс вообще имел место? Хотя в последнем случае я бы не расстраивалась. Тут радоваться надо, что пока есть такая возможность. Еще немного, и все... Оторви и выбрось...

Император посмотрел на меня волчьими глазами, полными ненависти, и впервые за всю мою историю подобного общения с особями противоположного пола мне стало как-то нехорошо. Совесть превратилась в огромного зеленого огра-людоеда и тихонько мне шепнула: «Не будьте как дома. Вам тут официально не рады. Это факт». Я это уже поняла, спасибо за своевременное предупреждение.

Император вдохнул и выдохнул, успокаиваясь. Стекла упали на ковер, а пламя погасло. Я взглянула на часы на телефоне. Мой личный рекорд. Одиннадцать минут. Можно смело открывать курсы, как довести мужчину

до... А впрочем, неважно до чего.

Повисла неловкая пауза. Император посмотрел на осколки, лежащие на ковре, а потом перевел взгляд на меня. Если он думает, что я буду прибирать тут все, то он глубоко ошибается. Однажды я пришла трудоустроиваться админом сайта в агентство недвижимости «Земля и Люди». Идя на собеседование, я почему-то была точно уверена, что черный логотип и столь красноречивое название свидетельствует о том, что это как-то связано с похоронным бизнесом, но потом выяснилось, что это далеко не процветающее агентство, где нет денег даже на уборщицу. В связи с отсутствием реального потока желающих приобрести участочки директор был истеричен, зол и капризен. Мне пришлось вывалить перед ним все свои дипломы и грамоты. Он объяснил эту необходимость тем, что ему нужен очень квалифицированный специалист. В конце собеседования мне заявили, что в должностные обязанности админа сайта входит ежедневное мытье полов. Я молча встала и двинулась к выходу. На вопрос: «Куда это вы собрались?» – ваша покорная слуга ответила: «За дипломом уборщицы. Заодно тряпку и ведро прикуплю! Подождите пару минут, я мигом!»

Его величество тем временем медленно опустился в обгоревшее кресло, обхватил голову руками и тихо, но очень отчетливо произнес:

– Убирайся отсюда, пока я тебя не прикончил на месте...

– А что? Соблазн велик? – встrepенулась я.

– Ты не представляешь насколько... – процедил он с тяжелым вздохом, закрывая глаза и сжимая кулаки.

Бедненький... Похоже, я неплохо развернулась своим танком на его окопе. Нужно как-то сгладить ситуацию!

– Ты еще здесь? – нетерпеливо спросил император, открывая глаза. Теперь они выглядели нормально.

– Я вот тут смотрю и думаю... Ну не позволяет мне совесть оставить человека в таком состоянии... – вздохнула я. – Может быть, наколдуете себе стаканчик воды?

Просить кушать я не стала. Я человек принципиальный. Гордость не позволила.

– Ты испытываешь мое терпение? – поднял бровь император.

– Жаль, а я думала, что мы расстанемся друзьями... – весело сказала я, но, взглянув на его лицо, поспешила прибавить: – По переписке...

Тем временем где-то за окном послышались удары, похожие на бой курантов. Полночь... А теперь мне, как любой порядочной Золушке, пора сматывать удочки и давить на туфельки, пока не дали по тылке.

– Ладно, я пошла... До новых встреч! Спасибо за приглашение, было очень интересно и занимательно, – бодренько произнесла я, оглядываясь по сторонам. – Вы такой затейник, что просто словами не передать... Постараюсь вести себя хорошо. Не обещаю, но постараюсь.

Я развернулась и пошла к чудом уцелевшей двери. Напоследок мне захотелось оглянуться, чтобы проверить, не целится ли он в меня файерболом. Уж больно сильно я чувствовала, как его взгляд сверлит мне спину.

Внезапно император встал из-за обгорелого стола и решительным шагом двинулся ко мне. Сердце в груди, насмотревшись слезливых мелодрам, бешено заколотилось. Сейчас он меня поцелует... Оу, йес! Он подошел ко мне вплотную и тихо сказал:

– Знаешь, когда я тебя впервые увидел...

В моей голове всю пела сладкоголосая Милен Фармер, обещая неземные наслаждения в объятиях вспылчивого красавца. Я уже на интуитивно-женском уровне вспоминала, когда я в последний раз чистила зубы и брила ноги.

– ...Мне искренне хотелось помочь тебе, что совсем несвойственно мне в силу определенных обстоятельств. А теперь мне хочется причинить тебе как можно больше боли и страданий... У меня горячее желание уничтожить тебя, но есть причина, почему я вынужден сдерживаться. И меня это сильно огорчает. Я прекрасно знаю, откуда ты пришла сюда... Знаешь, что случается с теми, кто точно так же, как и ты, внезапно оказывается здесь? Они умирают. Обычно быстро и бесславно. Потому что я очень не люблю, когда сюда заявляются непрошенные гости. Но не подумай, что ты какая-то особенная и поэтому ты в безопасности. Я обещаю, что в скором времени я сотру эту нахальную улыбку с твоего лица.

Облом! «Пятьдесят оттенков серого» тут, по ходу, настольная книга у каждого красавца. «Ну хоть не „Пятьдесят оттенков голубого“», – заметила совесть и снова попала в точку. И тут произошло то, чего я от себя не ожидала. Я стала абсолютно спокойной и серьезной. У меня такое состояние наблюдалось всего лишь пару раз в жизни, что обычно не предвещало ничего хорошего. Страшная догадка, основанная на моей наблюдательности, только что полностью подтвердилась. Нет смысла разыгрывать дальше эту комедию.

– У тебя ничего не получится... – грустно ответила я, даже не замечая, что внезапно перешла на ты. – Не любишь конкуренции? И кем же ты у нас был? А? Юристом? Врачом? Учителем? (Не дай бог, конечно, такого учителя!) Нет, не похоже... Бухгалтером? Офисным планктоном, который,

вместо того чтобы поднимать продажи фирмы, рубился в компьютерные игрушки, прокачав скилл быстрого сворачивания окон? Дай-ка, угадаю... Ты был... Ты был...

– Программистом, – криво улыбнулся император. – Но это в прошлом. И вот, как ты думаешь, после того, что ты узнала, кто я такой, тебе сразу станет все понятно? Ошибаешься. Я чувствую, что рано или поздно не сдержусь и прикончу тебя на месте.

– Как мило... Но у тебя ничего не выйдет. Меня спасет то, чего нет у тебя... – улыбнулась я. – Чувство юмора. Оно меня никогда не подводило. Кареты не надо, дойду сама. Хочу порадовать тебя неоправданным риском с моей стороны. А! Забыла сказать... Между прочим, я была сисадмином. До встречи!

Я вышла из дворца, вдыхая полной грудью воздух. Почему-то меня знобило от ночной прохлады. Несмотря на мое желание прогуляться пешим туром, карета стояла прямо у ступеней, гостеприимно распахнув дверь. Но я прошла мимо. Меня выпустили через главные ворота. Эх! Было бы у меня хорошее настроение, я бы на них обязательно покаталась, как большевики на воротах Зимнего дворца, но настроение было паршивое, поэтому катание на воротах я решила отложить.

Ночной город казался мне совсем незнакомым. Хотя и дневной город мне узнать так и не довелось. «Тихо вокруг... Только не спит барсук... Уши свои он повесил на сук и тихо танцует вокруг», – пропела совесть, но я отмахнулась от нее, ковыляя куда глаза глядят. Петляя пустыми и темными улочками, я вышла к морю. Мне нужно все обдумать. Было в его словах кое-что, что меня зацепило. Анализируя ситуацию, я поняла, что есть парочка вещей, которые меня сильно смущают. Вещь первая. Почему он так часто угрожает мне? Это звучит как-то странно. «Мне искренне хотелось помочь тебе, что совсем несвойственно мне в силу определенных обстоятельств». Интересно, что он хотел этим сказать? И второе: какие такие обстоятельства мешают ему прикончить меня на месте?

Я села на пирс, наклонилась и провела рукой по воде.

– Сафира! Ау! – тихо позвала я.

– Ой! Это ты? Давненько мы с тобой не разговаривали... – вынырнула голова русалки. – Как дела?

– Нормально... Я вот тут спросить тебя хочу кое о чем... – сказала я, задумываясь, как бы лучше сформулировать свою мысль.

– Ну, не томи. У меня там утопленник недоеденный лежит. Еще свеженький. Сейчас как другие узнают, как понаплывут... – сказала русалка, подозрительно оглядываясь.

– Много ли таких, как я, попадало сюда из другого мира? – спросила я, догадываясь о том, что мне на это ответят.

– Немало... – ответила Сафира. – Правда,дохнут, как мальки...

– И второй вопрос. Потом спокойно можешь доедать своего утопленника... – вздохнула я. – А я не первая, кому ты по доброте душевной разрешаешь загадать три желания?

– Нет, не первая, – коротко ответила русалка и нырнула в воду.

– Понятно... – протянула я. – Понятно, что ничего не понятно.

Глава 16

Огни ночного голода

По пути домой в темной подворотне мне повстречался одинокий, престарелый и очень интеллигентный упырь. Одет он был простенько, но со вкусом. Чистенький, опрятный и очень вежливый. Правда, красные глаза, бледная кожа, сморщенная, как печеное яблоко, выглядели не совсем эстетично, но это первый вампир, которого мне удалось встретить за всю свою жизнь.

Плюгавый, с большой залысиной, он чем-то смахивал на Голлума. Я невольно проверила, не подложили ли мне кольцо Всевластья, но вроде бы в последний раз меня деликатно послали отнюдь не в Мордор.

– Простите, пожалуйста, я не ел уже три дня... – жалобно начал упырь, шамкая беззубым ртом.

– А я тут при чем? Я не ела целые сутки, но я не жалуясь... – голосом ослика Иа ответила я, глядя на трясущегося старичка, который, судя по всему, подбивает меня вступить в ряды почетных доноров без соответствующих льгот и выплат.

– Простите, но не могли бы вы... подставить свою шею... И не вертеться... – жалобно протянул старичок, дрожащими руками доставая из банки вставную челюсть с внушительными клыками. – Это не больно...

Ну да, конечно... Я почувствовала себя столовой общественного питания. Ладно комарики меня иногда пытаются укусить, а тут какой-то облезлый упырь умоляет нацедить ему кровушки.

– Между прочим, я даже кровь на анализы сдавать боюсь, не то что подставлять свою шею какому-то малознакомому вампиру. Мало ли чем вы болеете? – возмутилась я, вспоминая все известные мне болячки, которые передаются через кровь.

– Я... я... У меня справка есть... Со здоровьем у меня все в порядке... Я два месяца в очереди сидел, чтобы ее получить! И это учитывая то, что я не сплю! А если бы я спал, то, наверное, до сих пор бы сидел... – старичок протянул мне мятую бумажку.

Я развернула ее и начала читать: «Справка выдана Эдварду Карлайловичу Каллену, на предмет состояния здоровья. По месту требования. Данной справкой подтверждаем, что гражданин Каллен не является переносчиком малярии, лихорадки Зика...» Дальше шел перечень

заболеваний, о многих из которых я даже не догадывалась, что дало мне пищу для размышлений. Так. Стоп! Эдвард Каллен?! Я мысленно сравнила киногероя и этого доходягу, пытаюсь понять, что общего между этим престарелым и облезлым кровососом, который сейчас нетерпеливо переминается с ноги на ногу, мечтая отведать моей третьей положительной, и сексуальным вампиром – мечтой девочки-подростка.

– Я чуть-чуть... Как комарик, – спешно сказал старичок, протирая вставную клыкастую челюсть. Ладно, так уж и быть. Осуществим мечту девочек-подростков и подставим шею для укуса не кому-нибудь, а самому Эдварду, тем более что справку он предоставил. «Утром справка – утром кровь, вечером справка – вечером кровь!» – принципиально заявила совесть. Упырь долго шамкал, проверяя, как встала челюсть, а потом, примерившись к моей толстой шее, попытался куснуть. Один раз челюсть выпала и ударилась о брусчатку. Вампир тут же поднял ее, отряхнул, обдул, протер тряпочкой и снова приладил на место. Прогрызть слой жира ему не удалось. Бедолага кричал, стонал, сопел. В итоге у него ничего не вышло. Последний заход имел крайне ужасные для вампира последствия. Челюсть выскользнула у него изо рта, упала и разбилась.

– Это конец... – тихо сказал он, собирая и пересчитывая зубы. – Правого верхнего клыка не хватает... Посмотрите, пожалуйста, под ногами, может, он туда закатился?..

Я посмотрела под ногами, но клык так и не нашла. Упырь сел на землю и зарыдал. Мне даже стало чуточку жаль страдальца.

– Вас зовут Эдвард? – поинтересовалась я. – Эдвард Каллен?

– Да... – всхлипнул упырь. – И я не ел уже три дня... В прошлый раз добрые люди сжалились и покормили меня, а теперь я даже не знаю, когда мне кровушка капнет... Иногда по мусоркам шарюсь...

– А у вас соломинка дома есть? – спросила я, чувствуя, что заниматься столь необходимой для поднятия своего рейтинга благотворительностью начну прямо сейчас.

– Надо посмотреть... – оживился Эдвард. – Пойдемте... Я тут недалеко живу...

Я шла за вампиром, понимая, что сейчас осуществится мечта всех школьниц. Я бываю дома у самого Эдварда Каллена! В голове сразу возникли кадры из фильма, где красавец-вампир приводит свою избранницу знакомиться со своей семьей. Интересно, остальных время тоже не пощадило? А вдруг это ловушка? Вдруг меня там ждет голодная семья упырей, единственным кормильцем которых является этот доходяга, который заманивает доверчивых жертв к себе домой? Насколько память

мне не изменяет, Кайлены были как бы вегетарианцами. Они охотились на диких животных, утоляя свою жажду крови за счет хищников разной степени опасности. Теперь, судя по виду упыря, семенящего впереди меня, хищники давно уже в прошлом, точно так же, как бодливые травоядные... Плохо. Очень плохо! Настолько плохо, что будь у меня в кармане последние сто рублей, а неподалеку открылся тотализатор «Эдвард против кошки», я бы смело поставила на котэ.

– А вы не пробовали животными питаться? – участливо поинтересовалась я, глядя, как Эдвард шарит рукой под половичком в поисках ключа от потрепанной двери.

– Пробовал... Раньше всегда так и делал. Горный лев для меня был всего лишь разминкой. А вчера пытался мышь поймать, так она меня ткнула так, что весь палец опух... – сказал вампир, открывая дверь.

– Выбили бы ей зубы, превратив грызуна в сосуна, чтобы уравнивать шансы... – предложила я, еще раз убеждаясь, что котэ уделал бы его еще в первом раунде.

Идея, очевидно, очень понравилась вампиру, поэтому он заметно взбодрился.

– А вы один живете? – поинтересовалась я после приглашения войти.

– Да... Один... Давно уже один живу... После того, как от меня жена ушла... – пожаловался упырь. – Но вы проходите, не стесняйтесь... Простите, у меня тут немного не убрано...

Я уже вижу. Вся прихожая была заставлена какими-то коробками, в которых лежат книги и газеты. Первое, на что упал мой тяжелый взгляд, была стена, к которой были прибиты дипломы об окончании школы. В левом углу сиротливо висела справка, выданная приемной комиссией колледжа о том, что Эдвард Каллен подал документы на специальность «кондитер». Диплома об окончании не было, поэтому я посмела предположить, что тортик к чаю мне тут не светит. По-моему, даже завалявшийся эклер с легким ацетоновым привкусом мне не перепадет. Жаль... А я так надеялась...

– А жена почему ушла? – поинтересовалась я, чувствуя, что если когда-нибудь буду писать мемуары, то эта информация будет крайне важна. К тому времени девушки – любительницы Каллена станут бабушками. Им как раз будет интересно прочитать про суровые будни Эдварда на пенсии.

– Ну... – бедняга покраснел, – это вопрос интимного характера...

Ну, кровосос, начал, так продолжай. Если ты думаешь, такой ответ меня устроит, то ты глубоко ошибаешься.

– А поконкретнее? – как можно деликатнее спросила я. – Я никому не

расскажу...

Вампир помялся, достал стоптанные тапки, засунул в них тощие ноги в дырявых носках и пошлепал на кухню.

– У нас, вампиров, – начал он, шелестя какими-то бумагами и скрипя дверцами, – особый метаболизм. То есть мы можем раз в сто лет... А Белла думала, что каждую ночь... Вот, собственно, и все. После того как она ушла к оборотню и отсудила все мое имущество, для меня жизнь потеряла всякий смысл. Я перестал пить кровь, лежал и смотрел в потолок. Моя семья сначала пыталась привести меня в чувство, а потом махнула рукой. Короче, долежался я до того, что совсем здоровьем ослаб. Опомнился, когда зашатался последний клык. И тогда я решил покончить жизнь самоубийством. Я уже пытался раньше так сделать, но Белла меня остановила. Так вот, решил я снова повторить свой подвиг и показаться людям. Достал свое почти новое пальто, накинул на голое тело и пошел в люди. Пришел я в парк, а там народ отдыхает. Все, думаю, сейчас оголюсь, и сюда налетят другие вампиры да уничтожат меня. Я дождался, когда солнышко из-за тучки появится, подошел к одной компании поближе, чтобы всем видно было, распахнул пальто и закрыл глаза. Они, увидев меня, смеяться начали. Вот, думаю, люди невоспитанные пошли! Да что там смеяться. Ржать. Достали телефоны и стали меня фотографировать. Я обиделся и пошел к следующей скамейке. Там сидели какие-то пареньки... Короче, так я лишился последнего клыка... Но я не отчаивался. Я ходил и всем показывал, что, мол, я вампир... В итоге кто-то вызвал полицию, и меня быстро определили на пятнадцать суток. Потом, разумеется, выпустили, пообещав, что еще раз – и меня ждет принудительное лечение...

Пока Эдвард копался на кухне в поисках соломинки, я взяла какую-то бумажку с надписью: «Извещение».

Уважаемые кровососы и кровосисы!

Ввиду зафиксированных вспышек распространения заразных болезней кроваво-кусательным путем, просьба всем кровососателям пройти медицинскую комиссию. По поводу получения справки обращаться в кабинет № 666 Имперского департамента здравоохранения. Прием ведется с 00:00 до 00:15. Перерыв с 00:05 до 00:10. Инвалиды I группы (отсутствие более трех клыков) принимаются без очереди.

С уважением, Минздрав

Это они, конечно, здорово охарактеризовали гендерную принадлежность вампиров. Оправившись от первого приступа смеха, я решила почитать что-нибудь еще. Тут, кстати, на обороте что-то написано.

Видать, в целях экономии бумаги.

Уважаемые кровососатели!

Информируем вас об изменении в пенсионном законодательстве и увеличении пенсионного возраста. С завтрашнего дня пенсии по достижении преклонного возраста будут начисляться исключительно по достижении пятиста лет. Напоминаем, что пересчет пенсии по инвалидности осуществляется только при наличии вещественных доказательств (принесенных клыков).

Я прямо представляю, как в очереди сидят вампиры с мешочками, в которых лежат выпавшие клыки. О! Дракула... Ты, оказывается, уже пенсионер... Тебя в троллейбусе бесплатно катать должны... По удостоверению...

– Простите, а шланг от пылесоса подойдет? – поинтересовался Эдвард, показывая похожий на слоновий хобот серый шланг. Интересно, где он в этом мире нашел розетку? Или пылесос остался у него еще с тех времен, когда он прибирался перед приходом Беллы?

– А ты не лопнешь, деточка? – заявила я голосом из рекламы сока.

– Жаль... Вы будете не против, если я еще немного поищу... – Эдвард опять зашелестел какими-то бумагами и зазвенел бутылками.

– Были когда-то времена... – прокрихтел Эдвард откуда-то из кухни. – Ну, когда я только познакомился с Беллой... Я тогда готов был ее просто растерзать... Бывало, часами стоял и смотрел, как она спит. Слюна висела до колен... Я тогда ей сказал, чтобы она держалась от меня подальше... Даже угрожал ей... Говорил, мол, убью тебя, а она ни в какую. В итоге жалею...

– Жалеете, что не убили? – оживилась я, такого в фильме не показывали.

– Особенно тяжело было, когда у нее критические дни были... – Эдвард умолк и сглотнул.

Пристрелите меня! Я не хочу знать, что ищет голодный беззубый упырь на помойке...

– Я, наверное, пойду... – сказала я, понимая, что, скорее всего, поиски успехом не увенчаются.

Разочарованный Эдвард показался из кухни:

– Уже уходите? Жаль...

– Вы про мышей подумайте... Мышка – это не только ценный мех, но и пара миллилитров диетической, легкоусвояемой крови... – ободряюще сказала я, закрывая за собой дверь.

На улицах было безлюдно, но на душе было все равно беспокойно.

«Говорил, мол, убью тебя...» Странное чувство смутной догадки стало закрадываться в мою душу. Ну не станет нормальный мужик угрожать просто так незащищенной девушке. Пусть даже с чувством юмора, которого он, как ни прискорбно, не понимает. Пусть даже ради того, чтобы поднять чувство собственной важности в глазах своих знакомых. Ладно, подумаю об этом завтра.

Я шла, пытаюсь понять, куда вообще забрела. Эх, мне бы GPS-навигатор.

«Мы вышли из дома, когда во всех окнах погасли огни!» – тихонько пропела совесть. Совесть, а ты молодец! Так будет намного веселее идти.

Из подворотни появился какой-то странный мужик, одетый явно не по сезону, в длинном пальто и шляпе, и быстрым темпом пошел ко мне.

– Не проходи мимо, красавица! Джек-потрошитель! – сказал он, а в его руке что-то блеснуло.

Правильно говорят самоучители по женской самообороне, что, в случае чего, девушке нужно бежать в хорошо освещенное место. Но это явно не для того, чтобы получше рассмотреть насильника и убийцу. Очевидно, существует вероятность, что при хорошем освещении у маньяка просто отпадет все желание маньячить при виде неземной красоты потенциальной жертвы. Так я и сделала. Недалеко тускло горел фонарь, куда я и устремилась с грацией бегемотика.

Маньяк, разумеется, побежал за мной, ничуть не сбавляя темп.

– Товарищ Джек-петушитель, давайте считать нашу встречу ошибкой? – сглатывая, сказала я, глядя на темную фигуру, которая медленно, но верно приближалась ко мне.

Но маньяк отступать не планировал. Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу... Я попятилась, понимая, что дела принимают серьезный оборот.

Маньяк стал медленно подходить ко мне... Я поняла, что бежать некуда... И тут он ломанул на меня. Я зажмурила глаза и поняла, что вполне ожидаемого удара ножом не последовало. Осторожно открыла глаза. Маньяка и след простыл, а у меня в руках была новенькая красивая визитка в форме ножа. Бумажная, но выглядела она очень правдоподобно.

«Салон красоты „Джек-потрошитель“. Постоянным клиентам скидки! Мы сделаем вас красивыми! 100 % закрашивание седины!» – в этот момент я прокашлялась, проклиная столь эффективный маркетинг. На обороте визитки были сразу три адреса. Прачечная и магазин нового нижнего белья. Я так понимаю, на случай, если не отстирается... А чуть ниже: «Товары для самообороны».

Прошло еще минут пять, пока я смогла успокоиться. Я еще раз взглянула на визитку, которую после пережитого рука не поднималась выбросить, и подумала, что, слава богу, в нашем мире до такого еще не додумались. Не нужно подавать идею... Я посмотрела, какая сволочь делает такие визитки. Гномья типография. Адрес: улица Подземная, 5-а. Художественная нарезка – Страд Алец. Тираж 1000 экземпляров. Теперь я поняла, почему именно с такой фамилией идут работать в типографию. Еще бы! Это тебе не снежинки резать. Но главное здесь – тираж. Да с таким маркетингом и таким тиражом можно перегнать по кассовым сборам единственный работающий в радиусе двадцати километров платный биотуалет во время празднования Дня города.

Немного придя в себя, я решила продолжить свой нелегкий путь домой. В голове пролетела мысль о том, что зря я отказалась от любезно предложенной кареты. Кстати, его величество наверняка сейчас переживает за меня. И каковым же будет его разочарование, если я доберусь до дома Джио живой. Ну что ж, дадим судьбе еще один шанс.

Кстати, почему на улицах я еще не встретила ни одного стражника? Полная безалаберность! Кто будет защищать бедных жителей от разгула организованной и неорганизованной преступности?

И тут я услышала цокот копыт и шум колес. Причем звук приближался очень быстро! На том конце улицы мелькнули две кареты, которые с нехилым таким заносом развернулись и понеслись наперегонки. «Стритрейсеры», – промелькнуло у меня в голове. От греха подальше, быстро оценив ширину улочки и сообразив, что втроем мы тут ну никак не разминемся, я бросилась к какой-то двери и вжалась в нее что есть силы. Кареты пролетели мимо. Либо я так усердно вжималась лицом в дверь, либо дверь была покрашена, но я прилипла. С трудом отодравшись от нее, я увидела маленькую бумажечку с едва разборчивой надписью: «Осторожно, окрашено». Короче, я влипла. Интересно, какого я сейчас цвета? «Зеленого!» – подсказала совесть.

– Мой любимый цвет! – мрачно ответила я ей голосом моего обожаемого с детства ослика.

Немного поплутав, я вышла на главную улицу, которая, к слову, была вполне неплохо освещена. О! Знакомая парадная! Я почти дошла. Ура!

Открыв дверь, я радостно заявила: «А я уже пришла!» Мне никто не ответил. Все уже спали. Джио спал в кресле, а Андоримэль расположился на диванчике, подобрав под себя ноги. Ну что, пора будить моих друзей. Еды, разумеется, мне никто не оставил... Я посмотрелась в зеркало. Вид у меня был очень даже дружелюбный. Словно я только что сбежала со

съемочной площадки фильма ужасов, похитив часть реквизита. Вся перемазанная чем-то красным (все-таки совесть у меня – дальтоник!), с дизайнерской визиткой в форме ножа. А я ведь наивно думала, что меня тут ждут не смыкая глаз, переживают за меня, а они спокойно дрыхнут! В моем воспаленном бессонной ночью воображении возникла ужасающая по своим масштабам и предполагаемым последствиям месть.

– Подъем! – громко скомандовала я. И тут неожиданно раздался такой крик, что у меня чуть уши не заложило. Никогда не думала, что орк и эльф могут так художественно орать в унисон. Сразу видно, что они имеют прямое отношение к музыке! Так красиво сойтись на одной, причем такой высокой ноте могут только настоящие профессионалы!

Первым сфальшивил, как ни странно, мой учитель музыки. Джио все еще продолжать держать ноту, а Андоримэль закашлялся и сполз с дивана.

– Тише! Не нужно так орать! – возмутилась я, осматриваясь по сторонам. – Не привлекайте лишнего внимания соседей!

Я подошла к окну, отдернула штору и тут же задернула, словно специальный агент, увидевший за собой хвост.

– Все... – тихо выдохнула я, обхватив голову руками и плюхнувшись в кресло. В фильмах так всегда делали невольные убийцы после того, как невольно зверски убили своих жертв. В таких ситуациях душегубы очень раскаиваются в содеянном и думают, поместится ли труп в мусорный пакет целиком или лучше паковать по частям. Я помню, как в детстве смотрела с мамой и папой какой-то триллер, где маньяк вырезал всю свою семью. Он долго мучился вопросом, куда деть окровавленные тела. И тут, как обычно, все это прервалось на рекламу. И первым же роликом шла реклама пельменей «Моя семья». Я громко поинтересовалась, сколько пельменей получится из трех человек. В этот момент мои родители поняли, что воспитали чудовище.

– Что... значит... «все»? – сипло спросил мой учитель музыки. Его и без того большие глаза расширились так, что мне показалось, что именно с него рисовали героев японского аниме.

– Все, говорю... Проблема решена... Инцидент, так сказать, исчерпан... – ответила я, делая руки лодочкой и закрывая нос и рот. Эта мера предосторожности должна была скрыть наползающую на мое лицо улыбку.

– О боги, скажите мне, что это дурной сон... – простонал Джио, громко сглатывая.

– Да не расстраивайтесь так... – продолжила я, наслаждаясь произведенным эффектом. – Я думаю, что он зла на меня не держит...

Эльф дрожащими руками снял красивую пробку с графина с водой и отхлебнул прямо из горла. Причем, пока пил, успел раза два поперхнуться. Остатки воды он вылил себе на руку и приложил конечность ко лбу.

– Вы ведь мне поможете? – испуганно спросила я, чувствуя, что еще немного – и прысну. – Мне сейчас как никогда нужна ваша помощь...

Джио медленно закрыл глаза и упал в обморок.

Андоримэль быстро полез в карман и достал какой-то обрывок бумаги, где огрызком карандаша дрожащей рукой написал какое-то название.

– Вот корабль, который отходит на рассвете... Если ты успеешь в порт до утра, то сможешь сбежать. Капитана зовут Фенхель. Он мой старый друг.

Я прониклась чувством уважения к эльфу. Зря я так плохо думала о нем. А вот реакция орка меня разочаровала.

– Никуда я бежать не собираюсь! – заявила я, чувствуя, что шутку пора заканчивать. – Это не кровь. Это краска. Я испачкалась, пока шла сюда. Вот, понюхай.

Я поднесла руки к лицу Андоримэля. Тот втянул воздух и рассмеялся. Правда, смех был какой-то очень нервный.

– Сима... – выдохнул эльф, переходя с истерического смеха с иканием на натуральный плач с подвывом. – Я знаю тебя всего лишь два дня... И эти два дня я чувствую, что у меня скоро седина полезет раньше времени...

– А кстати, про седину! У меня визитка есть! Говорят, что закрашивают седину на сто процентов! – я бросила ему на колени картонный нож.

– А у меня... – простонал орк, пытаясь показать на пальцах, – вот такой... Нет, вот такой...

Я встрепенулась, не совсем понимая, размеры чего пытается показать Джио.

– Рубец на сердце... – закончил свою мысль орк.

– Ха! Так это вы меня всего лишь два дня знаете! У нас еще четыре дня впереди! Представляете, сколько всего интересного нас ждет! Вы себе не представляете! – радостно заявила я, глядя на испуганные лица, и тут же добавила: – А давайте мы тоже такие визитки сделаем и будем раздавать их в темном переулке. Знаете, как эффективно! А вообще я немножко устала... Хочу помыться и покушать...

Пока слуги грели воду, а я доедала либо очень поздний ужин, либо сильно ранний завтрак, Андоримэль деликатно поинтересовался, о чем, собственно, был разговор с его императорским величеством.

– Да так, ни о чем... Ну убить меня пообещал... – пожалала плечами я,

нагребая себе салатика.

– Надеюсь, ты снова шутишь... – осторожно заметил эльф, глядя на меня с некоторым подозрением.

– Нет, на этот раз я целиком и полностью серьезна... – ответила я, облизывая вилку.

Глава 17

Полная фопа, или Щель оправдывает средства

Хор пел на редкость ужасно. Конечно, трудно петь хорошо, четко выговаривая слова, когда у одной половины хора выбиты зубы, а у другой сломаны ребра. Оказывается, вчера вечером, пока я утешала императора, наши хористы занимались более интересным и прибыльным делом – халтуркой. И хорошо, что задаток они взяли заранее, в противном случае на стоматолога, или кто тут занимается лечением зубов, денег бы у них не хватило. А дело было так. Их пригласили на похороны какого-то очень знаменитого в узких кругах гнома. Вообще-то, я не понимаю родственников усопшего, зачем приглашать хор эльфов? Неужели у гномов нет самонадеянной самодеятельности? Очевидно, этот пункт был упомянут в завещании покойного, ибо другого объяснения столь возвышенному желанию приобщиться к прекрасному посмертно я не вижу.

Сначала ничего не предвещало беды. Здесь есть такая поговорка: «Напился, как на похоронах гнома». В связи с большим количеством спиртного «градусник неадекватно накалялся». И вот, в ответственный и очень грустный момент, когда дражайшая супруга, а ныне почтенная вдова полезла лобызать своего покойного супруга, один из хористов (сейчас выясняется, кто именно) крикнул: «Горько!» Конец оказался предсказуем.

В итоге репетиция была короткой и очень вялой. От запаха, исходившего от хористов, мухи дохли еще на подлете. А те, которым удавалось выжить, впадали в коматозное состояние. Зато грустное пение с невнятной дикцией усиливало душераздирающий эффект от моего номера.

– Мы пойдем вубы вштавлять... Мы уфе записфались... – произнес солист. Ему досталось даже дважды, в первый раз ему влетело, потому что он стоял ближе всех, а во второй раз уже при разборе полетов, потому что по ошибке сперва подумали на него.

– Исключено! – замахал руками Андоримэль. – До Империевидения зубы не вставлять.

– Это фто за ифдевательство? – зашелестел хор. – Мы так не фоглафны! Фадифт!

– Понимаете, обычным эльфийским хором сейчас уже никого не удивишь, а вот на беззубый эльфийский хор точно придут посмотреть.

Ладно, репетиция окончена. Если узнаю, что кто-то все-таки решил вставить зубы, то я лично выбью ему их повторно... – зевнул невыспавшийся, поэтому ужасно злой эльф.

По хору прокатился вздох негодования, но послушаться приказа руководства никто не осмелился.

– Фопа... – выругался один из хористов. – Полная фопа...

Джио появился не один. С ним был какой-то тщедушный человечек, похожий на крысу, с блокнотом и самописным пером.

– Знакомьтесь, – сказал орк, указывая рукой на мужичка. – Это самый известный корреспондент газеты «Вечерняя империя». Вы можете его знать под псевдонимами Шныра Говенная, Тварь Бессердечная и Критикус Анонимус. Он сегодня отправится с нами в наш благотворительный рейд. Сегодня будет вечерний выпуск вне графика, и статья о тебе будет на главной странице! Я договорился! Но сначала нужно ответить на парочку вопросов. Сима! Ты готова?

Я сглотнула. Полная фопа... Зря я смеялась над императором... Ой, чувствую, зря...

– Джио, а можно я поиграю в мою любимую игру? – спросила я, глядя на счастливого от своей предусмотрительности продюсера. – Игра называется «опоссум». Вы отвернетесь, а я прикинусьдохлой...

– Сима, шутки в сторону! Времени нет! – строго сказал Джио. – Приступайте, господин Шныра.

– Простите, пожалуйста, не могли бы вы присесть... – начал Шныра, уже делая заметки в своем блокноте.

У меня застучали зубы. В кресле стоматолога я и то чувствую себя намного комфортнее! Я краем глаза заглянула в его блокнот и прочитала слово «опоссум». Меня это совсем не порадовало.

– Итак, первый вопрос, – произнес Шныра. – Что вы можете сказать о своей личной жизни? Много ли было у вас мужчин?

Мля... Хорошее начало интервью. Очень многообещающее. Нужно думать, перед тем как что-то говоришь. Эта скотина все записывает.

– Секрет... – кокетливо ответила я, краем глаза глядя на Андоримэля, который невозмутимо сидел, закинув ноги на спинку стула следующего ряда, и читал список мест для посещения. Может быть, хоть он остановит это безумие. Ну есть же в нем капелька здравого смысла...

– Как вы оцениваете свою внешность? – спросил Шныра, посасывая перо.

– Критично, – сглотнула я. «Вы имеете право хранить молчание. Каждое слово может быть использовано против вас в суде!» – подсказала

совесть, вспоминая какой-то фильм про бравых полицейских.

– У вас есть комплексы? – спросил Шныра, записывая мой предыдущий ответ.

– Раньше у меня их было много... Но я сумела с этим справиться... – ответила я, чувствуя, что где-то есть какой-то подвох.

– А как вы оцениваете политику императора? – задал вопрос журналист.

– На пять с плюсом, – ляпнула я, надеясь, что если меня посадят, то не по политической статье.

– Вы раньше занимались пением? – спросил журналист, скрипя пером. А этот прохиндей подготовился основательно.

– Конечно... Но потом пришлось перестать, – выпалила я, чувствуя гордость за свои односложные ответы. Тут уже не придерешься...

– Как отнесся к вам император? Правда ли, что ему сначала не понравилась ваша кандидатура? – не отставал от меня Шныра.

– Ну, вы же сами видите... – ответила я, вымученно улыбнувшись.

Журналист все записал и тут же отправил посыльного, чтобы гонец отнес интервью в редакцию. Я выдохнула с облегчением. Мы немного проехали по городу, в рамках моей благотворительной кампании. Сначала нас занесло в детский дом им. Спинно-Грыза, где дети, увидев меня, рыдали и кричали, что я приехала их съесть. Также я узнала, кому этот детский дом обязан столь классным названием. Анабель Спинно очень любила детей, но денег на приют у нее не было. И тогда ей финансово помог орк по имени Дорак Грыз. Поставить фамилии основателей в другой последовательности никто не догадался. Детей долго уговаривали вылезти из-под кроватей, но они наотрез отказались. В итоге на деньги, которые я пожертвовала, они обещали поставить мою статую в полный рост и заказать несколько портретов, которые повесят в каждой комнате перед каждой кроваткой.

Потом мы побывали в приюте для погорельцев «Уголек», где не было ни одного постояльца, зато все стены были увешаны рекомендациями, как действовать при пожаре. Мне показалось, что инструкции, хоть и верные, правда, немного запоздавшие, но администрация так не считала. На те деньги, которые мы пожертвовали якобы от моего имени, они обещали сделать новые стенды «Огонь шутить не любит» и «Как спасти свое имущество от пожара».

В приюте для животных «Кабыздох» при виде меня все животные заматались в клетках и заорали дурными голосами.

– Это они так радуются! – пояснил управляющий. Я заметила.

Особенно когда один пес при виде меня нафурил в опилки и прикинулсядохлым. На те деньги, которые радостно загреб управляющий, мне пообещали, что улучшат качество питания для животных. Меня это порадовало. Я вообще зверюшек люблю... А вот тех, кто за ними ухаживает, уже нет. Все днища клеток были проложены листовками участников Империиовидения. В клетке с какими-то птичками я увидела и свой, с трудом различимый под слоем какашек портрет. Да, шоу-бизнес – это грязное дело. Надеюсь, что это к деньгам...

Меня отвели к улитке-предсказательнице. В огромном аквариуме сидела малюсенькая улитка, а вокруг нее были разложены портреты, вырезанные из листовок участников Империиовидения. Мне пояснили, что она всегда ползет к тому, кто победит. Пока она ползла в сторону Мэй Донны и в мою. Ползла без фанатизма, с передышками, как при закачке пятигигабайтного торрента со скоростью один килобит в минуту. До точного прогноза пройдет еще недели две. Ничего, я терпеливая. Я дождусь.

Потом мы оказались в приюте для эмигрантов «Валидо Мой», названного в честь очень гостеприимного человека Валидо Моя! Этот гражданин был настолько гостеприимен и толерантен, что, судя по всему, даже сменил имя, как бы намекая на свою гостеприимность. Жаль, что этот товарищ уже давно умер, унеся тайну своего гостеприимства с собой в могилу. На мои пожертвования в приюте обещали купить новый замок на входную дверь и засов, чтобы запираить ее изнутри. Я не выдержала и попросилась сходить в туалет, где внезапно обнаружила вместо туалетной бумаги пачку листовок со своим портретом. Как тяжело быть звездой...

В доме для душевнобольных «Узбагойся» меня встретили радушно. Особенно санитары. С чисто профессиональным интересом они рассматривали меня, в надежде найти психическое отклонение, несовместимое с социальной жизнью. Мне показали сорок человек, которые в один голос утверждают, что они – император, потом показали еще парочку, которая орет, что это не их мир и что они попали сюда случайно. Они требовали телефон для звонка родным и телевизор. Совсем безнадёжные... Одна девушка возомнила себя... невестой императора. Теперь у нее есть большая проблема выбора из сорока императоров. Другая очаровательная девушка считает себя мной. И ест по десять раз в день, в надежде догнать меня в моей весовой категории. Она поступила совсем недавно, поэтому целители даже еще не придумали, как ее лечить. Администрация пообещали мне койко-место в лучшей палате в качестве благодарности за мой щедрый дар. Спасибо, друзья... Я как-нибудь мимо

постою.

На всю благотворительность у нас ушло не больше часа. Журналист отправился готовить статью, я попросила остановить карету и купила пирожок, который мне осторожно завернули в мой собственный портрет. Вот она, народная любовь.

Когда мне принесли вечерний внеурочный выпуск газеты, я поняла, что смерть – это самое легкое из того, что мне грозит при следующей встрече с императором. На главной странице красовались мой портрет и интервью под заголовком, от которого я почувствовала себя, мягко говоря, нехорошо... Я медленно перечитала заголовок еще раз, чтобы убедиться, что это не игра моего больного воображения...

Называлась статья просто: *«Цель оправдывает средства!»*

Тут же красовался мой злобный портрет в стиле «ее разыскивает полиция за каннибализм, убийство и изнасилования. Вооружена и очень опасна. При сопротивлении – стрелять на поражение».

Я почувствовала легкую дрожь в коленках и тут же присела на диванчик, жадно вчитываясь в каждое слово.

«Сегодня мне удалось пообщаться с замечательным человеком. Эта удивительная женщина является примером для всех нас только потому, что, несмотря на все трудности, смело идет **вперед**. Я имею честь взять интервью у той, которая называет себя Леди Баба...

Ж. Что Вы можете сказать о своей личной жизни? Много ли было у Вас мужчин?

Леди Баба с грустью взглянула на сидящего неподалеку очаровательного эльфа. На секунду мне показалось, что между ними что-то есть...

Л. Б. Раньше у меня их было много... Но я сумела с этим справиться...

Ж. Как вы оцениваете свою внешность?

*Эта **частолюбивая** женщина посмотрела на меня с вызовом, и я увидел огонь в ее глазах.*

Л. Б. На пять с плюсом.

Мне на секунду даже стало стыдно, что я задал такой вопрос женщине.

Ж. Вы раньше занимались пением?

Это был настоящий вызов для нее. Мне показалось, что вопрос ее обидел, поэтому ответила она немного односложно, пожав плечами.

Л. Б. Ну, вы же сами видите...

Ж. А как вы оцениваете политику императора?

Леди Баба почему-то побледнела. Этот вопрос, очевидно, застал ее

врасплох, поэтому она ограничилась одним только словом.

Л. Б. Критично.

Меня поразили ее смелость и отвага. Не каждый осмелится так явно выражать свой протест против политики императора, будучи его протеже...

Ж. Как отнесся к Вам император? Правда ли, что ему сначала не понравилась Ваша кандидатура?

Ее ответ поразил меня. Столь откровенного ответа на столь провокационный вопрос я никак не ожидал.

Л. Б. Конечно... Но потом пришлось переспать...

В ее глазах читался девиз: „Щель оправдывает средства!“ Она готова защищать часть империи, потому как точка разврата уже пройдена!»

Это конец. В этой короткой статье я вижу гильотину, четвертование моих останков с последующим торжественным сожжением их на огромном костре. И это только после смерти. Что ждет меня до смерти, я даже представлять не хочу. Холодный и липкий пот стал струиться по моей спине, а руки предательски задрожали. Мало того что тут и какая-то мифическая связь между мной и эльфом, постельная сцена с императором, которой не было и быть не могло, так еще и критика существующего режима. Мне почему-то захотелось подарить этому журналисту коробочку с запятыми и веревку. А себе купить яду... Лучше цианистого калия. Превентивно, так сказать... Мне пришлось бы высверлить дупло в зубе, вложить туда ампулу и в нужный момент ее разбить или разгрызть... А все этот зеленый виноват! Нужна статья, нужен пиар! У них там что, на станке Т9 стоит? Да на такой Т9 нужен как минимум Т-34.

Я легла на кровать, накрылась одеялом с головой и стала отчаянно грызть ноготь, мучаясь вопросом, где в этом мире продается цианид и как самостоятельно себе сделать дырку в здоровом зубе... В дверь тихо постучали. Я прикинуласьдохлым опоссумом. В дверь снова постучали.

– Кто там? – спросила я, высунув голову из своего убежища.

– Это я, открой... – раздался знакомый голос моего учителя пения. Наверное, бедолага еще не знает, что мы с ним, по уверениям журналиста, любовники. Стоит порадовать его столь неожиданной новостью.

– Заходи... – простонала я, снова прячась с головой под одеяло.

– Ты чего? – настороженно спросил Андоримэль, скрипнув стулом. Потом я услышала шорох газеты, которую я бросила на пол. Через пару минут раздался тихий голос эльфа:

– Подвинься? Там, под одеялом, еще есть место? – в его голосе

слышалась тихая истерика. – Я тоже очень хочу спрятаться...

– Не хватало, чтобы нас с тобой под одним одеялом застукали! Я теперь не то что чихнуть, я теперь дышать в твою сторону боюсь... – простонала я, заворачиваясь в свое иллюзорное убежище.

– Может, не все так плохо? – ласковым голосом спросил эльф. – Может, ты зря расстраиваешься?

– Может... Но я бы не надеялась... Следующий выпуск будет после Империевидения, и если там будут извиняться, то, может быть, есть шанс отделаться каторгой... – всхлипнула я.

– Ну до мероприятия тебя никто не тронет... А после я попытаюсь объяснить его величеству, что это очередная журналистская ошибка... – сказал Андоримэль, присев на край кровати. – Тебе пока не стоит сильно переживать... Я думаю, что император все поймет...

– Боюсь, что у него мозгов не хватит понять это! – возмутилась я. – Он вообще какой-то припадочный. Спасибо, хватит. Я уже была вызвана на ковер к нему и прекрасно все видела. А причиной были какие-то слухи, что мы с тобой... Ну ты понял...

– Я уверен, что он прекрасно все понимает... – сказал Андоримэль и тут же поменял тему. – Ты знаешь, все мы не такие, какими кажемся на первый взгляд. Кто-то прячет свое настоящее «Я» по долгу службы, кто-то – чтобы казаться совсем другим человеком и производить хорошее впечатление на людей. Я знаю, что ты заколдована. И ты участвуешь во всем этом ради того, чтобы снять с себя это заклятье. Не пойми меня неправильно, но ты выбрала не самый легкий путь для достижения цели. К сожалению. Раньше я думал, что ты обычная выскочка, которая хочет славы и почета. Теперь я полностью изменил свое мнение. Но путь, который ты избрала, – это самый тяжелый путь из всех возможных. И не факт, что он приведет к столь желаемому результату.

Я встала прямо на кровати, накинув одеяло на плечи, и произнесла:

– Хорошо! И что ты предлагаешь? Отказаться и бросить все? Искать дурачка, которому нужна толстая уродина? Отлично! Вот ты бы смог меня полюбить такой, какая я есть?

– Нет, – покачал головой эльф. – Я бы не смог тебя полюбить...

– Вот видишь! Найди такого идиота, который смог бы это сделать! Да меня даже в моем обычном облике полюбить не смогли! – выпалила я, присев на кровать.

– Знаешь, настоящая любовь – это то, что бывает не так уж и часто... Иногда любовь, которую принято называть настоящей, поначалу на любовь и вовсе не похожа... – глубокомысленно заявил Андоримэль.

– Тебе, блин, только статусы для «Контакта» писать... – буркнула я. – Я уже сомневаюсь, что кому-то, пусть даже императору, удастся вернуть мне прежний облик. Зря я все это затеяла...

– Я понимаю, что ты страдаешь и мучаешься. Я не могу говорить ничего плохого об императоре, но, знаешь ли, мне иногда кажется, что у тебя есть талант выводить людей из себя.

И тут в комнату без стука влетел Джио, сжимая в руках конверт. Опять спам от императора. Глядя на конверт, я молча накрылась одеялом, заверещав, что никуда не поеду и если ему так надо, то пусть убивает меня прямо здесь!

– С тебя нужно снять мерки! – сказал орк.

– Что? Уже? Мне казалось, что после этого меня просто соберут в газетку. Возможно, даже в эту! – ответила я, вспоминая синее пламя, которое вырывалось из рук императора.

– Какая газетка? О чем ты? Сегодня ночью будет бал! Ты должна там присутствовать в обязательном порядке! Этот бал дается в честь открытия Империовидения! Там должны присутствовать все участники! – воскликнул Джио. – Тут три приглашения.

– Андо, будь другом, объясни этой зеленой поганке, что я никуда не поеду! – проскулила я.

– Джио, ты слышал, что она сказала? – спокойно произнес эльф. – Она никуда не собирается ехать. Сима очень расстроена и огорчена статьей, которую ты вчера заказал. Я был неподалеку и прекрасно слышал, что она такой ерунды не говорила. Мое личное мнение – она имеет право обижаться.

– Это что еще за новости! – возмутился Джио. – Поедешь как миленькая! Это приказ императора!

Где-то зашуршала газетка... Ну да, жаба-переросток, взгляни, как твои журналюги оболгали честную девочку! Я была переполнена праведным гневом.

– Караул... – прошептал орк, присаживаясь на кровать.

– Ты это еще мягко сказал... – меланхолично бросил эльф. – Я бы назвал это, выражаясь языком моих подчиненных, «полная фопа». Кстати, статью про благотворительность можно даже не читать... Больше всего меня умилила фраза: «Гадостное настгоение после пгиезда Леди Бабы было всем обеспечено». Но вот воистину шедевр: «Ее гавнодушие не гаспгостганяется на обездоленных и сигот».

– Но это не повод игнорировать приказ императора... – как-то не совсем уверенно сказал Джио. – Не усугубляй ситуацию!

– А дулю вам тридцатого калибра! Болт на триста двадцать и разводной попковый ключ! Мое «гавнодушие» распространяется на этот светский раут! – возмутилась я. – Я еще слишком молода, чтобы умирать! Кстати, Андоримэль, твой друг, этот... как его... Хинкаль еще не отплыл? Может быть, я успею?

– Не успеешь... Тебе все равно придется ехать на бал. Я думаю, что это будет хорошая возможность развеять все сомнения относительно твоей чести. Джио, а сколько ты заплатил за статью? – поинтересовался эльф. – Может быть, ты обещал расплатиться после публикации?

– Нет, я сразу заплатил всю сумму... Но я же не знал, что тут будут маленькие ошибочки! – ответил мой продюсер.

– Фигасе, ошибочки! Да они полностью перепутали все ответы на мои вопросы, приведя меня тем самым в «гадостное» настроение, – заявила я, вылезая из-под одеяла. – И сейчас мое «гавнодушие» целиком и полностью распространится на тебя, мой зеленый друг.

Я бросилась на Джио с криком: «Щель сейчас оправдает все средства!», но, запутавшись в одеяле, упала с кровати. Я понимаю, что многие были обязаны своей жизнью одеялу и кровати, но сегодня орк еще раз мог поблагодарить и то, и другое.

– Не ушиблась? – участливо поинтересовался эльф, помогая мне встать.

Весь мой гнев куда-то испарился, а в душе появилась решимость. Если уже начала дело, то нужно довести его до конца. Тем более что умереть от рук такого красавца, не такая уж и плохая смерть... «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» – изрекла совесть, но я проигнорировала ее.

– Поехали! Я отвезу тебя к своему портному. Через пару часов платье уже будет готово! – заявил Джио.

– А я пока съезжу домой. Давненько меня там не было. Почту проверю... – сказал Андоримэль, словно у него был там wi-fi и ноутбук.

Карета, которую подали через пять минут после этого разговора, уже везла меня и Джио к какому-то храброму портняжке. Уже на подступах к ателье меня стали настораживать деревянные манекены. Точнее то, что на них было, прости господи, надето...

Первый манекен стоял в шубке, которую явно позаимствовали у вокзального бомжа. мех, из которого ее сшили, был трудноопределим, поэтому условно был идентифицирован мною, как «чебурашка». Драная и свалявшаяся чебурашка смотрелась просто восхитительно в совокупности с сапогами, похожими на гипс, только что снятый с ноги какого-то бедолаги из травматделения. Дальше – больше! Соседний манекен поверг меня в

ужас. На нем висело платье, которое больше смахивало на черный пакет для строительного мусора. Единственным украшением к платью были бусы из – вы не поверите! – жестяных пивных пробок. К платью прилагались туфли из пластиковых бутылок с прорезями для ног. Сердце сжалось еще сильнее, когда я увидела мужской костюм, сшитый из радужной ткани с кружевным жабо. К мужскому костюму прилагались штаны с сердечком на том самом месте и мохнатые ботинки.

– Чезанах! – вырвалось у меня при виде всего этого безобразия.

– О! Ты знаешь этого дизайнера! Че Занах – самый известный модельер современности! – заявил Джио, поправляя свою розовую манжету. – Я одеваюсь исключительно у него! Он просто гений. Такие смелые и стильные решения, такой тонкий вкус и такие дорогие материалы!

– Нет! Категорически нет! – уперлась я, чувствуя, что «платье-мешок, шляпа-горшок» – не самый худший вариант.

– Я понимаю, что это очень дорого... – вздохнул орк. – Но на балу ты должна выглядеть великолепно и экстравагантно!

– Можно я в шторку обмотаюсь? А? – с надеждой спросила я.

– Не нужно экономить на себе! Пойдем! – сказал Джио, вылезая из кареты.

Если честно, то я пошла за ним только из-за того, что мое больное воображение и неумное любопытство требовали посмотреть остальные шедевры высокой моды.

Мы зашли в очень богато обставленный холл, где тоже стояли манекены. Я содрогнулась при виде миниатюрного платья цвета розового перманентного маркера с зелеными оборками и аксессуаром в виде сумки, напоминающей дохлую кошку. На другом манекене красовалась шуба. По сравнению со всем остальным она выглядела почти прилично. Я даже решила посмотреть на нее поближе...

– О! Тебе понравилась шуба из мышиноного меха? – спросил Джио. – Это последний писк моды. Я себе уже купил такую. Пять тысяч золотых выложил, но считаю, что она того стоит!

«Допищалась мода...» – подумала я, глядя на браслет из мышинных хвостов, который шел в комплекте с шубой.

Тем временем послышались шаги. Нам навстречу вышел, а точнее, выкатился лысый колобок, одетый так, словно сам одевался на детский утренник. На голове у него были ушки, словно у зайца, потом шла рубашка, заправленная в шорты где-то под грудью. На шортах, там, где обычно размещается ширинка, красовался белый пушок... Вообще-то логика

подсказывала, что это хвостик и, судя по всему, шорты были надеты задом наперед. Потом шли колготы и разноцветные ботинки. Не дай бог это и есть кутюрье...

– Оу! Че! Ты прекрасно выглядишь! – голосом гламурной кисы начал Джио. Ну хоть целоваться не полез.

– И ты, Джи, тоже красавец! Вижу, ты привел с собой даму! – противным голосом сказал колобок.

– И эту даму нужно одеть по первому разряду! Чтобы все ахнули, увидев ее красоту! – заявил орк, рассматривая платье, сшитое из каких-то тряпок. Именно такое я всегда представляла на главной героине, когда читала сказку про Золушку, в первом акте, когда бедняжка перебирала чечевицу. Если бы я была злой мачехой, то смешала бы манку с сахаром и солью. Это было бы куда более интересным и полезным занятием!

– Оу! Мы сейчас снимем с тебя мерки, красавица... – сказал Че, доставая рулетку. – Итак... Талия у нас 180... угу... Грудь у нас 179... Бедра у нас... Ой! Рулетки не хватает!

– Слушай, мужик! – возмутилась я. – А тебе обязательно все это комментировать? Можно это делать молча?

– Да она у тебя с характером! Хм... Я сошью для нее особое платье! Все ахнут, когда его увидят! Вечером его тебе завезут вместе со счетом!

– Отлично! Я полагаюсь на твой вкус, мой дорогой! – радостно заявил Джио.

Я упорно тянула его к выходу из этой модной кунсткамеры, чувствуя, что еще немного – и моя фантазия начнет представлять это платье во всей красе... Джио ненадолго задержался у витрины с брошками в виде куриных лапок, но я неумолимо потащила его по блестящему полу на свежий воздух.

– Прости, мы очень торопимся! Про туфли не забудь! – крикнул Джио своему колобкообразному другу. Тот кивнул и с энтузиазмом побежал творить...

– А теперь – в салон красоты... – скомандовал Джио кучеру, и карета тронулась. Я чувствовала, что еще немного – и сама тронусь умом. Господи, дай мне это развидеть...

В салоне красоты меня встретили учтиво и тут же усадили в кресло, которое развернули подальше от зеркала. Пока Джио объяснял, какую прическу он хотел бы видеть на моей голове, я попыталась сбежать... Но меня перехватили у входа и вернули на место. Тут же ко мне подлетела какая-то эльфийка, покрашенная во все цвета радуги, и принялась работать с моими ногтями. Почему-то это меня немного успокоило... Тут же

подлетели еще две красавицы и стали заниматься моим педикюром. Боже... Какое блаженство... После того как из под моих ногтей выковыряли всю грязь, мне показалось, что сейчас они побегут давать объявление: «Земля. Недорого! Опт!»

Тем временем я почувствовала, как мое кресло наклонилось и мне начинают мыть голову. Нет, все-таки не зря я сюда приехала... После того как мои волосы высохли, мне стали делать прическу. Я закрыла глаза и почувствовала, что засыпаю. Меня всегда клонит в сон в кресле у парикмахера, а тут еще и полный комплекс услуг, включая макияж. Очнулась я только тогда, когда меня потормошили за плечо. Я встрепенулась, увидев весь штат салона красоты, который стоял передо мной, демонстрируя свою работу. Кто-то медленно повернул меня к зеркалу, и... «И мое сердце остановилось... Мое сердце замерло...» – пропела совесть, но тут же спохватилась и попыталась реанимировать мое сознание.

На меня смотрело оно. Мое большое многослойное лицо. Все волосы были собраны в огромную прическу. Я так понимаю, что моих родных волос не хватило, поэтому пришлось использовать накладные. Этот многоярусный кошмар был зеленого цвета. Прямо в прическе торчали разноцветные заколки, и все это было увито бусами. В самом верху красовалась какая-то штука, напоминающая звезду. «В лесу родилась...» – жалобно начала петь моя совесть, но тут же получила по голове. Ну теперь я точно буду в центре внимания. Соберем хоровод. Большой хоровод, пусть ходят вокруг меня. Чем не культмассовая программа? А если мне принесут бокальчик чего-нибудь покрепче, то елочка не просто зажжется. Елочка так будет зажигать, что этот утренник запомнится гостям надолго. А слабонервным – на всю жизнь. Я присмотрелась к макияжу и поняла, что мне приклеили ресницы, которые при моргании вызывали поток воздуха, сдувающий все на своем пути, вокруг глаз сделали обводку в стиле «Крошка Енот». Румянец придавал моему бледному лицу чахоточное выражение, а ярко-алые губы напоминали попу павиана.

Я медленно поднесла руку к лицу, чтобы почесать нос, который чесался от обилия пудры, но тут же увидела свои ногти. Это был пятисантиметровый ужас зеленого цвета, заточенный как стилеты. Эдвард Руки-ножницы посмотрел бы на меня с завистью и случайно сделал себе харакири, неудачно почесавшись.

Мои глаза упали на вывеску: «Магическое наращивание ногтей и ресниц! Гарантия прочности – 12 часов».

Сима, какие-то двенадцать часов потерпеть... Глаз с накладной

ресницей стал дергаться, создавая колебания занавески напротив, а когти мечтали впитаться в чью-то шею. Ну по поводу ногтей я не переживаю. Если кто-то что-то мне не так скажет или не так посмотрит... хрясь! И все... Скидывайтесь на поминки...

Перед уходом мне предложили приобрести целую серию косметики «на драконьих яйцах». Стоила она непомерно дорого, но эффект, как объяснили мне, почти моментальный. Кожа стягивается, морщины разглаживаются, лицо становится похожим «на попу младенца». Я отказалась, аргументируя очень высокой стоимостью, хотя правильнее было бы объяснить, что попа вместо лица меня явно не устраивает. Мне тут же стали доказывать, насколько редкий ингредиент эти «драконьи яйца» и что не так-то просто их... отрезать... Судя по целому стеллажу, который красовался у входа, я понимаю, почему у драконов демографический кризис. Но просто так отпускать меня не хотели. Мне попытались втюшить шампунь для лысых, намекая на то, что еще немного – и можно складывать мои волосы в пакетик. Потом мне притащили огромный пузырь с бальзамом после бритья и эпиляции «Крапивушка» и жидкость для снятия макияжа вокруг глаз «Луковка». Ничего из вышеперечисленного я покупать не стала.

Ладно... Осталось посмотреть на платье... Судя по времени, его уже должны были доставить по указанному адресу.

Расплатившись с салоном красоты, мы двинулись домой. В голове вертелась одна-единственная мысль. Только бы у меня ничего не зачесалось. Это же как минимум тяжкие телесные, а то и верная смерть... И тут, как назло, начали чесаться веки от обилия теней, нос от пудры, шея от пота, ляжка от нервов... Борясь с этим смертельно опасным желанием, я мечтала о том моменте, когда мои, не побоюсь этого слова, «когти» отпадут сами собой.

У дома нас уже ждал слуга, отпрапортовав, что привезли какую-то коробочку и счет. Игра в битву экстрасенсов закончилась со счетом 1:0 в пользу коробочки. Когда на свет божий извлекли это платье, я ах... ахнула от ужаса и удивления. Представьте себе чулок телесного цвета. Только не такой узкий, а очень широкий, такой, чтобы туда поместилось все тело. На стратегических местах были заплатки. Ровно четыре штуки. Три спереди, одна сзади. Из коричневого меха.

– Я такое не надену! Вы что? Измываетесь? – заорала я, бросая взгляд на туфли. Инквизиция возликовала и побежала вносить эти туфли в каталог пыточных изделий. Это были хрустальные лабутены.

– Я никуда не поеду! – заорала я, пулей метнувшись в выделенную мне

комнату. – Пусть меня хоть силой тащат! Пусть меня расстреляют на месте!
В таком виде я и шагу на улицу не сделаю!

Глава 18

Я и бал

После часовых уговоров под моей дверью, после угроз и увещаний меня удалось уговорить померять этот ужас. Не без тайной надежды, что своими когтищами я его порву, я забрала это платье вместе с туфлями из рук насмерть перепуганного слуги и захлопнула дверь. Порвать мне его не удалось. Эта жуть была сделана на совесть. И я, от нечего делать, стала натягивать его на себя. «Смотри не перепутай, Кутузов!» – выдала мне совесть, намекая, что стоит перепутать зад и перед, как эффект усилится стократно. В итоге я натянула этот ужас на себя, мысленно отмечая, что передвигаться в нем я могу, как паралитик, мелкими неуверенными шажками. Чувствуя себя жирной гусеницей, я потянулась за туфлями. Размер был мой... Правда, в таких туфлях я могла только стоять. Стоило попытаться сделать шаг, как тут же ноги начинали болеть со страшной силой. Чтобы дойти до окна, мне понадобилось двадцать шажков. Ничего! Для бешеной собаки пятьдесят километров – не крюк! Где-то в глубине души закрались сомнения относительно содержания письма-приглашения на бал. На секунду мне показалось, что там рукой императора было дописано: «И одень ее так, чтобы она перед смертью сильно морально и физически мучилась!» Снимать трусы я отказалась категорически, предпочтя скрыть хоть что-то от глаз гостей. Я подошла к зеркалу и сделала селфи. Пусть именно эта фотография украсит некролог. Хотя нет. Тогда все поймут, что меня убили за дело.

В дверь постучались и поинтересовались, можно ли зайти. Я спряталась за штору, чувствуя, что деньги за просмотр стоит брать наперед, и желательно золотом.

– Не вздумайте! Это ужасно... – надрывно крикнула я.

Дверь открылась, и на пороге стоял Андоримэль, одетый так, что у принца из сказки отвисла бы челюсть и появился комплекс неполноценности. Белоснежный камзол с серебристым шитьем, роскошные сапоги, штаны с вышивкой, белоснежные перчатки и трость. Позади него стоял Джио в зеленом чешуйчатом фраке, в каких-то остроносых тапочках и в ковбойских штанах с бахромой. Ковбой Мальборо сел на верблюда Кэмэл и ускакал смотреть рассвет над Беломорканалом.

– Я думаю, что ты немного преувеличиваешь! – улыбнулся эльф,

протягивая руку, чтобы сдвинуть штору.

– Нет, мля... Я немного преуменьшаю! – рявкнула я, заворачиваясь в шторку, как гусеница в кокон. Еще немного, и из кокона выскочит и выпрыгнет толстая, немного мохнатая, бескрылая бабочка, а зрители оуклятся от ужаса.

– Да ладно, пора уже ехать... – сказал эльф, дергая штору. – Времени почти нет...

Ах так? Ну ладно, сволочи! Получайте! Да вытекут ваши глаза, садисты!

Я распахнула шторку. Тадам!

– Любуйтесь! Красота, не так ли? – язвительным голосом сказала я, с ненавистью глядя на Джио.

Эльф покраснел от смущения. Теперь он смело может играть синьора Помидора без грима в Театре юного зрителя.

– А ты точно не замерзнешь? – прокашлялся Андоримэль.

Ути-пути, какой ты заботливый!

– Нет, замерзнут те, кто это увидят! – рявкнула я.

– Джио! Ты рехнулся? Это же ужас какой-то! Где вы нашли эту мерзость? – воскликнул эльф, отводя глаза.

– У Че Занаха. Между прочим, это платье стоит столько, сколько стоит твоя карета! – обиженно заявил орк.

– Да плевать, сколько оно стоит! Это просто извращение какое-то! – поежился эльф, стараясь не смотреть на весь этот маскарад.

– А по-моему, очень мило! – сказал Джио обиженным голосом. – Я бы сказал, эротично! Как раз для той, которая выдает себя за возлюбленную его величества!

Эльф поперхнулся, но промолчал. Очевидно, его представления об эротике явно не соответствовали увиденному. Мои, кстати, тоже. Хотя что тут плохого. Что естественно, то не без оргазма.

– Ну что, мы едем или нет? Карета подана! – воскликнул орк. – Ах да. Наденьте маски... Я тут как раз приготовил. Император хочет, чтобы все были в масках.

– Мне маску Фредди Крюгера, пожалуйста! – попросила я, чувствуя, что только эта маска способна спасти мой образ.

– Я не знаю, кто такой Фредди Крюгер, но у меня есть вот это... – сказал орк, выкладывая три маски. Первая была зеленой, похожей на крылья дракона. Судя по материалу, из которого она была сделана, и по фасону, ее Джио заготовил для себя. Итого остается две маски. Свинка и петушок...

Эльф достал свою белоснежную маску с кошачьими ушами, тем самым поставив меня перед выбором. Последний раз я так тщательно выбирала антивирусник. В итоге я обреченно потянулась за свинкой. Я посмотрелась в зеркало и пару раз хрюкнула. Получилось очень смешно. Так что у меня появился шанс развеселить императора перед моей мучительной смертью.

Чтобы залезть в карету, мне понадобилось минут десять. Я чувствовала себя стреноженным конем. Платье немного перекрутилось, поэтому мне пришлось его в экстренном порядке крутить обратно. Всю дорогу я сидела в ужаснейшем настроении, чувствуя, что такого позора я никогда не переживу. Ковыряя огромным когтем обшивку, я понимала, что дело заходит слишком далеко. От переживаний или в предвкушении пьянки у меня почему-то жутко зачесался нос. Я попыталась почесать его о занавеску, но это не спасло.

– Кто-нибудь, почешите мне нос, а? Я же себе при такой тряске глаз выколю... – простила я, показывая когти.

Эльф, который сидел напротив меня, потянулся и почесал мою картошечку. Господи, какое наслаждение. Неужели мне придется весь вечер просить кого-то почесать меня? А что будет, если у меня зачесется попа?

Когда мы вышли из кареты и пошли в сторону играющей музыки, я поняла, что праздник организован под открытым небом, а темнота – не только друг молодежи, но и лучшая подруга Симы. Везде горели магические огни и свечи, а на лужайке стояли шатры, в которых были накрыты столы. Слава богу, можно тихонько постоять в сторонке. А если что, нырнуть в кусты! Я даже как-то расслабилась. Эльфийский оркестр играл какую-то легкую музыку, слуги ходили с серебряными блюдами и разносили закуски. Правда, ковылять по траве в таких туфлях, как у меня, было сомнительным удовольствием, поэтому я решила разуться при первой же возможности. Я снова проверила платье. Вроде бы пасьянс сошелся, так что не стоит делать резких движений.

Я взглядом поискала других участников. Они, разумеется, были в центре внимания. Белокурая эльфийка Мариэль Мэрло в нежном платье и в маске зайчика собрала вокруг себя кучу юных ухажеров, которые смотрели на нее, как на богиню. Она скромно улыбалась и осторожно пробовала закуски. Роскошная кошка Мэй Донна в черном кружевном платье и черной кружевной маске кошки интриговала мужчин постарше. Она смеялась, красиво опрокидывая бокал и томно облизывая губы. Гном Джейг Урдан в маске льва собрал компанию выпивох и рассказывал что-то очень пошлое, но жутко забавное. Периодически оттуда слышались громкая отрывка и

неприятный смех. «УБИТЛЗ» сидели за столиком вчетвером в масках лягушек и о чем-то негромко переговаривались. Орк Спаси Хайло в маске петуха кружил вокруг какой-то дамы специфической наружности и не первой свежести, подливая ей в бокал вино. Другие дамы не первой свежести, мужья которых были так увлечены эльфийками, что забыли о своих законных половинках, тут же переключились на Спаси Хайло. Судя по всему, он им что-то пытался спеть. Огр сидел и молча смотрел на все происходящее, изредка поправляя свою маску мышки. Сам он был серым, похожий на горного тролля из «Властелина колец», одетого в какое-то рубище.

Я почему-то решила подойти к огру. Именно этот участник сильно интриговал меня. Пробравшись через толпу, я подошла к нему и вежливо поздоровалась.

Рядом с огром на столике стояло ведро, украшенное, как бокал, и лежал огромный жареный поросенок на серебряном блюде. Огр взглянул на меня, а потом хриплым голосом произнес:

– Моя твоя знать. Моя твоя уважать. Но если твоя победить. Моя твоя съедать.

Хорошее начало дружеской беседы. Я медленно стала отходить в сторонку и натолкнулась на какого-то мужчину с бокалом вина.

– Дама, вам, пожалуй, больше пить не стоит! – заявил он, дыша на меня винными парами.

– Обязательно учту ваш совет, – огрызнулась я, проклиная свои туфли и платье.

Наконец я решила последовать примеру огра и присесть за свободный столик. Мне тут же принесли выпивку и закуску, которую я попробовала. В другой раз тарелка была бы чистой за пять минут, но сейчас у меня что-то не было аппетита. Эльф и орк куда-то запропалились. Ага! Вон Джио стоит возле импровизированной сцены. Судя по его напыщенному виду и бумажке, которую он периодически читает, ему придется лезть на сцену и что-то говорить. Часы пробили десять. И Джио медленно поднялся на сцену под бурные аплодисменты всех присутствующих.

– Дамы и господа! – произнес он, привлекая всеобщее внимание. – Сегодня мы собрались здесь, чтобы отметить ежегодный конкурс, который призван объединить всех, кто проживает в нашем славном государстве. Какими бы разными мы ни были, мы все равно вместе. А теперь давайте все поприветствуем дружными аплодисментами его величество!

Н-да... Умер в тебе тамада, Джио. Тебе только свадьбы вести. Главное, чтобы не мою!

И тут на сцену поднялся император. «В белом плаще с кровавым подбоем...» – начала моя совесть, глядя на эту невысокую фигуру словно замороженная. Казалось бы, чего бояться. Не такой он и высокий. Метр семьдесят пять... Может быть, чуть выше... Худощавый, не накачанный. Он был одет в белоснежный костюм и маску под цвет костюма. На плечах у него лежал белый плащ, как правильно отметила моя совесть, с кровавым подбоем. Волосы были зализаны назад, поэтому у меня возникла ассоциация с Призраком Оперы.

– Я рад... – произнес император, – я рад, что нам удалось снова почувствовать себя едиными. Я знаю, скольких усилий стоило нам создать империю. Я знаю, на какие жертвы пришлось пойти ради этого. Пройдет еще немного времени, и мы все поймем, насколько это было важно для нас. Если не мы, то наши дети. Больше не будет войн, больше не будет кровопролитных сражений. Будут закон и порядок. Будет гарантия будущего. У каждого из вас. Я поднимаю этот бокал за вас. За всех присутствующих. За чистоту помыслов. За веру. И за любовь.

Он изящно отхлебнул из бокала и подбросил его в воздух, сделав странное движение руками. Бокал рассыпался на тысячи осколков, которые тут же взмыли в небо, превращаясь в великолепный салют.

Все стали аплодировать и охать от восхищения, кроме меня, разумеется. Чувствую, что наш программист когда-то бухал по-черному, раз умеет так красиво говорить тосты! Я, например, речи произносить не умею. Тосты – тем более. Обычно ограничиваюсь: «Пусть все мечты сбываются!» – а тут прямо целый проникновенный спич. То ли я слишком толстокожая, то ли я как-то не чувствую себя частью этой империи, но его слова так и не смогли проникнуть в мое сердце.

Оркестр снова заиграл, гости стали танцевать, а я молча сидела за столиком, мечтая, чтобы все это поскорее закончилось. Ко мне подошел в стельку пьяный мужчина в маске волка и хотел пригласить на танец, но, увидев мои габариты, постеснялся и спешно ретировался. Время шло, народ уже успел напиться и наесться всласть, поэтому вел себя более открыто и развязно. Прямо посреди праздника меня чуть не снесла компания пьяных поклонников Джейга Урдана, которые на спор решили проверить свои силы в армрестлинге. И выбрали для этой цели почему-то именно мой столик, откуда меня бесцеремонно согнали. Мне пришлось встать и искать себе другое место для посиделок. Ходить в туфлях было неудобно, и я украдкой разулась. От шума, гама и веселья у меня начинала болеть голова. Я решила найти какое-нибудь тихое местечко, чтобы пересидеть все это безобразие, которое, по услышанным мною словам,

продлится до самого утра. Часы пробили одиннадцать.

Я увидела огромный фонтан, который светился в темноте и играл всеми цветами радуги. Мне так захотелось подойти к нему и посмотреть, и я медленно и плавно двинулась в его сторону. Когда мой класс ездил смотреть такие фонтаны, меня оставили дома, потому как «целее будешь». Родители вообще старались меня никуда не отпускать лишний раз. И вот теперь мне стало так любопытно, что я подготовила телефон, чтобы сфотографировать эту красоту. На парапете фонтана кто-то сидел. Я подумала, что это какой-нибудь алкоголик, который решил освежиться, и решила постоять и подождать, когда он оттуда уйдет, чтобы мне не загоразживали пейзаж.

– Чего встала? – раздался голос. – Иди сюда, раз сама пришла...

Ощущение было неприятным. Я с туфлями в руках поковыляла к фонтану и поняла, что чуйка меня не обманула. Сейчас свинке будет плохо...

– Садись! Ненавижу, когда стоят над душой... Всегда ненавидел. Особенно когда через плечо заглядывают, – отрывисто сказал император.

Я напряженно села.

– На, срам прикрой! – Император отстегнул свой плащ и дал его мне. Я и сама почувствовала, что мне как-то прохладно.

Я приняла плащ из его рук, накинула на плечи и завернулась в него, чувствуя себя немного неловко. Но чувство неловкости быстро прошло, потому как стало намного теплее и комфортнее.

– Если ты думаешь, что я буду тебя ругать за интервью, – не думай. Мне глубоко все равно, – произнес он, проводя рукой по своим волосам.

– А как же критика власти? – с неким ехидством отозвалась я.

– Мне плевать на твое мнение. Мне плевать на мнения других. Я делаю то, что считаю нужным, нравится это кому-то или нет. Знаешь, что я обычно отвечаю тем, кто пытается меня учить тому, что я умею? Правильно. Сперва добейся, – выдохнул император. – Вот чего добилась ты, находясь здесь две недели? Самостоятельно – ничего. Ты была озабочена вопросом спасения собственной шкуры. И я уверен, что все свои чудесные спасения ты приписываешь своей смекалке и чувству юмора. Однако смею тебя разочаровать. Просто так ничего не бывает, ты ведь знаешь. И материнка просто так не сдыхает, и драйверы просто так не исчезают... Хотя наивным юзерам кажется, что это какая-то мистика. Так что сними свою корону, Сима, и перестань так думать.

– Ты что? Пьяный, что ли? А ну, дыхни! – поинтересовалась я, принимаясь.

– Ты являешься воплощением того, что я ненавижу в женщинах. Ты – блондинка. Причем не по цвету волос, а в душе. А я терпеть не могу блондинок. Ты имеешь отношение к компьютерам и считаешь себя хорошим специалистом. Твое чувство юмора способно вывести из себя любого. Блондинка – системный администратор с чувством юмора. Это мой страшный сон. Ты просто воплощение моего кошмара... Но, несмотря на это, я мало того что сохранил твою жизнь, так еще постараюсь выполнить твоё желание, – усмехнулся император. – Я бросаю свои дела и пытаюсь помочь тебе... Глупо...

– И когда же это ты мне помогал? – спросила я с легкой издевкой.

– А ты подумай сама. Но я тебе намекну... Или ты уже догадалась? Все-таки пошло тогда было мерзким... – улыбнулся император.

– Так это ты меня тогда из рабства выкупил? – удивилась я. – А зачем?

– Просто ты входишь в часть моих планов. Вот и все. Более удобной пешки я не нашел, пришлось разыграть этот цирк. Как там в статье говорилось? «Щель оправдывает средства!» – ответил император. – Так что не подведи меня. Я выполню твоё желание, если ты победишь. Ладно, я пойду. А то моя невеста уже заскучала.

– А она ревновать не будет? – спросила я с ехидством.

– К тебе? – усмехнулся император, критично осмотрев меня. – Вряд ли.

Недалеко мелькнула женская фигура в белом платье. Брюнетка. Его величество направился к ней решительным шагом, оставив меня одну бороться с крайне противоречивыми чувствами. Почему-то захотелось заплакать. Наверное, от обиды... Я сняла маску и ополоснула лицо из фонтана, чувствуя, как с меня смываются вся пудра и косметика, но мне было все равно, как я выгляжу. Я решила вытереться о белый плащ, но почему-то это показалось мне кощунственным. Пришлось ждать, когда лицо само высохнет.

«Остался у меня на память от тебя портрет твой, портрет работы Пабло Пикассо...» – пропела совесть, подливая масла в огонь. Чтобы хоть немного развеяться, я решила пройтись. Я пошла вдоль темной аллеи, наслаждаясь одиночеством, которое так ненавижу и к которому так привыкла. Откуда-то справа раздавались музыка и смех. Зачем мне все это? На что я надеюсь? Единственный человек, которого я бы смогла полюбить, только что заявил, что ненавидит самые лучшие, на мой взгляд, мои внутренние качества. Он ненавидит то, что делает меня мной. Скоро он женится, а я, пусть даже расколдованная, снова отправлюсь на поиски приключений или искать дорогу в свой мир. Выход есть, я в этом уверена.

Возвращались же как-то обратно другие? И я вернусь. Вернусь на свою работу в ООО «Промстройторгсервис», буду пить трофейный кофе и вспоминать о своих приключениях. Я буду ездить на одной и той же маршрутке каждый день. Через пару лет выйду замуж за какого-нибудь менеджера «для галочки», рожу ему ребенка, а ночью мне будет сниться, как сижу у фонтана с императором, кутаясь в его плащ. И мне плевать, кто он. Хоть последний нищий, хоть местное божество. Может быть, я рискну и напишу книгу о своих приключениях. Выложу ее на каком-нибудь «Компиздате», а если совсем повезет, то мой корявый опус даже прочитают! Подумают, что-то вроде «испоганила светлый мир эльфов и магии» или «лучше бы написала эпическую драму о любви эльфа и смертной». А может, и понравится кому-то. На то, что ее заметит какое-нибудь издательство, я даже не надеюсь. Зато потом, ночью, когда супруг будет спать зубами к стенке, я буду читать ее на своем телефоне и плакать в подушку оттого, что в жизни никогда такого не будет. По крайней мере, со мной уж точно. Ведь я...

Слова, которые я чуть не произнесла, встали комом поперек горла. Я шла по аллее, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы. Но поплакать мне не удалось.

Кто-то резко дернул меня за плащ и приставил к горлу клинок.

– Не вздумай пикнуть, тварь, – прохрипел кто-то на ухо.

– Надо же, хватило ума прогуливаться в одиночестве! – прохрипел другой голос.

– Пустите... – потребовала я, чувствуя, что если это какая-то глупая шутка, то я уже посмеялась и успела разозлиться!

– Это не он, – прохрипел голос рядом.

– Я знаю, кто это! Это та жирная свинья, которая будет представлять основное государство этой вонючей империи! Поскольку у нас нет выбора, то зарежем ее... – прохрипел еще один голос. Судя по голосам, нападавших было минимум трое. А я была максимум одна. И сейчас меня собираются прирезать...

– Помо... – попыталась закричать я, но тут же сталь еще сильнее прижалась к моей шее, а рот заткнула чья-то огромная рука.

Один из нападавших, в черном костюме и в черной маске, подошел ко мне спереди и с омерзением посмотрел на мое лицо:

– Режь давай, – приказал он второму, который держал меня. – Нам пора сматываться... Заклинание антиобнаружения уже на исходе!

И тут я почувствовала, как по мне течет чья-то кровь. Тот, кто стоял передо мной, рухнул на землю, а тот, кто держал меня, сделал шаг назад,

пытаясь заслониться моим большим телом. Я пыталась разглядеть своего спасителя, но при этом чувствовала, что сталь все сильнее и сильнее впивается в мои подбородки.

– Мне лень с тобой разговаривать. Твои товарищи уже мертвы. Так что есть варианты: быстро умереть или умирать долго и мучительно... Сдаться у тебя не выйдет, – сказал знакомый голос. – Но перед этим, я тебя настоятельно прошу, отпусти девушку. В противном случае легкой смерти я тебе не обещаю.

И кто это у нас такой д'Артаньян? «Вашу шпагу, сударь!» – мужественно выкрикнула моя совесть хриплым голосом гасконца.

Меня оттолкнули коленом в спину, и я упала на землю, силясь понять, что сейчас вообще происходит. А тут развернулась целая шахматная партия. Черная фигура против белой. У черной фигуры в руках был какой-то кривой клинок, зато у белой фигуры был тонкий острый меч, похожий на иглу. Разумеется, я болела за белую фигуру, которая двигалась так молниеносно, что я пожалела о том, что у меня нет возможности посмотреть все это в замедленной съемке. Поединок, если это можно было назвать поединком, продлился от силы секунд десять.

– Готов! – сказал мужчина в белом и наклонился ко мне. Он засунул свое оружие в трость, которая показалась мне знакомой, и я выдохнула: «Андоримэль». Это была смесь восхищения и разочарования. Ровно на секунду мне показалось... А впрочем, проехали...

– Он самый, – сказал эльф, снимая окровавленные перчатки. – Я твои туфли принес. Ты их у фонтана оставила.

– Спа... си... бо... – я выбила зубами чечетку.

– Надеюсь, я не сильно испачкался? – спросил Андоримэль капризным голосом, критично осматривая свой костюм.

– Д-д-да... врод-де нет... – прошептала я, пытаюсь встать на ноги, хотя ноги категорически отказывались слушаться.

– Плащними. Он весь в крови. Тем более что он принадлежит императору. Это могут неправильно понять... – сказал эльф. – Давай его сюда. Если он так тебе дорог, то я потом его верну.

– А что вот это только что было? – спросила я, прекрасно понимая, что вопрос звучит очень глупо.

– Покушение, – пожал плечами Андоримэль. – Видишь ли, идеи императора не всем приходятся по душе. А ты случайно попала под горячую руку.

– То есть они замыслили вселенское зло, а лишь мелко нагадили под дверь? – поинтересовалась я.

– Ну что-то типа того... – кивнул эльф, протягивая мне руку.

– А почему ты меня спас? – кокетливо поинтересовалась я, чувствуя то, что чувствует любая женщина, только что избежавшая смертельной опасности благодаря симпатичному мужчине.

– Мог бы и не спасать, – пожал плечами симпатичный мужчина. – Однако за пару дней до мероприятия лишиться своей худшей ученицы за всю историю моей педагогической практики было бы как-то неприятно. Пойдем, а то скоро полночь, а в полночь начинается самое интересное. Я провожу тебя, а потом отнесу в карету плащ.

И мы молча пошли по аллее и вышли к людям. Наверное, такое ощущение испытывают бедолаги, заблудившиеся в тайге и изрядно одичавшие, случайно наткнувшись на лагерь геологов.

– Я быстро, – сказал эльф, улыбаясь какому-то своему знакомому.

Слуга поднес мне бокал вина, который я тут же залпом осушила, чувствуя, что в горле совсем пересохло. Какое-то странное чувство накатило на меня. Перед глазами все поплыло, а сознание, которое я старалась удержать силой воли, все-таки куда-то потерялось.

Глава 19

Факир был пьян, и фокус не удался

Я не проснулась, а скорее очнулась в своей кровати. За окном было светло, а во рту все еще сохранялся привкус вчерашнего вечера. Все пережитое выпало в моей душе в осадок, поэтому казалось чем-то сродни ночному кошмару.

Наскоро сняв с себя это ужасное платье, нацепив привычные шмотки, я спустилась вниз, где меня уже ждали. Судя по странным взглядам, вчера что-то было...

– Тебе уже лучше? – осторожно спросил Джо, косясь на Андоримэля, чье лицо в этот момент было больше похоже на мем упоротого лиса. Мне безумно захотелось сфотографировать это выражение, чтобы потом приделать к нему полсотни надписей из категории: «Сначала я думал, что ты нормальный человек, а потом прочитал твою стену в Контакте».

– Что у нас на этот раз? – поинтересовалась я, присаживаясь на свободный стул. Голоса у меня совсем не было. Вместо него у меня вырывались какие-то хрипы и сипы.

– А ты не помнишь? – поинтересовался Джо. – Совсем не помнишь?

– Помню кое-что, но смутно... – зевнула я, наливая себе стакан воды. – Так в чем дело, Джо? Андоримэль? Какого черта вы молчите, как на поминках?

– Смотри-ка, теперь я снова Джо, – изумился орк. – А еще вчера я был крокодил Гена.

– А я... – взгляд эльфа не предвещал ничего хорошего, – я был...

– Чебурашкой... – мрачно выдохнула я, понимая, что вчера я что-то пропустила, будучи непосредственной участницей происходящего.

«Я был когда-то странной...» – запела моя совесть жалобным и хриплым голосом. Я поморщилась и спросила ее о том, где она была вчера и почему оперативную сводку о своем поведении я узнаю от посторонних лиц. Совесть грустно посмотрела на меня и стыдливо умолкла.

– Ладно, – просипела я. – Я сильно накосячила?

– Значит, придется пересказывать... – вздохнул эльф. – Джо, давай ты... У тебя лучше получится.

– У меня язык не поворачивается, – сглотнул орк. – Давай ты! Ты был ближе всех...

Эльф вздохнул и плеснул себе воды в стакан, давая мне понять, что повествование будет долгим. Может, еще не поздно сбегать за спальным мешком? Вдруг рассказ затянется до вечера?

– Так что произошло? – нетерпеливо просипела я, чуть не перевернув свой стакан.

– Стоило мне уйти на пять минут... Каких-то пять минут... Я до сих пор не могу поверить, что за пять минут можно было напиться до такой степени. Когда я пришел ты, в перекрученном платье, собрала вокруг себя толпу народа с горячим желанием произнести тост, – вздохнул Андоримэль.

– И что тут плохого? Тост – это хорошо... – и тут я поймала его взгляд и поняла, что тост оказался не совсем приличным, правда, насколько, я пока еще не догадывалась.

– Ты почему-то решила, что из задних рядов тебя плохо видно, поэтому залезла на стол. И вот ты с бокалом вина начала рассказывать тост про то, что мужчину трудно понять умом и женская логика на это не способна. И в качестве аргумента привела пример, что стоит ему отдаться, то тебя назовут одним очень неприятным словом, а вот если не отдашься, то тебя обзовут еще более неприятным словечком.

– И что тут плохого? Нормальный тост! – хрипло возмутилась я. – Жизненный...

Эльф еще отхлебнул водички и продолжил свое повествование.

– Я как раз подошел в тот момент, когда ты решила организовать конкурс и искала двух добровольцев. Конкурс назывался «Кто больше выпьет!». Когда они нашлись, ты объявила, что призом будет некое действие, которое созвучно с одним старинным и неспешным танцем, однако к танцу имеющее посредственное отношение, – сглотнул Андоримэль. – Гости предположили, что исполнителем приза будешь ты, но ты улыбнулась и сказала, что это действие будет делать тот, кто проиграет тому, кто победил. Народ сразу оживился, но добровольцы позорно дезертировали с поля алкогольного боя. Постояв немного на столе, ты задумчиво проинформировала всех о том, что тебе скучно, мол, не хватает любви и ласки, поэтому решила станцевать танец с раздеванием, чтобы, как ты заявила, «показать свою красоту, которую этот урод не заценил». Народ занервничал, уверяя тебя, что и так все прекрасно видят. Но нет, ты была неумолима и стала петь какую-то заунывную песню, пытаясь снять с себя платье. Тебе, слава богам, не удалось это сделать. Ты оступилась и упала со стола прямо на гостей, которые не успели расступиться.

– Жертвы были? – спросила я, сглатывая.

– Если не считать двух сломанных рук и ушибов, то все отделались легким испугом. Я тогда бросился к тебе на помощь, но ты сама встала, покачиваясь, и потребовала «продолжения банкета». Я попросил тебе больше не наливать, отобрал твой бокал, содержимое которого ты предварительно вылила мне на голову со словами: «Остынь, парниша, ты не в моем вкусе!» – но ты тут же сориентировалась и схватила со стола полную бутылку вина. «Я, как интеллигентная девушка, привыкла пить из бокала!» – пафосно заявила ты, пытаясь найти то, что можно наполнить вином. И тут твой взгляд упал на хрустальную туфельку. «Чей туфля? Моя туфля!» – обрадовалась ты и тут же сняла ее с ноги, водрузив на стол. Бутылка была закрыта пробкой, но тебя это не остановило... Ты своим ногтем вдавила пробку внутрь. «Опачки! Вот и пригодились! Никогда не покупайте такую хреновую обувь! У меня все ноги вспотели, пока я сюда доковыляла! И, по-моему, я во что-то вляпалась! Прикиньте, кто-то нагадил в королевском саду! Безобразие!» – заявила ты, наливая себе полную туфлю, из которой через мгновение взяла и отхлебнула. Половину зрителей стошнило, другая половина, обладая не столь богатым воображением, вовремя успела отвернуться.

– И что было дальше? – спросила я, дрожащей рукой поднося стакан с водой к губам.

– Дальше было веселее! – обнадежил Андоримэль. – Ты решила спеть грустную песню о любви. Но, как ты выразилась, «туфля» теперь тебе мешала, поэтому ты вытащила какого-то гнома и поставила ее ему на голову, сообщив, что если он, скотина, дернется, то ты его поймашь и раздавишь, «как букашку». Ты называла его ласково: «Гомик». «Пока гомик тут постоит, я немного вам спою». Гном намек понял и стоял покорно, пока ты его привязывала скатертью к дереву. «Чтобы наверняка!» – сказала ты, аргументируя свое действие. Я снова попытался тебя остановить, но ты взяла со стола вилку и как-то задумчиво произнесла, приставляя ее к моей шее: «Не бойся ножа! Бойся вилки! Одним ударом – четыре дырки!» Я решил отойти в сторону и посмотреть, что будет дальше. И тут ты запела. Судя по песне, посвящалась она некой особе голубых кровей, а точнее, способу его соблазнения: «Только принца нет, где же он подевался, я не поняла!» К середине песни на тебя напала жуткая икота, поэтому эффект был незабываемым. Джио удалось отвязать гнома, дико извиниться перед ним, пока ты была занята своей песней. Все были в шоке. По окончании этого кошмара, который ты назвала песней, ты радостно сообщила, что только что слышала «Бис!», хотя мне слышалось что-то другое, менее цензурное, явно имеющее противоположное значение. И ты спела ее еще

раз. А потом ты увидела оркестр. Схватив со стола початую бутылку вина и отхлебывая прямо из горлышка, ты направилась к ним с просьбой сыграть «Снова стою одна...». Такой песни оркестр не знал, но ты стала ее напевать со словами: «Ловите ритм!» Я дал приказ оркестру не вестись на уговоры и играть громче, чтобы заглушить твоё пение. Но не тут-то было. Ты расценила все это как вызов и стала орать так, чтобы перекричать оркестр. В итоге битва закончилась ничьей. Ты села и разрыдалась, рассказывая что-то про несостоявшуюся любовь. Я попытался тебя поднять и утащить в карету, но ты сопротивлялась. Джио тоже не смог сдвинуть тебя с места. Мы попробовали вместе, но тут ты зарыдала, что хочешь крошки! Никто не знал, что такое «крошка», но ты тут же решительным шагом пошла к общему столу. «А что оливье здесь нигде нет?» – поинтересовалась ты, а потом взяла какой-то салат, налила в него воды, попробовала и сказала: «Фу, какая гадость эта ваша заливная рыба!» При чем тут рыба, я не понял, но решил не вмешиваться. А потом ты подошла к его императорскому величеству, который решил вновь присоединиться к гостям после недолгого отсутствия...

– Мля... – простонала я, закрывая голову руками и сторя от стыда. О боги! Почему я не страус! Сейчас бы пробила пол головой и хотя бы частично спряталась «в домике»!

– Ты подошла к нему на полном серьезе, а потом... – Андоримэль прокашлялся и снова сделал глоток воды.

– Не томи, а? – всхлипнула я, прикрывая глаза рукой.

– Ты пропела: «Мне нравится, что вы больны не мной! Не ящером, не коклюшем, не свинкой. Вас геморрой обходит стороной. Грибок стопы не портит вам ботинки...». Причем это ты пропела так грустно, что даже мне захотелось тебя убить на месте... Император посмотрел на тебя, потом на меня и спросил: «Что это было?» И тут ты ответила обиженным голосом: «Этот стон у нас песней зовется!» И заревела, – сказал эльф, снова наливая в стакан воды.

– Император смотрел на тебя немного растерянно, а я пытался спасти тебе жизнь, объяснив ему, что ты очень расстроена попыткой покушения на твою персону, которую удалось предотвратить. Ты тут же злобно зыркнула на меня и сказала: «Слушай, Чебурашка! Вали к своему крокодилу Гене и играйте на гармошке у прохожих на виду! Не мешайте мне с человеком разговаривать!» Потом ты... – у Андоримэля перехватило дыхание.

– Меня уже ничто не спасет... – проскулила я. – Давай рассказывай... Я и так умру от позора прямо здесь, так и не дожив до своего выступления!

– А потом ты стала реветь еще громче. Император пытался тебя

утешить, достал свой платок, выдал его тебе, чтобы ты вытерла слезы... Но ты трубно высморкалась в него, скомкала и... мне трудно об этом говорить... попыталась засунуть его в карман его величества... – выдохнул эльф, бледнея. – Но это еще не все...

– Неужели? – у меня задергался правый глаз.

– После нескольких тщетных попыток засунуть платок в карман императора ты все-таки умудрилась это сделать. А потом передумала и попыталась его вытащить снова, аргументируя, что «есть еще сопли в соплах». Обиженным голосом ты заявила ему, что он тебя не полюбил, потому что он... Договорить ты не успела, так как тебя вовремя оттащили, закрыв рот рукой. И тут ты игриво взглянула на меня и ласково так сказала: «А ну-ка, котик, доставай свой хвостик!» После моего решительного отказа ты заявила, что меня нужно... хм... кастрировать, чтобы я «не ходил в туалет где попало и не метил по углам». Потом ты снова разрыдалась и заявила, что хочешь котенка. И ты будешь о нем заботиться. В итоге мы с Джио уговорили тебя поехать домой под предлогом того, что купим тебе утром котенка. Тебе за котенком бежать сейчас или уже не надо? Ты уже придумала, как его назовешь?

– Полный песец... – поникла я, опрокидывая стакан воды себе на голову. – Я не хочу жить! Убейте меня кто-нибудь...

Слезы навернулись мне на глаза, понимая, что в порыве чувств я натворила дел. Я разрыдалась и упала лицом в стол.

– Сима! – вскочил Андоримэль. – С тобой все в порядке?

– Ни фиги со мной не в порядке... Зря я в это все ввязалась. Зря я на это все согласилась... – сипло всхлипнула я. – Зря...

– Кстати, что такое «чебурашка»? – спросил эльф с сомнением.

– Это такой плюшевый зверек с ушами. Любимец всех детей! А крокодил Гена – его лучший друг! – заревела я во весь сиплый голос. – Дайте мне сдохнуть спокойно... Я хочу умереть...

– Успокойся... Его величество был очень удивлен твоей реакцией, но убивать тебя не стал. Это уже должно радовать! – заявил Джио, не выдержав моих слез. – Тем более что ты произвела очень сильное впечатление на публику. Теперь только о тебе и говорят! Это нам на руку!

– Я так понимаю, сегодня репетиции не будет... – вздохнул эльф. – У тебя пропал голос. Завтра, я надеюсь, он появится. А сегодня займись чем-нибудь хорошим... Отвлекись... Давай сходим куда-нибудь? Например, в гномий цирк? А? Как тебе идея?

– Х-х-хорошо... – всхлипнула я, размазывая слезы.

– Она просто перенервничала. Из-за репетиций... А тут еще и

покушение... Любой не выдержит такого напряжения... – вздохнул Джио. – Хорошая идея. Сходите куда-нибудь. У меня есть дела. Так что как-нибудь без меня...

И мы поехали в цирк. Пусть все события последних дней напоминали мне смертельный номер, но на гномий цирк я почему-то легко согласилась. Надо же чем-то отвлечь себя от дурных мыслей...

– Послушай, – сказал Андоримэль, присаживаясь напротив меня в карете, – я понимаю, что ты чувствуешь. Дело не в покушении, верно? Дело совсем в другом... Послушай, не стоит об этом так часто думать. Думай лучше о том, чтобы победить... Когда ты победишь, ты снова станешь прежней... И я уверен, что тогда ты встретишь свою любовь...

– А ты хоть знаешь, какой я была прежде? – спросила я, понимая, что меня рассекретили. – Может быть, я была крокодилом?

– Увы, нет. Я не видел тебя до того момента, пока не стал твоим учителем, – ответил эльф. В его голосе послышались нотки сожаления.

Чуйка подсказывает мне, что сожалеет он явно не о том, что не видел меня раньше, а скорее о том, что злодейка-судьба свела нас.

Я достала телефон и стала рыться в фотографиях. Нашла. Мое самое удачное селфи.

– Смотри! – сказала я, протягивая Андоримэлю свой гаджет. – Это я.

– С такой внешностью устроить свою личную жизнь будет проще простого! – сказал эльф, возвращая мне телефон. – Если кого-то смущает твой характер, то он привыкнет... Помучается-помучается, а потом привыкнет... Ко всему можно привыкнуть... Ты не падай духом. Все образуется...

– Возможно, но это уже будет бессмысленно, – вздохнула я, понимая, что разговор заходит в тупик.

– Возможно, это не мое дело, но я понимаю, что ты чувствуешь, однако немного недоумеваю, неужели тебе приятно находиться в компании этого человека? Я никогда не понимал женской логики. Тебе он нравится, это очевидно. Но что тебе в нем нравится? Мне кажется, что это простые амбиции...

Я промолчала. Мне не очень хотелось излить душу перед эльфом. Карета подпрыгнула на кочке и остановилась.

– Приехали! – произнес Андоримэль, отодвигая шторку. – Гномий цирк.

Я вышла из кареты и увидела огромную очередь, которая выстроилась за билетами. Рядом с кассой размещался драный шатер дичайшей расцветки, на котором висела табличка: «Заткнитесь, идет представление!»

– Купи два билета, – сказал эльф кучеру, протягивая две золотые монеты. – И побыстрее. Ненавижу очереди.

Через пятнадцать минут слуга вернулся, держа в руках два билета. Билеты были рваные, грязные и мятые. Внезапно окошко кассы с грохотом закрылось, и появилась деревянная табличка: «Все билеты проданы! Постучишься – сломаю руку!»

– Это что такое? – спросил, поморщившись, Андоримэль, разглядывая свой билет. – А нормальных билетов не было?

– Никак нет, милорд, – сказал кучер. – Только такие. Просто их после каждого выступления собирают на выходе, а потом снова продают.

Я взяла билеты. На одном из них были застывшие капли крови, а другой обгорел с одной стороны.

– Может быть, не пойдем? – жалобно протянула я. – Вдруг у предыдущего владельца оторвало руку, а счастливый обладатель второго билета сгорел заживо?

– Не думаю, что все так плохо... – заметил эльф. – Максимум палец и легкие ожоги...

Мы подошли к афише, чтобы морально подготовиться к тому, что нас ожидает внутри.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ТОЛЬКО СЕГОДНЯ И ТОЛЬКО СЕЙЧАС! ГНОМ-АКРОБАТ С ТОПОРОМ ПОД КУПОЛОМ БЕЗ СТРАХОВКИ. ПАДАЕТ ПРЯМО НА ГОЛОВЫ... КОСОГЛАЗЫЙ МЕТАТЕЛЬ НОЖЕЙ. ГНОМ С ПЛОСКОСТОПИЕЙ. ТАНЕЦ НА БИТЫХ СТЕКЛАХ. ОДНОРУКИЙ УКРОТИТЕЛЬ ДРАКОНОВ. ГОЛАЯ БОРОДАТАЯ ЖЕНЩИНА. ФОКУСНИК С ПИЛОЙ И СЕКИРОЙ. (ВНИМАНИЕ! НА ПОСТОЯННУЮ РАБОТУ ТРЕБУЕТСЯ ДЕВУШКА С ОТСУТСТВУЮЩИМ ИНСТИНКТОМ САМОСОХРАНЕНИЯ. ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ОБРАЩАТЬСЯ В КАССУ!) ГНОМ-ПИРОМАН. ЗАЖИГАТЕЛЬНЫЙ НОМЕР. ДЖИГИТОВКА С САБЛЕЙ НА ПОНИ. ПЬЯНЫЙ ЖОНГЛЕР С ГОРЯЩИМИ ФАКЕЛАМИ.

Я еще раз прочитала все это, сглотнула, чувствуя, что хуже уже не будет. Прямо на входе продавали алкоголь. Над небольшим ларьком красовалась надпись: «Кто не пил на представлении, тот ушел без настроения!» Алкоголь народ раскупал охотно. Прямо на деревянном ларьке красовалась корявая надпись: «Бухни для храбрости, умри от радости!» После вчерашнего я, наверное, воздержусь. Прямо у входа было что-то наподобие гардеробной: «Оставь свою одежду, всяк сюда входящий».

«Поручик Голицын, а может, вернемся?» – прошептала совесть.

Очевидно, она тоже осипла вчера, пытаясь докричаться до меня. Я проигнорировала ее, и, по-моему, она снова на меня обиделась.

Мы вошли в шатер вместе с толпой, нашли свои места и сели. Первое, что меня насторожило, так это то, что мы сидим в первом ряду. Первый ряд, второй и даже третий были пустыми. Зато выше четвертого ряда собралось столько народу, что яблоку негде было упасть.

– Андоримэль, – всхлипнула я сипло. – Мне не нравится то, что мы тут сидим совсем одни... Это не есть хорошо! У меня плохое предчувствие...

– Расслабься. Это всего лишь представление... – улыбнулся эльф. – Тем более что тут нет ничего страшного.

– Может быть, отсидем подальше? Пока не поздно? – просипела я, повиснув на руке своего сэнсэя.

И тут раздались фанфары. Представление начинается! Под барабанный бой на сцену вышел гном в кольчуге с длиннющей бородой и топором, заткнутым за пояс.

– Чего приперлись? – спросил он хрипло, уставившись на зрителей. – Я спрашиваю, чего приперлись?

И тут же приложил руку к уху, словно пытаясь расслышать ответ.

– Посмотреть представление? Даю палец на отсечение, что оно вам понравится! – взревел он, доставая топор.

Я похолодела от ужаса, глядя на блестящее лезвие. Мой спутник был невозмутим, как удав.

– Отлично, ссыкуны! – рявкнул гном, довольнo ухмыляясь. – Настало время настоящего цирка. Смотрите не обделайтесь, а то мы устали повышать зарплату уборщикам!

Народ радостно закричал что-то одобрительное.

– Ах да, ссыкуны, заранее предупреждаю вас, что если в процессе выступления у вас возникнут тяжкие телесные повреждения, то деньги за билет мы не возвращаем, – мрачно сказал гном, обводя зрительный зал суровым взглядом. – Итак, начнем.

Раздалась веселая музыка, от которой у меня по спине побежали мурашки.

На круглой арене появился гном, который едва держался на ногах, ибо был пьян настолько, насколько можно быть пьяным. В руках он нес четыре факела.

– Ну что, ссыкуны, начнем наше представление. Это лучший жонглер Бух Арик. На прошлом своем выступлении он сжег заживо двоих детей и одного взрослого, оступившись на сцене и уронив реквизит в зрительный зал. Так что теперь и у вас появился шанс почувствовать запах жареного.

Гном, пошатываясь и едва не падая, подбросил факелы и начал ими жонглировать под унылую музыку. Один факел упал прямо ему на бороду, которая тут же вспыхнула. Он потушил ее голыми руками и продолжил жонглировать. Один из факелов отлетел в сторону зрительного зала. Раздался визг и вопли, но факел не долетел и попал прямо на скамью второго ряда в десяти метрах от меня. Скамейка загорелась, но тушить ее никто не побежал. Устав жонглировать, гном потянулся за бутылкой, которую тут же принес ему помощник. Глотнув, крикнув, гном поднес один факел ко рту и повернулся в нашу с эльфом сторону.

– Ложись! – крикнул Андоримэль, увлекая меня за собой. Над нами полыхнуло пламя длиной метров пять. Фигасе перегар! Судя по крикам боли на задних рядах, кто-то не успел вовремя сориентироваться. Эльф осторожно приподнялся, а потом голову осторожно высунула я. По четвертому ряду бегал горящий мужик и орал дурным голосом. Соседи пытались его потушить, но от этих неумелых попыток пламя разгоралось все сильнее. В итоге потушить беднягу удалось, и он, довольный, сел на место под дружные аплодисменты всех присутствующих.

– Итак! Один готов! – заорал конференсье. – Ничего, у каждого будет возможность сдохнуть раньше времени, потому что наше представление продолжается! Встречайте! Танец на битых стеклах!

Я снова села на скамью, замечая, что на ней еще сохранились засохшие следы чьей-то крови. От брезгливости у меня по спине пробежали мурашки.

Два гнома вытащили ковер и высыпали мешок битых стекол. И вот из-за драной кулисы появился артист. Он был гол ниже пояса, поэтому мне захотелось стыдливо закрыть глаза. Взглянув на всех присутствующих, он хлебнул какого-то пойла и наступил на стекла. В абсолютной тишине раздался неприятный хруст, который сопровождался таким витиеватым нецензурным выражением, что я покраснела. Заиграла веселая музыка, и гном начал танцевать. Помощники тут же стали подавать ему грязные пустые бутылки, который тот начал кидать в зрительный зал. Мы с эльфом пригнулись, стараясь не высовываться. Очевидно, либо меткость у гнома страдала, либо народ в зале был опытным, но уворачивались зрители хорошо.

Номер окончился разочарованным вздохом толпы. Конечно, когда жертв нет, зрители скучают. Конференсье вышел немного раздосадованный отсутствием травм, поэтому сразу объявил смертельный номер – «Метатель ножей». На арену вышел вооруженный до зубов гном, а его помощники вынесли штук пять мишеней. Одну из таких мишеней поставили рядом с

тем местом, где сидела я с Андоримэлем. Я как-то непроизвольно сглотнула. Эльф занервничал. Мы стали двигаться подальше, стараясь не привлекать лишнего внимания. Но помощник, заметив наш нехитрый маневр, стал двигать мишень вслед за нами.

Гном был на самом деле косоглазым, а судя по его промахам, еще и близоруким. Я медленно стала сползать вниз, чувствуя, что никогда еще смерть не была так близка. Нож просвистел прямо надо мной и полетел куда-то в задние ряды, откуда раздалось веселое: «Мазила!»

Мужик, зря ты это ляпнул. Поразив три цели, метатель ножей тут же переключился на зрителей. Никогда еще игра со зрителями не была столь запоминающейся. После очередного броска раздался детский голос: «Папа, я покакал!» И тут же ему ответил приглушенный мужской: «Я тоже...»

В итоге в руках у косоглазого остался последний нож.

– Мне нужен доброволец! – заорал гном.

Добровольцев не было, и гном двинулся в сторону зрительного зала, а точнее, в нашу сторону.

– Слышь, ты, эльфийское отродье, становись к мишени! – рыкнул гном, угрожая ножом.

– И не подумаю! – ответил эльф, глядя холодным взглядом на артиста.

– Подумаешь! Или я тебя зарежу, как свинью! – яростно рявкнул гном.

– Рискни здоровьем! – тихо ответил Андоримэль.

– Кто не спрятался, я не виноват! – заорал косоглазый артист, отходя на десять шагов. – Будь мужиком хоть последний раз в жизни!

Глава 20

Броня крепка, и тапки наши быстры!

Есть, видать, у всех мужчин тумблер под названием «будь мужиком!». Стоит произнести эту сакральную фразу, как можно смело ждать, что любой индивид с Y-хромосомой сразу же ляжет грудью на амбразуру, бросится с гранатой под танк, прыгнет с шестого этажа или, того хуже, помоеет за собой кружку, поднимет седельце и вынесет мусор. Так вот, тумблер таки щелкнул в голове эльфа, хотя мне он казался вполне здравомыслящим и хладнокровным типом. Наш герой встал во весь рост, нахально улыбаясь, и произнес: «Смотри не промахнись!» И косоглазый метнул нож. Дальше я помню молниеносное движение эльфа, и нож, который летел напрямик ему в горло, резко изменил траекторию, впиваясь в деревянную сваю, поддерживающую купол цирка.

– Увы! – вздохнул Андоримэль.

Мне в душу стали закрадываться очень странные сомнения. Вы когда-нибудь видели учителя музыки, пусть даже высочайшего класса, который может отбить нож в полете? Я – нет. А чтобы разделаться с тремя вооруженными противниками? Ладно, спрошу его как-нибудь, в какой консерватории учат вскрывать людей, как консервы. Может быть, и я туда поступлю, если будет дополнительный набор при конкурсе два места на человека. А что? Умение постоять за себя и умение полежать за себя – это две разные вещи.

Зал аплодировал вяло. Все мечтали о том, чтобы кого-то убили или покалечили, а так уже третий номер, а серьезных жертв нет! Скукота! Танец бородатой женщины тоже никого не впечатлил. Борода у нее была аж до колен и скрывала намного больше, чем мое вчерашнее платье. Гном-акробат без страховки умудрился промахнуться мимо зрителей и упал куда-то на бортик, проклиная писклявым голосом издержки профессии. Судя по тому, как он приземлился, существенных помех для занятий танцами у него больше не было.

Конферансье объявил номер с распиливанием, как-то нехорошо зыркнув в нашу сторону. На сцене появился гном в каком-то белом потрепанном халате, похожем на медицинский. Его помощники притащили длинный ящик, похожий на гроб. Не знаю, как насчет задних рядов, но с первого ряда было прекрасно видно, что на ящике сохранились следы

крови. Пила была ржавой и явно не стерильной, несмотря на то, что фокусник протер ее тряпкой. «Чистота – залог здоровья! Порядок – прежде всего!» – заявила совесть, внимательно наблюдая за этими приготовлениями.

– Добровольцы есть? – спросил гном, делая пилой такой неприятный звук – «вжиу-у-и». Добровольцев не было. И тут конференсье, гори он, скотина, в аду, показал пальцем на нас.

– Я только что видел, как этот эльф поднял руку! – нагло заявил он.

Зал одобритительно загалдел. И тут, прикинув размеры ящика и своей тушки, я радостно вышла на всеобщее обозрение.

– Ты совсем рехнулась? – прошипел Андоримэль, пытаясь затащить меня обратно.

– Спокойно, все под контролем! – хрипло заявила я, ехидно улыбаясь. – Сейчас моя очередь показывать фокусы! Я – доброволец!

Я подошла к гному-распиливателю и поинтересовалась, ложиться ли мне в этот ящик или будем стоя? Залу сразу идея понравилась. Видать, не у всех так плохо с пространственным воображением, как у бедолаги эльфа. Фокусник злобно сказал, чтобы я ложилась в ящик. Отлично. Сказано – сделано! Я тут же полезла в ящик, который оказался на два размера меньше, чем надо. В итоге я туда не поместилась. Фокусник с изумлением смотрел на разницу в габаритах, а потом вяло поинтересовался, есть ли другие желающие.

– Может быть, я неправильно туда ложусь? – поинтересовалась я сиплым голосом, вспоминая милую детскую сказку. – Не могли бы вы показать мне, как это делается?

Гном бросил пилу и полез в ящик. Я тут же захлопнула крышку, закрыв ее на щеколду, оставив торчащие по бокам руки и ноги.

Потом я медленно наклонилась за пилой и спросила зрителей: «Вдоль или поперек?» Мнения разделились.

– Ладно, буду пилить по биссектрисе! Биссектриса – это крыса, бегающая по углам и делящая угол пополам! – хрипло заявила я, чувствуя гордость за то, что никогда не прогуливала уроки геометрии.

И Гагарин сказал: «Поехали!»

– Внимание! Впервые на экранах фильм «Пила»! – радостно объявила я, прокашливаясь. Эх! Какая жалость, что маску с бала я не захватила с собой! Голос потихоньку возвращался ко мне. Ваша покорная слуга в жизни ничего до этого не пилила, кроме мозгов и системы, поэтому, быстро прикинув глаз к носу, я приступила к делу, высунув язык от усердия.

Из ящика раздался такой вопль, что его слышали даже на последних

рядах. В итоге гном стал так страшно дергаться в ящике, что подбежал конференсье и освободил его, посылая мне взгляд, полный ненависти.

– Свершилось чудо! Друг спас жизнь другу! – заявила сипло я, разочарованно садясь на место.

Пилу у меня отобрали. Жаль... «Пила-2», «Пила-3» и прочие пилы придется снимать где-нибудь в другом месте и с другим актерским составом.

В итоге гнев зрителей нарастал в геометрической прогрессии. Даже гном-джигит с взрывчаткой на пони не смог вызвать достойные овации. Еще бы! Он два раза промахнулся мимо зрителей, а третьего раза не было, ибо понь резко тормознул, и наездник слетел, превратившись в гимнаста. Сделав несколько кувырков и шпагат, которые потянули бы как минимум на бронзу на Олимпиаде, он упал и больше не встал. С трибуны раздались жиденькие аплодисменты.

В качестве реванша, который решила взять администрация этого цирка, был номер с одноруким укротителем драконов. Почему-то мне казалось, что дракон будет обычным чучелом или, того хуже, костюмом на десятерых человек, но каково же было мое удивление, когда на сцену втащили настоящего дракона. Я тут же достала телефон и, отвернувшись к дракону спиной, сделала селфи, о котором мечтала с того момента, когда узнала, что в этом мире есть драконы! Вот оно – селфи на фоне дракона!

Дракон был полудохлым, костлявым, но настоящим и даже...

– Ложись! – крикнул эльф, дернув меня вниз.

И вовремя, ибо дракон чихнул. Откуда-то сверху раздались страшные крики боли, и на администрацию хлынул поток вожделенных оваций. Народ требует продолжения! Горит и требует продолжения!

Я осторожно выглянула из своего убежища, вцепившись руками в каменный бортик арены, и увидела, что десять гномов справа и не меньше десяти слева держат дракона на цепях, прикованных к массивному ошейнику.

– Как же меня это достало... Жрать... Жрать... Жрать... – простонал дракон, глядя, как однорукий дрессировщик поднимает единственную руку, подбадривая зрителей аплодировать активнее.

– Жаль, что не я отгрыз ему руку... – пробурчал дракон. – Жаль, что он не подходит ближе... Я бы ему отгрыз вторую руку. Конечно, на ней мало мяса и много микробов, но это мясо... Мя-со... Мм...

Я заметно оживилась, дернув эльфа за рукав.

– Ты слышишь, что дракон говорит? Мол, не он руку откусил этому дрессировщику, – хихикнула я. – А все думают, что он! Я тоже сначала так

подумала, пока дракон не стал жаловаться...

– По-моему, он просто рычит и шипит... – заметил эльф, пытаясь засунуть мою голову пониже во избежание нового чиха с драконьей стороны.

И тут я вспомнила бедного Фиделя, который до знакомства со мной даже не подозревал, что в мире существуют такие лакомства, как рыба, курица и сосиски. Мне так стало жаль дракона, что я чуть не расплакалась. Вот зачем так мучить животинку? Совести у гномов нет...

Однорукий дрессировщик попытался раздраконить дракона длинной палкой, тыкая ее прямо в огнедышащую морду. От этого животного безудержно чихала. Злилась и чихала. Пришлось пригнуться, чтобы не сгореть заживо. Мы сильно разозлили администрацию цирка своим явным нежеланием умирать, поэтому морда дракона была повернута строго в нашу сторону.

Мне всегда было интересно с точки зрения драконьей анатомии, где и как у них получается пламя? Если пламя – это отрыжка, то гномы, стоящие позади дракона, тоже очень сильно рискуют. Может быть, драконы выпускают газы на взлете, чтобы, так сказать, легче было отталкиваться от земли. Прямо реактивная тяга из выхлопной трубы? Пока я думала над столь важным вопросом, зал орал и требовал продолжения.

После очередного наклона вниз, дабы увернуться от пламени и спрятаться за каменный бортик арены, я услышала крики. Причем не с самого верха, где они вполне ожидаемы и уместны, а откуда-то с арены. И лязг железа. Вот этот последний звук мне очень не понравился! И тут мое ухо уловило отборную гномью ругань и крики: «Спасайся кто может!» Все. Не вынесла душа поэта... тьфу ты... дракона! Выглянув немного, я поняла, что одна цепь лопнула, а гномы, которые ее держали, посыпались, как костяшки домино, друг на друга. Дракон почувствовал немного свободы и дернулся вперед. Но вторая цепь оказалась прочнее.

В голове лихорадочно завертелись две мысли: «А вдруг так задумано?» и «Что-то пошло не так!» В такой ситуации даже не знаешь, что думать. И тут раздался второй «дзень», а следом ругань и крики. Я из чистого любопытства решила осторожно выглянуть из убежища. Пары секунд мне хватило, чтобы понять, что дело дрянь. Героем во всех смыслах этого слова мне становиться не хотелось. Особенно посмертно. Народ оказался куда более сообразительным, чем я предполагала, и дружно ломанулся к выходу. Дракон радостно сожрал парочку ближайших гномов и, судя по крикам, решил закусить конферансье. Я целиком и полностью поддержала идею. Обожравшись гномами, дракон решительно пополз в

сторону зрителей, которые никак не могли эвакуироваться. Я-то знаю, что в случае внештатной ситуации нужно искать план эвакуации. Иначе зачем его тогда рисуют? Он должен быть даже в том здании, где только один вход и один выход. Обязательно! И вот при пожаре, наводнении и прочем катаклизме, перед тем как «выметаться как можно скорее!», нужно обязательно искать этот план и внимательно запоминать, в какую же сторону бежать и через какие двери выходить! И не вздумайте просто выйти через ближайшие двери! Это же настоящее преступление против правил пожарной безопасности! Очевидно, народ замешкался, внимательно изучая столь важный документ, поэтому просочиться через узкий выход в полном составе не успел.

Дракон обдал все вокруг струей пламени и, очевидно, тоже собрался ознакомиться с планом эвакуации. Далеко ему отползти не удалось. Была еще одна массивная цепь, одним концом прикованная намертво к его ошейнику, а другим привязанная к балке шатра, которая не давала дракону выползти наружу. Толпа зашевелилась в сто раз активнее. Шатер загорелся, полыхнули деревянные скамейки. Правда, пока что огонь был далековато от нас, но запах горелого уже ощущался.

И тут, сообразив, что сейчас могут пострадать люди, я решила умереть красиво. И пусть мою смерть, если таковая все-таки наступит, воспоют в легендах. Я представила себя прекрасной воительницей в сверкающих доспехах и с мечом в руке, которая одной рукой драконов крошит кубиками, как картошку, или колечками, как луковицу, а другой рукой поправляет прическу. Прямо как на картинках по запросу «девушки фэнтези». В моей голове заиграла музыка из игры «Скайрим». А вдруг я и на самом деле – Драконорожденная! Сейчас как выкрикну слова силы!

И тут эльф меня резко дернул вниз, помешав осуществить детскую мечту о подвиге. Пламя пронеслось у нас над головами. Вместо трех слов силы получилось одно, причем я точно не уверена, относится ли оно к «словам силы»... В принципе его можно отнести к словам силы, если исходить из того факта, что оно было написано на стене, правда, не храма драконов, а на девятиэтажке по соседству. Эх! С голой жопой на дракона ходят лишь при наличии сохранки. А поскольку режим бога и профиль администратора здесь сумел включить только император, мне лучше постоять в сторонке со своими правами юзера и гостевым профилем. Пока я думала, геройствовать или нет, огонь отрезал нам пути к отступлению.

– Ползи туда. Только не высовывайся ... – прошептал Андоримэль, подталкивая меня в сторону гримерок. Сам он резко встал, выдернул нож и швырнул его мне.

– У тебя есть план? – с надеждой спросила я, слушая крики боли и вопли со стороны выхода.

– Шустрее... – возмутился эльф, глядя, как огонь охватывает все большие площади.

– Кстати, а драконы занесены в Красную книгу? – спросила я, пытаюсь ползти с ножом в руке. Зачем он мне нужен, я пока не сообразила, но было очень неудобно.

– Я не знаю, что такое Красная книга, – прошептал эльф сзади.

– Законом они охраняются? – поинтересовалась я в целях повышения эрудиции.

– Сима... Ползи давай... Когда ты начинаешь задавать вопросы, ты тормозишь... – заметил Андоримэль, подталкивая меня вперед.

Так мы доползли до того места, где зрительный ряд окончился и начиналась кулиса. Я медленно сползла вниз по ступенькам, стараясь не смотреть туда, где дракон пытается сжечь все дотла.

– А я знаю драконий язык! – похвасталась я.

– Отлично! – произнес эльф с издевкой. – Только не вздумай заниматься языковой практикой.

– Может быть, я поговорю с ним, и он все поймет? – предложила я, чувствуя, что настоящие герои не уползают на коленях, а смело идут в бой.

Я столько книг про попаданцев читала. Там герои всех спасали! А я тут уползаю с поля боя на корточках. «Кто на что учился!» – прошептала перепуганная совесть, подгоняя меня к запасному выходу.

– Я устала, возьми меня на ручки... – жалобно простонала я, чувствуя, что у меня болят ладони и колени.

– Ты издеваешься? – выдохнул Андоримэль, останавливаясь и прикидывая, успеем ли мы спрятаться за кулисами.

Дракон метался на цепи, словно пес, пытаюсь передними лапами содрать ошейник. Шатер полыхал и начинал сыпаться. Мы быстро ломанулись в опустевшие гримерки, особо не разбирая дороги.

Огонь и тут добрался до выхода раньше нас. Нам пришлось свернуть направо.

– Не хочу тебя огорчать или расстраивать, но здесь тупик! – заметила я, ощупывая ткань.

– А нож тебе зачем? Режь ткань! – крикнул эльф, доставая свой нож.

Я воткнула нож в ткань и попыталась порезать ее. А фигурки! Да она прочнее брезента! И главное, что на огнетушителях гномы сэкономили, а вот на ткани шатра – нет. И где справедливость?

– Отойди, дай-ка я попробую... – оттолкнул меня эльф, надрезая ткань.

Я быстро стала рвать ее с одной стороны, кромсая ножом, как маньяк свою жертву, но кроме мелких дырок у меня ничего не получалось. Эльф резал четко и быстро с другой стороны. В итоге образовалось отверстие, в которое спокойно можно пролезть. Мы вывалились на свежий воздух, но останавливаться было рано.

– Нужно отойти как можно дальше, а то шатер рухнет... – сказал эльф, петляя между каких-то сарайчиков. Вокруг стояли бочки с надписью: «Огнеопасно!»

– Постой! А бомбы, которые гномы в зрителей кидают, где хранятся? – наивно поинтересовалась я, разглядывая нагромождение ящиков.

– А ты думаешь, почему я так ускоряюсь... – прошептал эльф, таща меня за руку подальше от этого места.

– А как ты думаешь, если балка, на которой эта палатка держится, немного прогорит, то дракон сумеет спастись? – поинтересовалась я, задыхаясь на бегу.

– Сима! – возмутился эльф. – Мы просто должны убраться подальше от этого места. Больше тебя ничего не должно волновать!

Мы прибежали к скале, в которой были прорублены огромные ворота, над которой красовалась надпись из чистого золота: «Подземный город гномов». Ворота были закрыты изнутри.

– Сволочи! – выругался эльф, увлекая меня за собой в обратную сторону. Петляя мимо маленьких домиков и лавок с украшениями, сувенирами, доспехами, мы выбежали на улицу, где толпилась куча людей, не понимающих, что вообще происходит. Ну как обычно. Что в этом мире, что в том. Стоит где-то чему-то случиться, как сразу набегает толпа зевак. Нормальный человек бежал бы прочь, а не стоял, как стайка сурикатов, в ожидании неизбежного. Стоят себе сурикаты, разинув рты и поджав лапы, а некоторые (я имею в виду наш с вами мир) еще и телефон в лапке держат. Снимают, епть! И чем глобальнее катастрофа, тем больше сурикатов. Здесь собралось пятьсот человек, не меньше. Я не выдержала и крикнула из лучших побуждений: «Спасайтесь, там дракон сейчас с цепи сорвется!»

И вот как вы думаете, какой это произвело эффект? Прямо противоположный ожидаемому! Народ стал прибывать.

– Вау! Дракон! Как интересно! – раздавались возгласы в толпе. – Ты когда-нибудь видел живого дракона? Я – нет! Надо обязательно посмотреть! Только нужно достать оберег!

И народ стал шарить по карманам в поисках оберегов, которые, как ни странно, издали смахивали на мобильные телефоны, но представляли собой толстые пластины разного цвета. Все выставили обереги вперед, и со

стороны казалось, что они снимают все происходящее на камеры. Ну, разумеется, ребята, этот берег вас спасет!

Особо любопытные решили подойти поближе, а за ними потянулись остальные. Цирк полыхал багровым пламенем, отбрасывая черные столбы дыма в голубое небо. И вот, пробираясь через толпу, я обернулась, услышав грохот за спиной. Сноп искр взмыл в небо. Все! Дракон свободен! Немного расстроенный и очень голодный дракон взлетел прямо над толпой. На его шее болтался ошейник, а за ним тянулась корабельная цепь.

– Сима, не спи... Давай шустрее... – крикнул Андоримэль, проталкиваясь через толпу зевак.

Тут я почувствовала, что толпа начинает раздвигаться. Прибежали стражники. Да что там стражники – целая армия, закованная в латы и вооруженная до зубов.

– Расходитесь! – орал какой-то стражник, пытаясь оттеснить народ подальше древком алебарды. Но сурикаты на то и сурикаты, чтобы молча, разинув рты, стоять и смотреть на все это представление. В итоге дракон подлетел так близко, что мне показалось, что я могу разглядеть чешуйки на его животе, прилипшему к позвоночнику. Он яростно полыхнул пламенем на толпу, которая занялась любимым делом – паникой. Обереги не спасли.

В толчее я почувствовала, что нас с эльфом разъединил поток народа, который стал хаотично метаться по площади в поисках спасения. Это броуновское движение испуганных молекул сильно мешало продвижению вперед. Дракон сделал несколько заходов, пытаясь сократить численность имперцев по максимуму. Иногда он выхватывал кого-то из толпы и подбрасывал в воздух, ловил на лету и глотал. Стража оцетинилась копьями и попыталась оказать сопротивление, но тщетно. Либо паек у стражников был сытный, а кормежка отличная, либо дракон любил консервы, но стройные ряды стражников редели на глазах. Дракон, с уже раздувшимся от халявной еды брюхом, решил наверстать упущенное за время вынужденной голодовки. Оторваться по полной, так сказать.

Вы знаете, мне тут в голову пришла вполне актуальная и интересная мысль. А вы, когда смотрите видео на YouTube, не заметили, что последним словом людей перед неминуемым становится: «Мля!» На любом языке. Нужно подсказать британским ученым тему для нового исследования и, так сказать, поделиться своими научными наработками.

«Ты бежишь, а он летит... Голубой метеорит», – протяжно и очень пафосно произнесла моя совесть, чтобы подбодрить меня. И тут, как назло, меня сбили с ног и уронили на землю.

«Ты лежишь, а он летит...» – продолжила цитировать совесть,

вспоминая забытый мультик с невнятным содержанием.

Я тут же свернулась калачиком и прикрыла голову руками. О мою тушу пару раз споткнулись и раз восемь по мне пробежались. Я поползла, пытаюсь встать любой ценой, и тут я почувствовала где-то сверху жар. Пришлось снова падать лицом в брусчатку. Все, кто в этот момент находился на ногах, попадали, словно кегли, и, судя по виду, вряд ли встанут.

Приподняв голову, я увидела, что дракон сел на землю и стал жрать всех подряд, без разбору. И тут раздался громкий и очень грозный голос: «Я – великий маг и укротитель драконов! Я сейчас спасу вас!» Я приподнялась и увидела Годвина, который тряс перед мордой дракона каким-то веником. Веник не подействовал, и его пришлось бросить. Маг стал делать странные движения руками. Судя по некоторым движениям, он посылал дракона в место, знакомое всем и каждому. До меня долетели обрывки слов, которые меня особенно впечатлили: «Изыди! Изыди! Восставший из ада!» Не выдержав столь активной жестикуляции перед самой мордой, дракон полыхнул на него пламенем, но хитрый Годвин успел юркнуть в какое-то облако. Обряд изгнания дракона окончился полной капитуляцией доморощенного экзорциста.

Я попыталась встать, но ноги меня не слушались. Тут ко мне подлетел Андоримэль:

– Слава богам, ты цела... Вставай... Пошли... Там есть укрытие! – прошептал он, пытаюсь сдвинуть меня с места, но увы... У меня такое часто бывает, когда я очень сильно нервничаю. А сейчас я нервничала очень сильно!

И тут раздался спокойный голос:

– Итак, что у нас на этот раз?

Ну конечно! На запах горелого сервера явился администратор. Он растянул щит, похожий на мыльный пузырь, над выжившими, и направился напрямик к дракону. Одним движением руки дракон был сброшен с небес на землю. Гад извивался, придавленный невидимой силой, на фоне горящих остатков цирка и близлежащих сарайчиков, на которые огонь еще не перекинулся. Теперь я поняла, почему, когда весь мой класс ездил в цирк, я сидела дома. «Сиди дома, целее будет...» – произнесла совесть маминым голосом. И вот теперь я поняла, что мама переживала не за меня, а за цирк.

– Слушай, кузничик. Сейчас я буду отрывать тебе лапки и крылышки, – с насмешкой произнес император на драконьем языке. – Я просто не знаю, с чего начать. Как насчет крылышек? Или все-таки лапки?

А давай мы сыграем в игру «Казнить-помиловать». Каждый раз, как я буду отрывать тебе что-то выпирающее, я буду поочередно произносить эти слова. Что оторвется последним, то и предрешит твою судьбу.

Народ стал галдеть и требовать, чтобы император прибил дракона на месте, а особо ушлые стали давать советы, как бы это сделать поизящнее. Император повернулся к зрителям и произнес:

– А не могли бы вы призаткнуться на минуточку. Я сейчас не с вами разговариваю.

Народ умолк и стал молча смотреть на все происходящее, откровенно не понимая столь содержательного диалога. Зато я все прекрасно понимала.

Дракон, судя по сосредоточенному выражению окровавленной морды, что-то прикинул в уме и спросил:

– А хвост считается?

– Считается, – ответил император.

– Так что, получается, моя жизнь зависит от того, самец я или самка? – с ужасом прохрипел дракон.

– Я тебе под хвост не заглядывал и не собираюсь! – усмехнулся император.

Дракона вдавило в брусчатку так, что вокруг него просела земля. Народ восхищенно заплодировал.

Император развернулся к ним и устало произнес:

– Я что-то не понял... Я что, цирк показываю? Представление?

– Не убивай меня... – проскулил дракон, пользуясь моментом.

Аплодисменты быстро оборвались. Император наклонился к дракону:

– Тогда какого ты тут вытворяешь?

– Простите великодушно... Меня почти не кормили... Меня держали в клетке и били... Я почти всю жизнь провел на цепи... – взмолился дракон, чувствуя, что впервые столкнулся с силой, превосходящей все его представления о человеческой силе.

– Если обещаешь покинуть город за пять минут, не причинив урона, то так уж и быть, летай себе на здоровье. Но если на пути ты сожжешь хотя бы одну деревушку и сожрешь хоть одного моего подданного, я найду тебя. А чтобы мне было проще это сделать, я тебя помечу.

Не знаю, что означало слово «пометить» в понимании дракона, но, судя по его морде, что-то ужасно обидное.

Свободной рукой император сделал странный жест, словно рисует какую-то закорючку. Дракон взревел, и на его брюхе появилась горящая огнем роспись. Это я тут на листочке расписываюсь, чтобы не забыть, как это делается, а этот на драконах автографы оставляет. Я почему-то думала,

что он его кастрирует. Я бы, например, так бы и сделала!

Дракон, почувствовав свободу, взмыл в воздух и поспешил убраться подальше. Я собралась выдохнуть с облегчением, но тут же вспомнила кое-что важное... То, о чем знаю я, но не знает его админское величество.

Бросив взгляд на бочки с каким-то гномьим фейерверком, одна из которых начала медленно гореть в каких-то десяти метрах от нас, я метнулась к императору. Если вы в школе хуже всех сдавали стометровку, то не стоит отчаиваться. Когда припечет, то пробежите на пятерку с плюсом, если уже совсем прижмет, то можно и олимпийский рекорд побить. И меня припекло. Еще бы! Ой, хреново будет, если тревога ложная. Тогда меня точно казнят... Я и так уже на гильотину с четвертованием себе заработала, правда, с отсрочкой платежа, а судя по последнему разговору – с процентами.

Я сбила императора с ног и прижала к земле, упав на него сверху.

– Ты? – гневно прокряхтел он, не вынеся столь бесцеремонного обращения.

Я постаралась придавить его руки, чтобы он меня не уничтожил. В этот момент мне действительно стало страшно. Причем я боялась, что взрыва не будет гораздо больше, чем последствий «бадабума».

И громыхнуло. Еще раз. Потом еще. Нас стало засыпать обломками. Все, кто стоял на ногах и был не покрыт щитом, упали на землю, сбитые с ног невероятной силой. Император высвободил руку и накрыл нас щитом. Взрывы продолжались еще минуту. А потом все стихло. И в этот момент мне стало стыдно. Очень стыдно... Я медленно слезла, надеясь, что я его не сильно придавила... Вокруг лежали обломки того, что осталось от гномьего цирка.

Император молча встал, отряхнулся, смерил меня странным взглядом. На секунду мне показалось, что в его взгляде промелькнуло какое-то сожаление, но тут же взгляд ожесточился.

– Могла бы крикнуть, что сейчас будет взрыв, а не заниматься ерундой. Или ты думаешь, что я идиот и не сориентировался бы? – тихо прошипел он, разворачиваясь ко мне спиной.

– Прости... те... пожалуйста, за то, что решила спасти вам жизнь... Я больше не буду! – выдавила я, снова чувствуя себя полной дурой. Все! Лимит моих добрых дел на сегодня закончился, поэтому я молча поковыляла прочь.

Глава 21

Эльфийская кухня и мутновидящие

– Сима! Открой дверь сейчас же! – раздался голос эльфа. – Я не шучу! Открой дверь!

Я лежала на кровати, обняв подушку, и горевала. Так сказать, внеурочный приступ меланхолии, сопровождающийся самокопанием и самоуничижением. Пока что результаты не впечатляли. Я – толстая, тупая дура и никчемная неумеха с руками из толстой попы. Дальше я еще не придумала. Я копалась в себе весь оставшийся день, всю ночь и даже утро с усердием, с которым капитан Флинт перекапывает Остров сокровищ в поисках заветного клада. Или как бабушка-огородница перепалывает свой участок, чтобы он выглядел лучше, чем у соседки.

– Сима, давай поднимайся, пора на репетицию! – возмутился, стоя за дверью, мой учитель.

Ни фиги! Сегодня я прогульщица. Можно сразу мне ставить двойку и вызывать на ковер к директору.

– Ага, щас! Шнурки поглажу и пойду репетировать! – буркнула я, особо не задумываясь, расслышали мой ответ или нет.

– Сима, мне плевать. Я выломаю эту дверь, если ты ее не откроешь! – потерял терпение Андоримэль.

– Ломай! Дверь не моя... – ответила я, накрываясь одеялом с головой.

Раздался характерный треск двери, и тут же с меня содрали мое спасительное одеяло.

– Верни на родину! – заверещала я, пытаюсь вырвать его из рук эльфа. – Никуда я сегодня не пойду. Репетировать отказываюсь. И точка! Ищите кого-то другого!

Одеяло мне не вернули. Я демонстративно отвернулась к стене и заплакала.

– Сима, – я почувствовала, что эльф сел на кровать, – ну не переживай ты так. Его величество оценил твой подвиг. Просто виду не подал. Ну не по-императорски это как-то – благодарить спасительницу при всех.

– И что, мне теперь медалька полагается? Памятник при жизни? Почетная грамота? – ехидно спросила я, утирая слезы. – Сейчас в лифчике дырку для ордена просверлю. А почему бы и не просверлить? Если уже один раз стала клоуном, то нужно быть им до конца.

– При чем здесь клоуны? – замотал головой эльф, пытаясь понять ход моих мыслей.

– Я что – клоун? Рядом с императором действительно я клоун! – закричала я. – Вместо того чтобы бежать без оглядки подальше от горящих бочек, я метнулась в самое пекло, потому что испугалась за чужую жизнь!

– Ну с чего ты взяла, что он так думает? – мягко спросил Андоримэль. – Просто... Как бы тебе это сказать... Помягче... Мужчины не любят, когда женщины спасают им жизнь... Это больно бьет по их мужскому самолюбию... Так что ты, получается, пнула его по самолюбию. Больно пнула. Но он тебе благодарен. Раз не прибил на месте... Мне кажется, что он просто не ожидал такого... Или был немного обескуражен.

– Я больше ни на метр к нему не подойду! Будет, скотина, тонуть, я ему стакан воды на голову вылью! Будет гореть – дровишек подкину! Я... я... я его ненавижу! Хватит! Мне надоело! Я не позволю так со мной обращаться! Достал уже! Нет, ну главное, я испугалась за его жизнь, а он вместо «спасибо», отчитал меня как первоклашку! Я себя чувствую, как городской памятник в парке с голубями! – возмутилась я, закрывая лицо руками.

– Почему как памятник? – поинтересовался Андоримэль, удивляясь столь странному сравнению.

– Потому, что вечно стою обгаженная... – всхлипнула я.

– Сима! Нельзя так выражаться! Тем более про нынешнюю власть! – отозвался эльф. – Ты так и дальше планируешь валяться на кровати и причитать о своей несчастной любви?

– Да, а потом я соберу свой нехитрый скарб, повешу узелок на палочку и отправлюсь в путь-дорогу. Я буду странствующим менестрелем, буду петь о добре и зле, о лютой ненависти и святой любви... – гордо сказала я, видя себя с лютней в руках, на которой я ни разу в жизни не играла. – Я буду нести песню в сердца людей!

– А людей тебе не жалко? – с ужасом представил мои странствования Андоримэль. – Тебя же убьют раньше, чем ты допоешь куплет до конца. Тебя просто камнями закидают... Или на кол посадят!

– Ничего! Я гордо приму смерть! С высоко взятой нотой! – со слезами на глазах заявила я, входя в образ.

– Только, я тебя умоляю, никому не говори, что я пытался тебя учить... И еще... Если найдутся желающие послушать твое, хм, пение, то лучше сразу бери аванс и ищи пути к отступлению! Да... Еще один совет. Как учитель – ученику. Учись быстро бегать! Или драться лютней! Иногда одного-двух ударов лютней достаточно, чтобы вызвать полный аншлаг, –

совершенно серьезно сказал эльф.

– А я думала, что буду петь до тех пор, пока мне не заплатят, чтобы я умолкла. Как тебе такой бизнес-план? Прихожу в деревню, начинаю петь. Когда жители будут просить меня заткнуться, я просто озвучу сумму, за которую я могу и помолчать. У них есть сутки, чтобы ее собрать. Не собрали – буду петь до тех пор, пока не охрипну или пока у слушателей не сдадут нервы и они не начнут выносить последнее из дома! – обрадовалась я своей находчивости. Я настоящий гений бизнеса!

– Может, сходим куда-нибудь? Развеемся... – осторожно начал Андоримэль, переводя тему разговора.

– Куда? – спросила я, сардонически улыбаясь. – Спасибо, мы уже вчера сходили в цирк. Цирк сгорел, клоунов сожрали... Где мы еще не были? Да мы с тобой как вестники апокалипсиса! Куда ни придем, везде конец света в локальном масштабе!

– Не преувеличивай! Ну сходили один раз неудачно... К тому же мы не виноваты... Обстоятельства так сложились... – вздохнул мой учитель, закатывая голубые глаза к потолку.

– Нет, не обстоятельства. Просто я такая невезучая... – я залилась слезами, понимая, что именно этого не хватало мне для полного несчастья.

– Давай сходим в «Эльфийский лес»? – предложил мой сэнсэй.

– А чем тебе не угодила эта харчевня? – поинтересовалась я. – Или в прошлый раз тебе попалась муха в супе? И теперь ты решил отомстить им за то, что ждал заказ два часа?

– Да нет, там все на высшем уровне! – возмутился эльф, а у меня возникло такое чувство, что я только что случайно плюнула на тотемное божество племени зулусов в присутствии вождя и его многочисленной родни.

– Ладно, не сердись... А что у них там съедобное? Чтобы не было «пейте, дети, молоко – туалет недалеко!» – миролюбиво произнесла я, понимая, что была бы не прочь сходить в этот ужасно дорогой ресторан за чей-нибудь счет. Просто из любопытства.

– Шису – просто шедевр! Пойдем! Потом по городу пройдемся, но завтра на репетиции мы все будем наверстывать со страшной силой, – строго заявил мой учитель.

Я кивнула, и мы отправились в «Эльфийский лес».

Судя по ценам, обед здесь мог разорить небольшую африканскую страну. Я стала пристально вчитываться в меню.

Буасомэль в соусе кариоле – 5 золотых.

Шаромэль с начинкой на выбор – 10 золотых.

Шису с нарумом и вали – 3 золотых (за 6 шису).

Шису с кору и зернами туасе – 3 золотых (за 6 шису).

Шису с тертым кору – 3 золотых (за 6 шису).

Дальше все было в том же духе. Я, которая знает все языки этого мира, никак не могла понять, о чем идет речь и что подразумевается под столь изысканными названиями. Официантка, которая явно позировала всем художникам, которые изображали эльфиек для обоев рабочего стола, терпеливо ждала, когда же мы сделаем свой выбор.

– Ты выбрала? – спросил спонсор моих гастрономических изысков.

– Мм... – протянула я, уставившись в меню, пытаюсь сообразить, что из вышеперечисленного мне кажется более съедобным. Желудок молчал, как партизан. Обычно я выбираю еду вместе с ним, опираясь на его мнение, но в этот раз желудок просто сжался, как бы намекая, что «лоперамид» я забыла в чемодане в том мире, поэтому никакой ответственности за качество и количество переваренной пищи он нести не будет. Вообще-то желудок права голоса у меня уже давно не имеет. Его напрочь забила совесть, которая не позволяет ему урчать после шести и заставляет его переваривать то, что дают.

– Шаромэль и шису с тертым кору... – промямлила я, сгорая от стыда и складывая меню.

– С какой начинкой? – с легкой издевкой поинтересовалась эльфийка, записывая заказ. Она явно понимала, что я здесь впервые, поэтому смотрела на меня с легким пренебрежением.

Да... Не скажу же я, что с огурцом... Мм... И тут на помощь пришел мой сэнсэй, который тут же уточнил мой заказ, сказав, что я буду с какой-то «беаккой». Сам эльф заказал себе сами-суп и шису с нарумом и еще какой-то фиговиной. Официантка ослепительно улыбнулась, хотя улыбка адресовалась явно не мне, и ушла, а я пыталась морально подготовить свой пищеварительный тракт к тому, что мне придется есть.

Через четверть часа нам принесли наш заказ. Судя по тому, в каком большом блюде с крышкой тащили этот заказ, порции здесь явно рассчитаны на голодного слона. Но как я ошибалась! Когда передо мной поставили огромную тарелку, на которой лежало что-то похожее на теннисный мячик, я поняла, что разгадала секрет стройности эльфов. Вокруг теннисного мячика была разложена какая-то зелень, разлит какой-то соус и посыпано чем-то похожим на тертую кожуру лимона.

– Смею поинтересоваться, – спросила я, глядя на теннисный мяч, – как это едят?

– Вилкой и ножом! – заявил эльф, пробуя суп, который ему принесли.

Если то, что плещется на блюдечке с голубой каемочкой, – суп, то «доширак» – это первое, второе и компот! Нечто зеленоватое, немного тягучее и без каких-либо признаков овощей эльфы называли супом. Со стороны это было похоже на зеленую краску, которую плеснули на крышечку, чтобы проверить цвет. Ладно, не будем заглядывать в чужую тарелку и попытаемся сосредоточиться на своей. Я осторожно попыталась вбить в этого колобка вилку, но он был явно резиновым, потому как ловко увернулся от моего орудия пыток и покатился к краю.

«Колобок, Колобок, я тебя съем!» – прокомментировала мои действия совесть. Я снова попыталась наколоть это чудовищное порождение эльфийского пищевого прома на вилку, блокируя ему пути отступления ножом, но ловкий колобок снова укатился от меня, правда, уже на стол, оставляя за собой красные следы начинки на белоснежной скатерти.

«След кровавый стелется по сырой траве!» – пионерским многоголосием пропела совесть. Но я не сдавалась. В дело вступил его величество принцип, утверждая голосом Рэмбо в гундосном переводе: «Либо он, либо я!» Ну раз за дело взялся принцип, то я спокойна.

Я осторожно, пока никто не видит, потащила колобка на тарелку. Колобок снова очутился в естественной среде обитания среди джунглей зелени. Я с размаху всадила в него вилку, но он увернулся и упал на пол. Да... Пустили Тома Сойера в гости. Я осторожно, не привлекая лишнего внимания, подняла его руками и бросила обратно на блюдо.

«Раз, два, три – микробы не успели!» – заявила совесть голосом Машки, которая готовит так, что потом приходится отмывать всю кухню и Машку.

В итоге мне удалось проткнуть противника ножом, но он перед смертью забрызгал своим кровавым соусом все, что находилось в радиусе метра. Победа! А теперь, как представитель древнего племени, я была просто обязана сожрать моего врага. Бу-га-га! Я расковыряла его и, отщипнув кусок, понесла в рот. Уже во рту мне предстояло уловить тонкие оттенки вкуса этого чудовища. Н-да... Хорошую еду «беакой» не назовут. Вы когда-нибудь в детстве ели ягоды черемухи? А смолу с вишни или абрикосов не пробовали? Вот что-то типа того, но вместе взятое. Все содержимое колобка прилипло к моим молярам и премолярам, не давая раскрыть рот. Я интенсивно жевала, стараясь проглотить эту «беаку», но у меня ничего не получалось. Я его туда, а он обратно.

– Ну как, вкусно? – спросил невозмутимый Андоримэль, наявивая свою зеленку.

– Угу... – промычала я, пытаюсь проглотить эту «вкуснятину».

– Я знал, что тебе понравится... – улыбнулся эльф, заканчивая с супом и осторожно вытирая рот салфеткой в виде большого зеленого листа.

В итоге, промучившись еще пять минут, мне удалось проглотить этот кусок гудрона вместе со всеми моими пломбами и, как мне показалось, зубом мудрости. Брать еще один кусочек я не рискнула. Тем временем нам принесли хваленые шису. Две тарелки, как обычно, великанского размера, на которых сиротливо разместились по шесть каких-то зеленых голубцов-недомерков или суши-переростков. Помимо этого на блюде стояли какие-то креманки со специями. Я тут же осторожно пихнула вилкой свою шису, в абсолютной уверенности, что она может уползти. От этих ушастых можно ожидать чего угодно. Но шису не уползла и даже легко проткнулась вилкой, к моему удивлению. Я потащила ее в сторону одной из креманок и уронила ее туда. Ну конечно!

– Я бы на твоём месте взял другой соус, – осторожно заметил Андоримэль, ловко макая свой голубец в креманку с каким-то майонезом.

Но я была упрямая и стала вилкой спасать свою шису. Ура! Я поместила ее в рот и поняла, что нужно было слушаться старших. Господа, васаби по сравнению с этим – просто низкокалорийный майонезик. У меня из глаз потекли слезы, из носа – сопли, а количество слюней во рту превысило ватерлинию. Но я мужественно прожевала это и проглотила.

– Я на минуточку отлучусь... – простонала я, сдерживая дыхание. – В дамскую комнату...

– Конечно... – улыбнулся эльф.

Уборная выглядела так, словно завтра сюда нагрянет ревизор. Огромные зеркала отражали мое покрасневшее лицо со всеми вытекающими последствиями. Я быстренько выплюнула остатки шису, прополоскала рот, умылась и решила сходить в туалет. Вся сантехника была выполнена в форме зеленых листов, а унитаз был сделан в виде большого цветка. Ну что, сейчас мы его быстро опылим! Стоп! А где туалетная бумага? А ее нет. В таком дорогом ресторане нет простой туалетной бумаги! Ну конечно, у эльфов что, майка короткая? Вместо нее в вазе стояли какие-то лопухи. И тут у меня возник вполне резонный вопрос, а чем, собственно, вытираться? Ради интереса я сорвала один лопух и попробовала пальцем. Наждачка. Караул... Теперь я поняла, почему все эльфы ходят с такими кислыми минами. Еще бы!

И тут я услышала приглушенные голоса, которые раздавались откуда-то из-за стены.

– Ты видела, какая она жирная? – хихикнул один голосок.

Ну конечно, я точно знаю, о ком идет речь, поэтому превратилась в

слух.

– Ой! Не то слово! Не понимаю, что он в ней нашел? Ты видела, как он на нее смотрит?! – заявил другой голос, который иногда прерывался звоном посуды.

– А с чего ты взяла, что между ними что-то есть? – заявил первый голос. – У эльфа и человека не может быть ничего общего! Только падшие эльфы могут полюбить человека. А этот явно не падший и далеко не урод. Я бы даже сказала, что он красавец. И богат, раз может себе позволить посещать наше заведение!

Дальше я слушать не могла, ибо эльфийки стали описывать кто, как и сколько раз готов был ублажить столь красивого мужчину. И тут раздался еще один голос, который быстро призвал всех работать.

Я уже собиралась уходить, но голоса раздались снова, правда, тихонько, дабы надсмотрщик не услышал. Ваша покорная слуга обнаглела настолько, что прильнула ухом к стене.

– Я ее узнала. Это Леди Баба! – прошептал голос.

Тут я услышала третий голос, который тоже говорил очень тихо.

– А! Эта? Ну и страшная же она... А с ней Андоримэль. Вот мерзавец и предатель! Хоть и эльф, но постоянно с людьми якшается! Еще бы! Благодаря этому он так поднялся! Говорят, что он любимец императора. Ему все сходит с рук! Что бы он ни делал, с него как с гуся вода! Так что вы там поосторожнее с ним заигрывайте! Он очень мутный и опасный тип. Но я бы ему...

Я отпрянула от стены с возмущением. Еще бы, крайне неприятно слушать про себя и про своего единственного друга такие гадости. Стоп! Я назвала эльфа своим другом? Странно, а ведь так оно и есть. Каким бы ни был этот представитель ушастой фауны, но он является здесь самым близким мне человеком.

Я вернулась за свой столик, где меня невозмутимо ждал Андоримэль, со скучающим видом глядя в окно. Я молча съела оставшиеся шису, откровенно не понимая их вкуса. Нам принесли в качестве напитка какую-то мутную жидкость, из которой торчали веточки.

– Это что? Березовый фреш с мякотью? Или просто воду после цветов решили не выливать? – возмутилась я, не собираясь это пить.

Быстро рассчитавшись и оставив явно незаслуженные чаевые, мы вышли на центральную площадь. Народу было, как всегда, много, а я, счастливая, что хотя бы эта харчевня уцелела после нашего визита, решительно потянула эльфа в сторону рынка.

И тут, блуждая среди прилавков со всякой всячиной, я увидела

вывеску: «Узнай свое будущее! Фестиваль гадалок и провидцев!» Я потянула эльфа туда, хотя он сразу заявил, что будущее его не интересует. Но мой интерес уже ничем не погасить. Подойдя к первому шатру поближе, я прочитала надпись: «Гадалка мадам Намронель расскажет вам о прошлом, настоящем и будущем, поможет приворожить понравившегося человека, снимет порчу, сглаз и все остальное». Я так понимаю, что подо всем остальным подразумевается одежду, украшения и прочие материальные ценности.

Я решила приколнуться и смело вошла в шатер, потянув за собой ушастого друга.

В окуренном разными благовониями помещении размещался стол с черной скатертью, на столе стоял шар, а рядом лежали карты, похожие на Таро. Везде были расставлены свечи, в нарушение всех норм пожарной безопасности, а на полу стояло огромное трюмо. «Ты скажи-ка мне, трюмо, правда я такое чмо?» – выдала совесть, которой все гадания и прогнозы были явно неинтересны.

Гадалка вальяжно развалилась в старом кресле. Накрашена и одета она была так, что на конкурсе маскарадных костюмов на Хэллоуин она бы заняла первое место, оставив зомби, ведьм и прочую нечисть далеко позади. Штукатурка осыпалась с ее лица слоями, придавая сходство с восставшими из мертвых.

– Добро пожаловать! – произнесла гадалка неожиданно низким голосом. – Я знала, что вы придете! Ваш визит был предсказан ду-у-у-ухами!

Слово «ду-у-у-ухами» было произнесено с могильным подвыванием, от которого у непосвященного встанут волосы дыбом, причем не только на голове.

– А что они еще говорят? – испуганным голосом спросила я, присаживаясь в кресло.

– Они говорят, что у вас большие проблемы... – подвыла гадалка, краем глаза косясь на моего спутника.

– А какого рода проблемы? – спросила я, делая вид, словно я до сих пор не могу отойти от впечатления.

– У вас больши-и-ие проблемы! – снова начала завывать мадам Намронель, теряя терпение. – На тебе висит очень страшная порча!

Опа! Поворот неожиданный, но очень забавный!

– Вы правы... На мне висит ипотека, что мне делать? – спросила я, заливаясь горячими слезами.

– Хм... Мм... Хм... – начала завывания гадалка. – О! Это порча до

конца твоих дней!

– Я знаю... – кивнула я, подавляя смешок.

– Это смертельная порча, которая высасывает из тебя все силы! Она выжимает из тебя все соки... Это страшное проклятие, которое трудно преодолеть! – продолжила гадалка, войдя в раж.

– О да! – горестно вздохнула я. – Так у меня она каждый месяц! Каждый месяц я становлюсь очень нервной и дерганой, все мои мысли только о ней... Я спать не могу, есть не могу... Только о ней и думаю...

– О, дорогая моя, это страшная порча... Боюсь, что ее будет не так-то просто снять! Но я могу тебе помочь! Есть одно верное средство... – гадалка понизила голос до интимного шепота.

– Какое? – с надеждой спросила я.

– Тебе нужно ночью выйти на перекресток, обязательно обнаженной с распущенными волосами. При себе нужно иметь курицу черного цвета, вылупленную из яйца во время трилуния, и нож, обагренный кровью убийцы. Ты становишься лицом на север, режешь курице горло и натираешься кровью. Потом нужно сказать громко и четко пять раз: «Кровь в себя втираю, ипотеку убиваю! Во имя всех богов! Во веки веков!» Обязательно нужно бросить курицу через левое плечо, покрутиться три раза и подпрыгнуть. А потом прокукарекать. И ипотека будет снята! – зловещим шепотом прошептала гадалка.

– А потом подобрать курицу и сварить можно? – поинтересовалась я. – А что будет, если меня кто-то увидит?

– Тогда ипотека тебя задушит и ты умрешь! – страшным голосом закричала гадалка, а я сунула ей три медяка, коими она осталась очень довольна. Еще бы! Такого способа выплатить ипотеку мне до сих пор никто не предлагал!

Я направилась к выходу и радостно стала присматривать, в какую палатку мне еще хотелось бы заглянуть со своими проблемами! О! Тут целая очередь. Видать, очень мощный провидец сидит!

– Ты не говорила, что у тебя ипотека! – мрачно буркнул эльф.

– Глупый, я тебе потом объясню, что это такое. У меня нет никакой ипотеки. Да и к порче и сглазу она не имеет никакого отношения, поверь мне! – развеселилась я, надеясь получить еще порцию предсказаний. Так, какие у меня могут быть вопросы к прорицателям? Ага! Придумала! Сейчас дойдет мой черед и начнется веселье! Обожаю мутновидящих!

Через пару минут молчаливая прорицательница мадам Этуаль, бледная как смерть, в черном балахоне, костлявой рукой поманила меня в палатку.

– Я вижу два конца... – завывала гадалка прямо с порога, ожидая

увидеть мою реакцию.

Я молчала.

– Я вижу два кольца... – еще более жутким голосом провила мадам Этуаль, показывая на меня костлявым пальцем.

– И посередине гвоздик? – ужасаясь, спросила я. – Вы видите ножницы?

– Да! – выдохнула мне в лицо гадалка. – И этими ножницами ты отрезаешь свою нить судьбы!

– Простите, а как я режу? Вдоль? Или поперек? – абсолютно серьезно поинтересовалась я.

– Ты режешь нить своей судьбы!!! – завывала гадалка, в надежде, что я сейчас осознаю весь ужас происходящего.

– И что мне теперь делать? – спросила я, пытаюсь казаться напуганной.

– Я дам тебе подсказку! Без окон, без дверей – полна горница людей! Когда ты осознаешь ответ, то истина снизойдет на тебя, словно свет!

– Огурец! Ответ на загадку – огурец! – радостно выдохнула я. – И где истина? Где свет? Где просветление?

– Мое всевидящее око мутнеет... Сегодня духи не хотят больше разговаривать с тобой... – завывала гадалка, протягивая руку.

Я отсчитала ей деньги, давась от смеха.

Мы вышли из палатки, глядя на толпу страждущих, которая собралась послушать детские загадки.

– Вообще-то, с точки зрения логики... – осторожно начал Андоримэль. – Ответ «огурец» явно неправильный! При чем тут люди? Я бы предположил, что это имперские казематы, где замуровывают людей заживо.

– Логично, что загадка – не логична! – улыбнулась я. – Но ответ – огурец. Тут уж ничего не поделаешь...

– Ладно! Пошли дальше! Слушай, а мне нравится ход твоих мыслей! Я не думал, что это так забавно! Давай заглянем в эту палатку! – улыбнулся мой спутник.

– Не вопрос! – радостно заявила я, решительным шагом направляясь к цветному шатру с надписью: «Великий прорицатель».

Стоило только перешагнуть порог палатки, как я увидела кучу грамот, которые показались мне очень знакомыми... Самая большая грамота «Укротителю и победителю дракона» висела прямо по центру. Я собиралась уже уйти, как вдруг страшный голос меня спросил:

– Кто посмел нарушить покой великого прорицателя?

– Годвин, ты, что ли? – поинтересовалась я, чувствуя, что этот

деятельный старичок меня окончательно доконает.

– Присаживайся на стул! – скомандовал голос. – Я расскажу тебе всю правду о твоём прошлом, назову твоё имя и скажу, какое проклятие висит на тебе!

– Я тебе сама об этом рассказывала, так что не считается! Ты лучше мне про будущее что-нибудь расскажи! – взбодрилась я, присаживаясь в кресло поудобнее.

– Будущее твоё туманно, но я вижу две фигуры. Белая и черная. От тебя ничего не зависит. Тебя ждут неожиданный сюрприз и страшное предательство, подкрепленное ещё более ужасной ложью... – заутробным голосом вещал Годвин. – Смерть хочет вонзить в тебя свои когти...

– Отлично! Я это знаю, а что по поводу моего выигрыша на Имperiовидении? – поинтересовалась я.

– Ты проиграешь все, что у тебя есть, но выиграешь намного больше... – заявил Годвин.

– Вау! Слышишь, Андоримэль, мне тут выигрыш пророчат! – усмехнулась я, подпихивая эльфа в бок.

– Знаешь, чтобы проиграть на этом конкурсе, выступая от имени императора, нужно очень сильно постараться... – глубокомысленно заметил эльф. – Пойдем в другую палатку.

День медленно клонился к закату, а мы обошли все палатки провидцев, целителей, колдунов и ведьм всех мастей. Исходя из полученной астральным путем информации по поводу моего прошлого, можно с уверенностью предположить, что я мать-одиночка четверых детей, с ипотекой, которую можно снять при помощи убийства ни в чем не повинной курицы. На мне висят венец безбрачия и оковы безденежья. Дополняет все это очень мощный сглаз от завистников (конечно, у многодетной матери-одиночки с ипотекой завистников хоть отбавляй!), а ещё какая-то темная женщина с дурным глазом в полночь закопала черного кота под лестницей моего дома и рассыпала зерна, а страшный мужчина каждый день молится богам о моей смерти. Это моё прошлое и настоящее. Теперь немного о будущем. Мне пророчат успехи в карьере (если я в трилуние обезглавлю черного ягненка топором палача), успехи в личной жизни (если я зарою свою, простите, кашку под третьим деревом на рассвете, прочитав сорок раз какую-то мантру), богатство (если я раздам милостыню тысяче нищих, куплю черный платок, заверну в него черную иглу и принесу на кладбище и оставлю на могиле с моим именем), необычайное везенье (если мне удастся оторвать кусочек одежды у самого везучего человека, сшить из нее трусы и каждый вечер натираться

кошачьим пометом). В итоге, чтобы нормально жить дальше, мне придется перебить всю живность в округе, мазаться любой какашкой, которую удастся найти, и регулярно гулять по кладбищу, в надежде, что кого-то с редким здесь именем Серафима, прикопают там раньше меня.

Вдоволь насмеявшись над мутновидящими и целлюлитами, мы с эльфом отправились домой. Точнее, он проводил меня до дома, а сам решил в кои-то веки переночевать у себя.

– Помни, завтра генеральная репетиция! Послезавтра – конкурс! И если в этот раз ты снова захочешь отлынивать – пеняй на себя! – заявил мой учитель.

Я кивнула, понимая, что даже генеральная репетиция не спасет моих зрителей и слушателей от ужаса, поэтому впервые ушла спать с чистой совестью.

Глава 22

Призрак Ёперного балета

Утром я проснулась полная решимости победить. Мой поросячий задор заставил одеться как можно быстрее и спуститься вниз, чтобы получить свой завтрак. Пока я ела, чувствовала, что после эльфийской пищи мой желудок сворачивается в трубочку и сжимается в комочек от наслаждения нормальной едой. Слуга принес письма, а я краем глаза прочитала, что одно из них адресуется мне. Я схватила его, распечатала и...

Вы когда-нибудь получали письма с угрозами? Я, например, нет. Это у меня впервые.

Я порежу тебя на части, скормлю свиньям и буду долго глумиться над твоими останками...

А дальше шла картинка, нарисованная от руки, со всеми кровавыми подробностями, которая и являлась инструкцией по моему расчленению. Все было сделано в классике жанра. Буквы были вырезаны из газеты «Вечерняя империя» и приклеены, я так понимаю, на чьи-то сопли. Почему сопли? Да потому, что я нигде не видела клея в продаже. Я сразу представила Фредди Крюгера, который бережно вырезает буквы из газеты своими руками-крюками и клеит письмо с угрозами, как первоклассник аппликацию.

– Вы это видели? – спросила я, бледнея от столь неожиданного сюрприза. – Это же кошмар какой-то! Брр-р-р...

– Да ладно... Это всего лишь какой-то сумасшедший фанат, который не знает, как ему выразить свою любовь... – махнул рукой Джио. – Я, например, коллекционирую такие письма. Хочешь покажу?

Я кивнула, холодея от ужаса.

Джио попросил слугу принести его письма, чтобы показать всю глубину «любви и обожания». Я быстренько пробежала глазами парочку писем. Особенно меня впечатлили рисунки с колом и отрубанием рук и ног. Были и откровенные рисунки с каннибальским уклоном с подписями: «Я тебя съем». Это меня успокоило. Коллекцию писем унесли.

– Сегодня мы будем репетировать в Имперском театре оперы и балета. Там и будет проходить Империевидение, – сказал Джио, жуя булочку. – Декорации туда отвезли, пони сейчас туда направляется, а после завтрака туда направимся и мы...

И мы направились. Прямо у входа стояло несколько ларьков по продаже билетов. Спекулянты всех мастей требовали купить билет на событие года немедленно, ибо билетов уже нет, но только для нас и только за десять золотых найдется билет на галерку.

Основная касса была расположена прямо в коридоре, украшенном резными колоннами и зеркалами.

– А билеты кто брать будет? – спросила женщина с синдромом вахтера. – Вход без билетов строго воспрещен!

– Мы участники, а не зрители! – отмахнулся эльф, проходя в зал.

– Ну и что? – возмутилась вахтерша. – Это не освобождает вас от покупки билета!

– Не обращайтесь внимания, – махнул рукой Джио. – Здесь даже уборщицы покупают билет для того, чтобы прибраться!

И мы невозмутимо прошли мимо орущей вахтерши-билетерши в телогрейке. Поднявшись по огромной лестнице, мы попали в роскошный зал, украшенный огромной люстрой и гобеленами. Помимо обычного зрительного зала, по размерам превосходящего футбольное поле, по бокам располагались ложи, украшенные гербами их владельцев. Императорская ложа находилась слева от сцены, на которой свободно – и главное, что незаметно – могло пастись стадо бегемотов в тени двух огромных слонов.

– Ничего себе! – произнесла я, глядя на огромную люстру, которая на свету переливалась хрустальными бликами. Даже моя тушка терялась на столь огромной сцене, где уже были расставлены какие-то кристаллы. – Это что еще за выставка полудрагоценных камней? – спросила я, прикасаясь к одному из них.

– Не трогай руками! Это ретрансляторы. На центральной площади города и на центральных площадях всех населенных пунктов будут стоять огромные зеркала, куда будут передаваться звук и изображение. Их только что магически зарядили, поэтому могут биться магией! – пояснил Джио, осматривая декорации. На сцене были размещены огромные зеркала и большущая рамка, правда, без картины.

– А рамка для чего? – поинтересовалась я, помня, что руками трогать ничего нельзя.

– Там, под сценой, находится механизм, который будет менять декорации для каждого участника. Сейчас, я спущусь и попробую узнать у гномов, установили ли нашу декорацию или, как обычно, сделают это в последний момент, – сказал Джио, спускаясь в оркестровую яму.

– А я пока что попробую договориться с осветителями, чтобы они правильно дали свет... – сказал Андоримэль, направляясь в сторону

скрытой двери.

Эльфийский хор уже прибыл в полном составе и занял свои места на многоярусных лавочках.

Я присела на край сцены и вдруг почувствовала, как моей руки коснулась какая-то бумажка, приколотая к розе. Я осмотрелась вокруг, но рядом никого не было. Я была точно уверена, что ни розы, ни бумажки я раньше не заметила. Мм! Цветы – это так приятно! Я еще и петь не начала, а мне уже подарили розу! Я даже взглянула наверх, чтобы понять, откуда ее принесло, но никакой подсказки я не нашла.

Развернув бумажку, закрепленную печатью с изображением черепа, я стала читать:

Преподаватель по вокалу. Индивидуальный подход, репетиторство на дому, подбор репертуара. В случае отказа возможен летальный исход.

Призрак

Пам! Па-па-па-па-пам! Ту-дум! Я сразу прикинула, насколько хорошо крепится люстра к потолку, и что из декораций может упасть мне на голову. Вспоминая все, что может быть связано с Призраком Оперы, я немного успокоилась, ведь, скорее, все это – шутка очередного больного на голову фаната. С тяжелым скрипом в рамку встало мое звездное небо и колоски. Я снова перечитала содержимое бумажки и собралась ее выбросить вместе с розой, но потом решила уточнить у эльфов, чья это злая шутка? Почему-то мне казалось, что кто-то из ушастых должен что-то знать.

– Письмо! – ахнула одна эльфийка, показывая пальцем на мою бумажку, – Это письмо от Призрака! Мамочки! В последний раз я видела такое пять лет назад, когда мы пели вместе с покойной дивой Соль мон Эллой. Это было ее последнее выступление! Призрак утащил ее, и больше ее никто не видел!

– Не может быть! Ты говоришь о том самом случае? – перепуганно зашептались эльфы. – Это действительно было просто ужасно! Сначала письмо-предупреждение, приколотое к розе, потом странные совпадения, а потом, прямо во время исполнения арии «Моя плешивая любовь» из оперы «Парикмахер», Призрак утащил ее со сцены...

Тут на шум и галдеж пришел Андоримэль, вопросительно глядя на хор. Те наперебой начали объяснять все, требуя, чтобы хор исключили из концертного номера, мол, за такой риск им никто не доплачивает!

– Побесится и успокоится! – спокойно заявил эльф, присаживаясь в первый ряд, – Быстро по местам! Начали!

К нему присоединился Джио. Я, все еще сжимая в руке бумажку и розу, заняла свое место рядом с понем.

– Выйду ночью в поле с понем... – запела я, чувствуя, что подобными вещами меня уже не удивишь.

Эхо было таким сильным, что мне даже не нужен был микрофон. Это было круче, чем петь в душе или в туалете! Акустика была просто великолепной, поэтому я чувствовала себя как минимум Монтсеррат Кабалье.

И тут прямо рядом со мной одно из огромных зеркал дало страшную трещину. Меня это ничуть не смутило. Я же слышала, как оперные дивы силой голоса заставляли лопаться хрустальные бокалы! А я чем хуже? Трещина поползла вверх, и тут из зеркала вылетело стекло, нарушая все законы физики.

Я успела отпрыгнуть в сторону поня, и ни один из осколков меня не зацепил.

– Пережали! – вынес свой вердикт Джо. – До завтра все исправят. Нужно сказать техникам.

Ваша покорная слуга опасливо стала коситься на битые стекла, а потом на бледный хор, у которого, судя по виду, «в зобу дыхание сперло».

Я как ни в чем не бывало продолжила пение, а потом услышала странный скрип. Я медленно подняла глаза вверх и увидела, как на меня падает занавес. Понь сориентировался быстрее и потащил меня за собой куда-то влево. Я едва успела пригнуться и почувствовала, как меня накрывает пыльной, но очень тяжелой тканью. Выпутавшись из нее и чихнув пару раз, я встала на ноги.

– Может быть, как-нибудь в другой раз? – взмолилась я, глядя на своих менторов.

– Я так и знал, что занавес плохо закрепят! – мрачно заметил Джо. – В прошлый раз он упал прямо на исполнителя... Пришлось делать срочную замену...

– Занавеса или исполнителя? – спросила я, дуя на столб пыли.

– И того и другого... – загадочно ответил орк.

Прибежали гномы, присобачили занавес на место, проверив для надежности все крепления, сняли мерки с разбитого зеркала и удалились прочь.

Тут откуда-то сверху упало еще одно письмо, к которому была привязана роза.

– Слышь ты, Призрак ёперы! У тебя там что? Палисадник? Вот и окучивай свой розарий и не мешай мне репетировать! – заявила я, разворачивая письмо.

На этот раз я читала с выражением и вслух:

То, что ты называешь пением, воистину ужасно! Но не все потеряно! Стоимость обучения – 100 золотых в год. Занятия в четверг и субботу. Аттестат по окончании. Пробное занятие бесплатно! Собери пять роз и получи скидку! Акция действует (далее неразборчиво).

Призрак

– Слышь, репетитор! У меня уже есть учитель, поэтому занимайся своей частной практикой в другом месте! – заявила я, комкая письмо. Розу я оставила себе. Приятно, что впервые за все время пребывания в этом мире мне подарили цветы.

– Не обращай на это внимания! Пошумит и перестанет! – заявил эльф. – Репетируем, чего стоим! Я же с вас не слезу до тех пор, пока не увижу и не услышу то, чего хочу. Сима, постарайся петь с душой! И сильно не перетягивай ноты! Ты начинаешь дико фальшивить...

Ага, скотинка ушастая, попробуй сам петь с душой, когда на тебя балконы падают! А еще мне очень хотелось по маленькому. Я уже пыталась сдерживаться и дожидаться конца репетиции. Нет, все-таки не сдержусь!

– А где здесь туалет? – поинтересовалась я как бы невзначай.

– Выходишь из зала, потом направо и дальше по коридору... – ответил Джио, обсуждая с эльфом расстановку осветительных кристаллов.

Я пулей метнулась в сторону заветной двери, но меня ожидал эпик фейл в виде таблички: «Туалет не работает» Дальше шла приписка, написанная кем-то от руки: «Сволочи, мерзавцы... Хоть бы горшок с цветами рядом поставили!» Потом еще приписка, написанная совсем другим почерком: «Терпение делает нас сильнее!» – еще ниже следовала надпись: «У тебя что, штанов запасных дома нет?» Потом ниже шло: «Фу! Как некультурно! Вы все-таки находитесь в обители искусств!» – и финальный аккорд: «Смотрите под ноги... Возможны лужи!»

Мало того что его закрыли на ключ, так еще и опломбировали! Караул! Я подергала дверь в надежде, что это чья-то глупая шутка, но дверь была закрыта. И как они собираются принимать тысячи людей, когда в таком роскошном зале нет простого туалета? Ладно, потерплю как-нибудь.

Я снова заняла свое место, но стоило быстренько пропеть первый куплет, как я увидела странный силуэт, мелькнувший где-то среди кресел зрительного зала. Я пропела второй куплет, чувствуя, что из-под ног уходит земля. Да! Так оно и есть! Подо мной открылся люк, но, вместо того чтобы упасть туда, я застряла в нем, как пробка.

– Слышишь, Призрак! – заорала я. – Ты эту выгребную яму для дистрофиков выкопал? На пробное занятие я не подписывалась!

– Я вижу тебя насквозь! – сказал страшный голос откуда-то снизу.

– Я не ношу бикини, поэтому не надо ля-ля! – заметила, чувствуя, что юбка задралась, обнажая толстые ляжки, с которых медленно сползали вниз огромные рейтузы.

Ко мне поспешили на помощь и стали тянуть меня вверх, как репку. Снизу меня тянул Призрак, ухватив за ногу. Ощущение было явно не из приятных. Перетягивание Симы длилось полчаса. И мне уже самой было интересно, кто победит. Инфернальная сущность, которую язык тянет назвать «сучностью», или эльф вместе с орком и хором, которые тянули меня изо всех сил.

«Посадил дед репку... – задумчиво протянула совесть. – Выросла репка большая-пребольшая. Сто пятьдесят шесть килограмм... И стал дед репку тянуть». Ну и где та норушка, которая должна прийти самой последней и помочь сборной деревни выиграть чемпионат по перетягиванию репки?

Призрак ухватился за мои трусы и стал что есть силы тянуть вниз.

– Эй, Призрак, будь так любезен, – простонала я, – почеси мне правую ногу! Выше! Выше... О да... Оу! Какое облегчение! Только вот за трусы не тани, а то... Ой!

Стоп! При чем здесь облегчение? Я что-то не поняла...

– А-а-а-а! – заревел Призрак откуда-то снизу. – Мои глаза! Мой костюм!

– Простите, – стыдливо сказала я, чувствуя себя очень неловко. – Просто туалет закрыт на ремонт...

– Да я тебя! – заорал разъяренный Призрак, сдирая с меня нижнее белье.

– Сима! Не сдавайся! – кричал Джо. – Мы сейчас тебя вытянем!

– Меня легче закрасить, чем отодрать! – прокричала я, – пытаюсь пихнуть ногой Призрака. Хотя какой он Призрак, если, судя по ощущениям, я попала ему в лицо. И тут я пошла на хитрость!

– Поберегись! – крикнула я, обращаясь к Призраку. – Я сегодня на завтрак сливы запивала молоком!

Призрак тут же разжал пальцы, и я, словно пробка, вылетела из люка. Ура! Свобода!

– Постираешь – вернешь! Фетишист проклятый! – заорала я вниз. – Ручная стирка, минимум порошка. Смотри не порви, засранец! Они у меня единственные!

Люк закрылся, и я медленно встала на ноги, поправляя юбку. И тут краем глаза увидела, что огромная люстра начинает медленно раскачиваться. Все свечи погасли, но моих учителей это не сильно

напугало.

Откуда-то сверху раздался ужасающий смех, и появилась тень, которая, словно Тарзан на лиане, метнулась в мою сторону откуда-то справа. Я успела сделать шаг назад, и тень пролетела мимо.

– Недолет! – крикнула я, продолжая пение.

Неугомонный Призрак метнулся уже слева, я снова увернулась и услышала крики боли, когда Призрак впечатался в стену.

– Еще двадцать сантиметров левее, и я твоя! – злорадно заметила я, допевая куплет.

Качели продолжались до тех пор, пока я не потеряла терпение.

– А моей маме приснилось, что канат оборвется! – заявила я, уже очень утомленная попытками меня похитить.

И тут я немного ослабила бдительность, и Призрак врезался прямо в меня. Между прочим, это было больно. Он попытался утащить меня наверх, но то ли был слаб, то ли я была слишком тяжелой, но веревка все-таки оборвалась.

Эльф метнулся на сцену, но было уже поздно. Черный силуэт бросил на пол какую-то хрень, напоминающую дымовую шашку, и, кашляя, как туберкулезник с открытой формой, потащил меня куда-то вниз.

Мы плюхнулись в воду, но я не сдавалась и тут же выползла на каменные плиты по ступеням, которые непонятно зачем уходят прямо в неизвестный мне водоем.

Призрак тоже выполз, отхаркнулся и тут же встал во весь рост, схватил меня и потащил в сторону какой-то гондолы. На нем были черный плащ, маска, прикрывающая лицо, и шляпа а-ля пуританин. Не хватало еще трофейной индейки – и можно праздновать День благодарения.

– Можно было бы и вплавь... – выкашляла я воду. – И вообще, тут фундамент подмывает. Здание в аварийном состоянии...

– Замолчи! – страшным голосом сказал Призрак, взяв в руку весло и больно пихнув меня им в лодку.

Несколько минут мы плыли молча. Потом свернули и поплыли по какому-то туннелю, напоминавшему речку. Судя по запаху, я бы назвала ее Говнотечка. Наконец я не выдержала и решила спеть, чтобы скучно не было.

– А мы на лодочке катались... Не гребли, а целовались... – пропела я, особо не помня мотива старой песни.

Бедного Призрака аж передернуло. Вокруг было темно, и я включила фонарик на телефоне. Дальше слов песни я не помнила, но решила продолжить свои вокальные упражнения, тем более что у меня даже

репертуар подходящий был! Правда, всех слов я не знала, но меня это ничуть не смущало!

– Ин слип хи сонг ту ми! Ин дрим хи кэйм! Е павер ля-ля-ля... Хмы-хмы май нейм! – пропела я, прислушиваясь к эху.

И вот, набрав воздуха в грудь, чтобы выдать максимальную громкость, я взвыла:

– Ай ню май дрим эгейн! Ла-ла-ла тач! Ла-ла! Фантом ин опера из зе! Инсайд май майнд!

Призрак от неожиданности с тихим плеском выронил весло. Почесав макушку, он сел на нос лодки и стал грести руками, прямо как Голлум.

– Моя прелес-с-сть... – просипела я ему в спину. – Противный хоббитс-с-с украл нашу прелес-с-сть...

– Да заткнешься ты уже?! – заорал Призрак.

– А это канализация? – поинтересовалась я, чувствуя соответствующие запахи.

– Да! – рявкнул Призрак.

– Ты это... Не сильно брызгайся... – заметила я. – И какули не к лодке, а от себя отгребай... Правильно! Молодец! Так держать!

То ли Призрак греб усердно, то ли течение было сильным, но нас прибило к берегу. Там стоял конь.

– Не! На коня я не полезу! – заявила я. – Тебе придется меня посадить.

Призрак стал меня подсаживать, и наконец ему удалось. Он взял коня за поводья и повел его куда-то вглубь туннеля. И тут я вспомнила, что не допела песню до конца! И я ее допела! На последней ноте, которую я взяла так, что конь остановился как вкопанный, а Призрак закрыл уши руками, я удовлетворенно вздохнула. Итак, все формальности соблюдены, поэтому дальше можно ехать молча.

И вот мы приехали! Отворив какую-то металлическую дверь, Призрак пригласил меня войти. Ну как пригласил... Впихнул, так сказать.

«Царские хоромы!» – с явным оканьем заявила моя совесть, разглядывая обиталище Призрака. Имея такую недвижимость, я бы каждый день посылала письма в программу «Квартирный вопрос» с фотографиями, чтобы мне хоть обои поклеили да потолок побелили.

Среди всякого хлама, который явно был собран с окрестных помоек, стояли стулья и рояль. Я не хочу знать, как его сюда притащили, но сам факт наличия рояля вызвал у меня умиление. Косо-криво на стенах были прибиты какие-то полочки, на которых валялись книги и бутылки. Вообще, если бы не рояль, это напомнило бы мне типичный гараж, который

переходит по наследству из поколения в поколение в очень экономной и большой семье, где никогда и ничего не выбрасывается.

Внезапно гора хлама зашевелилась. Из груды всякой рухляди выползли три черепашки...

«Мы не жалкие букашки! Суперниндзя-черепашки!» – пропела совесть, вспоминая мультик, из-за которого я столько раз опаздывала в школу, ведь садисты-телевизионщики транслировали его в семь тридцать, по две серии, а в восемь нужно было уже сидеть за партой. Но как тут оторвешься от однообразных приключений храбрых мутантов?

– Дон, Лео, Раф ... – поприветствовал Призрак своих домашних зверюшек.

– Стоп, а где четвертая? – спросила я, понимая, что меня подло и жестоко обманули, причем еще в детстве.

– Вот он! – показал Призрак на рояль, где стояла пепельница из черепашьего панциря.

Все... Мое детство кончилось... Сожрали Микеланджело...

– Ты не выйдешь отсюда, пока не научишься петь! – сказал Призрак, снимая шляпу и плащ.

– Значит, я останусь тут навсегда... – мрачно заметила я, осматриваясь по сторонам.

Маску Призрак оставил напоследок, чем и возбудил мое любопытство. Я медленно подошла к нему, словно за моей спиной затаилась съемочная группа, которая снимает самую трогательную сцену всей мелодрамы.

Я стянула с него маску и увидела нечто ужасное на правой стороне лица! Полностью опухший лоб, огромный отек на глазу, переходящий в щеку... Мне даже стало жаль беднягу. Действительно, с таким уродством фото на паспорт можно делать только в профиль.

– Ты, главное, не отчаивайся... Я понимаю, что у тебя трудная жизнь с таким увечьем, но, поверь мне, внешность – это не главное, – тихо произнесла я, стараясь не смотреть на изуродованную половину лица.

– Ты о чем? Я вообще-то нормальный! Это ты меня сегодня с ноги приложила! Теперь неделю точно сходить будет! – возмутился Призрак, ощупывая гематому. – А на целителя денег, как назло, нет... И лекарств нет... Это просто ужас какой-то!

– Н-да... Ну маской прикрой... Я же не со зла... Не я же с тебя трусы стаскивала и за ногу тянула... – ответила я голосом, преисполненным обиды. – И вообще, компресс приложи. Говорят, что лучшим средством является моча.

– Внутрь? – спросил Призрак, явно не подозревая, о докторе

Малахове.

– Можно и внутрь... Но лучше наружу... – со знанием дела проинструктировала я. – Главное, не переборщить... И лучше пропаренную... Выводит шлаки и токсины, улучшает биоритмы, чистит организм... Я не пробовала, но многие авторитетные источники утверждают, что результат превзойдет все самые смелые ожидания. Но я бы для верности еще и подорожник приложила.

– А как ее пить? – поинтересовался Призрак, поставив меня в тупик своим наивным вопросом.

Я поднатужилась, но дозировку так и не вспомнила. Блин! Ну не досмотрела я тогда этот занимательный ролик.

– По мере поступления! – авторитетно сказала я. В этот момент я почувствовала себя народным целителем. За пару секунд я уже встала на одну ступень с Малышевой и Малаховым.

– Отложим лечение на потом, а пока приступим к вводному занятию! – сказал Призрак, садясь за рояль.

– А может сразу к выводному? – с надеждой спросила я, глядя, как под ногами ползают черепашки. Вот как им теперь объяснишь, что их друг в оранжевой повязке пал смертью храбрых в кипятке?

– До! – Призрак ударил по клавише. – Давай повторяй.

– До... мой хочу! Кушать и спать! – пропела я, явно промазав мимо ноты.

– Ре! – Призрак взял следующую ноту.

– Ре... монт тебе тут нужен. Иначе и дальше будешь сидеть без работы! – пропела я, глядя, как капают с потолка какие-то нечистоты.

– Ми!

– Ми... кробов здесь, поди, целая куча! Кому охота заниматься в такой антисанитарии?

– Фа!

– Фа... нтом ин опера из зеа... Инсайд май майнд! – пропела я, добавив: – Ту... тру-ту-ту-ту тум! Ой! Я что-то проголодалась! И кому же в ум придет на желудок петь голодный?

– «Рафаэлло» будешь? – спросил Призрак.

– Нет! Я против того, чтобы ты убивал этих милых черепашек! – заорала я.

– Я тебе конфеты предлагаю! Мне тут благодарные ученики принесли. Поздравили... – Призрак всхлипнул. – С Днем учителя! Не забывают... Помнят...

Мне просто зачесалось попробовать «Рафаэлло» местного

изготовления! И вот появилась коробка, где лежало что-то, на самом деле похожее на мои любимые конфеты. Я сглотнула слюни и тут же потянула конфету в рот, вспоминая чудесный вкус кокосовой стружки и крема.

– Отряхни его! Ты же не будешь его с плесенью есть? – спросил учитель, сковыривая белую плесень ногтем. Под плесенью, которую я приняла поначалу за кокосовую стружку, была обертка, скрывавшее что-то крайне неаппетитное, мало напоминающее конфету, больше напоминающее какой-то кусок... в лучшем случае... глины.

Я положила конфету в рот и стала медленно жевать. На вкус она была явно не шоколадка, а так, потекшая дешевенькая глазурь вперемешку с сахарной пудрой.

– Пашибо! – сказала я, пережевывая конфету. Нет, все-таки больше похожа на ириску.

– А теперь приступим к занятиям! – строго сказал Призрак, снова садясь за рояль.

– Как ты докатился до такой жизни? – спросила я, присаживаясь на старое кресло без подлокотника, зато с инвентарным номером.

– Я был великим учителем! Ко мне приезжали со всей империи! Но однажды я имел несчастье спросить у одного министра, как рядовой учитель может выжить на такую мизерную зарплату. Тот мне ответил, что я еще достаточно молод, чтобы заниматься бизнесом! Ты представляешь? Бизнесом! Я – почетный учитель года, преподаватель со стажем двадцать лет! Бизнесом! – расплакался мой собеседник.

Я подождала, когда он утрет слезы и продолжит свое повествование. Скрипя зубами и скрепя сердце, Призрак собрался с духом и выдал:

– Я тогда решил взять в аренду помещение... Но это было очень дорого. Единственное, что я мог придумать, так это притащить сюда рояль и силком тащить сюда учеников. Есть, конечно, те, кто идут добровольно. Но последние три месяца у меня не было ни одного желающего, поэтому приходится действовать силовыми методами. Иногда я вынужден брать ученика в заложники, пока мне не принесут оплату за занятия. Вот такой бизнес! А если я в своей жизни умею делать только две вещи – учить и петь? Вот и надеюсь я, что за тебя принесут выкуп. Я уже им записочку оставил, куда деньги положить.

– Да ты оптимист... – улыбнулась я. – Бюджетник, а в сказки веришь...

Глава 23

«Добро пожаловать!»

Не знаю точно, сколько продлилось бесплатное пробное занятие, но Призрак под конец порвал свой диплом «Заслуженный преподаватель музыки» и собирался сломать себе пальцы крышкой рояля, но я помешала ему.

– Не стоит так расстраиваться, – сказала я ласково, придерживая крышку рояля. – Вы замечательный учитель! Я уже многому научилась! Теперь я пою в два раза громче за счет правильного дыхания! Хотите, покажу?

– Умоляю... Не надо... У меня сердце слабое... И давление скачет! Ты денег хочешь? Возьми все, что у меня есть, только не пой... Я на лекарства откладывал... – взмолился Призрак, опустив голову на клавиши.

«Это был Бах или даже Брамс», – вспомнила совесть слова известного юмориста про то, как группа очень интеллигентных людей каталась на рояле. И тут мое воображение нарисовало картинку, когда музыкант играет, а девушка лежит на рояле и поет. Черт! Почему я не вспомнила о такой возможности еще до того, как мы ставили номер? Было бы вообще убойно, если бы пять мускулистых мужиков выкатили на сцену рояль, на котором лежу я, а после песни закатили бы его обратно. И не дай бог меня вызовут на бис! Интересно, а меня на рояле лучше тянуть или толкать? А может, рояль будет тянуть эльфийский хор? Им все равно на сцену выходить! «Дуби-и-инушка, ухнем!»

– Почки слабые, сердце слабое... – бухтел Призрак, перечисляя свои болячки. – Зуб пора вырывать, все никак на целителя не нахожу. Цены кусаются. Везде очереди.

Вот нудотик! Кстати, где эльф? Почему он до сих пор не прибежал на мое пение и не пристрелил меня?

– Я, наверное, прилягу... Что-то у меня давление поднялось... – жалобно сказал Призрак и поплелся на старую, заваленную какими-то тряпками кровать.

От нечего делать я стала разглядывать горы хлама. Среди стопки газеты «Вечерняя империя», я нашла интересную книгу в ужасной обложке со следами огня. Очевидно, ее пытались сжечь, но она не горела. Называлась книга «Друг познается в биде». Слава богу, книга слиплась, и о

каком друге шла речь и какое он имеет отношение к миру белоснежной и высокопрочной керамики, мне узнать не удалось. Зато я нашла себе чтиво на весь вечер.

В первом же выпуске я увидела интервью с известным гномьим архитектором по имени Ширлиндц, который разработал систему оросительных каналов для сельскохозяйственных угодий. Мои ожидания оправдались только к середине статьи: «Никогда еще Ширлиндц не был так близок к ...аналу». Мерзко хихикая, я достала следующую газетку и стала читать про альянс между русалками и империей, которую безвестный автор озаглавил «Союз меча и ...орала». Как выяснилось из статьи, на гербе империи изображен меч, а на гербе русалок – коралл. Ладно, пропустили вторую «л», но куда делась первая буква «к», так и осталось загадкой! Теперь понятно, почему русалки не горят желанием дружить. Мне жутко захотелось побывать в этой типографии, посмотреть в глаза озабоченному редактору и наборщикам текста, а также отменить свободу слова. Вот такой я тиран!

А вот опубликованы стихи известного имперского поэта Пьеро Бумагомарателя в честь годовщины его творческой деятельности. Назывались они просто «За окном ... блым ... бло». Очевидно, имелось в виду «За окном белым-бело», поскольку в первой строчке этого бессмертного произведения значилось именно так, но либо по злому умыслу или в спешке в заголовке буквы «е» и «б» поменялись местами.

В следующем номере была статья «Гений поэзии внезапно скончался от сердечного приступа», а дальше следовал некролог П. Бумагомарателю, который пересказывал всю его творческую биографию, основанную на воспоминаниях друзей. Все откровенно недоумевали, что послужило причиной столь внезапной кончины известного деятеля искусств, который еще совсем недавно, буквально неделю назад, чувствовал себя просто отлично и имел далекоидущие творческие планы. Статья была написана, как ни странно, без единой опечатки, если не считать последней фразы: «Всю свою жизнь он посвятил своему любимому телу».

В одном из относительно свежих выпусков была заметка: «Редакция газеты ищет специальных корреспондентов. Опыт работы приветствуется, но не обязателен. Раса и пол не имеют значения. Основные требования: грамотность, умение излагать свои мысли, умение правильно подавать материал, готовность к командировкам. Дружный коллектив, обучение». Все! Решено. После Империиовидения пойду в журналисты! Но это на тот случай, если с сольной карьерой у меня не сложится.

Призрак очнулся после того, как я случайно уронила сломанный стул

на груди стекла.

– О! Вам уже лучше! – обрадовалась я. – Давайте еще позанимаемся! У меня завтра выступление, поэтому я очень нервничаю!

Призрак вздохнул и посмотрел на меня так, как смотрел Януш Корчак на фашистов, отправивших его в газовую камеру вместе с учениками. Судя по взгляду, он готов был умереть смертью храбрых, прихватив меня с собой, чтобы избавить мир от моих вокальных пыток.

– Ладно, – сказал Призрак, сглатывая и садясь за рояль. – Начнем с распевки.

Где-то в середине занятия на пороге появился грязный и рассерженный эльф с мешком денег в одной руке и тростью в другой. Нет, ну кто его просил лезть в белом камзоле в канализацию? Теперь только «Тайд» или кипячение. Третьего не дано.

– Я тут занимаюсь! – с гордостью ответила я. – Хочешь, покажу, как я научилась правильно брать дыхание?

– Вставай, пойдем отсюда, – злобно произнес Андоримэль, бросая мешок денег в руки Призраку. – Моральная компенсация за пробное занятие.

– А почему ты так долго? – обиженным голосом заявила ваша покорная слуга. Еще бы, герои обычно бросаются спасать красавицу сразу!

– Я дал ему время, чтобы он понял и осознал свою ошибку! – язвительно заявил эльф, хватая меня за руку. – А ты давай молись и кайся. Иначе я передумаю и оставлю ее здесь.

– Простите... – прошептал Призрак. – Я больше не буду!

– Завтра в девять часов в Эльфийскую филармонию. Приступаешь к работе! Не опаздывать. Зарплату и обязанности обговорим отдельно, – отрезал Андоримэль, а потом наигранно радостно: – Поздравляю, вы приняты на работу!

Призрак сидел как громом пораженный. Вот что значит, найти работу не выходя из дома!

– Сима! Давай на выход! – резко дернул меня мой учитель, сдувая непослушную прядь золотистых волос с лица.

– А почему ты так со мной разговариваешь? – возмутилась я, вырывая руку из руки эльфа.

– Пошли быстрее. Я уже весь пропитался этими мерзкими запахами! – вспыхнул Андоримэль, брезгливо морща нос.

Я молча последовала за ним, дуясь, как хомяк на крупу. Через десять минут мы были уже на поверхности. Я демонстративно отвернулась и пошла вперед, игнорируя его замечания и жалобы на то, что пришлось

лезть в канализацию и испачкаться «по уши».

– Сима! – возмутился эльф. – Ты меня слушаешь?

– Нет! – гневно заявила я, чувствуя, как в моей душе нарастает обида. – Мне не нравится твой тон! Я хочу побыть одна! Так что езжай домой, а я прогуляюсь! Никто не заставлял тебя лезть в канализацию! Поэтому не нужно мне высказывать, на какие жертвы ты пошел ради меня! Костюмчик испачкал, бедняжечка... Коричневенькое – отмачивать, желтенькое – застирывать.

– Я что-то не понял... – начал эльф зловещим голосом, но потом холодно произнес: – Сначала переоденься, а потом броди себе по улицам на здоровье. Надеюсь, твою одежду успеют отстирать и высушить. Советую быть дома рано утром, чтобы успеть привести себя в порядок. Увидимся завтра. Я надеюсь.

Эльф силой впихнул меня в карету, которая повезла к дому Джио, где я приняла ванну, переоделась и наконец-то нормально поела.

После ссоры с Андоримэлем на душе был осадок. Ненавижу, когда со мной разговаривают в таком тоне и высказывают претензии. От Андоримэля я такого не ожидала. Мысль о том, что мы вроде как друзья, вмиг улетучилась. Если этому ушастому чистота своего костюма дороже, чем нервы друга, который и так уже неделю живет на пороховой бочке, то пусть проваливает на все четыре стороны. Такие друзья мне не нужны. Я смогу сама о себе позаботиться.

«Думай о завтра уже сегодня!» – заявила мне совесть, с которой я согласилась. Сольная карьера мне не грозит. По окончании конкурса меня выбросят на улицу, поэтому стоит подумать о том, чтобы найти работу, снять жилье и потихоньку начинать новую жизнь.

Я решила стать журналистом! И вот я уверенно иду по указанному адресу, сжимая в руках газету. Никогда не думала, что эта бронированная дверь со смотровой щелью и надписью: «Добро пожаловать», где какой-то хулиган дописал от себя «ся!», – ворота в мир свежих новостей и сплетен. Рядом с дверью стояло ведро с надписью: «Жалобы», судя по тому, сколько жалоб в нем накопилось, скоро их будут выносить, не рассматривая. Над ведром от руки было написано: «Нам очень важно ваше мнение!» Постучавшись в дверь, я стала ждать, когда мне откроют. За дверью послышались шаги, и подозрительный голос спросил: «Кто там?»

– Я по поводу работы! – радостно заявила я, предвкушая славу «акулы пера».

– Отлично! У нас как раз есть три вакансии! – сказал мой невидимый собеседник, щелкая какими-то шпингалетами, звеня ключами и цепочками.

И вот я шагнула в святая-святых имперской журналистики – в редакцию газеты «Вечерняя империя». Прямо в коридоре висели портреты в черных рамках. Портретов было много. Под потолком красовалась черная надпись: «Они погибли при исполнении служебных обязанностей». Рядом была пустая «Тоска почета».

Меня отвели в кабинет к редактору, который был похож на огромный студень. Он лениво открыл глаза, взглянул на меня и спросил:

– Че надо? Жалобы оставлять при входе!

– Я на работу устраиваться! По объявлению! – сказала я, разглядывая кабинет, в котором вместо обоев были расклеены выпуски газеты. Маленькое зарешеченное окошко, которое больше напоминало бойницу, освещало огромный письменный стол, на котором было пусто.

– Ах! На работу! – студень затрясся, протягивая руку. – Вы приняты!

– Что? Прямо так сразу? – удивилась я.

«Пришел, увидел, победил», – гордо заявила совесть.

– А теперь иди и познакомься с коллегами! Они тебе все расскажут и объяснят! – махнул рукой студень, погружаясь в дремоту.

Я вышла, немного недоумевая, но тут же увидела дверь с табличкой: «Тихо идет работа!» Отсутствие запятой привело меня в двусмысленный восторг. Я толкнула дверь и очутилась в маленьком и очень душном, несмотря на открытое окно, помещении. Там стояло четыре стола. На столе у окна лежали цветочки, перевязанные черной лентой «От калек по работе».

– Твое место у окна! – заорали журналисты, среди которых я узнала ту скотину, которая брала у меня интервью.

– Шныра Говенная, – заявил облезлый, похожий на крысу мужичок. – Хотя мы уже знакомы.

– Змея Подколотная, – протянула мне руку худая женщина с зелеными волосами.

– Тварь Дрожащая! – представился худой и носатый молодой человек.

– Зарплата у нас хорошая, – сразу заявил Шныра, пряча под столом свои стоптанные ботинки.

– Коллектив дружный! – ядовито улыбнулась Змея.

– Есть возможность карьерного роста! – тихо прошептал Тварь.

Я внимательно посмотрела на журналистов, недоумевая, какой нормальный человек, будучи в здравом уме и твердой памяти, будет брать себе такие псевдонимы?

Я села за столик и спросила, есть ли для меня какое-нибудь задание? Мне тут же ответили, что сейчас занимаются подготовкой нового выпуска,

в котором осталось место для маленькой статейки. Я обрадовалась, ведь мне предоставляется шанс блеснуть своим знанием грамматики и стилистики.

– А тема какая? – поинтересовалась я, схватив лежащее на столе самописное перо и чей-то исчерканный блокнот.

– «Поздравление императора с выбором невесты!» – сказал Шныра, копаясь в своем блокноте.

– Нет! Поздравления пишу я! – возмутилась Змея. – Там есть тема: «Проблемы имперских дорог!»

– Я уже заканчиваю про дороги! – заявил Тварь, тряся каким-то листочком.

– Ну, тогда пиши про вчерашнее окончание ремонта городской канализации! – заявила Змея, достала из стола пилочку для ногтей и начала их пилить.

– Отлично! Я пошла! – радостно сказала я. – Где ремонтируют? Кто ремонтирует? Я сейчас сбегая и все узнаю!

На меня посмотрели как на сумасшедшую. Тварь Дрожащая показал мне на ящик стола и сел рисовать голую женщину.

Я открыла ящик стола и увидела четыре стопки бумаги. Взяв в руки часть первой стопки, я поняла, что это отпечатанный в типографии трафарет «Поздравления». В самом низу стоял штамп «Утверждаю», подпись главного редактора и пометка «В печать!».

«Мы (я) поздравляем (ю) _____ со столь радостным и знаменательным событием _____. Желаем (ю) удачи, счастья, радости, терпения и всего самого наилучшего! _____».

Следующая стопка содержала заготовку соболезнования в связи с неким печальным событием, а точнее, с чьей-то кончиной:

«Мы (я) приносим (шу) глубокие соболезнования в связи с _____. Это – страшная потеря для _____. Мы (я) скорбим (лю), бросая последнюю горсть земли на _____. Крепитесь!»

Третья заготовка была связана с каким-то нейтральным, но в то же время эпохальным событием государственной важности:

«___ числа в ___ часа (ов) в _____ состоялось грандиозное, эпохальное по своим масштабам событие, заставившее сердца людей трепетать от восторга. Всеобщее ликование охватило жителей империи, и длилось оно целый день. Этим событием мы обязаны _____, который собственноручно внес свой вклад в _____. Ему и

предоставили первое слово. Столько радостных эмоций, столько восторга, столько счастья принес (ла), _____! В глазах каждого жителя империи читалось только одно: „Чтобы _____ никогда не заканчивался (лась, лось)!“»

Я взяла в руку четвертую заготовку, которая выражала некий протест против некоего события, явно неугодного жителям города.

«Это позор! _____ – это худшее, что может произойти в империи! Все жители были крайне недовольны _____, выражая свой протест криками возмущения. Страшное недовольство охватило все слои населения! Долой _____! Долой _____! Мы не собираемся поддерживать _____!»

– А можно написать от себя? Без заготовок? – наивно поинтересовалась я, чувствуя, что ни одна из них не подходит к ремонту канализации. «Любимый город может с... ать спокойно!» И тут даже если ошибочка выйдет, то ничего страшного. Что «п», что «р», что «с» – все отражает суть ремонта в полной мере.

– Ты с ума сошла? – воззрились на меня коллеги. – За этим столом сидел Йорик Бедный. Он всегда протестовал против шаблонов и писал, как он говорил, «от души». Вчера прямо в это окно влетел нож и вонзился ему в спину! Такая глупая и нелепая смерть на рабочем месте...

Я тут же похолодела, отползла на край стола, сев спиной к стене, и стала думать. Итак, у меня тема «Ремонт канализации», о котором я слыхом не слыхивала. Что я про него знаю? То, что это ремонт канализации, который явно был инициирован, как я думаю, императором. Ладно, попробуем! Значит, ключевые слова «ремонт канализации», «император», «жители империи».

Я взяла поздравительную заготовку и стала работать. Ну не могут же жители поздравлять императора с окончанием ремонта? Значит, согласно логике, поздравлять всех должен император!

Я поздравляю народ империи со столь радостным и знаменательным событием – окончанием ремонта канализации. Желаю удачи, счастья, радости, терпения и всего самого наилучшего! Император.

Что-то не очень радостно получается, может быть, попробуем скорбно?

Я приношу глубокие соболезнования в связи с ремонтом канализации. Это страшная потеря для жителей империи. Я скорблю, бросая последнюю горсть земли на канализацию империи. Крепитесь!

У меня начал дергаться глаз. Оставалась лишь надежда на то, что

следующая заготовка окажется более удачной.

? числа в? часа в столице состоялось грандиозное, эпохальное по своим масштабам событие, заставившее сердца людей трепетать от восторга. Всеобщее ликование охватило жителей империи и длилось оно целый день. Этим событием мы обязаны императору, который собственноручно внес свой вклад в ремонт канализации. Ему и предоставили первое слово. Столько радостных эмоций, столько восторга, столько счастья принес ремонт канализации. В глазах каждого жителя империи читалось только одно: «Чтобы ремонт канализации никогда не заканчивался!»

Это конец моей журналистской карьеры! Оставалась еще одна заготовка, куда я вписала ключевые слова, понимая, что такое ну точно не опубликуют!

Это позор! Ремонт канализации – это худшее, что может произойти в империи! Все жители были крайне недовольны ремонтом канализации, выражая свой протест криками возмущения. Страшное недовольство охватило все слои населения! Долой ремонт канализации! Долой императора! Мы не собираемся поддерживать ремонт канализации и императора!

Я грустно перечитала все четыре «статьи», прикидывая, на какие статьи местного Уголовного кодекса тянет каждая. Самой безобидной мне показалась статья-поздравление. Самой худшей была последняя. Если первая статья тянет на маленький нагоняй, то последняя – на трехтомник уголовного дела.

– Может быть, я все-таки схожу и посмотрю, что там за ремонт был, кто ремонтировал, когда закончилось... – с надеждой спросила я, понимая, что с журналистикой я немного погорячилась.

– Ты что, собираешься выйти на улицу? – в ужасе закричал Тварь Дрожащая. – Это же самоубийство!

– Если кто-то узнает, что ты журналист, то тебя сразу убьют на месте... – прошипела Змея Подколотная.

Ладно, не буду рисковать... Придется из четырех зол выбрать меньшее. Я взяла и сложила бумажки, как колоду карт, перетасовала и вытащила наугад. Попалась, как ни странно, поздравительная открытка.

– А как подписывать статью? – поинтересовалась я. – Мне тоже нужно придумать себе какой-нибудь псевдоним? А как вы придумали свои?

– Мы не придумывали... – мрачно ответила Змея. – Нас так нарекают благодарные читатели. Публикуешь статью, выходишь на улицу, и первое, что услышишь, и станет твоим творческим псевдонимом.

– А последнее, что ты услышишь, станет твоей эпитафией! – поддакнул Тварь Дрожащая.

Что-то мне перехотелось быть журналистом.

– Я, наверное, пойду... У меня важные дела дома... Я утюг на плите оставила... – взволнованно пролепетала я, осторожно пытаюсь улизнуть.

– Еще одна не выдержала! Быть журналистом не каждому дано! – глубокомысленно заявил Шныра, задумчиво глядя в окно.

– Не умеешь – не берись! Журналистика – удел избранных, – заметила Змея Подколодная, приступая к ногтям на ногах.

– В нашей нелегкой профессии главное – стойкость, напористость и мотивация! – отчеканил Тварь Дрожащая.

О! Я уже мотивирована! Так мотивирована, что на всю жизнь хватит. Спешно пройдя мимо тщедушного охранника, который открыл мне дверь, я вышла навстречу свободе. И в этот момент я не имела в виду свободу слова.

Я брела по улице, оттирая чернильные пятна с правой ладони. Да, столь быстрого увольнения по собственному желанию в моей практике еще не было. Недалеко стояли две палатки по сбору подписей. Первая палатка собирала подписи против восстановления гномьего цирка, который сгорел дотла. Вторая палатка собирала подписи за восстановление гномьего цирка. Я внимательно следила, как народ, расписавшись в одной палатке, идет и расписывается в другой. Меня тоже позвали расписаться. Я подошла к палатке «против» и взяла в руки лист. Росписей было мало, в основном стояли крестики, которых я могу нарисовать еще полсотни. Вот она какая, активная гражданская позиция.

Какая-то улыбчивая бабушка подошла ко мне и писклявым голосом спросила: «Вы верите в Ктулху?»

– Нет, не верю... – мрачно ответила я.

– А он есть! – пропищала старушка, пытаясь всучить мне какую-то брошюрку.

Открыв ее на первой странице, я прочитала: «Вы потеряли смысл жизни? Вы не уверены в завтрашнем дне? У вас опустились руки? Приходите в храм Ктулху! Жертвоприношения каждые четверг и пятницу!» На обложке был изображен улыбающийся осьминог с кровавыми щупальцами.

Поблагодарив бабушку, пообещав прийти в следующий четверг, чтобы приобщиться к прекрасному, я двинулась дальше. На горизонте замаячил берег моря. Среди причалов на волнах качались какие-то небольшие суденышки, а на горизонте стояли огромные корабли.

Я присела на пирс и окунула ногу в воду. Холодные пальцы коснулись моей ноги, и тут же появилась голова Сафиры.

– Приветичек! – безобразно улыбнулась русалка. – Как продвигается покорение империи?

– Хреноваستنенько... – буркнула я. – Завтра Империиовидение, а у меня ужасное предчувствие...

– Не ссы, медуза, море рядом! – подбодрила меня Сафира. – Ты ведь хорошо подготовилась?

– Ну конечно, – соврала я. – Я столько занималась и репетировала, что просто не могу не победить!

– Вот видишь... – улыбнулась Сафира. – Джио молодец! Он из тебя настоящую звезду сделает!

– Знаешь, я хотела тебя спросить, император сможет меня расколдовать? А то вдруг все это было напрасно? – поинтересовалась я, свесившись с пирса и понизив голос до шепота.

– Сможет... – уверенно ответила русалка. – Во всем, чему учился, он достиг вершины мастерства!

Я задумалась. В исключительность этого человека я не верила, а вот в магию даже очень... Тут догадаться совсем нетрудно! Получается, что одним из желаний, которое загадал император, было «быстро прокачивать навыки и быстро достигать уровня грандмастера», выражаясь игровым языком. Еще одно желание – понимать все языки, на которых тут говорят. В этом мы с ним похожи. Но у него было и третье желание... Интересно, каким оно было? Стоп! А вдруг третьего желания не было?

– А император загадывал три желания? – спросила я напрямую.

– Да. Больше я ничего тебе не могу ответить. Желания, которые загадывают люди, – это конфиденциальная информация. Особенно когда дело касается императора. Я поклялась своим хвостом, что никому не скажу, что он загадал, – гордо ответила Сафира. – Я вообще редко даю людям такую возможность... И не все могут ею правильно воспользоваться! Недавно выловила одну девушку. Буквально вчера. Притащила ее в этот мир, разговорились, она рассказала мне про моментальную диету. Я ей говорю, что могу выполнить три желания. Знаешь, что она загадала?

– Не-а... – сглотнула я, вспоминая себя в этот момент.

– Норковую шубу, айфон и грудь пятого размера! – сказала Сафира. – В итоге она в норковой шубе, с разрядившимся последним айфоном и огромным бюстом отправилась на поиски приключений. Через пятнадцать минут ее сожрал дракон. Кстати, тебе норковая шуба не нужна? Почти

новая. Недорого...

– Нет, спасибо... – покачала головой я.

– Жаль... Мне она тоже не нужна. В ней плавать неудобно! Ты у знакомых спроси про шубу. Может быть, кто-то заберет? Я уступлю... Ладно, бывай... Я буду болеть за тебя! – Сафира нырнула, а я осталась сидеть на причале. Солнце медленно ползло к закату, намекая на то, что пора бы отправиться домой и хорошо отоспаться. Завтра будет очень трудный день!

Глава 24

Что ж ты, милая, смотришь искоса...

Закон подлости гласит, что именно в самый ответственный день, в час икс, у тебя случится то, о чем ты даже подумать не мог. Перед свиданием с самым красивым мужчиной на свете у тебя на лице раздуется подкожный прыщ, а на глазу вскочит ячмень. Перед важной поездкой у тебя начнется несварение желудка, причем такое, что ты возблаговаришь богов за изобретение wi-fi, потому что будешь выходить в Сеть по принципу «семь – сорок». Семь минут с ноутбука, сорок минут с телефона. А перед собеседованием на работу у тебя начнутся такие насморк и кашель, что говорить с тобой будет возможно только в случае наличия респиратора и костюма химзащиты. За пару часов до того, как тебе предстоит фотографироваться на документы, у тебя надуется огромный флюс. И ты, как односторонний хомячок, можешь позировать исключительно в профиль. Это я к чему веду? Именно сегодня, когда мне предстоит выступать перед многотысячной аудиторией, на меня напала жуткая икота. Я икаю уже два часа без остановки. Я выпила три литра воды, присела шесть с половиной раз, задержала дыхание почти до полной потери сознания, и все впустую! Проклятая икота никак не оставляла меня в покое, заставляя все тело содрогаться от мучительных приступов. Будучи в душе несуетливым скептиком, я тут же стала вспоминать тех, кто мог бы меня вспоминать незлым тихим словом. Почему-то я грешила на эльфа, с которым разругалась накануне и который к вечеру прислал коротенькую записку, где извинялся за свой неподобающий тон. Никакого раскаяния в его словах я не увидела, поэтому просто порвала бумажку и сделала салют из кусочков. Перебрав в уме всех знакомых, я поняла, что повод вспомнить меня есть у многих, но к икоте это не имеет никакого отношения.

В итоге, сидя в кресле у парикмахера, который пытался сделать при помощи шиньонов и донорских волос Пизанскую башню на моей голове, щедро украшенную бантиками и заколочками, я раз в полминуты делала громкое «ик!». Через час парикмахерских ухищрений моя голова стала клониться набок или вперед из-за несусветной тяжести сооруженной на ней прически. Ровно держать ее я не могла по определению. Почему-то сразу вспомнился индийский чай, который по своему составу напоминал матрас моей бабушки. На его упаковке улыбчивая индианка держит на

голове корзину, куда складывает чайные листья. Я позавидовала ей черной завистью.

«Что ж ты, милая, смотришь искоса, низко голову наклоня!» – нараспев спросила совесть у моего отражения. Мое отражение посмотрело на меня, как партизан на фашиста. Правда, гордо поднятая голова, которой славились все комсомольцы-герои перед расстрелом, мне не грозила.

– Ну как вам? – спросил уставший парикмахер, выдирая пучок волос из расчески.

– Симпатичный причесонч-ик! Прямо ик-она стилия! – выдала я, стараясь не показывать, что я икаю. – Только можно ее облегчить! И убрать этот бант-ик!

Парикмахер снова стал колдовать, и я почувствовала, как моя голова становится легче. Не в плане просветления, а в плане прически. Часть бантиков было брошено на пол, часть заколок навсегда покинула начес.

– А теперь? – спросил уставший мастер волосяного жанра.

– Просто ш-ик! – икнула я, разглядывая прическу в стиле мадам де Помпадур. – Я бы еще какой-нибудь веноч-ик! или цветоч-ик! пр-ик! – репила...

Веночек и цветочек прикрепили, и в целом я осталась довольна. Ногти наращивать по эльфийской технологии я отказалась, мотивируя свое решение тем, что я простая баба с рабочими руками. Мне наложили сценический грим, который почему-то многие девушки считают «вечерним макияжем». Судя по тому, что он начал подтекать уже через пять минут на жару, то к выступлению я превращусь в толстое подобие джокера-трансвестита.

Платье мое удалось отстирать, и оно снова приобрело товарный вид. По поводу туфель – тут меня ждал неприятный сюрприз. На моих хрустальных лабутенах слетела набойка. Как могла слететь хрустальная набойка, для меня загадка, но, судя по моим недавним приключениям на вечеринке в честь открытия, я еще отделалась легким испугом. Так что сейчас они были в ремонте.

Очнулась я, когда было уже два часа дня. До выступления оставалось еще четыре часа, поэтому я отчаянно искала, чем бы занять себя на это время, но противная икота мешала мне сосредоточиться. Джио с самого утра куда-то умелся, поэтому мне было откровенно скучно. Если честно, то я была бы даже рада, если бы в гости заглянул Андоримэль, но он, судя по всему, на меня обиделся, поэтому ждать его визита было бессмысленно.

«На сердитых воду возят!» – заявила моя совесть скрипучим голосом бабушки. Я представила себе картинку, похожую на «Бурлаки на Волге»,

только вместо бурлаков один-единственный эльф, который натужно тянет баржу, груженную водой. Моя логика воспротивилась такому сравнению.

Я снова перепробовала все средства для преодоления столь противного недуга, как икота, и решила просто успокоиться. Ничего страшного, до выступления должно пройти, иначе вместо песни будет икотный ремикс, который тоже может сойти за новое музыкальное течение. Я переслушала почти всю музыку на телефоне, а потом легла и закрыла глаза. Скоро, если все пройдет без сучка, но с задоринкой, мое желание сбудется! От всяких «сучков» нужно держаться подальше, а задоринку я обеспечу, даже не сомневайтесь. Скоро я снова стану стройной и красивой... Я приоткрыла глаз, посмотрела на свой жир и почему-то подумала, что буду скучать по нему. Мы с ним столько вместе пережили, а сегодня мне придется с ним расстаться навсегда. Я снова закрыла глаза и очнулась, когда часы пробили пять. Мне пора ехать. Карета была подана, а я, прикинув, все ли я взяла и все ли на себя надела, посмотревшись в зеркало, на ватных ногах, цокая лабутенами по паркету, как лошадь Пржевальского, отправилась покорять музыкальный олимп империи.

Возле местного Театра оперы и балета народу было больше, чем людей. Для артистов был организован отдельный вход, сродни красной дорожке на церемонии вручения премии «Оскар». Я вывалилась из кареты, опираясь на руку лакея, отдавливая ему ногу хрустальным каблуком с новой набойкой. Покрасневший от натуги и боли, он пожелал мне удачи, а я послала ему воздушный поцелуй, от которого он инстинктивно попытался увернуться. Прodefилировав мимо толпы восторженных фанатов (спрашивается, откуда они взялись?), игнорируя протянутые мне самописные перья и листовки, где они просили оставить автограф, я медленно двинулась по лестнице, опираясь на перила. Меня услужливо проводили в мою гримерку, где я просидела в ожидании минут двадцать. В центре гримерки стояло большое зеркало, в котором было видно все происходящее на сцене. Оттуда доносились гномья ругань, топот ног, шелест кулис. На столике стояли какие-то духи, склянки, белила и прочая ерунда. Икота вроде бы приутихла, но я чувствовала, что она еще прошла не до конца.

– Ик-ак! мне теперь петь? – спросила я себя. От нечего делать я выглянула в коридор. Слуги несли букеты цветов в гримерку Мэй Донны и Мариэль Мэрло. В гримерку огра тащили целого поросенка, а в гримерку к Джейгу Урдану осторожно, пряча его от посторонних взглядов, – алкоголь. Возле гримерки Спаси Хайло собралась толпа фанаток, которая требовала оставить автограф прямо на обнаженной груди. «Убитлз» репетировали,

приводя сумевших пробраться сюда фанатов в экстаз.

Мне цветов не несли. Принесли одну розу, которую я сразу узнала, с маленькой записочкой от Призрака, где значилось, что он жив, здоров, переехал, получил должность худрука. Потом мне передали какой-то мешочек, в котором лежало что-то похожее на тюремную передачу. Хлеб, фляга с водой и маленький кусочек подгулявшей буженины. Хлеб я попыталась разломить, в надежде, что там лежит нож или напильник и мне удастся в случае чего отсюда сбежать, но хлеб был настолько старым, что им можно было забивать гвозди. Я попробовала – получается. Да таким хлебушком можно спокойно делать ремонт! Через десять минут мне принесли огромную ракушку, внутри которой задохнулся и помер, сильно благоухая, неведомый мне моллюск. Ну хоть не «рука дружбы».

В гримерку постучались. Я великодушно разрешила войти. На пороге стоял улыбчивый и симпатичный молодой человек с корзиной цветов. Неужели?! Хоть кто-то додумался! Наверняка у меня есть тайный поклонник, который решил меня побаловать! А может быть, это...

– Цветочки не нужны? Недорого! – заявил с порога молодой человек, улыбаясь все шире и шире.

От досады и разочарования я тут же запустила в него какой-то пузырек. С профессиональной ловкостью коммивояжер увернулся и с той же самой невозмутимой улыбкой продолжил:

– Чашки, кружки, украшения, часы... С эмблемой Империиовидения.

Я швырнула в него огромный пузырь с каким-то зеленым содержимым и попала прямо в плечо. Пробка пузыря была плохо закрыта, поэтому все содержимое разлилось у входа.

– Не надо так не надо! – сказал молодой человек уходя. Судя по запаху, который стал витать в комнате, это был ацетон с легким ароматом сероводорода и ноткой потных мужских носков. Для чего применялось это средство, мне так и не удалось узнать.

В дверь снова постучали. Я уже держала наготове очередной флакон. Молодой человек молча втащил огромную корзину белых роз.

– Пошел вон, продажн-ик! – заорала я, прицеливаясь как следует. – Ни кружеч-ик, ни цветоч-ик! мне не надо!

Молодой человек сразу разгадал мои планы и метнулся в сторону двери, забыв прихватить свою корзинку. В этот раз я попала в дверь, а флакон разбился вдребезги. К едкому аромату из предыдущей коллекции прибавился запах лаванды. Парфюмер Зюскинда, учуяв этот изысканный аромат, побил бы мировой рекорд по задерживанию дыхания.

«Лава-а-а-нда-а-а! Горная лаванда!» – запела моя совесть, а мне

осталось только зажать нос и притащить добычу поближе, поставить ее на видное место и сделать селфи. Еще бы! Пока женщина сама не проявит инициативу, никто ей цветов не подарит! А поскольку цветы в моей жизни, явление еще более редкое, чем мужчины, я решила увековечить этот момент.

Пока я пыталась примостить корзинку напротив зеркала, я случайно задела локтем и разлила еще один флакончик, который запа́х освежителем воздуха «Елочка». Сделав несколько снимков на телефон, я решила поставить корзину пониже, чтобы было видно все розы, но случайно, среди цветов, увидела маленькую записочку.

– Хм... Надеюсь, что это не ценн-ик!.. – прокашлялась я, разворачивая бумажку. – Интересно, сколько стоит эта красота?

Но это был не ценник. Это было нечто бесценное.

Я всегда был и остаюсь твоим другом. Удачи, что бы ни случилось.

А.

Хм... А я уже думала, что добыла этот букет честным трудом, а мне его подарили... У-у-у! Так неинтересно! Я сунула записку в декольте. Внезапно я услышала, как из зеркала донеслись фанфары. На сцене появился Джио, одетый как петух на выпускном вечере в курятнике! Меня чуть не стошнило от ядовито-зеленой рубашки с розовым жабо и штанов цвета спелой дыни. Белый парик был украшен розовыми прядями, а накладные уши блестели от бриллиантов. «Алле? Полиция моды! Приезжайте и арестуйте это зеленое тело! В качестве наказания наденьте на него белую рубашку и черные штаны! Можете задушить его галстуком! Я не возражаю!»

– Дамы и господа! – торжественно воскликнул Джио. – Я безумно рад приветствовать вас на ежегодном конкурсе песни Империевидение. Вы знаете, насколько важно для нас чувствовать свое единство, поэтому сегодня, на этой самой сцене, где я сейчас стою, мы услышим исполнителей со всех уголков империи! А некоторые, кто не пожалел денег на билеты в первом ряду, еще и увидят! Шучу! Ежегодный песенный конкурс Империевидение объявляется открытым!

Пока звучала музыка и не утихали аплодисменты, я молилась о том, чтобы первой была не я! Икота, которая, как мне показалось, почти полностью прошла, начала меня мучить с новой силой.

– Итак, сейчас на сцену поднимется наш первый участник! Мы просим пройти на сцену самого поющего гнома! Джейг Урдан, прошу вас подняться на эту сцену! Пока наш исполнитель спешит порадовать нас своим вокальным номером, я хочу рассказать вам о нем. Наш участник

работает грузчиком. Про то, что поет, узнал абсолютно случайно, когда ему на ногу упал ящик с чугунными чушками. Недавно он пошел на повышение и стал старшим грузчиком. Слова своей первой выразительной песни наш герой написал тогда, когда его бригада случайно разбила двадцать ящиков с бесценным фарфоровым сервизом. Через три дня он проснулся знаменитым. Его песню разобрали на цитаты и до сих пор используют для сопровождения погрузочно-разгрузочных работ. Встречайте! Джейг Урдан!

На сцену поднялся артист в сопровождении других гномов, которые притащили какие-то странные ящики, канистры и прочую утварь. Одет он был в какой-то рабочий комбинезон. Если бы одежда была почище, то он был бы похож на бородатого Супер Марио. Музыканты расселись и взяли первую ноту. Один гном дул в пустые бутылки, другой стучал металлическим прутом по огромному чану, третий грюкал канистрами... Под незамысловатую мелодию Джейг Урдан открыл рот, и я почувствовала, что сейчас тоже встану и начну что-то носить и таскать. Из приличных слов были только предлоги, а к музыке, в общепринятом понимании, это имело очень отдаленное отношение. Чтобы не цитировать его творчество и не вызывать ужас у читателей, я постараюсь осторожно пересказать смысл песни. Первый куплет был посвящен тому, что все, мягко говоря, молокососы, у которых руки растут из дряблой попы. Второй куплет раскрывал умственный потенциал невидимого собеседника. Третий куплет был больше похож на угрозу, а четвертый заканчивался словами «делайте сами, раз такие умные!», правда, в более забористых выражениях с характерным сплевыванием на сцену.

Песня окончилась, зал выдохнул с облегчением, а потом разорвался аплодисментами. Браво! Брависсимо!

На сцене появился Джо и подошел к Джейгу Урдану, который, красный как рак и запыхавшийся, как вскипевший чайник, сплевывал под ноги.

– У вас есть возможность сказать нечто очень важное, и вас услышит вся империя... – произнес радостно орк.

– Я... хочу... передать... привет... моей... бригаде! И сказать... им... на... всю империю... что если они еще раз ... то я им!.. – Джейг Урдан сделал характерный жест, и все сразу поняли, что конкретно имел в виду гном.

Ха! Если так пойдет и дальше, то у меня есть все шансы! Ик! Да чтоб тебя!

– А мы провожаем нашего участника за кулисы и встречаем нового!

Точнее, новую! Легкая, как ветер, нежная, как суфле... Мариэль Мэрло... – радостно воскликнул Джио. – Много лет назад, когда Мариэль была совсем маленькой, ее чарующий голос привлекал птиц со всей округи. Самую высокую ноту в своей жизни она взяла в тот день, когда случайно повстречалась с драконом, который в полной мере оценил ее вокальные данные, раз мы имеем счастье лицезреть ее на этой сцене! Мариэль работает учительницей анатомии в бедной эльфийской школе. Поскольку школа очень бедная, в ней почти нет учебников, поэтому Мариэль приходится все показывать на себе... Встречайте – Мариэль Мэрло!

Красавица вышла на сцену в серебристом платье и грациозно поприветствовала зрителей. Вслед за ней на сцену поднялись два эльфа, которые, краснея от натуги, тащили огромную вызолоченную арфу. К арфе подседа невзрачная эльфийка и взяла первую ноту. Еще три красавицы встали на подпевку.

Облизнув губы и взмахнув ресницами, Мариэль начала петь. Я плохо помню, о чем была песня... Я даже не помню, на какой мотив, потому как все мое внимание буквально прилипло к певице. Она не просто пела, она показывала всю песню. Изредка я ловила слова «посмотри в мои глаза», «прикоснись к моим губам», «проведи рукой по шее» и дальше все в том же духе, но уже спускаясь все ниже и ниже. По этой песне зрителям представилась возможность изучить анатомию исполнительницы, которая под конец второго куплета начала медленно снимать с себя платье, дабы еще более детально ознакомить всех присутствующих со своим суповым набором. Зал боялся шелохнуться. Платье упало к концу третьего куплета, обнажив роскошное нижнее белье, которое соблазнительно сидело на идеальном теле.

Хм... Если развивать мысль дальше, то можно спеть и про печень, и про почки, и про селезенку. «Поцелуй меня в печень!», «Ласкай мои почки!», «Укуси меня за аппендикс!» (и желательно отгрызи его!) Короче, полная диагностика в стиле доктора Хауса. Я представляю, сколько мужчин сейчас снова хотят сесть за школьную парту! Но поскольку время было ограничено, а внутренних органов исполнительницы хватило бы на целый студийный альбом, пришлось довольствоваться лишь самыми значимыми частями тела. «У! Биология! У! Биология!» – пропела совесть, вспоминая эпатажный клип, который крутили по телевизору во времена моей юности.

Да... После такого выступления у меня маловато шансов... Кстати, я тоже могу раздеться, однако в моем случае это звучит скорее как угроза, нежели как награда благодарным зрителям. «Ничто так не пугает мир, как всем известный бабий жир!» «Рыбий!» – поправила совесть со знанием

дела. «Бабий!» – уверенно заявила я.

В самом конце песни Мариэль сняла бюстгальтер и бросила его в зал, прикрывая руками грудь.

В зале начались драка и давка. Чувствую, что после такого, ее принц на белом коне прискачет к ней быстрее ветра, и, возможно, даже не один. Да у нее сейчас целый факультатив наберется! Некоторые даже на второй год останутся.

– Итак, – сказал Джио, обращаясь к Мариэль. – Что бы вы хотели сказать всем? У вас есть только один шанс!

Мариэль вздохнула, томно взглянула куда-то в даль и страстно прошептала:

– Я жду тебя, мой герой... Мой богатый, сильный, храбрый, красивый... Мы будем вместе. Ты, я и биология...

Стоп! А как же приют для слабоумных деток, которые наше все? Я так не играю!

В этот момент даже я сглотнула, хотя к богатым, сильным, храбрым, а уж тем более красивым я не относилась. Да и гендерные признаки явно не соответствовали целевой аудитории. Аплодисменты не утихали еще минут пять. Медсестру и учительницу в одном флаконе мы уже видели... Осталось посмотреть полицейскую.

– После такого прочувствованного выступления я с радостью объявляю вам нашего следующего участника. Мы сумели порадовать всех мужчин, а теперь пришла очередь порадовать всех женщин! Спаси Хайло! Вся женская аудитория умоляет вас подняться на эту сцену! А пока наш герой поднимается, я немного расскажу о нем. Когда-то давно Спаси Хайло полюбил девушку. Он признавался ей в любви сотни раз, каждый раз подбирая новые слова. По вечерам влюбленный пел ей под окнами серенады, но она так и не ответила ему и вышла замуж за другого. Позже выяснилось, что она была глухонемая. И теперь Спаси Хайло пообещал себе, что всю свою любовь он подарит сразу всем женщинам! Его песни на один мотив, но сколько в них любви! Встречайте!

Спаси Хайло, одетый в роскошный фрак, в сопровождении нескольких музыкантов вышел на сцену. Он сразу встал на одно колено и запел. Смысла у песни особого не было, но зато она, словно пирожное с удвоенной порцией сгущенки, казалась приторной до невозможности. «Моя мясная нарезочка», «моя падшая звездочка», «мой котенок царапучий», «косточка моя обглоданная» и так далее. Не знаю, может быть, я и не женщина вовсе, но что-то песня меня не тронула, зато зал стоял на ушах. Мужья хватали жен за руки, мешая вырваться им на сцену и

броситься в объятия этого зеленого ловеласа с буйной фантазией. Меня чуть не стошнило!

В конце песни одна особо ретивая барышня умудрилась взобраться на сцену и побежала навстречу своему счастью, на ходу сдирая с себя одежду. На подлете к исполнителю ее перехватил ревнивый супруг, который выбежал следом и утащил ее, заливающуюся слезами, обратно в зал. Овации сопровождались женским визгом, писком и фейерверком из нижнего белья. Я все прекрасно понимаю, но, когда на сцену прилетели огромные мужские трусы, мне стало страшно за беднягу.

Да... Час от часу не легче!

– Дорогой Спаси Хайло! Что бы вы хотели сказать всей империи? – почти прокричал Джио, чтобы заглушить женский визг, доносящийся из зала.

– Я люблю тебя! – хрипло сказал он, глядя в зал, адресуя свои слова неизвестно кому. А может быть, всем и сразу!

Вот зря он это сказал. Зря, мужик, зря... Визг перерос в женскую истерику, и я так понимаю, что после этого мероприятия количество разводов побьет все рекорды!

Пока зал успокаивался, Джио объявил, что настало время для Мэй Донны!

– Раньше Мэй Донна пела в кабаках, но теперь она поет для вас на этой сцене. У нее была очень насыщенная жизнь! Ее сорок раз продавали в рабство, поэтому ее песня – это призыв бороться с рабством во всех его проявлениях! Встречайте – на сцене Мэй Донна и танцевальный коллектив «Рабы не мы».

На сцену поднялась одетая в черный кожаный костюм, похожий на костюм женщины-кошки, Мэй Донна. На цепях она вела за собой пятерых полуголых эльфов, на которых красовались шипованные ошейники.

В руках у красавицы были кнут и пряник. Откуда-то из-за кулис появились музыканты, которые тоже были во всем черном, и тут же начали играть достаточно прогрессивную музыку. Мэй Донна двигалась так ритмично и пела таким голосом, что я подумала, что рабство явно пошло ей на пользу. Периодически стегая кнутом свой танцевальный коллектив, выводя голосом, в котором сквозили холодная сексуальность и легкая насмешка, сложные пассажи, она показывала такие акробатические номера, которые мне, например, и не снились. Смысл песни, если он вообще был, заключался в жизненном опыте профессиональной рабыни. Я заметила, что многие извращения, которые она воспевала, народ записывал и запоминал. Получилось, так сказать, живое пособие для начинающего рабовладельца.

Парочку вещей и я взяла на заметку. Судя по некоторым элементам танца, Камасутру она не просто читала и прорабатывала, но к тому же дополняла и дорисовывала.

Зал, разумеется, воспринял песню явно не как книгу «Хижина дяди Тома», а скорее как руководство к действию. Аплодисменты не смолкали, а на вопрос, что Мэй Донна хочет сказать всей империи, пока у нее есть такая возможность, эльфийка выдала: «Я хочу, чтобы все мужчины стали моими рабами!» Идея с рабством была поддержана мужской частью зала. Желаящие стать рабами прямо сейчас толпами устремились на сцену, но многим помешали жены осуществить мечту всей их жизни. Судя по количеству желающих стать рабами, у эльфийки есть все шансы завести свою фазенду гектаров эдак на пятьдесят и стать почетным рабовладельцем.

Было отлично видно, как какая-то толстуха, покраснев от натуги, тащила своего тощего мужа обратно в зал, награждая его пинками и затрепинами. Мужик вырывался, верещал, протягивая хилые ручонки в сторону артистки. «Да я тебе стручок оборву!» – вопила толстуха, протискиваясь между рядами. Н-дя... Рабство, оно и в Африке рабство...

– А теперь пришло время «Убитлз»! Они вместе съели не одну собаку, что уж говорить о фанатах! Так полюбившийся вам коллектив снова вместе! Напоминаю, недавно они разругались из-за женитьбы одного из участников и чуть его не съели, хотя уверяют, что действительно съели, а на его месте – победитель конкурса двойников! Встречайте на сцене! «Убитлз»! Зеленая четверка!

Музыканты с костяными гитарами взбежали по ступенькам на сцену и тут же начали играть что-то очень заводное. Правда, смысла у их песен не было вообще, но зал начал качаться в такт музыке, а некоторые даже принялись подпевать! Они прикольно раскладывались на многоголосие, что позволяло предположить, что коллектив существует очень давно. Правда, меня смутило, что в песне часто повторяются слова «кости» и «мясо», но залу было все равно, поэтому к концу выступления он разразился настоящими овациями.

– Итак, что вы хотели бы сказать всей империи? – спросил Джо.

Я заметила, орки смотрят на него с откровенной неприязнью. Я бы даже сказала с плохо скрываемой ненавистью, но ответ у них был достаточно остроумен: «Приезжайте к нам в гости, оставляйте свои кости!»

– Спасибо вам за то, что вы впервые приняли участие в конкурсе, – заявил Джо и тут же объявил Огра. Он упомянул, что огры впервые принимают участие на Империиовидении, но больше ничего добавить не

смог, ибо биография одного исполнителя ограничивалась лишь словом «огр».

Народ притих и стал внимательно смотреть на то, как на сцену залез неповоротливый, огромный людоед. Он молча стоял, глядя на публику. Зрители стали терять терпение, и из зала раздались свист и оскорбления. Огр молчал-молчал, а потом запел... Я никогда в своей жизни не слышала такого голоса! У меня по коже побежали мурашки, а во рту пересохло. Коля Басков, если бы слышал это, тут же ушел бы со сцены в грузчики, потому как такое пение мне трудно даже описать. Я наслаждалась им, словно больше ничего на свете не существовало. Может быть, я редко посещаю театры или концерты, но это было просто божественно! У песни не было слов, исполнялась она без музыки, но ее мелодия и глубина меня просто поражали. Зал, сменив гнев на милость, аплодировал стоя.

Все, мне здесь делать нечего. Даже огр-людоед поет лучше меня!

– Что бы вы хотели сказать империи? Вас слышат все, даже ваши сородичи! – спросил пораженный Джио.

– При... вет, – прохрипел огр и, молча развернувшись, стал спускаться вниз по ступенькам.

Зал успокоился, а у меня затряслись колени... Мне нужно уже вставать и ковылять к сцене, но я не могу пошевелиться... В горле пересохло, сердце бешено заколотилось, и липкий пот побежал по спине. Я нашла в себе силы подняться и медленно направиться в сторону зала. Сейчас Джио объявляет мой номер...

Глава 25

Победила «Дружба»

Следуя указателям, я подошла к двери, которая вела в зрительный зал. Над дверью висела табличка: «Внимание! Антимагическая зона! Использование заклинаний, амулетов, зелий, талисманов опасно для жизни».

На ватных ногах, даже не слушая, что там про меня мелет Джио, я дошла до ступеней. Хор уже выстроился и готов был петь.

– Встречайте! Леди Баба! – закричал Джио, призывая зал к аплодисментам.

Я стала медленно подниматься по ступенькам, словно на Голгофу, стараясь не думать о плохом. Пять минут позора – и все закончится. Но успокоиться не получилось. Я вспомнила о том, что у меня в декольте лежит записка. «Я всегда буду твоим другом... Что бы ни случилось...» У меня почему-то перехватило дыхание. Как, оказывается, все просто...

«Главное, не падать духом!» – заявила совесть, но я не последовала ее совету и упала брюхом. Прямо на ступеньках, растянувшись во весь рост. Джио подлетел ко мне, помогая встать. Правая туфля улетела куда-то вниз, а левая так и осталась на ноге. Чуть не взыв от боли, проклиная хрустальные башмаки, я плюнула на все, взобралась на сцену, где тут же сняла другую туфельку, и босиком пошла на свое место.

– Не подведи... – прошептал Джио. – Ты должна попытаться выиграть...

Слово «попытаться» мне очень не понравилось! Раньше все мне говорили, что у меня очень много шансов, что, мол, ничего особенного делать не надо, но сейчас, увидев номера других исполнителей, я пожалела о том, что прогуливала репетиции. На меня уставились тысячи глаз. Я мельком бросила взгляд на ложу императора, а потом подошла к пони, но, вместо того чтобы начать петь, мой язык, заплетаясь от страха, начал молоть какую-то чушь.

– Спасибо вам большое, что дали мне, простой женщине, подняться на эту сцену! – тихо произнесла я, понимая, что никто до меня в такие пространственные вступления не вдавался. – Моя песня посвящается всем женщинам, которые мечтают найти свое счастье... Я дам вам подсказку... Знаете, счастье – это не тот человек, который всегда далек.

Зал слушал меня очень внимательно, а я словно видела и слышала себя со стороны, откровенно недоумевая, как я могу говорить такие откровенные вещи со сцены посторонним людям.

– Это не идеал, который тебе показали, как красивую картинку, – горько усмехнулась я, глядя в сторону императорской ложи. Я на секунду замолчала, закрыла глаза, а потом тихо произнесла: – Счастье – это то, что мы поначалу не замечаем, то, к чему привыкаем. Счастье – это те, кто тебя понимает... Счастье – это те, кто рядом в трудную минуту...

Вздохнув несколько раз глубоко, я начала петь. Перед моими глазами проплыл тот момент, когда мы все вместе, а точнее я, с группой поддержки сочиняли этот шлягер.

– Выйду ночью в поле с понем! – пропела я, слушая, как подпевает хор. Шныра радостно заржал. По сравнению с другими участниками мой номер выглядел бедненько, но чистенько... Никаких спецэффектов, никаких танцев на раздевание... Зато есть глухая икота, которая больше напоминала всхлипы.

– По следам за принцем пойдем! Ык! Только мы с понем по полю идем... Свадьба будет, если принца найдем... Ык! – распелась я, почувствовав себя уверенней. И тут, набрав как следует воздуха в грудь, изображая крик женской души, я выдала:

– Сяду я верхом на поня! Отнеси ты к принцу меня! Ык! Если он мужык, больше не сбежит... Привяжу его, и больше не сбежит... – в этот куплет я вложила всю горечь одинокой женской доли.

В зале раздался крик, очевидно, такой же одинокой женщины: «Цепями!» и «Покрепче!» Мне вспомнилось, как мы меряли ошейник, когда репетировали в первый раз.

Я положила руку на грудь, словно у меня разрывается сердце.

– Я ему в глаза посмотрю! – почему-то я сделала странный жест, который обычно не употребляю и который в американских фильмах называется «я слежу за тобой, говнюк». – И тарелку супа налью! Ну-ка, ешь, милоч, в супе есть белок! Без белка вообще какой от принца прок? Ык!

Почему-то я вспомнила, как мы с Андоримэлем ходили в эльфийский ресторан. Я рада была бы сходить туда еще раз, и даже за мой счет, даже если придется ловить по тарелке резинового колобка.

– Ночью в поле звезд – благодать! Ык! Принца что-то нам не видать! – я приложила руку козырьком и стала всматриваться в зал. Интересно, он переживает за меня?

– Схоронился он вон за тем кустом... – всплеснула я руками. – После

супа он страдает животом!

Я сделала небольшую паузу, чтобы люди прочувствовали мою трагедию.

– Не дано мужчин мне понять! От любви зачем убегать? – почему-то мой взгляд пополз в сторону императорской ложи. – Я со всей душой, доброй и большой... Накормлю его котлетой и лапшой...

И тут я почувствовала неведомый доселе прилив сил. Странное чувство воодушевления заставило меня сделать решительный шаг вперед, хотя мы так не репетировали!

– Будем вместе жить-поживать. И детишек славных рожать! – орала я, чувствуя, что Ленин на броневичке по сравнению со мной сейчас просто отдыхает. – Поднимать страну! Сеять целину! Точно в срок платить налоги в казну!

Закончила я первым куплетом, повторив его рефреном, но, правда, прозвучал он настолько грустно, что в зале раздался плач. Я никогда не слышала, чтобы зал рыдал... Женщины, которые только что готовы были бросить мужей ради Спаси Хайло, обнимали своих супругов и плакали. Мужчины, которые готовы были тут же развестись ради очаровательных эльфиек, утешали своих жен. И всюду раздавались всхлипы и плач... Я постояла еще минуту и уже собралась уходить, как люди начали вставать со своих мест.

– Спасибо... – раздался тихий женский голос откуда-то слева. Кто-то трубно высморкался.

Зал разразился аплодисментами. Джоу пытался их перекричать, но они не умолкали. Я стояла, чувствуя, что по моим щекам текут слезы. Теперь я точно похожа на Джокера. Главное – не улыбаться...

– Что ты хотела бы сказать всей империи? – спросил Джоу, скрывая легкую улыбку облегчения. Все, отмучилась, Сима.

– Сначала мне хотелось сказать что-то патриотическое, что-то слащавое, что-то провокационное, весело пошутить... – все-таки улыбнулась я, несмотря на потекший макияж. – Но сейчас я скажу просто. Цените то, что у вас есть. Не гонитесь за тем, чего у вас нет и, возможно, никогда не будет. Цените себя, свою семью, своих друзей, свою страну, свою империю. Спасибо.

Я медленно стала спускаться со сцены, чувствуя, что мое лицо горит, а зрители провожают меня взглядами.

– Объявляется антракт! – заявил Джоу. – Через несколько минут мы узнаем, кто из наших участников выходит в финал!

Ко мне стали подходить какие-то люди, жать мне руку, женщины

почему-то обнимали меня и благодарили. Но я чувствовала себя какой-то опустошенной. Я дошла до своей гримерки, под дверью которой была сложена гора цветов. Создавалось впечатление, что это не дверь, а памятник. Я осторожно отодвинула их босой ногой и вошла.

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный... К нему не зарастет народная тропа!» – продекламировала совесть. Главное, чтобы паломничество не началось. Интересно, а что люди делают в антракте, если туалет не работает? Ладно, лучше не буду об этом думать...

Какое-то странное оцепенение царило в моей душе. Я не хочу покидать этот мир, потому что здесь у меня появились настоящие друзья. Пусть немного, но они есть. Их трудно назвать людьми в прямом смысле слова, но они куда лучше, чем многие люди, которых я знала и знаю. Машка никогда бы не спасла мне жизнь. Она мне даже денег до зарплаты не давала, аргументируя, что все уже потратила. А на следующий день звонила и радостно рассказывала о том, как только что купила новую «шикарную, но пипец какую дорогую» сумочку, и это в тот момент, когда я потрошила карманы в поисках денег на проезд. Я была для нее жилеткой и «спасительницей», начиная от «Сима, а не могла бы ты посидеть с котом» или «Сима, помоги мне с компьютером». Но помогала ли она мне хоть раз? Я не помню... Честно, не помню... Глупо, да? То, что я всегда считала дружбой, называется совсем другим словом.

Я отхлебнула воды из графинчика. Вода была теплой и, как говорила моя главбух, «как моча беременного крокодила», поэтому, подержав во рту, я выплюнула ее прямо на пол.

«Фу! Как некультурно!» – голосом фрекен Бок заявила моя совесть. Согласна, не совсем культурно... И тут мой взгляд упал на мешочек с каменным сухарем огромных размеров. Если сначала я посчитала это чьей-то глупой шуткой, то теперь я точно знаю, кто прислал мне его. Это же надо было собрать всей деревней узелок, отправить кого-то в столицу и найти возможность передать его мне перед самым концертом!

Где-то прозвучали фанфары, и народ снова начал стекаться в зал, занимая свои места. Я смотрела в зеркало и ждала, когда на сцену поднимется Джио. Тот поднялся, держа в руке какую-то бумажку.

– Итак, настал момент истины! И сейчас мы узнаем имена финалистов, которые должны подняться на сцену! Огр!

Зал разразился аплодисментами.

– «Убитлз»! Аплодируем громче, не стесняемся! – закричал Джио, и зал стал активно хлопать.

– А вот сейчас прямо так и хочется сделать паузу, выпить водички, –

начал орк, но люди стали орать, что хотят знать имя третьего финалиста!

Дождавшись, пока зал притихнет, Джио прокашлялся и произнес:

– Леди Баба!

Придется ползти на сцену. Пока играла музыка, я медленно ковыляла в сторону сцены. Стоя между «Убитлз» и огром, я чувствовала себя как-то неуютно. Я не заслужила такой чести. Лучше бы взяли какую-нибудь эльфийку или Спаси Хайло...

– Вы очень понравились как залу, так и жюри, поэтому ваши номера хотят увидеть еще раз! – сообщил Джио, широко улыбаясь.

Первым были «Убитлз», которые с прежним задором спели свою песенку про кости. Вторым был огр. Если честно, я была рада послушать его еще раз. Я даже достала свой телефон и начала снимать его номер. Моя бы воля, то отдала бы ему первое место. Он действительно заслужил его! И вот настал мой черед. Я снова поднялась на сцену и снова спела свою песню, которая произвела уже совсем другое впечатление. Люди смеялись и аплодировали! Некоторые даже подпевали, хотя слов особо не знали. На этот раз она показалась людям крайне забавной и веселой.

Я спустилась вниз и стала ждать решения жюри. Эльфийский хор продолжал стоять на сцене, Шныру увели. Время ползло, как улитка... До чего же я не люблю ожидания!

– Итак, – сказал Джио, вынося на сцену конверт. – В этом конверте запечатано имя победителя. Здесь лежит имя того, кто навсегда войдет в историю империи... Я прошу всех финалистов подняться на сцену. И остальные участники пусть тоже поднимутся на сцену!

Я встала неподалеку от «Убитлз», которые напряженно смотрели на конверт в руках Джио. Эльфийки смотрели на меня так, что хотелось вырыть себе норку и залезть поглубже. Спаси Хайло не выглядел расстроенным. Джейг Урдан тоже.

– Я попрошу минуточку тишины! – произнес Джио, поднося палец к губам. – Ваше величество, я прошу вас подняться на эту сцену, чтобы объявить победителя ежегодного конкурса Империевидение!

Мое сердце дернулось, а потом остановилось. На сцену медленно поднимался император. На нем был расшитый золотом белоснежный камзол со стоячим воротничком. Он был в белоснежных штанах и высоких черных сапогах. На его голове была сверкающая бриллиантами корона. «Ваше админское величество! Если вы рассчитываете на реверанс, помните, что у меня очень тугой корсет, зашнурованный а-ля вареная колбаса!»

– Я рад приветствовать вас, жители империи! – произнес он. Все

присутствующие встали в знак уважения. – Я рад, что сегодня мне выпала честь объявить победителя. Лично для меня нет победителей. Раз этот конкурс состоялся, раз все народы представили своих участников, то я скажу, даже не заглядывая в конверт, победила империя! Но сегодня у меня для вас есть еще одна новость, которую я хотел бы сообщить вам лично... Но сначала я объявлю победителя, потому как участники уже волнуются.

«Победила дружба! Бензопила „Дружба“», – прокомментировала совесть. «Это откуда?» – спросила я. «Не знаю... Экспромт», – пожалала невидимыми плечами совесть. «Почему не плавленный сырок „Дружба“?» – вздохнула я. «Он может испортиться и завонять!» – заявила совесть.

Джио с поклоном протянул его величеству конверт, который император тут же распечатал.

– Победителем конкурса Империевидение становится... Леди Баба! – на последних словах его голос немного дрогнул.

В моей голове все завертелось. Наверное, нужно радоваться. Прыгать, обнимать всех подряд, но я стояла, как истукан с острова Пасхи, чувствуя, что земля уходит из-под ног. Наверное, мне нужно сделать шаг вперед, но почему-то ноги меня не слушались. Зрители разразились аплодисментами, перерастающими в бурю оваций. И что теперь? Гиде пьедестал? Гиде первое, второе и третье места? Гиде медалька? Лучше бы шоколадная, а то я перенервничала и проголодалась...

И в определенный момент, когда я была готова сделать шаг вперед, мой взгляд случайно упал на группу «Убитлз», которые сделали какой-то странный жест, словно ломают свои гитары. Я увидела странный отблеск в руках одного из них, и почему-то время потянулось очень-очень медленно. В инструментах было спрятано оружие! Я видела, как нечто, похожее на длинный кинжал, устремилось к моей груди. «Победа или смерть!» – выкрикнул один из участников, сдирая с себя парик. «Орканиум – свободная страна!» – заорал второй, бросаясь к императору, который стоял спиной к нам. Третий устремился к Джио, а четвертый бросился в зрительный зал. Что было дальше, я помню плохо. Эльфийский хор, который до этой секунды стоял неподвижно, молниеносным движением достал оружие и ловко обезвредил трех нападающих, уложив их на пол и заломив руки за спину. Ничего себе! Я тут, оказывается, с хором МВД пела... Остальные хористы метнулись в зал, причем так ловко, что меня стали терзать смутные сомнения... Теперь понятно, почему им не нужно менять репертуар.

– Найти и обезвредить! Но не убивать! – приказал император.

Оставшиеся эльфы встали вокруг императора и меня, держа оружие

наготове. Где-то в зале послышались звуки битвы, и мое сердце екнуло. Все внимание других участников было приковано к тому, как работает эльфийская группа захвата. «Первый, первый! Я второй! Заходим справа!» За спинами эльфов мне ничего не удавалось разглядеть. Я опустила глаза на пол и увидела лежащий на полу конверт, на который наступил один из эльфов. Судя по всему, это император бросил его. Какое-то странное отупение напало на меня, я присела, протянула руку и осторожно вытянула его из-под подошвы сапога эльфийского спецназовца. Осторожно, пока никто не видит, я открыла его и прочитала: «Убитлз». Дрожащими руками я свернула бумажку и сунула ее в декольте. Опять вопросов стало больше, чем ответов. Через пару минут все стихло. Остальных зачинщиков покушения и мятежа тоже выволокли на сцену. Их было пятнадцать. Внезапно на сцену поднялась старая оркесса. Она была одета очень своеобразно – в какой-то балахон, украшенный птичьими перьями, но при этом ее наряд как нельзя лучше соответствовал ее расе.

Оркесса подошла к императору и к лежащим на полу соплеменникам. Посмотрев на них так, словно они были мусором под ее ногами, она с почтением обратилась к его величеству.

– Ваше величество, – оркесса встала на колени. – Я, одна из матерей Орканиума, прошу у вас прощения за поступок сыновей Орканиума. Они уже лишены права воина и отныне считаются изгоями. Вы оказали мне честь сидеть среди членов жюри, тем самым подчеркнув важность мнения нашего народа. Поскольку они больше не являются частью нашего народа, вы можете судить их по законам империи. Если вам угодно, то осудите и меня...

– Я не стану этого делать... – сказал император, делая знак эльфам, которые быстро вернулись на свои места. Все, кроме тех, кто держал мятежников. – Мне очень жаль, что так получилось... Вы все прекрасно видите, что мы – разные, равновесие, которое воцарилось в империи, очень легко нарушить. Как сказала вам победительница конкурса... Я вздрогнула. В голосе императора позвучала легкая насмешка. – Цените то, что у вас есть. Я бы мог казнить их, приказать убить на месте или собственноручно разобраться с ними, но я оставлю им жизнь. Так сказать, амнистия в честь одной важной новости, которую я хочу вам сообщить. Но я думаю, что сейчас не самое лучшее время, поэтому предлагаю сделать небольшой перерыв.

Подоспели стражники, забрали зачинщиков покушения и увели их в неизвестном направлении. Эльфы отдали честь императору и встали на свои места. Народ покинул зал, обсуждая события, которые только что

произошли. Другие участники тоже стали спускаться со сцены, находясь под впечатлением от произошедшего. Я тоже поспешила смыться, но голос за моей спиной, который заставил меня съежиться в ожидании вполне закономерных неприятностей, произнес:

– А тебя, Сима, я попрошу остаться. Мне хотелось бы поговорить с тобой без свидетелей! Иди за мной.

И я пошла следом, ощущая, как в глубине моей души сражаются два чувства. Страх за последствия того, что из-за моего непрофессионализма императору пришлось подтасовать результаты конкурса, и надежда, что удастся отделаться легким испугом.

Мы поднялись по лестнице, прошли по коридору и оказались на балконе, откуда было видно все происходящее в зале. Я чувствовала, что сейчас не отказалась бы от стаканчика водички. А может быть, даже от чего-то покрепче. Для храбрости. Самое интересное, что икота внезапно прошла.

– Чем обязана приглашением на голубой огонек? – спросила я, чувствуя, что дико устала.

– Садись, – вздохнул император, указывая на кресло.

Я села и сглотнула. Мне даже уже пить не хотелось. Хотелось побыстрее исчезнуть отсюда. Раствориться в воздухе...

– Итак, поздравляю тебя с победой! Ты рада? – спросил император, присаживаясь в кресло рядом со мной. В его ядовитом взгляде сквозили насмешка и издевка.

– Не знаю... – осторожно ответила я, чувствуя, что сейчас будет игра «Черный, белый не берите, „да“ и „нет“ не говорите».

– Не знаешь? – улыбнулся император. – Я не вижу восторга, счастья, радости! Как-то странно ты ведешь себя, одержав столь значимую победу...

– Я ведь не победила... – выдавила я, доставая из декольте две бумажки. Они обе выпали на стол, причем записка Андоримэля упала так удачно, что только слепой не смог бы ее прочитать. Мне стало неловко, я тут же ее подобрала и спрятала обратно.

– Вот... – тихо сказала я, показывая содержимое конверта. – Победителей не судят...

– Тебя это сильно огорчило? – улыбнулся император. – Знаешь, я просто предвидел такое развитие ситуации, поэтому озвучил совсем не то, что решило жюри. Но у них, я уверен, никаких претензий не будет. Так что эту бумажку можешь порвать и выбросить. На этом мы, пожалуй, оставим эту тему. Скоро нам придется вернуться на сцену. Но перед тем как мы это

сделаем, будь так любезна, выслушай еще кое-что. Я видел ту записку, которую ты так бережно хранишь в декольте. И я тебе скажу вот что. Андоримэль был приставлен к тебе в качестве твоего телохранителя по моему приказу. Он должен был защищать тебя и следить за тем, чтобы ты не наделала глупостей. Я так понимаю, вы с ним сблизились, но уверяю тебя, что это ненадолго. Я постараюсь сделать так, чтобы ты его больше никогда не увидела, даже если мне придется пойти на крайние меры. Дружба между вами исключена.

Меня словно громом поразило. Я с ненавистью смотрела на императора, который улыбался красивой улыбкой, и чувствовала, что еще немного, и я просто сделаю то, что мечтали сделать орки. Я просто задушу его, а труп отправлю «Почтой России», чтобы его никогда никто не нашел, точно так же, как и мое письмо из Хогвартса! Правда, придется проявить прыть и осторожно расчленить труп, пока никто не видит.

– Не тебе, эникейщик-быдлокодер, решать, с кем мне дружить, с кем – нет! – прошипела я, закипая. – И не вздумай больше лезть в мою жизнь! Ты мне никто! Слышал? Никто! Могу повторить по слогам! Можешь хоть испепелить меня на месте! Мне от тебя ничего не нужно! Слышал?

– Пойдем, – холодно сказал император, вставая. – Мы уже все вопросы обсудили.

«Никогда ничего не проси, особенно у тех, кто сильнее тебя... Сами все предложат, сами все дадут!» – робко вмешалась в ход моих кровожадных мыслей совесть. Но, увидев то, о чем я сейчас думаю, она тихонько спряталась в глубины подсознания.

Зрители расселись по местам, зазвучала торжественная музыка, император поднялся на сцену, а следом за ним поднялась я, чувствуя, что еще немного, и я дойду до такой точки кипения, что проломлю голову этому мерзавцу.

– Итак, – сказал император. – Поприветствуйте победительницу конкурса Империиовидение!

В зале раздались аплодисменты. Я так устала от этих дурацких хлопков, что едва сдерживалась. Я отошла в сторонку, чувствуя, что худшего дня в моей жизни еще не было.

– А теперь моя очередь... – сказал император, жестом останавливая бурю оваций. – Сегодня я хочу представить вам свою будущую супругу, вашу будущую императрицу. Это одна из тех девушек, которая с честью выдержала все испытания.

И тут на сцену поднялась брюнетка, которую я уже видела в парке. «Совет да любовь тебе, придурок!» – твякнула совесть, а я скривилась в

противной улыбке. Брюнетка несла на подушечке корону, точно так же щедро обсыпанную драгоценными камнями, как и корона его величества.

«Хорошее дело браком не назовут!» – съехидничала совесть. Я ей кивнула, злорадно улыбаясь. Ну что, красавица, получай свое чудовище! «Да на такого, как он, я бы в голодный год за мешок картошки не позарилась бы!» – заявила совесть. «За вагон картошки!» – уточнила я.

Я уже собралась тихонько сползти со сцены, чтобы не загоразживать своей тушкой чужой «хеппи-энд», но император резко схватил меня за руку и потащил к себе. Я вырывалась что есть мочи, шипя: «Ты че? Охренел?» – но он прижал меня к себе и тихо произнес: «Дернешься – умрешь! Улыбайся! Тебе что, каждый день делают предложение?» Брюнетка медленно подняла надо мной корону и опустила ее на мою голову. Странная волна прокатилась по моему телу. Я чуть не упала, но почувствовала, что мне не дали упасть. Я качнулась и прикоснулась рукой к своему лицу в надежде, что все это просто страшный сон и я скоро проснусь. Моя рука стала прежней. Зрители изумленно ахали и охали, а я стояла, словно кукла, и чувствовала, что моего согласия на этот брак никто не спрашивал. Может, меня тут снимает скрытая камера? Эй! Ребята! Куда улыбаться? Все ликовали, восторгаясь столь неожиданным совпадением! Ну, просто сказочный конец, епть!

– Вот та женщина, которая сумела покорить мое сердце! – громко сказал император.

– У тебя его нет... – прошипела я, с ужасом глядя на то, как толпа приветствует будущую ячейку общества.

– А ты проверяла? – получила я в ответку.

– Я вообще-то замуж пока не собираюсь... Тем более за такого, как ты! Я лучше в монастырь уйду! – прошипела я, стоя с кислой миной.

– Мужской... боян! Стой молча. Твоего согласия никто не спрашивает, – прошипел в ответ император. – Как там говорили пингвины из «Мадагаскара»? Улыбаемся и машем...

– Тварь бессердечная... – сглотнула я.

– Дома поговорим, – отрезал мой будущий супруг.

Глава 26

Лучшие друзья девушки – это бриллианты!

Меня со всеми почестями привезли во дворец. На душе скребли кошки, а в горле стоял ком. Я не хочу выходить замуж! Я к этому не готова! Тем более, через два дня! Это издевательство какое-то!

У церкви стояла карета, там пышная свадьба была.
Все гости нарядно одеты, невеста всех краше была.
На ней было белое платье...

– пела моя совесть, так протяжно и грустно, что на душе стало еще гаже. «Да заткнись ты уже!» – вспылила я. Совесть посмотрела на меня и все-таки допела: «веночек был приколот из роз... Она на святое распятые... Смотрела сквозь радугу слез». – «Я тебя сейчас придушу!» – рявкнула я на нее. «Нашу песню не задушишь, не убьешь! Не убьешь! Не убьешь!» – заодно пропела совесть, и я перестала обращать на нее внимание.

Слуги уже вешали мой портрет в полный рост рядом с портретом императора. Образцовая королевская чета! Так вот, оказывается, какой портрет видел Джио. На мне было розовое платье, горностаевая мантия, бриллиантовая корона, а лицо было таким, словно меня только что отфотошопили для глянцевого журнала. Ужас! Бе! Хоть бы меня спросили! Я бы нашла фотографию попримечнее! Да и без короны со всей этой царственной атрибутикой. Портрет был приблизительно метр на два, в золотой раме с вензелями. Несколько раз я, а точнее, мое изображение с грохотом упало, нанеся тяжкие телесные повреждения тем, кто командовал «правее-левее, выше-ниже».

«Не стойте и не прыгайте, не пойте, не пляшите там, где идет строительство или подвешен груз!» – ехидно заметила совесть, с восторгом прислушиваясь к ругани и крикам боли.

– Помнится, я обещал тебя повесить? – спросил император, испепеляя взглядом слуг, которые никак не справлялись с возложенной на них задачей.

– Убить – обещал, но каким именно способом – не уточнял! – буркнула

я, отворачиваясь от этой душераздирающей картины.

– Может быть, ты чего-нибудь хочешь? – снова поинтересовался император. Ути-пути, какие мы заботливые! Я-то помню, как я тут дрожала от страха, когда меня чуть не прибил, а теперь «ты сего-нибудь хосес?». Тьфу!

– Сдохнуть... – прошипела я. Как можно выходить замуж за человека, которого я почти не знаю и который после недавних событий вызывает у меня смесь страха и неприязни?

– А как же «они жили долго и счастливо и умерли в один день»? – улыбаясь, спросил император, глядя на то, как я злюсь.

– Смею предположить, что она его задушила и в тот же день ее казнили... – мрачно заметила я. – Я хочу умыться, переодеться, принять ванну, причесаться и отдохнуть! А еще хочу, чтобы меня оставили в покое!

Меня проводили в мои новые покои. Моя комната находилась на уровне пятого этажа. Дверь закрывалась изнутри, а окна, судя по отсутствию ручек, не открывались вовсе. Я так понимаю, что мне отрезают все пути к отступлению. Комната была оформлена в розовых тонах, от которых меня слегка подташнивало. «Комната куклы Барби» – так нарекла я ее, умиляясь обилию рюшек и сердечек.

На спинке стула висело розовое платье с обилием бантиков и кружавчиков. Романтика. Я искупалась, вытащила все заколки из головы, сняла шиньон и расчесала волосы. Вместо розового безобразия я надела свое привычное, пусть и свадебное, но все-таки мое платье.

Я легла на кровать и стала думать о том, что делать дальше. Или согласиться на брак по принципу «стерпится – слюбится», или потрепать ему нервы как следует и, возможно, обрести свободу. И тут мои мысли вернулись к эльфу. Что он с ним собирается сделать? Неужели он его казнит? Или отправит в ссылку?

По спине потек холодный пот. Мое воображение разыгралось и стало рисовать ужасающие картины... И это только потому, что он назвал меня своим другом... Боже, какое же чудовище, этот император. Андоримэль, прости, что из-за меня так получилось. Но ничего, я постараюсь вытащить тебя!

Меня позвали ужинать, но я проигнорировала. Меня настойчиво позвали еще раз, но я прикинулась глухонемой. Через пять минут в моей комнате появился мой будущий супруг.

– Или ты идешь кушать, или у нас состоится крайне неприятный разговор, – спокойно произнес император.

– Не-а... У меня аппетита нет! – сказала я, искренне возмущаясь тем,

как бесцеремонно он вломился в мои покои.

– А ну-ка, быстро встала и спустилась ужинать! – прошипел император, теряя терпение.

– Мы еще не поженились, а ты уже выходишь из себя... Что же будет дальше – ума не приложу! – вздохнула я, краем глаза глядя, как его глаза начинают темнеть.

Но он тут же взял себя в руки и сказал, присаживаясь на край кровати:

– Спускайся по-хорошему! Сима, я не хочу на тебя давить!

– Ой, какой же ты молодец, раз тебя волнуют мои чувства... Возьми с пола пирожок! – буркнула я, медленно сползая с кровати.

– Вижу, тебе нравится свадебное платье, раз ты его не снимаешь... Это так романтично. Не думал, что ты придаешь нашей свадьбе такое значение! – съязвил император.

– Просто меня тошнит от розового. Я ненавижу розовый цвет! – прошипела я, скривившись, словно мне под нос положилидохлую крысу.

– А какой, позволь спросить, тебе нравится? – искренне удивился мой будущий муж.

– Мне фиолетово, какой цвет. Главное, чтобы не розовый! – огрызнулась я.

– Завтра здесь все будет фиолетовым, – пообещал он.

«Завтра меня здесь может и не быть!» – мысленно пообещала я, загадочно улыбаясь. Определенно! Нужно узнать, где Андоримэль, и попытаться вытащить его из неприятностей! Теперь моя очередь его спасать!

Я сидела за столом и жадно поедала все, что мне приносили. Я залезла с ногами на стул и ела так, словно «из дикого леса дикая тварь», вызывая бурный восторг у императора.

– Сима, заканчивай театр! Ешь нормально! – давился от смеха мой будущий супруг.

– Мне так удобно! – заявила я, понимая, что разговаривать с набитым ртом очень неприлично. – Я всегда так ем!

– Ну хоть ноги опусти, а? – Император отхлебнул вина из бокала.

– Злой император не позаботился о том, чтобы у меня были тапочки, а по полу дует! – жалобным голосом заявила я, делая грустные глаза.

На полу появились тапочки. Белые. Намек понятен. Я опустила ноги в тапочки и встала из-за стола. Император подошел ко мне и схватил за руку. Он достал кольцо с огромным бриллиантом и надел его мне на палец.

– И что это? – удивленно спросила я, явно не радуясь такому подарку.

– Это я тебе второй раз предложение делаю! Твою демоверсию я уже

увидел, а теперь собираюсь приобрести лицензию! – удивился моей «тормознутости» его величество.

Я попыталась содрать кольцо с пальца, но увы. Оно село намертво. Господи! Какое оно неудобное!

– Только вместе с пальцем, – нежно улыбнулся мой будущий супруг. – До свадьбы точно, а там посмотрим!

– Я хотела поговорить с тобой насчет Андоримэля... – начала я, надеясь, что его величество сменит гнев на милость.

– Я не хочу слышать о нем! Его судьба предрешена! – заявил император, отворачиваясь от меня.

Если бы я умела уничтожать взглядом, то он был бы не жилец. Ничего, мой дорогой, я тебе еще устрою! Отольются тебе Симины слезки!

«Врагу не сдается наш гордый „Варяг“! Пощады никто не желает!» – пропела моя совесть, призывая меня на баррикады. А что, может, революцию в локальном масштабе замутить? Или дворцовый переворот?

– Я провожу тебя в твои покои! – подал мне руку мой будущий супруг.

– Соблюдай дистанцию! – возмутилась я и пошла впереди него. – Я тебя не знаю... Мало ли что от тебя можно ожидать! Вдруг ты маньяк какой-то! Хотя что значит «вдруг»?

Я захлопнула дверь прямо перед его носом. Если его величество думает, что я сейчас брошусь к нему на шею и потащу в постель, то он глубоко ошибается. Мое одиночество продлилось ровно полчаса. В дверь постучал слуга и подал мне записку. Я развернула ее и прочитала: «Поскольку мы почти не знаем друг друга, у нас есть еще время стать друзьями. Помнится, ты мне предложила дружбу по переписке. Привет! Что делаешь? (Пользователь добавил вас в друзья!)»

Я взяла в руки листок бумаги и написала: «Пользователь Серафима Тимчик не в Сети...» – и отдала слуге.

Через десять минут мне принесли бумажку со смайлом и записью: «Когда будешь онлайн?» Я вглядывалась в почерк и понимала, что, скорее всего, он пишет левой рукой, судя по наклону букв. Жаль, я не специалист в этом деле. Говорят, что почерк может многое сказать о человеке. Я достала записку эльфа и сравнила почерки. Записка эльфа была написана красивым летящим почерком с изящными завитушками, который говорит о некой возвышенности и утонченности натуры. Почерк императора был совсем другим. Четкий, ровный, чуть угловатый с наклоном влево.

Я взяла перо и написала: «Где здесь кнопка, чтобы занести анонимного пользователя с ником Император в черный список?»

Н-да... По моему почерку можно судить только о том, что я недавно

научилась писать. Вообще, писать от руки я не люблю. Если есть возможность, я всегда набираю на компьютере, поэтому забываю, как пишутся некоторые буквы. Надеюсь, разберет мою писанину...

Слуга отнес мою записку, а я мысленно прозвала его Почтовым Голубем.

Ответа не последовало. Я легла пластом на кровать и заплакала. Так нечестно! Я не хочу так! Без меня меня женили! Ладно, рано паниковать. До свадьбы есть время... Теперь у меня есть проблема поважнее того, какие туфли выбрать и какого цвета будет торт... Я внимательно осмотрела комнату. Ничего колющего-режущего здесь не было. Жаль... Я твердо решила сбежать. Один раз у меня получилось, но это был экспромт. К тому же я весила тогда полтора центнера. Сейчас я вешу в три раза меньше, поэтому во второй раз проверить этот фокус с исчезновением будет намного проще. Нужно просто придумать, как открыть окно и сплести веревку. Эта чертова переписка и постоянная беготня слуги может мне помешать... Ладно, пойдем на хитрость... Я взяла бумажку и написала: «Извини... Просто сегодня был тяжелый день, поэтому я очень устала». Я нарисовала в конце сердечко. Пусть радуется. Позвонив в колокольчик и отдав записку слуге, я снова легла на кровать. Два одеяла, простыня, шторы... Должно хватить. Осталось открыть окно. Как открыть то, что не открывается? Я думала осторожно его разбить, но на шум сбегутся слуги, и план провалится. Был бы стеклорез... Стоп! Я посмотрела на бриллиант, который блестел на моем безымянном пальце, потом на стекло и гаденько улыбнулась. Веревка была готова через сорок минут. Осталось дождаться темноты и вырезать стекло. О! Я представляю, какой удар по самолюбию нанесет мой побег! «Невеста императора сбежала за день до бракосочетания!» Я сразу же направляюсь к Андоримэлю и постараюсь спасти его! Заодно и поблагодарю за цветы. А потом мы отправимся на край света. В империи есть еще много интересного, я в этом уверена! Я еще у эльфов не была и у орков!

Часы пробили полночь... Пора действовать. Я подошла к стеклу и попыталась кольцом нарисовать на нем дыру, чтобы я смогла пролезть. А может вырезать стекло полностью? Ладно, попробуем. Раздался противный скрежет, и я застыла. Тишина... Все спят... Отлично! Я продолжила свою работу. Нацарапав контур, я стала аккуратно выдавливать его. Стекло упало вниз и разбилось. Я застыла и прислушалась. Тишина. Просто чудесно. Выждав пару минут, я приступила к осуществлению плана побега.

Мурлыкая песенку, которую насвистывал волк из мультфильма «Ну, погоди!», когда лез наверх к зайцу, я привязала к ножке кровати свою

веревку, проверив узел, и бросила ее конец вниз.

Прощальная записка? А как же без нее? Я быстренько взяла перо и черкнула пару строк. В этот раз я была более оригинальной и написала:

Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло!

Все! Теперь пусть мучается. Как же так? Его величество больше не альфа-самец! Ай-ай-ай! Какой удар по самолюбию!

«Пятый этаж... Шаткий карниз... Сима стремительно падает вниз...» – продекламировала совесть в тот момент, когда я забралась на подоконник. «С криком и воплем: „Епть твою мать!“ Нет, не научится Сима летать», – продолжила я, прикидывая высоту. «Ничего! Справимся!»

«Спайдермен, спайдермен...» – пропела совесть, но песенка меня ничуть не взбодрила. Стремно как-то стоять на подоконнике на высоте пятого этажа.

«Прыгай вниз, прыгай вниз... не бойся... Твоя жизнь сплошная ложь...» – запела совесть песенку, которая публикуется под суицидальными картинками в соцсетях. Не помню, кто ее поет, но она здесь явно неуместна. «Ты так не шути!» – предупредила я ее, глядя вниз. Внизу моря не было. Внизу была лужайка.

Я вылезла в дырку и, вцепившись в веревку руками, медленно и осторожно стала сползать. Мой физрук мною бы гордился. Правда, я умудрилась порезать руку остатком непонятно откуда взявшегося стекла. Неглубоко, но крови было прилично.

«Ничего, до свадьбы заживет!» – утешила меня совесть. «Сплюнь!» – огрызнулась я.

Осторожно спустившись до уровня третьего этажа, я чувствовала, как мои руки начинают уставать. От крови ладонь скользила, но я не сдавалась. Еще немножечко. Еще рывок. Мои босые ноги болтались в воздухе, пытаюсь поймать узел на веревке.

«У незнакомого поселка... На безымянной высоте!» – пропела совесть густым баритоном.

«Жаль, стремянки нет!» – ответила я. «Напоминаю, что стремянка – от слова „стрем“!» – заявила совесть, переживая за меня. «Че ты очкуешь? Я уже сто раз так делал!» – гордо сказала я голосом Славика из «Нашей Раши».

Обрадовавшись, что сползать осталось совсем немного, я ослабила бдительность и, потеряв ногами веревку, повисла на руках. Пытаясь найти, за что бы зацепиться ногами, я стала болтаться в воздухе.

«Раненая птица в руки не давалась... Раненая птица...» – пионерским многоголосием выдала совесть. «Очень накусалась!» – ругнулась я,

пытаюсь не обращать внимания на кровоточащую рану.

Пальцы стали медленно разжиматься, и я полетела вниз. «Ой!» – пискнула я, чувствуя, что со сломанным позвоночником я далеко не уползу. Но я буду пытаться. Испуганно зажмурив глаза, я стала ждать встречи с землей.

До земли я не долетела. Меня поймали. Открыв глаза, я увидела Андоримэля, который держал меня на руках.

– Проваливаем отсюда! – прошептала я, сползая с рук эльфа.

Я бежала вдоль темной аллеи, таща за собой моего ушастого друга. Отбежав на приличное расстояние, я решила передохнуть, пряча окровавленную руку за спину.

– Ты как здесь очутился? Надеюсь, не серенаду мне под окном решил спеть? Я как раз собиралась тебя искать... – спросила я, переводя дух. – Думала, что с тобой что-то ужасное приключилось...

– И поэтому ты решила сбежать, верно? – вздохнул эльф, глядя на мою окровавленную руку.

– Нет, просто люблю прогуляться перед сном, а дверью пользоваться не умею! – съехидничала я, – А ты что здесь забыл?

– Нет... Меня приставили к тебе, чтобы я тебя сторожил... – тихо сказал эльф. – Не попадаясь на глаза... Но когда ты решила упасть, мне пришлось тебя ловить.

– Ха-ха! Раньше бы у тебя такой номер не прошел! – напряжение постепенно стало сходиться на нет.

– Раньше я бы и не рискнул...

– Моя ж ты заюшка! И что же ты тревогу не поднял? Чтобы вся королевская конница, вся королевская рать сбежалась ловить невесту императора, – ехидно заявила я, поправляя корсет.

– Я думаю, что мне удастся тебя образумить и ты сама вернешься. Быть невестой императора – это большая честь! – почему-то грустно ответил Андоримэль, отводя глаза.

– А путешествовать по миру с лучшим другом – это плохой и бесчестный поступок, по-твоему? – сказала я, доставая записку, которую он мне написал.

– Ты об этом... А как же долг? – спросил удивленно эльф.

– Кому должна, я всем прощаю! – категорично заявила я. – Мне не нужны кареты, бриллианты, корона и вся эта ерунда! Какая из меня императрица? Посмотри на меня!

– Но тебе же нравился император? – спросил Андоримэль, удивленно поднимая бровь. – Я думал, что ты с ним будешь счастлива... Когда я узнал,

что он сделал тебе предложение, я очень был рад за тебя!

– А где ты был, когда началась заваруха? – спросила я. – И когда мне делали предложение?

– Защищал членов жюри. Это было моей первостепенной задачей. Хор прекрасно знал, что нужно делать. Я отдал им приказ защищать императора и тебя. Поэтому я был спокоен. Они знают свою работу.

– Скажу тебе честно, я даже не знаю, что они умеют делать лучше – петь или сражаться! – радостно заявила я. – Теперь я понимаю, почему они присутствуют на всех праздниках! Получается, ты знал, что у императора на меня есть планы? Если знал, то почему не сказал?

– Мне запретили об этом говорить. Я искренне полагал, что ты будешь счастлива... Твоя мечта сбылась... Послезавтра ты станешь супругой императора. Императрицей... Ты никогда ни в чем не будешь нуждаться... Тебе не придется думать о выживании. Тем более что мне показалось, что ты его любила... – эльф кисло улыбнулся. – Нет смысла скрывать очевидное...

– Не путай теплое с мягким! Лучше иметь такого друга, как ты, чем такого мужа, как он. Я его почти не знаю и, если честно, знать не хочу. Будь он хоть трижды великим магом, мне плевать! Знаешь, что он мне заявил? Он сказал, что мы с тобой больше не увидимся! Да лучше я с ним никогда не увижусь! Понимаешь? Он для меня никто! Он – мое самое большое разочарование! Может быть, другая девушка с радостью приняла бы его предложение, но я не могу! Ты – мой друг. Настоящий друг. И мне плевать, кто ты... Самое лучшее время я провела в твоей компании. Пусть наши приключения не всегда заканчивались хорошо, но было очень весело! Надеюсь, что ты дашь мне возможность тихонько смыться отсюда? – спросила я, заглядывая ему в глаза. – Я прошу тебя... Я умоляю...

– Нет... – покачал головой мой друг. – Я не дам тебе уйти... Я пойду с тобой. Император приказал мне защищать тебя любой ценой, поэтому я просто обязан это делать. Прости, что оказался не тем, за кого себя выдавал... Я хотел тебе сказать об этом раньше, еще когда мы выбирались из горящего гномьего цирка... Но было так весело, что я решил немного повременить с чистосердечным признанием.

– Ладно, я догадывалась, что ты не просто учитель музыки, – улыбнулась я, вставая на цыпочки и чмокая его в щеку. – Я понимаю, что ты меня не сможешь полюбить, но все же... Мне не нужна твоя любовь. Мне достаточно просто быть рядом!

– Увы, придется с этим смириться... – улыбнулся эльф, глубоко вздохнув, а потом подошел ко мне, обнял, резко прижал к дереву и

поцеловал. Я даже пискнуть не успела от неожиданности. Я закрыла глаза, наслаждаясь поцелуем, который мало был похож на дружеский. «Дружба между мужчиной и женщиной невозможна!» – прокомментировала моя совесть. «По фигу», – отмахнулась я от нее, обнимая эльфа.

Когда я открыла глаза, чувствуя себя на седьмом небе от счастья, я потеряла дар речи. На меня смотрели желтые глаза императора.

– Фу! – заорала я, вытирая рот. – Меня сейчас стошнит! Пошел вон! Тьфу!

– Тсс! Ты весь дворец перебудишь! – зажал мне рот рукой его величество. – Люди отдыхают после вчерашнего... Имей же совесть!

– Какого черта? – простонала я, падая на колени. – Я спрашиваю тебя, какого черта? Что здесь вообще происходит? Так! Стой там, на месте, и не вздумай подходить ко мне! Дэвид Блейн, в рот мне ноги!

– Знаешь, какое было мое третье желание? О двух первых, я так понимаю, ты уже догадалась, – поднял бровь император. – Менять облик по своему усмотрению. Эльфа по имени Андоримэль не существует. Выражаясь понятным нам двоим языком, это мой второй профиль. Поэтому я и сообщил тебе, что вы с ним вряд ли встретитесь. Но ты оказалась настойчивой. Я догадывался, куда устремись сразу же с наступлением темноты. Насчет стеклореза ты хорошо придумала. Мне казалось, что ты стулом разобьешь стекло. Я предупредил всех слуг и охрану, чтобы они не обращали внимания на любой шум, а сам принял облик эльфа, чтобы тебе далеко идти не пришлось, засел в засаде под твоими окнами, чтобы ты тут не бегала с криками: «Я иду спасти тебя!» Ты мои ожидания не обманула. Аккурат в полночь я увидел, как ты медленно сползаешь вниз. Отдам должное твоей смелости, ты ведешь себя так, словно ты сохранилась пять минут назад. Все-таки пятый этаж! Я уже думал, что ты решила покончить жизнь самоубийством, но потом понял, что ты решила пойти на такой риск явно не ради славы или принципа. В этот момент стало ясно, что я действительно доигрался. Пришлось как-то выходить из положения.

– Вот скажи, совесть у тебя есть? – простонала я, переваривая полученную информацию.

– Не помню. Где-то была... – улыбнулся император. – Во время нашей первой встречи ты меня так заинтриговала, что мне безумно захотелось узнать тебя получше. А как это сделать? Ну, разумеется, втереться к тебе в доверие. Стать твоим другом. Заодно и приглядывать за тобой, зная твое умение находить неприятности на ровном месте. У меня уже был этот профиль, поэтому я заранее знал, что с эльфом я не прогадаю. Тем более что рядом с Джио он смотрелся очень даже ничего. Я прошел с тобой

полностью весь путь к победе. Конечно, иногда было несладко находиться в двух местах одновременно, но для меня нет ничего невозможного. В определенный момент мне показалось, что ты начала что-то подозревать, но потом я понял, что это лишь мои догадки. Я планировал, чтобы после свадьбы ты выбросила эльфа из головы, забыла о нем... Почему-то мне казалось, что ты выберешь меня, а не его. Но я ошибся. Действительно ошибся... Если честно, то я безумно рад этой ошибке. Мне очень не хотелось рассказывать тебе все это, но, увы, пришлось. Иначе бы мы сейчас с тобой так просто не разговаривали. Я испытывал тебя, пока ты испытывала мое терпение.

Я налетела на него и собиралась ударить. Его волосы посветлели, уши заострились, и он произнес:

– Сима, как тебе не стыдно... Зверски избивать своего лучшего друга! Мы же столько вместе пережили... Я так переживал за тебя...

Я замахнулась, но ударить эльфа не смогла. По щекам текли слезы... Император снова принял свой облик.

– Подонок! Скотина! – я плакала и пыталась попасть по нему рукой. – Быдлокодер чертов! Читер!

– Сима, успокойся, – меня прижали к груди, чуть не сломав нос. – Ну все... все... Тише... тише... Ну не плачь... Все хорошо... Чем тебе на хеппи-энд?

Я рыдала навзрыд, чувствуя себя круглой душой. Меня развели, как какую-то тупую блондинку!

– Я тебя никогда... никогда не прощу... – всхлипнула я. – Слышишь! Никогда! Ты мне, скотина, целого комка нервов стоил! А нервные клетки, понимаешь ли, не восстанавливаются! Ученые это сто раз уже доказали.

– Сима, прости меня... – меня прижали к себе еще крепче, а потом отпустили.

Император встал на одно колено, а потом о чем-то задумался и спросил:

– Как лучше? В своем облике или в облике эльфа? – И, не дожидаясь ответа, произнес: – Я прошу тебя присоединиться к моей локальной сети, я прошу тебя принять пароль от домашнего wi-fi. Мой трафик – твой трафик. Я предлагаю тебе вместе вытряхивать крошки из клавиатуры и пользоваться общим принтером. Взамен я обещаю не менять пароли, не выключать роутер из сети и периодически проверять общую флешку на вирусы! Ты согласна?

– Я подумаю, – буркнула я сквозь слезы. – Но у меня есть три условия, которые ты обязан выполнить. Для меня свадьба здесь сродни свадьбе в

Лас-Вегасе. Повстречались – побухали – поженились – разбежались. Я требую, чтобы сначала мы узаконили отношения в том мире. По месту твоего жительства. Должна же я посмотреть на тебя в твоей естественной среде обитания. Это первое условие. Второе условие – знакомство с моей мамой. Третье условие я озвучу тебе позже. Если ты не готов к этому, то я пошла.

– Но попасть из этого мира в тот будет непросто... – покачал головой император.

– Но ты же читер? Дерзай! У тебя есть целый день! – пожала плечами я, все еще не веря во все происходящее.

Глава 27

Император и карбюратор

Я, как приличная девушка, спала в гордом одиночестве, пусть даже послезавтра я выхожу замуж, а мой будущий муж думает о том, как выполнить три моих условия. Мелочь, а приятно. Ничего! Пусть еще доживет до первой мрачной ночи. Я буду мстить, и мстя моя будет страшна!

Утро было, как ни странно, очень добрым. Впервые за все мое пребывание здесь. Я сладенько потянулась и улыбнулась, вспомнив о том, что именно сегодня я вернусь в свой мир, чтобы сообщить загсу по месту жительства моего супруга, что мы решили создать новую ячейку общества. Но сначала мне хотелось бы забрать свои вещички из гостевого домика. Не дарить же кому-то ноутбук?

– Кушай, одевайся, через час мы отправляемся на историческую родину, – заявил его величество, материализуясь в центре моей комнаты, и тут же добавил: – Правда, я что-то нервничаю...

– Мне бы паспорт забрать... – сладенько потянулась я. – Мы сначала за паспортом отправимся и за моими вещами, а потом к тебе. Надеюсь, ты уже прибрался у себя дома?

Через час я была готова к отлету в наш родной и ненаглядный мир, от которого мы так удачно сбежали сюда.

– Покажи-ка мне на карте, где ты остановилась? – спросил император, разворачивая карту мира.

Я показала точку, пояснив, что там, на побережье, есть домик, срок аренды которого заканчивается аккурат сегодня к полудню.

Мы спустились к морю, а император провел рукой по воде и позвал: «Сафира».

Из морской воды показалась голова русалки. При виде нас двоих ее большой зубастый рот растянулся в жутковатой улыбке.

– Ну, наконец-то вы встретились! Я уже думала, что вы поубиваете друг друга... Я все сделала, как вы мне приказывали, ваше величество! Ну как, Сима, желание сбылось? – заявила русалка, но, увидев мой подозрительный взгляд, тут же поменяла тему разговора. Получается, что эта килька в курсе?

– Вы, я так понимаю, хотите смотаться домой? – Сафира достала свой

телефон.

– Не совсем... Я планирую вернуться туда, откуда ты меня выловила... Просто я точно не знаю, где это находится... – произнесла я, глядя на русалку многообещающим взглядом.

– Не вопрос! – поспешно сказала Сафира, понимая, что когда в следующий раз мы с ней встретимся, то местный консервный завод, если таковой имеется неподалеку, наладит выпуск новых консервов – «Русалка в томате».

Что значит «не вопрос»? Раньше, значит, «невозможно» и «раз в сто лет», а сейчас, значит, «не вопрос»? Или это для кого-то «не вопрос», а для меня, простого юзера, такая возможность заранее перекрыта администрацией?

– Сима, не нужно делать такое серьезное лицо, словно ты думаешь о глобальных проблемах, – заявил император. – Проще воспринимай все. Проще...

Мы шагнули в воду, Сафира взяла за руки императора и меня, и я почувствовала, как дно уходит из-под ног. Вынырнула я сама где-то в районе пляжа. Рядом со мной появился мой будущий муж.

Офигеть! Народ в купальниках, а я тут в свадебном платье дайвингом занимаюсь. Рядом со мной мой жених в мокром камзоле. Ладно, ладно... Не смотрите на нас так! У императорской четы свои причуды!

– Мама, мама! – заверещала какая-то малявка неопределенного пола, показывая на нас совком. – Плинц и плинцесса!

Народ рефлекторно потянулся за камерами – снимать дуру в мокром свадебном платье и ее спутника в белоснежном костюме. Ненавижу этот мир! Телефон, поймав Сеть, тут же начал принимать тонны эсэмэсок. Он пищал не переставая, пока я его не вырубил.

Произведя фурор на пляже, мы пошли к домику. Ключ, который я спрятала под подоконником, был на месте. Открыв дверь, я увидела знакомый чемодан, ноутбук, стоящий на зарядке, и кучу вещей, выброшенных на кровать, на которой мне ни разу не довелось поспать. Вот что значит хороший отдых. Я быстро нашла паспорт, деньги, ключи и документы, взяла под мышку ноутбук, запихнула свои вещи в чемодан и вопросительно посмотрела на моего будущего мужа.

– В этом мире очень туго с магией, поэтому придется постараться. Здесь ванная есть? – спросил меня мой будущий муж.

– Не знаю... Я ею ни разу не пользовалась... – пожала плечами я.

Мы открыли дверь и обнаружили дешевенькую душевую кабинку с глубоким поддоном.

– Полезай! – скомандовал мой суженый, включая воду.

– Мм... Я еще никогда не занималась любовью в душевой кабинке с паспортом в руке, с ноутбуком под мышкой и чемоданом, – задумчиво произнесла я.

– Не нужно торопить события, – отрезал император.

Я молча полезла в поддон, который наполнялся холодной водой. Он встал рядом со мной, закрывая дверь. Дверь не закрывалась, потому как мешал чемодан. Совместными усилиями мы его втащили внутрь, где стало очень-очень тесно.

– Осторожно, двери закрываются, – прокомментировала я. – Следующая станция...

Договорить я не успела, потому что почувствовала странное ощущение где-то в глубине желудка. Через мгновение мы вывалились из гидробокса в незнакомой мне ванной с зеленым кафелем и треснутым зеркалом. На полочке лежал свернутый в гармошку тюбик зубной пасты, который давили до победного, лишь бы не бежать за новым, а в стаканчике стояла одинокая зубная щетка. На полотенцесушителе висело махровое полотенце и мятая футболка.

– Добро пожаловать, дорогой друг Карлсон... – заявил его величество, вылезая из кабинки и вытаскивая мой чемодан. – Ну и ты заходи...

– Сволочь, – буркнула я, шлепая босыми ногами по кафелю.

Мы вышли в узенький коридор, где я сразу же сложила на тумбочку свой телефон и паспорт. Слава богу, паспорт не намочила! Его величество молча достал две пары тапок, одни обул сам, а другие выдал мне. Меня немного смутило, что тапки на четыре размера больше, но я мужественно стала шлепать в этих лапах вдоль коридора. Судя по количеству дверей, квартира была трехкомнатная с отдельным санузлом.

– Ой! А можно заглянуть в другие комнаты? – спросила я, дергая первую попавшуюся ручку.

– Там ремонт, – мрачно ответили мне.

– Лет десять как ремонт? – улыбнулась я, заглядывая внутрь. Там лежали какие-то мешки со строительными смесями, четыре рулона зеленых обоев, тазик с присохшим цементом и намертво вмурованный в него шпатель. Во второй комнате дело обстояло еще веселее. Куча мусора в пакетах и пять рулонов розовых обоев в цветочек. Меня стали терзать смутные сомнения... Розовые обои в цветочек – выбор настоящего мужчины. Дверь я плотненько закрыла и прошла в жилую комнату.

В единственной жилой комнате были зеленые обои, столик, диван, на котором валялось скомканное постельное белье, а из-за угла сиротливо

выглядывал носок. На столике стоял компьютер с двумя огромными мониторами, навороченной клавиатурой и мышью, которой можно было убить с одного удара. Рядом с клавиатурой стояла кружка с остывшим чаем, а рядом лежал пустой пакетик из-под сухариков. Рядом со столом стояли черная электрогитара и усилитель. В углу уютно разместился шкаф-купе с зеркальными дверьми.

– Так вот они какие, царские палаты... – торжественно произнесла я, глядя на точечные светильники на потолке, которые горели через один. – Так вот какое оно, императорское ложе... – еще более торжественно произнесла я, глядя на скомканное покрывало и одинокую перьевую подушку с давно нестираной наволочкой.

Его величество поставил окно на проветривание и пошел на кухню. Я услышала, как зашипел электрический чайник. Какая прелесть! Его императорское величество снизошел до того, чтобы сделать мне чай!

– Тебе сколько сахара? – спросил император с кухни.

О! Это просто музыка для моих ушей! После всего того, что между нами было, чай – это так мило. Вот если бы кто-то сказал мне в тот момент, когда я сидела и дышала через раз на очередном разборе полетов с применением магии и угроз, что его императорское величество будет готовить мне чай, то я бы, наверное, плюнула ему в лицо, если бы в пересохшем от страха горле нашлось чем. Но я тут же вспомнила про эльфа и успокоилась. Не все так плохо...

– Две ложечки... – нежно сказала я, разглядывая модель процессора.

Ня! Какая красота. Машинка просто чудо! Стоит, как хороший автомобиль. Мне такая красота и во сне не снилась. С нее можно смело спутник в космос запускать и марсоход на Марс сажать!

– Мне бы переодеться... – нахально заявила я, и мне тут же выдали черную футболку с надписью «DOOM». Нормально. Дома я тоже в трусах и футболке хожу. – У тебя кушать есть? – спросила я, шлепая на кухню. Кухня тоже была зеленой. В ней стояли открытая стиральная машина, двухкамерный холодильник с каким-то смайликом-магнитом и электрическая плита. Я, особо не церемонясь, полезла в холодильник. Там было пусто. Только в дальнем углу нижней полки стояла баночка, в которой на доньшке застыло варенье.

– О! Тут еще немножечко осталось варенья... – вздохнула я.

– Варенья нет... – сказал император, размешивая чай.

– Что? Совсем нет? – жалобным голосом произнесла я.

Тут же на столе появились две упаковки лапши быстрого приготовления. Я посмотрела на сроки годности и поняла, что до загса мы

можем не доехать. Но желудок предложил рискнуть, поэтому я согласилась.

Я взяла кружку, на которой был нарисован мишка с сердечками и надписью: «Я тебя люблю». Подозрения усиливались с каждой секундой.

– Кто кому дарил эту кружечку? – спросила я. – Ты ей? Или она тебе? Не думаю, что тебе ее подарили на двадцать третье февраля...

– Она – мне, – спокойно ответил его величество. – Десять лет назад.

– И что у вас не срослось? – спросила я, чувствуя, что чужое прошлое десятилетней давности немного меня беспокоит.

– Все не срослось... Я тебе уже, по-моему, рассказывал об этом... – ответили мне с легким намеком, что дальше развивать эту тему будет опасно для моей жизни. – Мое прошлое не должно тебя волновать. Есть настоящее и будущее. Если тебе интересно, то мы как-нибудь посвятим этому вечер воспоминаний. Обещаю подкинуть дровишек в костер твоей необоснованной ревности.

Лапша запарилась, и мы стали ее жевать. «Тяжела и неказиста жизнь простого программиста», – выдала моя совесть, на что я выдала: «Пусть не кажется малиной жизнь простого сисадмина». У меня дома не лучше...

– По-моему, это гораздо съедобнее, чем шису в «Эльфийском лесу». А по сравнению с резиновым колом – это просто пища богов! – заявила я, наматывая лапшу на вилку.

– Ничего ты не понимаешь в тонкостях эльфийской кухни, – сказал император, голосом одного моего знакомого эльфа.

Поев и помыв посуду, мой будущий муж принялся искать свой паспорт. Я тем временем разглядывала какой-то журнал, посвященный 3D-графике.

– Я тут тебя хотела спросить... – нежно начала я, разглядывая в журнале картинки эльфов, нарисованных в 3D Max. – А ты можешь принимать любой облик?

– Да... – ответил мне мой будущий муж, вытряхивая содержимое ящика стола прямо на пол.

Я взяла бумажку и ручку и стала писать. Через пятнадцать минут взволнованный голос спросил:

– Сима? Ты что там пишешь?

– Список на первую брачную ночь... – мечтательно протянула я, загрызая ручку.

– И сколько пунктов уже набралось? – поинтересовался мой будущий муж.

– Пока семнадцать... Я вот думаю, возбуждает ли меня капитан Джек Воробей или лучше заменить его на Леголаса? – задумчиво

поинтересовалась я. – Локи, Халдир из Лориэна, Трандуил, Даркен Рал – это программа-минимум.

– Прекращай страдать фигней! – возмутился мой будущий муж, извлекая паспорт из глубин какого-то пластикового конверта. – Все, давай собираемся, погнали в загс. Сейчас переоденусь только.

Из шкафа-купе были извлечены джинсы и черная мятая футболка с надписью «Ария».

– Мы что? На рок-концерт с тобой идем? – ядовито спросила я, глядя, как император переодевается.

– Другого нет, – пояснили мне.

Конечно! В таком огромном шкафу есть только футболка и джинсы. Не верю!!!

– Неужели в глубинах шкафа нет ничего приличнее? Костюма с выпускного, например? – пожала плечами я.

– Ты еще скажи – «белый верх, черный низ»! – огрызнулись мне в ответку.

Перечитав список, я решила сократить его до одного имени, которое обвела сердечком. Остальных мы оставим на потом...

– Ну хоть рубашечку какую-нибудь приличную... – стала капризничать я.

В итоге я своего добилась. Швырнув футболку обратно в шкаф, его величество извлек оттуда белую, разумеется, мятую рубашку с коротким рукавом.

– Ну что? Так лучше? – гневно спросил он у меня после примерки.

Я кивнула.

Потом император открыл какой-то ящик, в котором пачками лежали стопочки денег, причем пятитысячными купюрами. В углу этого клада разместились комочки чистых носков.

– Я вижу, ты богатенький Буратино... – улыбнулась я. – Офшоры?

– Зарплата императора и руководителя филармонии... – буркнули мне в ответ, распахивая деньги по карманам. – На обратном пути кинем на карточку. Надо за квартиру заплатить и за Интернет. На пару лет вперед.

Быстро нацепив симпатичное платье и туфли на небольшом каблукке, схватив паспорт и телефон, я была готова ехать в загс. Мой спутник обувался и искал ключи на тумбочке.

– Может, такси вызовем? – спросила я.

– Попробуем завести ведро с болтами... – ответили мне, прихватывая из коридора канистру с бензином.

– А канистра зачем? – поинтересовалась я как бы невзначай.

– На всякий случай! Чтобы доехать до ближайшей заправки! Ты думаешь, за пару месяцев, пока я сюда не наведывался, мой гараж не вскрыли?

Все, молчу-молчу... Нам, простым смертным, не понять глубины императорской мысли...

Мы вышли из подъезда, пройдя мимо бабушек, которые сидели рядком на скамеечке. Увидев нас, они разинули рты от удивления. Очевидно, это ФСБ в платочках прекрасно знает всех, кто входил и выходил из подъезда, но тут пасьянс явно не сошелся, поэтому они сразу зашептались.

Пройдя триста метров и свернув направо, мы пришли в гаражный кооператив. Подойдя к давно не крашенным воротам и увидев нетронутый замок, мой будущий супруг выдохнул с облегчением. Через пятнадцать минут возни с ключами двери гостеприимно распахнулись, демонстрируя всему миру белую семерку. Если вы думаете, что это бэха седьмой серии, то вы глубоко ошибаетесь. Это был «жигуль»...

– Я думала, что, имея столько денег, ты купишь себе что-нибудь поприличнее! – как-то обиженно заявила я, глядя на номера. Интересно, а какой это регион?

– А смысл? Я что? Живу здесь? – пожал плечами император.

– Так вот ты какой, принц на белом коне! – ехидно заявила я, глядя, как бензин заливается в бензобак. Если честно, то мне было все равно на какой машине ехать, хоть на «запорожце», но, судя по степени «ушатанности», для машинки это будет настоящий подвиг.

– А теперь мы попробуем ее завести... – швырнув канистру в глубину гаража, заявил его величество.

– Тыр-тыр-тыр-тыр-тр... Дыр-дыр-дыр-пш... – выдал белый конь – порождение отечественного автопрома после поворота ключа зажигания.

– Вот говно! – ударил двумя руками в руль император, откинувшись на сиденье.

– Я начинаю побаиваться первой брачной ночи... – заметила я.

– Это еще почему? – удивленно поднял бровь император.

– Если ты заводишь женщину точно так же, как машину, то я чувствую, что первая брачная ночь превратится в первую мрачную... – съязвила я.

Он бросил на меня испепеляющий взгляд.

– Может, такси? – быстро спросила я, намекая на более легкий путь решения проблемы. На меня посмотрели так, как на врага народа. – Я заплачу!

Сплюнув на землю, схватив с приборной панели пачку сигарет и

зажигалку, император отрыл капот и начал в нем ковыряться. Я быстро достала телефон, включила его и полезла в Интернет, чтобы узнать, что тут произошло в мире в мое отсутствие. Ничего особенного. Я включила магнитола и начала подпевать.

– Сима... – раздался голос из-за капота. – Можешь не петь, а? Я тебя умоляю...

– Я хочу мотивировать тебя песней! – радостно заявила я.

– Сима... – взмолился мой будущий муж. – Ты меня демотивируешь! Я не могу понять, в чем дело. Либо аккумулятор сдох, либо карбюратор чистить надо...

– А может, новую купим? – предложила я. Гулять так гулять!

– А оформление в ГАИ? А страховка? – раздался голос из-за капота.

Мне надоело сидеть на месте, и я вылезла из машины, чтобы узнать, как продвигаются дела. Я даже сделала селфи на фоне всей этой картины. Когда я попросила моего будущего мужа улыбнуться в камеру, то поняла, что в следующий раз лучше так не делать.

– Я никому-никому не расскажу, как грозный император, основатель великой империи, покоривший весь материк, великий колдун и тэ дэ и тэ пэ, сражается с... Как эта фиговинка называется?

И тут мой телефон был вырван у меня из рук и полетел на землю. Как некрасиво! А вдруг он разобьется! Но телефон не разбился... Мы переглянулись и тут же я поняла, что сейчас за этим последует.

– Это одно из твоих желаний? – спросил меня мой будущий супруг, сощурив глаза.

– Ага, – сказала я, не понимая, к чему он клонит.

– Кинь его посильнее... Если разобьется, я тебе новый куплю. Любой. Какой захочешь! – задумчиво попросил меня император.

Я подняла телефон и швырнула его что есть силы на бетонный пол гаража, а потом подняла и осмотрела. Ни царапины!

Его величество устремился вглубь гаража, достал толстый мануал по ремонту автомобиля, и через десять минут машина завелась с полуоборота ключа.

– Ты теперь можешь автослесарем работать... – задумчиво сказала я, когда мы ехали по городу.

– А что, супруг-император тебя уже не устраивает? – поинтересовались у меня.

– Сойдет за третий сорт в темноте... – вздохнула я, улыбаясь.

До загса мы долетели через двадцать минут. Унылое серое здание, в котором вершатся судьбы людей, выглядело совсем непрезентабельно.

Оставив машину на парковке, мы отправились на поиски нужного кабинета.

Помимо нас в коридоре стояла еще одна пара. Судя по объему талии невесты, если их не распишут сегодня, то завтра это придется делать в роддоме. Через сорок минут настала наша очередь заходить в заветную дверь. За столом, среди папок и бумаг, сидела толстенькая женщина, которая тут же как-то недружелюбно заявила, что все числа на три месяца вперед расписаны.

– Нам... – сказал мой будущий супруг, доставая пятитысячную купюру и кладя на стол. – Нужно... – на стол легла еще одна купюра того же достоинства. – Сегодня... – сверху легла еще такая же купюра.

Чиновница посмотрела на нас сквозь очки и тут же сказала:

– Договаривайте...

– Расписаться... – протянул мой будущий муж, кладя сверху еще одну купюру, а потом достал пачку и положил сверху. – Срочно... Очень срочно... Завтра мы улетаем...

– Паспорта есть? – спросила чиновница, прикидывая, сколько денег лежит на столе.

– Конечно! – хором сказали мы, положив паспорта на стол.

– Я... я... сейчас вернусь... – сказала мадам и сгребла деньги. – Госпошлину вам оплачу и ксерокопию паспортов сделаю. Подождите пару минут. Вам какую? Торжественную или нет?

– По фигу, – заявила я.

Когда дверь за ней закрылась, я спросила:

– Что это было?

– Волшебство! – пожал плечами император.

Через пять минут дверь открылась и на пороге появилась запыхавшаяся чиновница, скомандовав:

– Пройдемте в зал!

Половина загса выглядела как солдаты, поднятые по тревоге. Тетенька в розовом платье заняла место возле старенькой «Ямахи», а девушка в деловом костюме, пряча в пакет недоеденную булочку и завинчивая йогурт, заняла место в центре зала, раскрыв огромную папку.

– Встаньте сюда... – тихонько шепнула нам госрегистраторша, указывая на место между рядами стульев.

– Уважаемый Вадим и Серафима... – начала девушка торжественным голосом.

– Тебя что, Вадим зовут? – спросила я. – А я думала, что Андрей... Или Дима...

Работники загса медленно поднимали челюсти с пола.

– Короче... – сказал мой будущий супруг, которому уже изрядно надоела вся эта возня. – Согласен, далее, далее, далее, о'кей!

– А как же невеста? – спросила девушка, глядя на нас такими глазами, что мне стало стыдно за то, что мы довели человека до такого состояния.

– Ты согласна? – спросил меня его величество.

– Ага, – сказала я. – У меня выбора нет... Где расписаться?

– Объявляю вас мужем и женой... Распишитесь там, где галочки! И не забудьте свидетельство о браке... – сказала госрегистраторша, захлопывая папку. – Можете поздравить друг друга...

– Поздравля-я-яю! – сказала я, обращаясь к моему мужу.

– Поздравля-я-яю! – передразнил меня мой супруг.

И мы пожали друг другу руки. Забрав все документы, мы загрузились в машину и отправились домой.

– Ты довольна? – спросил мой уже законный муж.

– Ага! С мамой можно будет познакомиться позже... Я ей уже эсэмэс написала, что замуж вышла. Сейчас она переварит полученную информацию, придет в себя, и можно будет ехать к ней в гости, – заявила я. – Через месяц ориентировочно, по моим подсчетам...

– А как насчет третьего условия? – спросил Вадим.

Господи! Я хоть знаю, как его зовут! Аллилуйя! А то спрашивать было как-то неловко.

– Ну как тебе сказать... – замялась я. – Оно тебе совсем не понравится... Я хочу стать твоей ученицей... Я имею в виду магию...

Машина резко тормознула и встала как вкопанная.

– Ну я же говорила, что тебе оно не понравится... – тихонько сказала я, чувствуя, что меня сейчас убьют.

– Да мне проще научить тебя водить машину! – тяжело вздохнул император.

– Ну, это неинтересно... – отвернулась я, рисуя на стекле невидимые смайлики.

– Ладно... Попробуем... Петя я тебя уже учил... Теперь попробуем научить тебя магии... А полегче что-то ты могла придумать?

– Не-а... – тихо сказала я, улыбаясь, – Вот хочу, и все тут! А еще я планирую книгу написать о своих приключениях! Я уже даже название придумала! «Селфи на фоне дракона». Ну как? Нравится?

– Чем бы дитя ни тешилось... – вздохнул мой муж, трогаясь с места. – И когда ты собираешься этим заняться? Учти, ты только что подписала себе смертный приговор. Я тебе спуска не дам. Пока не выучишь все и не

научишься контролировать магию, я с тебя не слезу! Ты меня поняла? Я не могу выпускать на волю оружие массового поражения!

– Ты так многообещающе сказал: «Я с тебя не слезу...» – улыбнулась я. – Мне уже становится страшно. Видишь, как коленки трясутся?

– Сима!!!

– Ладно-ладно... Я молчу, как рыба об лед... – замахала руками я, усаживаясь поудобнее. – Так, где мой списочек?